

Том 18, № 2, 2025 год

Экономика. Налоги. Право

Издание перерегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-67075
от 15 сентября 2016 г.

The edition is reregistered in the Federal Service for communication, informational technologies and media control:
ПИ No. ФС77-67075
of September 15, 2016

Периодичность издания — 6 номеров в год

Publication frequency — 6 issues per year

Учредитель:
Финансовый университет

Founder:
Financial University

Журнал ориентирован на научное обсуждение актуальных проблем в сфере **экономики, налогов и права**

The journal is oriented towards scientific discussion of present-day topics in the sphere of **Economics, Taxes and Law**

Журнал входит в высшую категорию К1 Перечня периодических научных изданий, рекомендуемых ВАК для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по научным специальностям 5.1.2, 5.2.3, 5.2.4, 5.2.5, 5.2.6, 5.2.7

The journal is included in the highest category K1 of the List of periodical scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission for the publication of the main results of dissertations for the degrees of Candidate and Doctor of Sciences in scientific specialties 5.1.2, 5.2.3, 5.2.4, 5.2.5, 5.2.6, 5.2.7

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

The journal is included into the system of Russian Science Citation Index

Журнал распространяется только по подписке. Подписной индекс 81303 в объединенном каталоге «Пресса России»

The journal is distributed only by subscription
Subscription index 81303
in the consolidated catalogue "The Press of Russia"

Vol. 18, No. 2, 2025

Ekonomika. Nalogi. Pravo

[Economics, taxes & law]

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
LIBRARY.RU

elpub.

RePEc

ROAR

СОЦИОНЕТ

EBSCOhost

Google Scholar

WorldCat

WorldCat

**ВЫСШАЯ
АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК)
при Министерстве образования и науки Российской Федерации**

**ВЫСШАЯ
АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК)
при Министерстве образования и науки Российской Федерации**

CYBERLENINKA

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГОНЧАРЕНКО Л.И., доктор экономических наук, профессор, научный руководитель кафедры налогов и налогового администрирования, Финансовый университет, Москва, Россия, Заслуженный работник высшей школы РФ

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

АБРАМОВА М.А., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой банковского дела и монетарного регулирования, Финансовый университет, Москва, Россия

АДВОКАТОВА А.С., кандидат экономических наук, доцент кафедры налогов и налогового администрирования, Финансовый университет, Москва, Россия

БЕРНС У., доктор права, профессор школы имени Томаса Джефферсона, Сан-Диего, США

ВИННИЦКИЙ Д.В., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права, Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия

ГОЛОВНЕНКОВ П.В., доктор права, главный научный сотрудник Потсдамского университета, Потсдам, Германия

ЕВЛАХОВА Ю.С., доктор экономических наук, доцент кафедры финансового мониторинга и финансовых рынков РГЭУ (РИНХ), тьютор магистерской программы «Финансовый мониторинг и финансовые рынки», Ростов-на-Дону, Россия

ИВАНОВА Н.Г., доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры финансов, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

ИВАНОВ Ю.Б., доктор экономических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Научно-исследовательского центра промышленных проблем развития НАН Украины, Харьков, Украина

КИРЕЕВА Е.Ф., доктор экономических наук, профессор, Белорусский государственный экономический университет, Минск, Республика Беларусь

КРАСЮКОВА Н.Л., доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры «Государственное и муниципальное управление», Финансовый университет, Москва, Россия

КУНИЦЫНА Н.Н., доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой финансов и кредита, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия

ЛАПИНА М.А., доктор юридических наук, профессор кафедры международного и публичного права, Финансовый университет, Москва, Россия

МАЙБУРОВ И.А., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового и налогового менеджмента Уральского федерального университета, главный научный сотрудник кафедры «Финансы и кредит» Дальневосточного федерального университета, Екатеринбург, Владивосток, Россия

МЕЛЬНИЧУК М.В., доктор экономических наук, кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет, Москва, Россия

ПАНСКОВ В.Г., доктор экономических наук, профессор кафедры налогов и налогового администрирования, Финансовый университет, Москва, Россия

ПИНСКАЯ М.Р., доктор экономических наук, руководитель Центра налоговой политики Научно-исследовательского финансового института Минфина России, Москва, Россия

ПОГОРЛЕЦКИЙ А.И., доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

ПОНОМАРЕНКО Е.В., доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой политической экономии, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

ПОПОВА А.В., доктор юридических наук, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры международного и публичного права, Финансовый университет, Москва, Россия

РОЩУПКИНА В.В., доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры «Налоговая политика и таможенное дело», Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия

РУЧКИНА Г.Ф., доктор юридических наук, декан юридического факультета, профессор кафедры правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет, Москва, Россия

СОЛЯНИКОВА С.П., кандидат экономических наук, доцент, проректор по научной работе, Финансовый университет, Москва, Россия

ХЕЛЬМАНН У., доктор права, заведующий кафедрой уголовного права и экономических преступлений Потсдамского университета, Потсдам, Германия

ЧЕРНИК Д.Г., доктор экономических наук, профессор, президент Палаты налоговых консультантов, Москва, Россия

Рукописи представляются
в редакцию по электронной почте:
ekنالogpravo@mail.ru

Минимальный объем статьи —
3 тыс. слов; максимальный — 4 тыс. слов.

Редакция в обязательном порядке осуществляет
экспертную оценку (рецензирование, научное
и стилистическое редактирование) всех материалов,
публикуемых в журнале.

EDITOR-IN-CHIEF

GONCHARENKO L.I., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Scientific Head of the Department of Taxes and Tax Administration, Financial University, Moscow, Russia, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation

EDITORIAL STAFF

ABRAMOVA M.A., Dr. Sci. (Econ.), Prof., Head of Department of Banking and Monetary Regulation of the Faculty of Finance, Financial University, Moscow, Russia

ADVOKATOVA A.S., Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. of the Department of Taxes and Tax Administration, Financial University, Moscow, Russia

BYRNES W., Dr. Sci. (Law), Professor of the Thomas Jefferson School, San Diego, USA

VINNITSKY D.V., Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law, The Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia

GOLOVNENKOV P.V., Dr. Sci. (Law), Senior Research Fellow of the University of Potsdam, Germany

EVLAKHOVA YU.S., Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Financial Monitoring and Financial Markets Chair, Tutor of the Master's programme "Financial monitoring and financial markets", Rostov State University of Economics, Rostov, Russia

IVANOVA N.G., Dr. Sci. (Econ.), Professor, professor of the Department of Finance, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

IVANOV YU.B., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Deputy Director for Research, R&D Center for industrial development, National Academy of Science of Ukraine, Kharkiv, Ukraine

KIREEVA E.F., Doctor of Economics, Professor, Belarusian State University of Economics, Minsk, Republic of Belarus

KRASYUKOVA N.L., Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor of the Department of State and Municipal Management, Financial University, Moscow, Russia

KUNITSYNA N. N., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Finance and Credit Department, North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

LAPINA M.A., Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of International and Public Law, Financial University, Moscow, Russia

MAYBUROV I.A., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Finance and Tax Management Department, Ural Federal University, Yekaterinburg, Senior Researcher of the Finance & Credit Chair, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

MELNICHUK M.V., Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Pedagogy), Head of the Department of English and Professional Communication, Financial University, Moscow, Russia

PANSKOV V.G., Dr. Sci. (Econ.), Professor of the Department of Taxes and Tax Administration, Financial University, Moscow, Russia

PINSKAYA M.R., Dr. Sci. (Econ.), Head of the Center for Tax Policy of the Research, Financial Institute of the Ministry of Finance of Russia, Moscow, Russia

POGORLETSKIY A.I., Dr. Sci. (Econ.), Professor, the Department World Economy, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

PONOMARENKO E.V., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Political Economics Department, Russian University of Peoples' Friendship, Moscow, Russia

POPOVA A.V., Dr. Sci. (Law), Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Professor of the Department of International and Public Law, Financial University, Moscow, Russia

ROSCHUPKINA V.V., Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor of the Tax Policy & Customs Department, the North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

RUCHKINA G.F., Dr. Sci. (Law), Dean of the Faculty of Law, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity, Financial University, Moscow, Russia

SOLYANNIKOVA S.P., Cand. (Econ.), Associate Professor, Vice-rector for scientific work, Financial University, Moscow, Russia

HELLMANN U., Dr. Sci. (Law), Head of the Criminal Law & Economic Crime Chair, University of Potsdam, Germany

CHERNIK D.G., Dr. Sci. (Econ.), Professor, President of the Chamber of Tax Consultants, Moscow, Russia

Manuscripts are to be submitted
to the editorial office in electronic form:
eknalogpravo@mail.ru

Minimal size of the manuscript:
3 ths words; maximum – 4 ths words.

The editorial makes a mandatory expertise
(review, scientific and stylistic editing)
of all the materials to be published
in the journal.

Журнал «Экономика. Налоги. Право»

Главный редактор

Л.И. Гончаренко,

д-р экон. наук

Заведующий редакцией

научных журналов

Д.В. Онегов

Выпускающий редактор

В.А. Шадрин

Редактор

В.А. Чечет

Корректор

Н.В. Колобова

Верстка

Е.А. Смирнова

Мнение редакции и членов
редколлегии может
не совпадать с мнением
авторов.

Письменное согласие
редакции при перепечатке,
а также ссылки при
цитировании на журнал
«Экономика. Налоги. Право»
обязательны.

Оформление подписки
в любом отделении
«Почта России»
по объединенному каталогу
«Пресса России» — подписной
индекс **81303** или в редакции
по тел.: **8 (499) 553-10-71**
(вн. 10-80),
e-mail: sfmihajlova@fa.ru
С.Ф. Михайлова

Адрес редакции:

125167, Москва,
Ленинградский пр-т,
дом 53, комн. 5.1

Телефон:
8 (499) 553-10-72
8 (985) 964-85-72
E-mail: eknalogpravo@mail.ru

Подписано в печать:

16.04.2025

Формат 60×84 1/8

Заказ № 492

Отпечатано в отделе полиграфии
Финуниверситета, Москва,
Ленинградский пр-т, д. 51

ТЕМА ДНЯ

О.С. Сухарев

Адаптация мировой экономики к процессу ее деглобализации 6

В.В. Перская

Экологизация индустриализации как новый этап развития мировой экономики 19

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Д.И. Кондратов

**Природный газ как ресурс обеспечения национальной
и экологической безопасности России. 31**

Н.В. Рубан-Лазарева

**Национальные проекты в роли механизмов адаптации к изменяющимся
финансово-кредитным условиям обеспечения национальной безопасности 48**

И.В. Трегуб, Д.В. Фунтова

**Денежно-кредитная политика как инструмент обеспечения экономической
стабильности в Российской Федерации в условиях изменяющейся внешней среды . . 57**

И.Ю. Новоселова, А.Л. Новоселов

**Альтернативные методы экономической оценки загрязнения
окружающей среды объектами энергетики 67**

А.К. Ниязметов

**Национальный стандарт оценки деловой репутации субъектов
предпринимательской деятельности на основе ЭКГ-рейтинга
ответственного бизнеса и направления его развития. 77**

С.Л. Сазанова, Н.Н. Карманов

**Транснациональные компании и институты глобального управления
в экономике метамодерна. 90**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

К.В. Харченко

**Совершенствование кластерного ландшафта региона
как фактор обеспечения экономической безопасности 98**

И.С. Мокрышев

**Пространственная классификация регионов России по потенциалу
распределенной генерации на основе возобновляемых источников энергии. 107**

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

В.В. Еремин

**Использование мультипликатора инвестиций для снижения рисков
формирования ресурсного потенциала региона 119**

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

А.А. Прудникова

**Международная повестка декарбонизации экономики:
взгляд и ответ России 129**

НАЛОГИ И НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ

М.С. Ишина

**Сущностные характеристики налогового комплаенса в рамках организации
взаимодействия налоговых органов и налогоплательщиков 138**

А.М. Садыков

**Реформирование налоговой системы для малого предпринимательства в России:
анализ и перспективы развития специальных налоговых режимов 148**

Е.Н. Елисеева, А.А. Кузьмина

**Возможности увеличения региональных доходов
от транспортного налогообложения на примере зарубежных стран 162**

ПРАВО

А.В. Бугреева

**Контроль корпоративной социальной ответственности
как элемента публичной нефинансовой отчетности. 172**

TOPIC OF THE DAY*O.S. Sukharev***Adaptation of the Global Economy to the Process of its Deglobalization.6***V.V. Perskaya***Greening of Industrialization as a New Stage in the Development of the Global Economy19****ECONOMICS AND MANAGEMENT***D.I. Kondratov***Natural Gas as a Resource for Ensuring Russia's National and Environmental Security31***N.V. Ruban-Lazareva***National Projects in the Role of Mechanisms for Adaptation to Changing Financial
and Credit Conditions for Ensuring National Security.48***I.V. Tregub, D.V. Funtova***Monetary Policy as a Tool for Ensuring Economic Stability in the Russian Federation
in a Changing External Environment57***I.Yu. Novoselova, A.L. Novoselov***Alternative Methods of Economic Assessment of Environmental Pollution by Energy Facilities67***A.K. Niyazmetov***The National Standard for Assessing the Business Reputation of Business Entities Based
on the ECG Rating of Responsible Business and the Direction of its Development.77***S.L. Sazanova, N.N. Karmanov***Multinational Companies and Global Governance Institutions in the Metamodern Economy90****STATE AND MUNICIPAL ADMINISTRATION***K.V. Kharchenko***Improving the Cluster Landscape of the Region as a Factor of Ensuring Economic Security98***I.S. Mokryshev***Spatial Classification of Russian Regions by Potential for Distributed Generation Based on Renewable Energy Sources . . .107****REGIONAL ECONOMY***V.V. Eremin***Using the Investment Multiplier to Reduce the Risks of Developing the Region's Resource Potential.119****WORLD ECONOMY***A.A. Prudnikova***The International Economic Decarbonization Agenda:
Russia's View and Response129****TAXES AND TAXATION***M.S. Ishina***Essential Characteristics of Tax Compliance in the Framework of the Organization
of Interaction between Tax Authorities and Taxpayers.138***A.M. Sadykov***Reforming the Tax System for Small Businesses in Russia: Analysis and Prospects for the Development
of Special Tax Regimes.148***E.N. Eliseeva, A.A. Kuzmina***The Possibilities of Increasing Regional Revenues from Transport Taxation Using the Example of Foreign Countries.162****LAW***A.V. Bugreeva***Control of Corporate Social Responsibility as an Element of Public Non-Financial Reporting172**

DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-6-18
УДК 339.97(045)
JEL F01, F02, F51, F63

Адаптация мировой экономики к процессу ее деглобализации

О.С. Сухарев

Институт экономики РАН, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования — процесс современного мирового развития, характеризующийся повышением готовности государств к вступлению в конфликты и уменьшением их взаимозависимости и интеграции. *Цель работы* — установление особенностей сложившихся процессов глобализации и деглобализации, а также содержания эффекта «глобального эксцесса», под которым понимается острое столкновение интересов в области экономических отношений национального и международного характера. Методологию настоящего исследования составляют теория полюсов развития и адаптации управляемых систем; представления о глобализации и мировом кризисе современного капитализма; статистический анализ данных. Результатом исследования стало подтверждение тезиса о том, что глобализация происходила в режиме «глобального эксцесса», который способствовал увеличению противоречий между государствами и привел к деглобализации и формированию многополярной системы международных отношений. Однако центры экономической силы продолжают оказывать сопротивление вышеуказанному процессу. В статье приведены модели адаптации мировой экономической системы к деглобализации, предусматривающие преодоление «глобального эксцесса» на базе доктрины «согласованного развития», что выводит аналитическую канву рассуждений из стереотипной модели пересмотра международного порядка, обеспечить который не удавалось до возникновения новых современных тенденций деглобализации, сопровождающихся сменой мирового экономического лидера и появлением нескольких центров силы на мировой арене. *Сделан вывод* о необходимости поиска способов преодоления аналитического и мировоззренческого упадков, а затем финансового и экономического кризисов капитализма, без элиминирования которых управление процессом деглобализации будет проблематичным без приложения специальных усилий.

Ключевые слова: глобализация; деглобализация; «глобальный эксцесс»; санкции; экономический и финансовый кризисы; экономический рост

Для цитирования: Сухарев О.С. Адаптация мировой экономики к процессу ее деглобализации. *Экономика. Налоги. Право.* 2025;18(2):6-18. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-6-18

ORIGINAL PAPER

Adaptation of the Global Economy to the Process of its Deglobalization

O.S. Sukharev

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ABSTRACT

The subject of the research is the process of modern world development, characterized by increased conflict and increased deglobalization. *The purpose of the work* is to establish the main characteristics of the current processes of globalization and deglobalization, as well as the content of the “global excess” effect. The methodology of this research consists of the theory of poles of development and adaptation of managed systems, ideas about globalization and the global crisis of modern capitalism, and statistical data analysis. The result of the study confirms the thesis that globalization took place in a “global excess” mode, which ensured an increase in contradictions that led to deglobalization and the formation of a multipolar system of international relations and global economic development. However, the centers of economic power are resisting the above process and will continue to do so. Models of adaptation of the global economic system to deglobalization are proposed, providing for overcoming the “global excess” based on the doctrine of

© Сухарев О.С., 2025

“coordinated development”, which removes the analytical outline of reasoning from the stereotypical model of “revision of the international order”, which was never achieved before the emergence of modern new trends in deglobalization, accompanied by a change in the world economic leader and the emergence of several leading states. *It is concluded* that it is necessary to find recipes for overcoming the analytical and ideological crisis, and then the financial and economic crises of capitalism, without eliminating which by a set of special efforts, adaptation and management of the deglobalization process will be problematic.

Keywords: globalization; deglobalization; “global excess”; sanctions; economic and financial crisis; economic growth

For citation: Sukharev O.S. Adaptation of the global economy to the process of its deglobalization. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(2):6-18. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-6-18

ВВЕДЕНИЕ

Будущее России видится сегодня в установлении нового технологического уклада, на который существенное влияние будет оказывать складывающийся мирохозяйственный порядок [1]. За два десятилетия в мире произошли фундаментальные изменения, сопровождаемые существенным возрастанием скоростей институциональных трансформаций, смещением центров экономической власти, демографическим переходом от традиционного типа воспроизводства населения — высокой рождаемости и высокой смертности — к уменьшению его соотношения, обеспечивающего непрерывное возобновление населения и смену людских поколений. В указанный промежуток времени (начиная с 1970-х гг.) неоднократно ставились задачи по пересмотру международного порядка для выживания человеческой цивилизации, что нашло отражение в базовом докладе Комиссии ООН по планированию и развитию, касающемся пересмотра международного экономического порядка, который подготовлен под руководством Яна Тинбергена (*Jan Tindergen*) [2], а также в докладах Римскому клубу. Однако по существу ни одна цель не была достигнута выполнением программ по пересмотру международного порядка, которые носили поверхностный характер и касались:

- изменений в сфере валютного регулирования и налогообложения при сохранении влияния доллара на международной арене;
- принятия планов по финансированию (кредитованию) слаборазвитых стран с целью решения проблем голода, отсталости, экологии, реструктуризации задолженности;
- ввода в действие новых институтов (правил) проведения международной политики и функционирования финансовых организаций (МВФ, Всемирного банка, ЕБРР и др.), отражающих и закрепляющих влияние сложившегося мирового порядка, в центре которого находится англо-американская модель развития.

В результате вышеуказанного пересмотр международного налогового и таможенного порядков ограничился только выдвижением предложений о внесении изменений в схемы погашения долгов, распространением действия налога Тобина¹ на финансовые трансакции, принятием мер по разрешению экологических проблем (посредством углеродного налога и протоколов по ограничению выбросов²), а также созданием торговой организации, формирующей общие правила международной торговли и обмена, ввергая сложившуюся ситуацию в область институциональной конкуренции по стандартам.

Причем ни о каком согласованном развитии речи до сих пор не велось, хотя многие государства выступают за многополярный мир, чтобы глобальные решения не принимались в интересах крайне ограниченной части мирового населения по схеме «ядро-периферия».

В результате оказалось невозможным обеспечение многополярности мирового развития без применения доктрины «согласованного развития» (предполагающей соблюдение принципа единогласия, заложенного в основу работы Совета безопасности ООН), которая способствовала бы продвижению по пути достижения целей устойчивого развития.

В 1989–1990 гг. был оформлен «вашингтонский консенсус» (*Washington Consensus*), представлявший собой набор мер экономической политики, рекомендованных международными финансовыми институтами, расположенными в Вашингтоне (МВФ, Группой Всемирного банка), и американскими аналитическими центрами для достижения макроэкономической стабилизации и создания

¹ Налог Тобина (Tobin tax) — налог на спот-операции с иностранной валютой, предложенный Дж. Тобином в 1978 г. как средство для контроля за миграцией капитала.

² В 1987 г. введено понятие устойчивого развития как процесса удовлетворения потребностей ныне живущих людей без угрозы для будущего человечества. В 2012–2015 гг. были обозначены 17 целей устойчивого развития [3, с. 316–318].

условий для экономического роста при переходе от регулируемой экономики к экономике свободного рынка, ориентированных на поддержку слабо-развитых стран посредством снижения дефицита бюджета; развития здравоохранения, образования и рыночной инфраструктуры; снижения уровня налогообложения; либерализации финансовых рынков; свободной конвертации (колебаний) курса национальной валюты; либерализации внешней торговли и снижения ограничений для прямых иностранных инвестиций; приватизации и защиты прав собственности; дерегулирования экономики и либерализации цен. В результате разрушения Восточного блока (*Communist Block*), альтернативного капиталистическим отношениям, на базе «вашингтонского консенсуса» были созданы модель нового колониализма и компрадорские схемы эксплуатации в пользу «золотого миллиарда» как раз в рамках модели «ядро-периферия», подразумевающей зависимость периферии от ядра — западного мира. Тем самым формировалось однополярное устройство мировой системы³.

В то же время государства Юго-Восточной Азии во второй половине и на исходе XX в. продемонстрировали конвергентный рост, быстро сокращающий их разрыв в отсталости от высокоразвитых стран [3].

Эпоха глобальной дивергенции, существовавшая до середины XX в., сменилась в его второй половине и к началу XXI в. эпохой глобальной конвергенции, подразумевающей сближение уровней развития стран (регионов), когда за четверть века в период 1990–2015 гг. сократилась в два с лишним раза крайняя бедность [3] при уменьшении общей высокой бедности как относительного явления, и произошел большой рост социального неравенства, обуславливающего возникновение очень опасных негативных экологических сдвигов антропогенной природы.

СУЩНОСТЬ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И «ГЛОБАЛЬНОГО ЭКСЦЕССА»

В 1990-е гг. в результате разрушения советской системы хозяйствования усилилось влияние на мировое развитие ведущих капиталистических государств, что привело к укреплению доктрины «золотого миллиарда», согласно которой ресурсов

на Земле становится меньше и на всех жителей планеты их скоро будет недостаточно и будет хватать только на «золотой миллиард» — население западных стран, которое будет стремиться использовать природные ресурсы в первую очередь для себя посредством применения различных методов, заключающихся в экономическом доминировании над слабо развитыми государствами, что и продолжило действие «долларовой дипломатии»⁴. Тем самым глобализация приобрела четкий управляющий вектор развития в качестве социокультурного и экономического явления интеграции⁵ различных национальных систем на базе расширения обмена продуктами, знаниями, технологиями, культурными ценностями и информацией. При этом процессу глобализации⁶ способствовали тех-

⁴ Долларовая дипломатия, или доктрина «Тафта — Нокса», в которой доллары играют роль «пуля», позволяющих ввергать в политико-экономическую зависимость слабо развитые страны, получающие помощь от развитых государств. «Долларовая дипломатия», применяемая при возникновении тенденций к независимости и отказу от доллара, обычно заменяется дипломатией «штыка», в связи с чем нами предлагается называть эту доктрину «дипломатией доллара и штыка». Иными словами, если доллар теряет силу, наступает время применения «штыков» для воспрепятствования понижению силы доллара. Оккупация Ирака, Афганистана, бомбежки Ливии, агрессия в Сирии и Югославии, санкции против Ирана, России, КНДР свидетельствуют о том, что данная доктрина, датируемая 1909–1911 гг., не только определяла внешнеполитический курс США на протяжении более чем столетия, но и позволила этой стране добиваться своих интересов посредством эксплуатации иных народов. См.: Дипломатический словарь. Том II. М.: Политическая литература; 1950:252, 804 с.

⁵ Эта интеграция, как утверждает во многих работах [3–9], должна приводить к унификации. Как раз против последнего выступают многие страны, порождая имманентный процесс сопротивления глобализму, который в настоящее время называется деглобализацией. Ранее процессу глобализации в научных и публицистических работах противопоставлялся процесс регионализации мировой экономики, который также вел к многополярному устройству международных отношений, без явно выраженного ядра и периферии.

⁶ Термин «глобализация» имеет множество трактовок в научной литературе. В настоящей статье не ставится цель выяснения, какое определение наиболее верное. Чтобы это понять, необходима отдельная работа и главное — критерий либо набор показателей, которые могли бы четко отграничивать процесс глобализации от иных событий. Вместе с тем когда говорят о деглобализации, то подразумевают противоположный глобализации процесс, т.е. торможение интеграции по различным направлениям, а также унификации. Однако, видимо, следует признать, что процесс деглобализации происходит вне схемы «ядро-периферия», когда отдельные национальные государства, имеющие собственные интересы, не подчиняются группе

³ С приходом к власти Д. Трампа в январе 2025 г. актуализировалось применение механизма глобализации во главе с США на базе консервативных ценностей, что может привести к торможению ранее наметившихся процессов деглобализации.

нологический рывок и очень быстрое расширение электронных коммуникаций.

В модели «ядро-периферия» (*core-periphery model*) ядром процесса глобализации являются развитые западные страны, которые создают правила регулирования процесса глобализации, подчиняя своей воле все остальные государства в виде периферии. Однако таким образом организованный процесс, имеющий сильнейшую субъективную компоненту (отнюдь не некие объективные свойства), не мог не вызывать сопротивления в разнородной мировой капиталистической системе. Тем более что ряд стран, выбравших независимую траекторию развития (Китай, Индия, Куба, Вьетнам), явно не подчинялись нормативно установленной схеме «ядро-периферия».

Таким образом, деглобализацию можно определить как противоположное глобализации направление развития (антиглобализм⁷) без следования модели «ядро-периферия», а также унификации с интеграцией на взаимовыгодной основе. Иными словами, этот процесс не отрицает взаимозависимости и интеграции по каким-то направлениям, но исключает вмешательство в национальное развитие в ущерб собственным интересам, достижение которых не должно ущемлять развитие иных стран.

Однако остается маловероятной возможность мирового капитализма, обуславливающего возникновение жестко конкурентной среды и развязывание борьбы за свои интересы, обеспечивать свою траекторию развития и предусматривать нанесение поражения иным агентам и порождать различные эксплуатационные формы (генерируемые в том числе технологическим прогрессом), приводящие к относительной бедности и сильному социальному неравенству.

Несмотря на то, что мировые правила могут регулироваться так, чтобы исключать претворение

в жизнь схемы «ядро-периферия», предполагая расщепление власти по мировым полюсам развития, конкурирующим в рамках согласованных и разделяемых всеми государствами процедур, предусматривающих охранение и реализацию принципа единогласия, предложения по реформированию ООН и Совета Безопасности с критикой «права вето» смотрятся порочными и подрывающими механизмы управления на мировом уровне.

Глобализация стала причиной возникновения тревожных тенденций [4], которым, как считают отдельные исследователи, можно было бы противопоставить аргументы в защиту глобализации [5]. Однако утверждения неоклассиков о возможном массовом процветании [6] благодаря низовым инновациям, которых, впрочем, недостаточно для отстающих в развитии стран, зависимых от научно-технических достижений передовиков, не смогли успокоить общественность по поводу будущей конвергенции разнородной мировой экономики, которая демонстрирует и высокие, и низкие скорости развития, порождая тем самым фундаментальные диспропорции [7].

Концепция «прогрессивного капитализма» Дж. Стиглица [8] из-за слепой веры в эффективность рынков и саморегулирование: чем больше богатеют владельцы корпораций, тем лучше всем, так как они неизбежно обратят свои сверхдоходы в инвестиции — является очередной поверхностной попыткой в преодолении «глобального эксцесса» [9], под которым понимается крайнее проявление каких-либо действий, невоздержанность, излишество, острое столкновение интересов с вытекающими нарушениями в области экономических отношений национального и международного характера после ликвидации баланса двух общественно-экономических систем в связи с устранением социалистической системы государств.

С одной стороны, возможности современной глобализации обусловлены, помимо применения новейших электронных технологий, связанностью финансовых и банковских систем, включая влияние международной валютной системы [10–12]; поведением финансового капитала и его умением создавать финансовые пузыри, провоцируя финансовые кризисы, которые в эпоху глобального эксцесса сразу же становятся мировыми [13]. Именно это обстоятельство побуждает ученых пересматривать классические схемы макроэкономической теории финансов [14–16], которые не приносили большой

высокоразвитых держав, контролирующих процессы интеграции и т.п., реализуя свое развитие по собственным планам. Однако при этом необходимо иметь в виду, что экономические связи и зависимости могут детерминировать процесс деглобализации, активно сопротивляясь ему. В общем-то, деглобализация предполагает суверенизацию экономики по финансам, технологиям, науке, образованию, производству, методам регулирования и проведения социально-экономической и денежной политики.

⁷ Не будем в настоящей статье вдаваться в полемику по поводу разграничения понятий, которые по смыслу означают одно и то же — противоположные глобализации процессы. Термин же антиглобализм имеет политический контекст, так как характеризует выступления антиглобалистов против «атлантической глобализации».

пользы даже до ввода цифровой валюты, получающей все большее распространение и становящейся символом финансовой глобализации.

С другой стороны, именно «глобальный эксцесс» выступает предтечей процесса деглобализации. В то же время деглобализация вызывает отторжение, так же как это происходило в свое время с глобализацией, у стран, которых устраивает модель «ядро-периферия» в мировой экономике. Ее разрушение сегодня в силу возвышения Китая и стран Юго-Восточной Азии, усиления влияния БРИКС становится причиной возникновения новых центров развития и политических сил на мировой арене, порождая деглобализацию, противостоять которой из-за сложившегося уровня интеграции экономик стран весьма сложно и не нужно⁸, так как это вызывает только свертывание экономического развития, причем в значительной степени у инициаторов и творцов модели «ядро-периферия» глобального типа. Данный вывод наглядно подтверждается результатами санкционной политики Запада в отношении России, Ирана, Китая и других стран.

ТЕОРИЯ АДАПТАЦИИ И «ГЛОБАЛЬНЫЙ ЭКСЦЕСС»

При постановке вопроса об адаптации мировой экономики к возникшему процессу ее деглобализации правомерно задаться вопросом: адаптирована ли она к процессу глобализации и особенно к возникшему после разрушения Восточного блока «глобальному эксцессу», выражающемуся в доминировании англосаксонского видения развития? Под «глобальным эксцессом» согласно авторским работам, опубликованным почти четверть века назад, понимается некое суммарное выражение процесса глобализации, которое наиболее рельефно обозначилось после разрушения советской системы и представляло собой политику доминирования и силовой адаптации к англосаксонским международным институтам. Тем самым увеличивалась готовность государств к вступлению в конфликты, т.е. агрессивно-оборонительный стиль поведения на уровне социально-экономического, финансового, информационного, политического, культурного, военного взаимодействия, которая более выгодна когорте высокоразвитых стран.

⁸ Однако администрация Дональда Трампа предпринимает действия по возвращению глобального диктата США.

Непредсказуемое изменение мирового порядка, генерируемое политикой «глобального эксцесса», в силу возникающих различных тенденций развития приводит мировую систему к высокому напряжению в международных делах [9]. При этом возникают различные формы адаптации к новому мировому порядку.

В теоретическом плане важно определить, можно ли в принципе адаптироваться к процессу, участием и организатором которого выступаешь.

Инициация постоянных изменений по ходу разворачивающегося процесса автоматически обуславливает трансформацию вектора адаптации. Поэтому можно сделать вывод, что перманентные институциональные преобразования экономики, проводимые с некоторой изменяющейся скоростью, влияют на изменение благосостояния субъектов экономических отношений, исполнимость и применимость критериев оценки уровня благосостояния⁹.

Если повышается их чувствительность к институциональным изменениям наряду с увеличением частоты (скорости) этих изменений, происходит торможение экономического роста. Данный результат проявляется как на национальном, так и мировом экономическом уровне. Рост населения и увеличение скорости наращивания интеллектуального капитала оказывают позитивное влияние на экономический рост глобализирующейся системы обеспечения мирового порядка.

«Глобальный эксцесс», а также процесс деглобализации понижают влияние международных институтов и организаций «ядра» на процесс сотрудничества и «периферию».

Слово «адаптация» означает приспособление к условиям и обстоятельствам, воздействиям, которые претерпевают изменения. Однако тому, кто их генерирует, нет смысла к ним адаптироваться. Приспособление к новым условиям и обстоятельствам касается всех остальных, не причастных к организации данного процесса лиц, хотя их реакция формирует некую модель адаптации для «ядра», понуждая творцов данного процесса отвечать на реагирование «периферии». Следовательно, адаптация является перманентным процессом, зависящим от силы воздействия, прямых и обратных связей между ядром и периферией, когда международные

⁹ Это было показано на модельных построениях в авторской работе «Управление экономикой. Введение в теорию кризисов и роста» (М.: Финансы и статистика; 2012.).

отношения выстроены де-факто по данной схеме независимо от того, как взаимодействие осуществляется де-юре.

Скоростное развитие современного мира означает некую сумму распространяемых лавинообразно воздействий и реакций, усложняющих возникающие модели адаптации, проектируя их различные формы. В частности, возможны «силовая адаптация», понуждающая приспособляться к какому-то действиям, решениям организаций, а также «компромиссная адаптация», когда для обеспечения приспособления к действиям и решениям нужен некий компромисс или должно выставляться торговое условие, при которых приспособляющийся субъект хозяйственной деятельности получает некую выгоду за то, что будет следовать какому-то действию или решению. «Частичная адаптация» означает ситуацию, при которой допускается только некоторое (либо с оговорками) следование в фар-

ватере принятых решений и действий. Наконец, если решения или действия отвергаются полностью, это свидетельствует о «конфронтационной» или «нулевой» адаптации. Самая продуктивная форма адаптации — это «согласованная адаптация», когда решение об изменении ситуации принято исходя из принципа единогласия (принципа согласованного развития, порядка). Издержки такой адаптации невысокие, хотя реализация принципа «согласованного развития» может потребовать времени на проведение переговоров и значимых издержек для ввода и поддержания работы этого принципа.

Таким образом, на международном уровне могут возникать пять базовых вариантов адаптации, что отражает табл. 1.

Степень общей адаптации (приспособления) системы характеризуется тем, насколько фактическое поведение субъекта хозяйственной деятельности близко к требуемому поведению (приспособлению),

Таблица 1 / Table 1

**Базовые варианты адаптации на международном уровне/
Basic adaptation options at the international level**

Виды адаптации / Types of adaptation	Содержание / Content	Недостатки / Limitations
Силовая / Power	Принуждение к следованию в фарватере подготовленных решений, принятие тех или иных действий или решений	Лишает альтернатив, самостоятельности выбора и осознания необходимости адаптации (отсутствие добровольной адаптации)
Компромиссная / Compromise	Для следования чему-то выставляется условие или происходит торговый обмен	Требует обсуждения условий и затрат на компромисс, в случае невозможности сразу переход к 4-му виду адаптации
Полная или частичная / Complete or Partial	Добровольное приспособление, полная (по всем), частичная — не по всем аспектам, а лишь по некоторым (например, заимствование отдельных институтов — правил (частичная), в частности Болонской системы для образования, либо всех — полная по собственной инициативе)	Снижает эффективность адаптации, модифицируя исполнимость отдельных процедур
Нулевая (конфронтационная) / Zero (confrontational)	Реакция в виде отторжения адаптации к чему-либо	Приводит к конфликту, заставляя реагировать на проводимую реакцию, не решает стоящих задач взаимодействия
Согласованная / Agreed	Разделяемая всеми участниками	Прерывание адаптации вследствие выхода из игры одного из участников

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

а достигнутый результат — целевому (назначенному) итогу. Тогда отношение фактического поведения (результата) к целевому (необходимому) итогу будет характеризовать степень адаптации.

Уровень адаптации, так же как ее издержки, характеризует степень развития системы, поскольку при низком уровне адаптации и высоких издержках (именно между этими величинами существует такая связь) способность развиваться при прочих равных условиях будет ниже по причине множественных дисфункций или системной дисфункции, показывающей низкий уровень и потенциал адаптации при высоких издержках (см. рисунок). С ростом издержек адаптации само приспособление может некоторое время возрастать.

В таком случае эти издержки вроде бы компенсируют увеличение уровня адаптации. Но с некоторой величины издержек, когда достигнута их наибольшая величина, уровень адаптации снижается. Дисфункция понижается с ростом приспособления к новым условиям, но при дальнейшем уменьшении уровня адаптации и росте издержек на адаптацию она возрастает до максимального значения D_{max} (см. рисунок), соответствующего высокой величине издержек и низкой адаптации. Данный феномен объясняет многие девиации в международных делах, когда договоренности не исполняются, страны отказываются от своих обязательств, функция контроля не работает и т.д.

На рисунке условно показаны виды адаптации. Силовая и нулевая адаптации обусловлены большими издержками и наибольшей дисфункцией, как правило, при невысоком уровне адаптации.

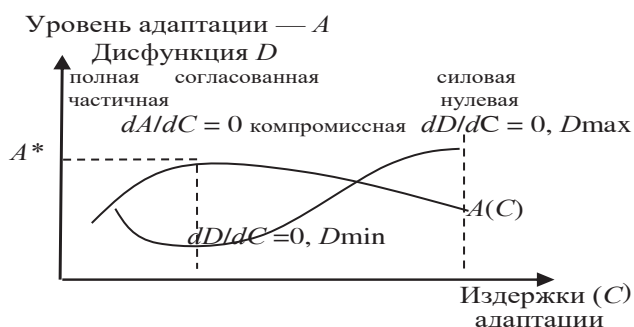

Рис. / Fig. Уровень, издержки адаптации и дисфункция / Level, adaptation costs and dysfunction

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Примечание / Note: A^* на рисунке означает наивысшую величину адаптации / The A^* in the figure indicates the highest adaptation value.

Компромиссная адаптация (торговая) происходит при относительно более высоких издержках, но меньших, чем при силовой и нулевой адаптациях.

Согласованная адаптация соответствует наивысшему уровню адаптации при умеренных издержках.

Полная или частичная адаптации сопровождаются еще меньшими издержками, но и меньшим уровнем адаптации при более высокой дисфункции, нежели при согласованной адаптации.

Адаптация может быть представлена в виде трех основных моделей — модифицирующей, замещающей и инновационной. Они выступают своеобразными тремя элементами общего процесса адаптации. При этом может присутствовать одна модель, а могут все три.

Во-первых, модифицирующая адаптация сводится к такому приспособлению, при котором система изменяет свое поведение под установленные цели.

Во-вторых, замещающая адаптация обусловлена некими привнесениями в то, к чему следует приспособиться. Без этих изменений адаптация становится проблематичной.

В-третьих, инновационная адаптация предполагает генерацию новых комбинаций для осуществления процесса приспособления [17; 18].

Высокий уровень адаптации может достигаться при относительно более низких или высоких издержках. Задача сводится к тому, чтобы минимизировать издержки адаптации. При той же степени дисфункции должен обеспечиваться меньший расход ресурсов на адаптацию.

Отметим, что силовой и компромиссный (торговый) варианты адаптации характеризуют государства «ядра» в отношении стран «периферии», зависимых от них в экономическом и научно-техническом развитии. Отдельные государства сами выбирают полную или частичную адаптацию, касающуюся малых стран, вошедших в различные государственные альянсы или развивающихся в фарватере, заданном высокоразвитыми государствами.

Согласованная и в ряде случаев компромиссная адаптация возможна исключительно вне схемы развития мировых отношений по типу «ядро-периферия». Она также является вариантом полной либо частичной адаптации, но в этом случае сам объект приспособления выступает не в интересах какой-то группы стран, чтобы иные государства придерживались выгодной им траектории развития, а действует согласно правилу единогласия на базе

учета полезности траектории движения для всех взаимодействующих сторон.

Процесс деглобализации не имеет четких границ и даже идентифицируемой содержательной стороны. Сегодня можно только утверждать, что он сводится к борьбе против санкций и политики торговых и экономических войн, а также демонтажа схемы «ядро-периферия», предполагающей «дипломатию доллара и штыка», с обязательным сохранением базовых институтов ООН и соблюдением принципа единогласия — «согласованного развития», повышения его значимости и применимости в международных делах, а не его использования в качестве прикрытия фактического элиминирования этого принципа псевдопредложениями по реформированию Совета Безопасности ООН, включая близорукость в этой части, на наш взгляд, инициативы Дж. Сакса [3]. Эти усилия имеют не явную цель укрепления гегемонизма и «атлантической глобализации»¹⁰. Они деструктивны в отношении соблюдения принципа единогласия в рамках доктрины согласованного мирового развития и порядка, противостоящего доктрине «основанного на правилах порядка» западных стран.

Рассмотрим подробнее доктрину «согласованного порядка», отметив некоторые наиболее важные характеристики, составляющие имманентные черты современного процесса деглобализации.

ДОКТРИНА «СОГЛАСОВАННОЕ РАЗВИТИЕ (ПОРЯДКА)» И ДЕГЛОБАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ

Изменения в мировом порядке всегда имеют институциональный характер. В настоящее время государства конкурируют за правила, стандарты, которым они должны подчиняться. Принятие правил и стандартов и подчинение им составляет формат режима адаптации и выстраивания мирового порядка. Тем самым институциональная конкуренция становится важным пунктом аналитической повестки дня. Тот, кто первый введет в действие некие правила, сгенерирует режим их принятия и исполнения другими агентами мировой экономики, будет, наверняка, ведущим в развитии, а другие агенты станут ведомыми, так как

¹⁰ Под «атлантической глобализацией» понимается процесс глобальных изменений, руководимый англосаксонскими странами на экономическом, политико-дипломатическом, научно-техническом, финансовом, информационном, культурном и других уровнях.

должны исполнять принятые правила и возникшие вместе с ними обязательства.

Институциональная конкуренция выражается в торговых войнах, принятии санкций, переговорах в рамках Всемирной торговой организации по поводу режима и правил торговли; создании и реформировании международных организаций (отсюда и предложения по реформе ООН)¹¹, отказе от их финансирования, выходе из них (политика Д. Трампа), вводе и распространении стандартов в области науки, образования, экологии, охраны окружающей среды (подписание деклараций и протоколов), стандартах в сфере государственного строительства оккупированных территорий¹² [19].

Импорт институтов (наборов формальных правил), которых страна по собственной инициативе считает лучшими, нежели отечественных аналогов, копируя и вводя их в ткань своих социально-экономических отношений, становится отражением победы, одержанной в институциональной конкуренции, поскольку страна самостоятельно принимает решения подчиниться внешним правилам.

Россия осуществляла в течение десятилетий такое поведение, по сути, проигрывая глобальную институциональную конкуренцию. Именно формирование международных институтов, приносящих одним государствам значительную ренту за счет ресурсов других государств, создает «экономику невинного обмана» [20], но ее главной основой остается капитализм как форма общественно-политического устройства и отношений. Об этом не модно сегодня вспоминать, но в научном смысле это не отменяет фундаментальных объяснений империалистической по существу глобализации, поскольку капитал размещает себя по миру, черпая там новые ресурсы для своего наращивания.

Концентрация собственности, финансов и экономической власти возрастает, что является не только закономерным результатом капиталистического

¹¹ Реформа рассматривается как способ конкуренции, метод извлечения дополнительной выгоды для одних стран, обычно за счет других государств.

¹² Нобелевский лауреат по экономике Д. Майерсон на базе теории игр обосновывал необходимость и даже полезность демократических институтов в ходе установления стандартов интервенций (оккупации государств), на примере оккупированного Ирака [19]. Критический анализ его аргументов подробно дается в работе: Сухарев О.С. Мировой кризис: институциональные проблемы и реформы. Инвестиции в России. URL: <http://www.osukharev.com/images/art/09-06-2020.pdf> <http://www.osukharev.com/images/art/10-06-2020.pdf>.

развития, но и генератором глобальных процессов, способных разрушать национальные экономики, поскольку капитал перестает ограничиваться национальной территорией [21].

Таким образом, экономические закономерности развития формируют не только глобальные исходы, но и деглобализацию как явление, противоположное и в каком-то смысле противостоящее глобализации по схеме «ядро-периферия» государств.

С экономической точки зрения остается острой проблема исчерпания ресурсов, сокращения биоразнообразия и загрязнения экологии. Это вопрос номер один для выживания человеческой цивилизации. Причем именно эта тема активно используется в институциональной конкуренции государств, порождая конфликты.

Исчерпание невозобновляемых ресурсов ускоряется с ростом численности населения и тормозится применением безотходных технологий, а также созданием ресурсов-заменителей. Однако полностью остановить процесс исчерпания ресурсов невозможно. В связи с этим экономика движется к точке исчерпания базовых ресурсов, провоцируя повышение расходов на военные нужды.

Парадигма «экономического роста» должна быть подчинена доктрине «согласованного развития и порядка», поскольку требует выравнивания социальных и экологических диспропорций, а большая часть моделей и политики роста в странах не учитывает наличие данных перекосов, тогда как международные институциональные нормы оказывают в этом весьма слабое влияние.

Деиндустриализация экономики понизила уровень экологической нагрузки на ВВП. Финансовый сектор многократно превзошел иные виды деятельности, так что санкционная политика в отношении России была призвана нанести удар именно по нему с дальнейшим «эффектом домино» свертывания всей экономики. Однако стабилизирующие меры и выверенная отраслевая политика Правительства РФ нейтрализовали негативные исходы, допустив лишь незначительное понижение ВВП России в 2022 г.

Отметим, что именно парадигма «экономического роста» обусловила кардинальные изменения в мировом лидерстве и экономическом развитии к началу XXI в., когда вперед вырвались Китай и Индия и подтянулись такие страны, как Индонезия. Дж. Сакс называет это явление переходом

от «глобальной дивергенции», когда увеличивался разрыв между передовыми и отсталыми странами (до 1950 г.) на пути к «глобальной конвергенции» (после 1950 г. и к началу XXI в.), пренебрегая постановкой вопроса о деглобализации [3].

Для характеристики дивергенции и конвергенции экономики используются только доходы, промышленное производство и военная мощь, базой глобальной индустриализации выступает энергетика (уголь, нефть, газ), а конвергентного роста — образование, здравоохранение, инфраструктура [3, с. 267–271]. Однако конвергенцию Дж. Сакс рассматривает по параметру дохода, уровню образования и продолжительности жизни, т.е. компонентам, применяемым в расчете индекса человеческого развития. При этом разница в технологиях и военной мощи уже не принимается в расчет, что не вполне корректно с точки зрения сравнения периодов развития и оценки качества происходящих процессов расхождения и сближения государств. Эти методологические неточности нивелируют представление о глобальной конвергенции и напоминают подгонку под позитивный эффект глобализации, не принимая в расчет доводы М. Алле о разрушении роста и условий занятости со стороны глобальных процессов [21], сопровождаемых увеличением отрыва в развитии между богатыми и бедными странами.

Бедность, отставание в развитии — относительные понятия. При увеличении социального неравенства провоцируется возрастание относительной экономической бедности, так что вряд ли можно говорить о сокращении разрыва, не говоря уже о технологиях, науке и образовании.

Цифровая революция может только способствовать дивергенции, а не конвергенции, способствуя увеличению технологического неравенства с вытекающим функциональным и экономическим неравенством между странами и народами.

Причем расхождение (дивергенция) также признается Саксом глобализацией [3], так же как конвергенция — сближением, хотя это противоречит представлению о глобализации как интеграционном процессе взаимного проникновения (еще одна существенная неточность). Только оно происходило и происходит на базе политики, проводимой развитыми странами.

Деглобализация нарушает именно такую гегемонию и призвана изменить принципы интеграции и сотрудничества в сторону их согласованной

Таблица 2 / Table 2

Характеристика глобализации и деглобализации / Characteristics of globalization and deglobalization

Характеристика / Characteristic	Глобализация / Globalization	Деглобализация / Deglobalization
Цель / Target	Интеграция, централизация и унификация экономических систем, зон мира, интересов на базе «атлантизма»	Многополярность решений, диверсификация интеграции как по экономическим формам, так и по идеологии, политике проведения
Функциональное содержание / Functional content	Неоклассические, неолиберальные модели развития в экономике, мондиализм и атлантизм в политике и дипломатии для закрепления глобального успеха и организации новых форм институциональной и технологической колонизации под риторической вывеской демократии. Выживание для «золотого миллиарда» и приоритет его интересов над всеми остальными нациями и народами	Эволюционные и этакстистские модели в управлении экономикой, «общество знаний», без подчинения капиталу, идеология компромисса и «согласованного порядка» в политике и дипломатии, вместо дипломатии «доллара и штыка». Реализация функции взаимных интересов, экологии и выживания человечества
Область приложения / Application area	Наиболее развитые регионы мира, «ядро-периферия»	Различные полюса мировой системы, объединенные идеей согласованного порядка и адаптации к нему, без модели «ядро-периферия»
Время процесса / Process time	Вторая половина XX в. и первая четверть XXI в.	Вторая четверть XXI в. и далее до выстраивания нового мирового порядка
Издержки / Costs	Экологический коллапс развития, войны, конфликты, включая экономические и торговые войны, культурная и нравственная деградация, утрата невозобновляемых и части возобновляемых ресурсов	Социализация и экологизация хозяйственного развития с выстраиванием новой системы отношений, требующей значительных вложений, утрата невозобновляемых ресурсов, издержки сопротивления богатым странам
Устойчивость / Sustainability	Низкая, в силу «глобального эксцесса»	Относительно высокая в силу реализации доктрины «согласованного развития» и порядка

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

адаптации на международной арене и внутри государств, трансформируя имперский капитализм в социальное общество, основанное на знаниях, с устранением новых институциональных, интеллектуальных и цифровых (технологических) форм колонизации народов. Различия между глобализацией и деглобализацией отражает табл. 2 по набору наиболее важных характеристик. Из нее следует, что «глобальный эксцесс» может быть нейтрализован «согласованным развитием и порядком», что создаст подлинную устойчивость развития и позволит

достигать целей устойчивого развития, принятых Комиссией ООН.

Однако современный «глобальный эксцесс» не может быть сразу и быстро устранен политикой деглобализации, поскольку он базируется на следующих положениях.

Во-первых, имеется серьезный отрыв наиболее богатых стран по технологическому лидерству от бедных стран. Новые технологии создают и новые формы конкуренции и противоборства государств, так же как и зависимости.

Во-вторых, происходит доминирование финансового сектора, контролируемого богатыми странами, над мировой системой, что предопределяет направления мировых финансовых потоков и инвестиций, задает монетарные диапазоны развития иных государств, народов и даже целых континентов.

В-третьих, осуществляются изменения в численности населения, климате, технологиях, ресурсах, загрязнениях, политике, детерминируя процесс глобализации и деглобализации.

В-четвертых, региональные войны стали суммарным выражением скрыто тлеющей мировой войны, символизируя апогей политики «глобального эксцесса».

В-пятых, нерешенность проблемы ограниченности ресурсов, а также возникающие идеолого-культурные и психологические сдвиги довлеют при принятии государственных решений на национальном уровне и затрудняют согласование наднациональных решений.

Указанные аспекты будут оказывать сопротивление процессу деглобализации и реализации принципа «согласованного развития».

ВЫВОДЫ

Процесс деглобализации выражается на начальном этапе в форме политики «глобального эксцесса», а в дальнейшем может быть оформлен в виде распространения «согласованного порядка и развития» как базового принципа, формирующего согласованную адаптацию и обуславливающего невысокие издержки международных отношений, понижение уровня конфликтности между странами.

«Согласованному развитию и порядку» в большей степени отвечают идеи «социализации развития», «этатизации»¹³ национального и международного

управления, пересмотра деградирующих капиталистических институтов, реализации вместо неоклассической экономической политики обогащения узких буржуазных кругов при колоссальном росте социального неравенства и экологических проблем, градуалистских и этатистских моделей управления развитием.

Таким образом, нужно принимать во внимание отрицательные особенности или ограничения любого процесса, тем более имеющего мировое значение. Даже если эти особенности на сегодня могут показаться не столь значимыми, их сила по разным причинам может возрасти, причем внезапно. Вспомним блестящее исследование М. Алле, показавшего с помощью разветвленного регрессионного аппарата тормозящее влияние глобализации на экономический рост и занятость во Франции еще в 1990-е гг., когда Запад благоденствовал на обломках разрушенной советской системы. В эпитафии к своей книге М. Алле отмечал, что она посвящается «жертвам идеологии глобалистского фритредерства (свободной торговли), идеологии столь же пагубной, сколь и ошибочной...» [21]. Политика «глобального эксцесса», выступающая квинтэссенцией поведения современного империализма в эпоху глобализации и новых форм технологического и институционального колониализма (в рамках победы по различным институциональным формам конкуренции), порождает большие дисбалансы в развитии. Однако на такие же исходы может быть способна и деглобализация как процесс — антагонист глобализации.

Адаптация к мировым изменениям может быть только согласованной, как и новый мировой порядок, и выстроенной исключительно на принципах, которые были заложены в работу ООН при ее создании в виде правила единогласия при решении вопросов войны и мира.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Глазьев С. Ю. Рывок в будущее. Россия в новом технологическом и мирохозяйственном укладах. М.: Книжный мир; 2018. 768 с.
2. Тинберген Я. Пересмотр международного порядка. М.: Прогресс; 1971.
3. Сакс Дж. Эпохи глобализации: география, технологии и институты. М.: Издательство института Гайдара; 2022. 368 с.
4. Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль; 2003. 300 с.
5. Бхагвати Дж. В защиту глобализации. М.: Ладомир; 2005; 448 с.
6. Фелпс Э. Массовое процветание: Как низовые инновации стали источником рабочих мест, новых возможностей и изменений. М.: Издательство института Гайдара; 2015. 472 с.
7. Спенс М. Следующая конвергенция: будущее экономического роста в мире, живущем на разных скоростях. М.: Издательство института Гайдара; 2013. 336 с.

¹³ Расширения государственных функций.

8. Стиглиц Дж. Люди, власть и прибыль. Прогрессивный капитализм в эпоху массового недовольства. М.: Альпина — Паблишер; 2020. 430 с.
9. Сухарев О.С. Экономика глобального эксцесса: институты, финансы, развитие, политика. М.: Ленанд; 2016. 512 с.
10. Nasreen S., Mahalik M.K., Shahbaz M., Abbas Q. How do financial globalization, institutions and economic growth impact financial sector development in European countries? *Research in International Business and Finance*. 2020;54:101247.
11. Song C.-Q., Chang C.-P., Gong Q. Economic growth, corruption, and financial development: Global evidence. *Economic Modelling*. 2021;94:822–830.
12. Ghosh A. How does banking sector globalization affect economic growth? *International Review of Economics & Finance*. 2017;48:83–97.
13. Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. М.: Дело; 2011. 232 с.
14. Киндлбергер Ч., Алибер Р. Мировые финансовые кризисы. Мании, паники и крахи. СПб.: Питер; 2010. 544 с.
15. Аттали Ж. Мировой экономический кризис... А что дальше? СПб.: Питер; 2009. 176 с.
16. Купер Дж. Природа финансовых кризисов. Центральные банки, кредитные пузыри и заблуждения эффективного рынка. М.: BestBusinessBooks; 2010. 210 с.
17. Сухарев О.С. Макроэкономическая политика: неравенство, бедность и рост. М.: Ленанд; 2023. 240 с.
18. Сухарев О.С. Теория реструктуризации экономики. М.: Ленанд; 2016. 256 с.
19. Myerson R. Standards for State Building Intervention. *Economics for the curious. What Nobel laureates think about*. М.: Publishing house of the Gaidar Institute; 2017:222–241.
20. Гэлбрейт ДЖ. К. Экономика невинного обмана. Правда нашего времени. М.: Издательство «Европа»; 2009. 88 с.
21. Алле М. Глобализация: разрушение условий занятости и экономического роста. Эмпирическая очевидность. М.: Теис; 2003. 314 с.

REFERENCES

1. Glazyev S. Yu. Leap into the future. Russia in the new technological and world economic order. Moscow: Book World; 2018. 768 p. (In Russ.).
2. Tinbergen J. Revision of the international order. Moscow: Progress; 1971. (In Russ.).
3. Sachs J. Epochs of globalization: Geography, technology and institutions. Moscow: Gaidar Institute Publishing House; 2022. 368 p. (In Russ.).
4. Stiglitz J. Globalization: alarming trends. Moscow: Mysl; 2003. 300 p. (In Russ.).
5. Bhagwati J. In defense of globalization. Moscow: Ladomir; 2005. 448 p. (In Russ.).
6. Phelps E. Massive prosperity: How grassroots innovation became a source of jobs, new opportunities, and change. Moscow: Gaidar Institute Publishing House; 2015. 472 p. (In Russ.).
7. Spence M. The next convergence: The future of economic growth in a world living at different speeds. Moscow: Gaidar Institute Publishing House; 2013. 336 p. (In Russ.).
8. Stiglitz J. People, power and profit. Progressive capitalism in an era of mass discontent. Moscow: Alpina — Publisher; 2020. 430 p. (In Russ.).
9. Sukharev O.S. The economics of global excess: Institutions, finance, development, politics. Moscow: Lenand; 2016. 512 p. (In Russ.).
10. Nasreen S., Mahalik M.K., Shahbaz M., Abbas Q. How to do financial globalization, institutions and economic growth impact financial sector development in European countries? *Research in International Business and Finance*. 2020;54:101247.
11. Song C.-Q., Chang C.-P., Gong Q. Economic growth, corruption, and financial development: Global evidence. *Economic Modelling*. 2021;94:822–830.
12. Ghosh A. How does banking sector globalization affect economic growth? *International Review of Economics & Finance*. 2017;48:83–97.

13. Perez K. Technological revolutions and financial capital. Dynamics of bubbles and periods of prosperity. Moscow: Business; 2011. 232 p. (In Russ.).
14. Kindleberger Ch., Aliber R. World financial crises. Manias, panics and crashes. St, Petersburg: Peter; 2010. 544 p. (In Russ.).
15. Attali J. World economic crisis... What next? St. Petersburg: Peter; 2009. 176 p. (In Russ.).
16. Cooper J. The nature of financial crises. Central banks, credit bubbles, and efficient market fallacies. Moscow: BestBusinessBooks; 2010. 210 p. (In Russ.).
17. Sukharev O.S. Macroeconomic policy: Inequality, poverty and growth. Moscow: Lenand; 2023. 240 p. (In Russ.).
18. Sukharev O.S. The theory of economic restructuring. Moscow: Lenand; 2016. 256 p. (In Russ.).
19. Myerson R. Standards for state building intervention. economics for the curious. What Nobel laureates think about. Moscow: Publishing house of the Gaidar Institute; 2017:222–241. (In Russ.).
20. Galbraith J.K. Economics of innocent deception. The truth of our time. Moscow: Publishing house “Europe”; 2009. 88 p. (In Russ.).
21. Allais M. Globalization: Destruction of employment conditions and economic growth. Empirical evidence. Moscow: Teis; 2003. 314 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Олег Сергеевич Сухарев — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт экономики РАН, Москва, Россия

Oleg S. Sukharev — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Chief Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

<http://orcid.org/0000-0002-3436-7703>

o_sukharev@list.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 12.01.2025; принята к публикации 25.03.2025.

The article was received 12.01.2025; accepted for publication 25.03.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-19-30
УДК 330.15:502(045)
JEL F13, F64, O14

Экологизация индустриализации как новый этап развития мировой экономики

В.В. Перская

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования — эволюция мировой экономики от постиндустриализации к новой промышленной политике. *Цель работы* — обоснование эволюционного перехода современной мировой экономики к реиндустриализации как к новой промышленной политике государств, но с учетом обеспечения экологической безопасности общества и окружающей среды. Установлено тяготение отдельных государств к восстановлению политики реализации национальных интересов посредством отказа от их замены общеевропейскими ценностями и перехода к оказанию поддержки незащищенным слоям населения и обеспечению социального равенства в решении задач ликвидации диспропорций в развитии территорий и регионов. В статье анализируется эволюция мировой экономики от постиндустриализации к новой промышленной политике. Определено, что в процессе развития национальных экономик государства столкнулись вследствие участия в глобальных цепочках стоимости с рядом проблем, включая моноспециализацию, несправедливость распределения прибыли, невозможность повышения технологического уровня социально-экономического развития основных сфер страны. Соответственно руководство этих государств пришло к осознанию того, что реальная производственная трансформация не может произойти без проведения новой промышленной политики, направленной на повышение внутреннего производственного потенциала. Обосновано предположение о том, что конкурентное преимущество в третьем десятилетии XXI в. будет у тех стран, которые быстрее признают необходимость восстановления регулирующей роли государства, а политика новой реиндустриализации будет экологизированной, соответствуя детерминантам защиты окружающей среды на основе повышения производительности использования ресурсов и минимизации негативного воздействия промышленных предприятий на окружающую среду. *Сделан вывод* о том, что новая промышленная политика является по сути реиндустриализацией, учитывающей экономические, социальные и экологические результаты деятельности государств.

Ключевые слова: реиндустриализация; экология; промышленная политика

Для цитирования: Перская В.В. Экологизация индустриализации как новый этап развития мировой экономики. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(2):19-30. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-19-30

ORIGINAL PAPER

Greening of Industrialization as a New Stage in the Development of the Global Economy

V.V. Perskaya

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The subject of the research is the evolution of the global economy from post-industrialization to a new industrial policy. *The purpose of the work* is to substantiate the evolutionary transition of the modern world economy to reindustrialization as a new industrial policy of states, but taking into account the environmental safety of society and the environment. The tendency of individual states to restore the policy of realizing national interests by rejecting their replacement with pan-European values and switching to supporting vulnerable segments of the population and ensuring social equality in solving the problems of eliminating imbalances in the development of territories and regions has been established. The article analyzes the evolution of the global economy from post-industrialization to a new industrial policy. It is determined that in the process of developing national economies, due to participation in global value chains, states have faced a number of problems, including monospecialization, unfair profit distribution, and the inability to saturate the technological level of socio-economic development of the main areas of the country. Accordingly, the leadership of these States has

© Перская В.В., 2025

come to realize that a real industrial transformation cannot occur without a new industrial policy aimed at increasing domestic production potential. The assumption is substantiated that the competitive advantage in the third decade of the 21st century. those countries that more quickly recognize the need to restore the regulatory role of the state, as well as the fact that the policy of new reindustrialization will be greened, consistent with the determinants of environmental protection based on increased productivity of resource use and minimizing the negative impact of industrial enterprises on the environment. *It is concluded* that the new industrial policy is essentially reindustrialization, taking into account the economic, social and environmental results of the activities of states.

Keywords: reindustrialization; ecology; industrial policy

For citation: Perskaya V.V. Greening of industrialization as a new stage in the development of the global economy. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(2):19-30. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-19-30

РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ КАК ПРОЦЕСС ВОССТАНОВЛЕНИЯ РАНЕЕ УТРАЧЕННОГО ПРОМЫШЛЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА

Под реиндустриализацией понимается процесс организации использования природных, финансовых, трудовых, информационных ресурсов страны с целью восстановления промышленного производства. Иными словами, это обеспечение взаимозависимости проводимой государством политики и процессов, которые мобилизуют все национальные ресурсы для восстановления или улучшения промышленной базы в стране¹.

В то же время реиндустриализация — это проведение экономической политики, направленной на плановое восстановление/создание/изменение индустриально-технологической основы экономической системы благодаря принятию мер макроэкономического, институционально-организационного, правового, структурно-инвестиционного характера.

В настоящее время под реиндустриализацией также подразумевается разработка новых способов индустриализации, нацеленных на будущее, а не на прошлое, благодаря цифровой трансформации экономики и инновациям, используемым для оптимизации бизнес-процессов.

При этом релокализация — возвращение ранее вынесенных в другие регионы процессов, ориентированных на производство товаров или оказание услуг, являющихся целевыми объектами создания предприятия или организации и обеспечивающих получение дохода, — требует нового вида локальной/глобальной синергии, т.е. роста суммарных усилий двух или более участников определенного произ-

водственного процесса в результате их объединения для решения социально-экономических проблем, когда важным становится совмещение рентабельности производства с реальным уровнем издержек.

Новая индустриализация — это расширенное толкование «прибыльности» — способности предприятия генерировать прибыль и вести рентабельную деятельность, соотносимую не только с получаемой финансовой выгодой, но и с обретенными социальными и экологическими выгодами².

Реиндустриализация в XXI в. должна ориентироваться на обеспечение устойчивого развития мирового сообщества. Согласно кембриджскому словарю³ реиндустриализация современности означает возобновление процесса развития промышленности экологически безопасным способом (развитием «зеленых» технологий и качественной модернизацией процессов производства на основе цифровизации)⁴, что требует изыскания источников электроэнергии, формирования экобаланса страны в части воздействия на экологию. Именно данные факторы определяют устойчивость развития государств в настоящих условиях.

Переход развитых экономик от постиндустриальности, т.е. от экономики, основанной на промышленном производстве, к экономике, базирующейся на информационных технологиях, знаниях и услугах, обуславливается усилением конкуренции с развивающимися странами, в частности с Китаем, на рынках промышленной продукции с высокой долей добавленной стоимости⁵. В государствах ЕС процесс

¹ S. Tugrul Imer (CR World, Inc., USA). The Integrity of the manufacturing and innovation ecosystems with the scope of university-industry collaboration. university-industry collaboration strategies in the digital era. 2021. DOI: 10.4018/978-1-7998-3901-9.ch006.

² Alain Conrard. Reindustrializing, relocating 2021. URL: <https://www.prodwaregroup.com/en-ge/actualites/reindustrializing-relocatingthe-path-to-political-innovation>.

³ Кембриджский словарь. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/reindustrialization>.

⁴ Reindustrialization. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/reindustrialization>.

⁵ Jean-Michel Bezat. Reindustrialization: “Whether they admit it or not, European leaders defend national interests first”

реиндустриализации рассматривается в контексте обретения суверенитета и восстановления политики реализации национальных интересов⁶ посредством отказа от тезиса замены национальных интересов общеевропейскими ценностями⁷. Ряд исследователей рассматривают реиндустриализацию как один из способов решения проблем занятости населения, в том числе мигрантов; обеспечения ликвидации диспропорций в развитии территорий и регионов; пополнения финансовых источников для выстраивания оказания поддержки незащищенным слоям населения и достижения социального равенства⁸.

Таким образом, именно перед правительствами стоит задача выравнивания направлений развития экономики с учетом конкурентного ландшафта мирового рынка, в том числе новых подходов к экологии⁹.

Поэтому реиндустриализация в XXI в. — это экологизированная индустриализация, являющаяся следующим за постиндустриальностью этапом развития мировой экономики.

Гипотезой статьи является закономерность перехода от постиндустриальной фазы к новой промышленной политике, проводимой государством как институтом управления, но с учетом минимизации негативного для общества и природы экологического следа в регионе, стране. Таким образом, детерминанты неолиберальной концепции развития мировой экономики корректируются с учетом того, что ее устойчивое развитие согласно целям

устойчивого развития ООН до 2030 г. может быть обеспечено на основе проведения новой промышленной политики, предполагающей ориентированность на минимизацию экологически негативных последствий.

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ ЛИТЕРАТУРЫ НА ТЕМУ ИССЛЕДОВАНИЯ

Пандемия *COVID-19* послужила триггером начала процесса поиска более результативных мер вывода национальных экономик на траекторию устойчивого роста. Именно перед правительствами стран (или, вернее, государственными аппаратами) были поставлены задачи восстановления экономического роста, ликвидации социальной напряженности, восстановления конкурентоспособности и обеспечения при этом национальной безопасности. Именно анализу мер национальной экономической политики со стороны правительств посвящена работа группы авторов МВФ [1], в которой доказывается, что страны переходят к проведению регулируемой экономической политики, в том числе промышленной.

Перебои в поставках в сочетании с усилением геополитической напряженности на территориях, традиционно считающихся поставщиками ресурсов всех видов, обусловили геоэкономическую фрагментацию [2] и возникновение рисков для цепочек поставок и национальной безопасности [3].

При этом промышленная политика продолжает оцениваться по-прежнему эмпирически в контексте отраслевых или национальных исследований.

Изменение климата налагает отпечаток на все аспекты экономической политики. Вопросы промышленной экологии и эволюция взглядов на нее рассмотрены в работах [4; 5], а отраслевые аспекты модернизации производств для улучшения экологической среды — в исследовании [6].

Однако до настоящего времени не установлено совокупной оценки воздействия на экологию регионов или стран в условиях поступательной реиндустриализации. Разработанная Йоркским университетом инициатива установления экологического следа [7] для Фонда данных об экологических следах (*FoDaFo*) может быть преломлена к региону. Причем она нацелена на охват видов деятельности, связанных с производством продовольственных продуктов питания, и оценку углеродного следа от этой деятельности.

URL: https://www.lemonde.fr/en/opinion/article/2023/05/16/reindustrialization-whether-they-admit-it-or-not-european-leaders-defend-national-interests-first_6026796_23.html; Sizhuo Chen. The Effect Of Industrial Revitalization In Developed Countries On Industrial Exports Of China. DOI:10.1142/S 0217590821500211

⁶ Tregenna Fiona, “Deindustrialization and Reindustrialization”, in Adam Szirmai, Wim Naudé, and Ludovico Alcorta (eds), *Pathways to Industrialization in the twenty-first century: New challenges and emerging paradigms*, WIDER studies in development economics (Oxford, 2013; online edn, Oxford Academic, 23 May 2013), DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199667857.003.0003.

⁷ Перская В. В. Эскиндаров М. А. Многополярность: институты и механизмы согласования национальных интересов. Монография. М.: КНОРУС; 2018:201–241.

⁸ Barry Eichengreen. The new industrial politics. Oct 9, 2023. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/return-of-industrial-policy-only-partly-vindicated-by-barry-eichengreen-2023-10>.

⁹ Mark Levinson *Manufacturing the future: Why reindustrialization is the road to recovery*. October 2012. New Labor Forum 21(3):10–15. DOI: 10.4179/NLF.213.0000003

При этом следует иметь в виду, что углеродный баланс выбросов характеризует только воздействие выбросов CO₂ на экологическую среду (водные ресурсы, почвы, леса, а также атмосферу), фактически не обращая внимание на загрязнение и деградацию почвы, обезлесивание территорий и пр.

ДИСКУССИЯ ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

С середины XX в. в рамках неолиберальной парадигмы драйверами развития мировой экономики стали считаться торговля и стимулирование потребления, а также превалирование сектора услуг в структуре ВВП над производством, что способствовало перенесению реального сектора из развитых стран в развивающиеся экономики. Как указано в работе [8], реальная экономика превратилась в экономику услуг или «нематериальную экономику», которая, обуславливая изменение роли бизнес-управления и значения экосистем на базе крупных корпораций, требует создания новой системы подготовки кадров, а переход к информационному обществу способствует развитию процесса замещения искусственным интеллектом реальной занятости, формируя принципиально новую оценку места человека в мировом сообществе.

Постиндустриальное развитие имело в качестве позитивного результата обеспечение экологической чистоты в развитых странах, в первую очередь подразумевающей чистоту воздуха, безопасность для здоровья человека окружающей среды, отсутствие вблизи людей опасных производств, автомагистралей и других подобных объектов, благодаря повышению образовательного уровня во всех возрастных группах населения¹⁰; росту уровня медицинского обслуживания и продолжительности жизни; наращиванию научно-исследовательского и технологического потенциала при аккумулировании мировых финансовых ресурсов в финансовых центрах развитых стран. В результате развива-

ющиеся страны повысили занятость населения, снизили уровень безработицы.

В целом увеличилась экономическая взаимозависимость развитых и развивающихся экономик, которые наиболее репрезентативно представлены в развитии глобальных цепочек создания стоимости и глобальных цепей поставок [9], так как последствия сбоев в цепочках поставок сильно ударяют по индустриально развитым странам (Китай и США), что ведет к резкому росту экономических потерь на $2,7 \pm 0,7\%$ и $1,8 \pm 0,5\%$ соответственно [9].

Мировое сообщество подобно живому организму в состоянии постоянного развития претерпевает изменения в экономической сфере. Как отмечают *Ha-Joon Chang* и *Antonio Andreoni* [10], «обновленная “производственная” повестка дня имеет важное значение для решения структурных проблем, с которыми сталкиваются страны, особенно после того, как пандемия коронавируса выявила структурные недостатки». Неоклассическая экономическая теория перенаправила и в теоретическом плане, и на практике вектор развития экономик от «парадигмы, ориентированной на производство», к «парадигме, нацеленной на обмен», а ее главной задачей стало изучение «человеческого поведения как отношения между целями и дефицитными средствами, имеющими альтернативное применение» [11].

Производство было сведено к элементарной функциональной форме, пригодной для равновесной экономики, что мешало развитию эволюционного характера капиталистического процесса [10].

В настоящее время именно сектор услуг стимулирует экономическую активность крупнейших стран мира. Движущей силой этой тенденции стали изменения в потреблении, ослабление торговых барьеров и быстрый прогресс в области технологий [12]. Подтверждением тому служат данные о структуре ВВП стран мира, условно градируемых на три базовых сектора: услуги, промышленность и сельское хозяйство. По состоянию на конец 2021 г. сегмент услуг превалировал в мировом ВВП и составлял более 60%, в том числе с разбивкой по странам (см. таблицу).

О последовательном (с 1960 г.) снижении роли промышленного производства свидетельствуют данные, приведенные на рисунке.

Падение промышленного производства обусловлено пандемией коронавируса и ее последст-

¹⁰ Доля лиц с высшим образованием в ЕС в период 2002–2022 гг. по возрастным группам. URL: <https://www.statista.com/statistics/1093466/eu-28-adults-with-tertiary-education-attainment>. По состоянию на 2022 г. в университетах Великобритании обучалось более 2,86 млн студентов. Среди людей в возрасте от 30 до 34 лет в Соединенном Королевстве половина имела высшее образование, что является одним из самых высоких показателей в Европе. URL: <https://www.statista.com/topics/6938/higher-education-in-the-uk/#topicOverview>.

Таблица / Table

**Структура ВВП отдельных развитых стран в разбивке по ведущим трем секторам, 2021 (в % от ВВП) /
The GDP structure of individual developed countries by the leading three sectors, 2021 (in % of GDP)**

Страна / A country	Услуги / Services	Промышленность / Industry	Сельское хозяйство / Agriculture	Прочее / Other
Китай / China	53,5	39,3	7,2	0,0
Япония / Japan	69,9	28,8	1,0	0,4
Германия / Germany	62,9	26,7	0,9	9,5
Великобритания / Great Britain	71,6	17,3	0,7	10,4
Франция / France	70,3	16,7	1,6	11,4
США / USA	80%	19,1%	0,9%	–
Индия / India	47,9	26,1	17,3	8,7

Источник / Source: URL: <https://www.visualcapitalist.com/cp/gdp-by-country-sector-breakdown>.

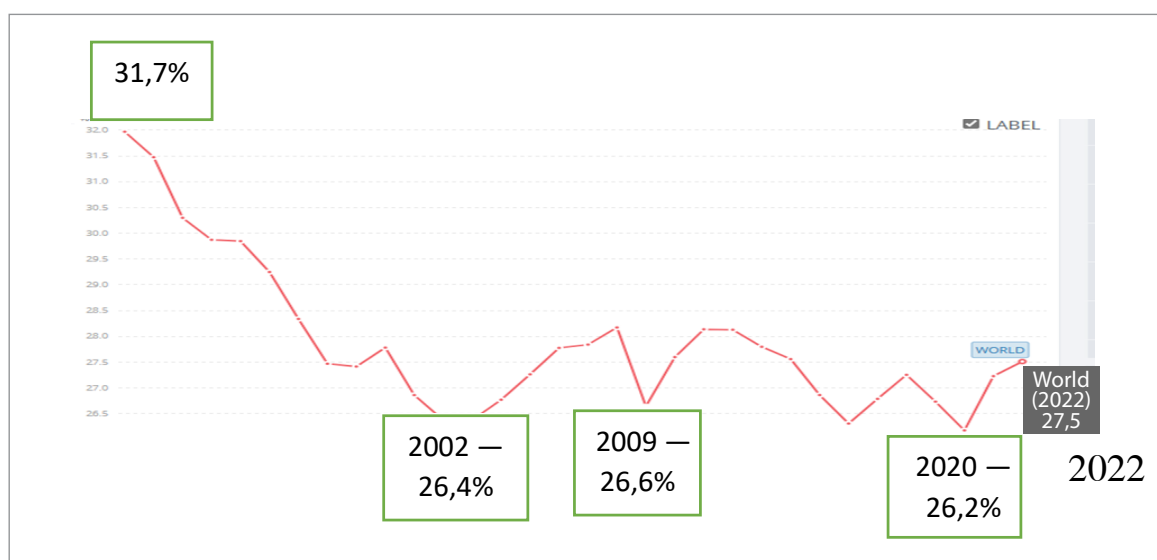

Рис. / Fig. Промышленность (включая строительство) — добавленная стоимость 1960–2022 гг. (% ВВП) / Industry (including construction) — value added 1960–2022. (% OF GDP)

Источник / Source: URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NV.IND.TOTL.ZS>.

виями, но уже к концу 2022 г. доля мирового промышленного производства подросла и составила 27,5% (см. рисунок).

О значимости сектора услуг свидетельствует то, что в США примерно 80% американских работников заняты в частном секторе — сфере услуг: от здравоохранения и развлечений до финансов и логистики. В ВВП Китая услуги составляют 54 против 44% в 2010 г. Индия составляет исключение среди

динамично развивающихся стран, так как сектор услуг не превышает 48%, но это обусловлено спецификой развития экономики ввиду того, что 44% всех занятых в Индии работников трудятся в сельском хозяйстве этой страны, которая является вторым по величине производителем риса в мире.

Таким образом, структура современной мировой экономики — это по-прежнему превалирование сегмента услуг.

ПРИЧИНЫ ВОЗВРАТА К ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Возвращение мирового сообщества к идее восстановления роли реального сектора экономики в национальном развитии не только развивающихся стран, но и развитых экономик обусловлено рядом факторов.

Высокие темпы развития Китая и стран Восточной Азии на основе перманентной трансформации производственного сектора обусловили формирование устойчивого потенциала повышения уровня жизни, в том числе в условиях пандемии *COVID-19*, против тех стран, которые вступили на путь разрушения своего индустриального потенциала и интегрировались в богатые экономические зоны (например, ЕС).

Ориентированность мировой экономики на продвижение торговли как движителя развития привела к преждевременной деиндустриализации в странах со средним уровнем дохода и наименее развитых странах, став причиной моноспециализации этих государств при их встраивании в глобальные цепочки создания стоимости. Как результат — утрата экономической динамики, уязвимость к внешним потрясениям, отсутствие стабильных доходов граждан и необходимость роста социальных дотаций утратившим рабочие места работникам.

В настоящее время вновь обращается внимание на важность производственного сектора и связанной с ним наукоемкой деятельности в сфере услуг [10].

В глобальной повестке дня в области развития на академическом и политическом уровнях длительное время игнорировалось развитие производственного сектора, особенно коллективных производственных возможностей. «Определяя развитие как вопрос индивидуальных способностей и усилий в области доходов, гражданских прав и рыночных возможностей, этот дискурс предлагал только «паллиативные» решения — преференциальный доступ к некоторым рынкам в богатых странах (например, швейной, сельскохозяйственной), иностранную помощь, микрофинансирование, обусловленные денежные трансферты, которые не влекли фундаментальной трансформации базовых материальных и социальных структур развивающихся стран. В связи с этим в условиях изменения климата производство должно быть возвращено в центр дискуссий о развитии» [13].

Как свидетельствует практика, страны, которые пытались развивать свою экономику за счет участия в глобальных цепочках создания стоимости, пришли

к осознанию того, что реальная производственная трансформация не может происходить без проведения промышленной политики, направленной на повышение внутреннего производственного потенциала [14] и развития национальной производственной базы. Появление новых технологий, которые могут приводить к смене технологической парадигмы развития (Четвертой промышленной революции) — робототехника, новые материалы, цифровые технологии, биотехнологии и т.д. — стимулировало междисциплинарные исследования, которые требуют развитой производственной базы для создания и испытания образцов техники. Для управления технологическим развитием необходимы «фундаментальные производственные возможности», т.е. экономика и научный комплекс должны обладать возможностями применения новых технических и организационных решений, что невозможно без развитого производственного сектора.

Трансформация климата и целесообразность принятия мер по смягчению ее последствий предполагают изменение структуры потребления социумов [15] в среде обитания и транспортной сфере, что не может быть обеспечено без фундаментальных преобразований в области производства, включающих развитие технологий возобновляемых источников энергии, создание низкоуглеродных систем, разработку новых материалов (которые, будучи менее углеродоемкими, экономят энергию при транспортировке и способствуют увеличению энергоэффективности) и технологий улавливания углерода и многое другое [16].

Финансиализация и быстрый рост неравенства в мировом сообществе обусловили возникновение социальной, экономической и политической уязвимостей экономической модели, основанной на рыночном обмене, а не на производственных отношениях [17]. Пандемия *COVID-19* усугубила несостоятельность такой модели экономической глобализации, выявив неустойчивый характер занятости (включая многие сферы услуг), неадекватность государства всеобщего благосостояния для тех, кто не имеет стабильной занятости (из-за ликвидации рабочих мест в процессе деиндустриализации), и является первопричиной возникновения проблем для общества, чрезмерно основанного на условных контрактах, предугадывающих, какие действия при определенных условиях приведут к конкретным результатам, не спасающим в случае системного

шока. В этой связи вновь ставится вопрос о рационализации экономической структуры национального хозяйства, воссоздании рабочих мест и обеспечении стабильных средств к существованию не только в обрабатывающей промышленности, но и в сельском хозяйстве, горнодобывающей промышленности и сфере услуг.

ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В НОВЫХ УСЛОВИЯХ

Реиндустриализация напрямую связана с проведением реальной промышленной политики со стороны государств. В этой связи вновь на повестку дня (вопреки рекомендациям Вашингтонского консенсуса¹¹) в качестве регулятора развития ставится вопрос о государстве как институте с присущими ему социально-общественными функциями, обеспечивающими поступательность развития.

Ряд экспертов предостерегает возврат к неравным средствам конкуренции, в том числе путем привлечения на территорию своей страны уже функционирующих заводов и научно-исследовательских лабораторий в попытке создать центры принятия решений, чему подтверждением служит промышленная политика США, проводимая с 2022 г. Но конкурентное преимущество будет у тех стран, которые быстрее осознают значение промышленной политики и регулирующей роли государства [18].

Ряд аналитиков апеллирует к тому, что активная промышленная политика связана с «поиском источников ренты», а следовательно, приведет к росту государственных инвестиций и усилению политики лоббирования отдельных фирм или отраслей [19]. Соответственно государству потребуются введение мер, регулирующих поведение хозяйствующих субъектов для обеспечения добросовестности конкурентирования.

Проведение политики реиндустриализации в развитых экономиках рассматривается важным фактором обеспечения национальной безопасности, который напрямую увязывается с необходимостью устранения в депрессивных регионах выросшей диспропорциональности распределения доходов и социальной напряженности.

¹¹ Вашингтонский консенсус — это набор из десяти правил, составленных экономистом Дж. Уильямсоном в 1989 г. как рекомендаций для стран Латинской Америки, составляющих стандартный пакет реформ, продвигаемый для охваченных кризисом развивающихся стран.

Осознание проблемы реиндустриализации как фактора обеспечения национальной безопасности требует смены экономических приоритетов. Экономические преимущества, проистекающие из международной торговли и сотрудничества, в настоящее время ставятся под сомнения вследствие серьезных вызовов, обусловленных ESG-критериями и политическими рисками и опасениями по поводу чрезмерной зависимости от импорта.

Глобальный ландшафт становится свидетелем появления двух различных групп экономических агентов, каждая из которых балансирует между экономической взаимозависимостью и императивами национальной безопасности. В этой связи политико-экономическая траектория 2024 г. и последующий период определяются в глобальном экономическом ландшафте одновременным продвижением политики реиндустриализации и желанием по-прежнему продвигать торговую либерализацию как движущую силу мирового развития¹².

Следует особо подчеркнуть, что в современных условиях трансформируется собственно парадигма экономической глобализации: от стимулирования развития за счет торговли и притока прямых иностранных инвестиций к развитию, обеспечиваемому благодаря стимулированию внутреннего потребления национальных экономик и развитию внутренних рынков. В этих условиях воссоздание реального сектора является важным балансирующим элементом повышения уровня доходов и, соответственно, налоговых поступлений в бюджеты государств [20].

Новая администрация США не отказывается от индустриализации, наоборот, она стремится ее ускорить. При этом она упрощает отдельные экологические требования, которые были выдвинуты предыдущей администрацией в части доминирования производства электромобилей, делая менее строгими некоторые экологические правила, а также сокращая программы финансирования продвижения «зеленой энергетики». Как подчеркнул старший советник Белого дома во время президентства Байдена: «Президент не имеет полномочий по сути игнорировать требуемую законом процедуру, которая обычно подразумевает существенное изменение

¹² Discourse 2024-economic vision decoupling realities and inflation strategies-through-reindustrialization. proptech@ecyy URL: <https://medium.com/discourse/2024-economic-vision-decoupling-realities-and-inflation-strategies-through-re-industrialization-f95495d5d5fa>.

направления деятельности агентства в рамках его миссии, порученной ему Конгрессом»¹³. Подтверждением тому является, например, желание Д. Трампа полностью отменить Закон о снижении инфляции, но это желание было негативно воспринято нефтяными компаниями, также против голосовали 18 республиканцев в Палате представителей. Республиканская партия США полагает нацеливать энергетическую и экологическую политику как внутри страны, так и за рубежом на обеспечение удовлетворения потребностей в ископаемом топливе, обеспечивая при этом координацию работы Совета по качеству окружающей среды, Управления по политике в области науки и технологий, Совета национальной безопасности, Национального экономического совета и Совета по внутренней политике¹⁴.

ЭКОЛОГИЗАЦИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ – УСЛОВИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Отчет ООН о промышленном развитии 2024 г. (*United Nations Industrial Development Organization, UNIDO*)¹⁵ подчинен идее наступления новой эпохи промышленной политики, которая базируется на комплексном подходе к решению задач выполнения целей устойчивого развития ООН до 2030 г. на основе реализации ЦУР 9 (промышленность, инновации и инфраструктура), ЦУР 7 (доступная и экологически чистая энергия) и ЦУР 8 (достойный труд и экономический рост).

Новая промышленная политика должна опираться на наличие ресурсов для ее реализации и базироваться на проведении политики укрепления роли государства. При этом условием ее успешности является наличие достаточных финансовых ресурсов.

Новая промышленная политика должна вписываться в концепцию защиты окружающей среды на основе повышения производительности использования ресурсов и минимизации негативного воздействия промышленных предприятий на окружающую

среду, понимая под реиндустриализацией развитие экономики по трем векторам: инклюзивность, устойчивость и жизнестойкость [21]. Этот подход вносит корректировку в трактовку промышленной политики, «направленной на улучшение структуры отечественной промышленности для повышения исключительно международной конкурентоспособности страны» [22].

Новая промышленная политика характеризуется усилением роли государства в части обеспечения экологизации хозяйственной деятельности, называемого отныне «экологическим государством» [21]. В этой связи политические инициативы государства в области промышленной политики должны ориентироваться на рост производственного, технологического и организационного потенциалов в тесной увязке с выполнением задач по сокращению выбросов, сохранению экологии региона и минимизации использования невозобновляемых источников энергии.

Поэтому предлагается концепция «экологического движения развития» [23], которая основана на детальном анализе секторов интеллектуальных сетей и возобновляемых источников энергии в Южной Корее и Китае. Но такой подход неприемлем ко всем странам. Он может быть реализован только в инновационно ориентированных экономиках, где промышленность уже нацелена на роботизацию и производство высокотехнологической продукции. Однако авторы этой концепции указывают на то, что гибкое сочетание и последовательность предлагаемых правительством инструментов позволяют не только осуществлять «зеленую» стратегию, но и формировать экономику, выходя за рамки простой дихотомии роста или его замедления. При этом устойчивое развитие охватывает экономические и социальные отношения. В этой связи промышленная политика должна предлагать не только инструменты развития реального сектора экономики, но и учитывать социальную компоненту и последствия для социумов результатов ее проведения.

Промышленное развитие определяется как «долгосрочная индустриализация, которая стимулирует развитие по трем аспектам: создание всеобщего процветания путем предоставления равных возможностей и справедливого распределения выгод для всех; повышение конкурентоспособности экономики; охрана окружающей среды путем отделения процветания, создаваемого промышленной деятельностью, от чрезмерного использования

¹³ Scott Waldman & E&E News. How Trump Will Roll Back Climate and Energy Policy on Day One. URL <https://www.scientificamerican.com/article/how-trump-will-roll-back-climate-and-energy-policy-on-day-one/>

¹⁴ Scott Waldman & E&E News. How Trump Will Roll Back Climate and Energy Policy on Day One. URL <https://www.scientificamerican.com/article/how-trump-will-roll-back-climate-and-energy-policy-on-day-one>.

¹⁵ URL: <https://www.unido.org/publications/industrial-development-report-series>.

природных ресурсов и негативного воздействия на окружающую среду»¹⁶.

В этой связи новая промышленная политика должна не только согласовываться с социальными целями и долгосрочными качественными преобразованиями, направленными на повышение уровня жизни, но и с сохранением экосреды и ее способности к самовосстановлению. Так, политика реиндустриализации США с 2022 г. ориентирована на достижение стратегической самодостаточности. В частности, законы о чипах, инвестициях в инфраструктуру и создании рабочих мест и снижении инфляции направлены на привлечение инвестиций в производство в США полупроводников, инфраструктуры и технологий климатического перехода, способствуя оживлению промышленной базы и снижая экологическую нагрузку на окружающую среду, должны обеспечивать «нулевые выбросы CO₂». Во Франции — это законопроект по декарбонизации промышленности, предполагающий увеличение отдельных ставок налога на внутреннее потребление энергоносителей; введение системы автомобильных бонусов/малусов; рост налога на корпоративные транспортные средства¹⁷.

Применение новейших технологий производства металлов, электролизеров, тепловых насосов, атомной энергетики нового поколения, фотоэлектрической и ветровой энергии, улавливания углерода, использования и хранения полупроводников, энергетических сетей позволит производителям получать «налоговую льготу или субсидию в зависимости от суммы инвестиций или стоимости продукции, произведенной во Франции».

Новая промышленная политика может проводиться в условиях высокой неоднородности стран с точки зрения потенциала, возможностей и потребностей ее реализации. Так, развивающиеся страны и государства со средним уровнем дохода часто вынуждены преодолевать отсутствие производственного, технологического и организационного потенциалов; недостатки государственного управления; трудности в привлечении финансовых ресурсов, что делает реализацию политики устойчивого промышленного развития чрезвычайно сложной и противоречивой.

¹⁶ UNIDO (2022) The future of industrialisation in a post-pandemic world. Industrial development report 2022. UNIDO, Vienna.

¹⁷ Decarbonization of industry and the «Green Industry» bill: changes to come for the CIR? 17 April 2023 URL: <https://group-gac.com/en/decarbonation-industry-green-industry-bill-cir>.

Например, высокие налоги в части торговли квотами на выбросы на потребление энергии для достижения ЦУР по сдерживанию изменений климата могут входить в противоречие с политикой реиндустриализации, сокращения бедности и социального неравенства, содействия социальной интеграции и особенно в глобальном масштабе обеспечения экологической устойчивости менее развитых стран в связи с ростом выбросов парниковых газов в атмосферу.

Таким образом, новая промышленная политика и реиндустриализация мировой экономики должны ориентироваться, кроме обеспечения роста производительности труда и повышения конкурентоспособности, на достижение экономических, социальных и экологических целей [24].

В условиях изменения климата, обуславливающего частые засухи и наводнения, экстремальные погодные явления, видимо, будут претерпевать изменения критерии оценки эффективности реиндустриализации. Так, технологии должны оцениваться не только по уровню производительности, конкурентоспособности или инновационного потенциала в долгосрочной перспективе, но и согласно тому, служат ли они выполнению долгосрочных социальных целей. В частности, таким критерием может быть сокращение выбросов парниковых газов или уменьшение потребления воды в технологических процессах. В этой связи многие страны, соперничающие на основе ценовой конкурентоспособности, могут столкнуться с серьезными проблемами вплоть до ее утраты.

Ряд исследователей предлагает упростить экологические правила, трудовое законодательство, регулирование качества продукции и другие факторы, которые определяют экологизацию реиндустриализации, или компенсировать эти расходы частного бизнеса за счет государственных субсидий [25]. Полагаем, что такой подход — это шаг в прошлое.

Направленность национальных экономик на поддержку возобновляемых источников энергии при сохранении основных принципов глобальных торговых режимов находится в прямом противоречии с процессом реиндустриализации, препятствуя переходу развивающихся экономик к низкоуглеродной системе хозяйствования. В этой связи эксперты предлагают бизнесу в развитие положений ESG-стратегий:

- активнее использовать государственные стимулы для достижения целей устойчивого развития по борьбе с изменением климата, в том числе пе-

пераспределять капитал на другие цели для уменьшения выбросов парниковых газов;

- осуществлять реиндустриализацию на основе проведения промышленной политики, создающей конкурирующую среду другим юрисдикциям. Участие в диалоге с директивными органами может помогать обеспечивать удовлетворение потребностей бизнеса при одновременном продвижении государственных приоритетов;

- считать проведение промышленной политики средством смены парадигмы инвестиционных и экономических приоритетов, сопровождающихся спросом на новые навыки. В условиях, когда рабочей силы уже не хватает, могут еще больше осложняться возможности привлечения и удержания работников, имеющих требуемые навыки. Компаниям придется пересматривать свою политику в области человеческого капитала. Даже предприятия, работающие в отраслях, которые кажутся более далекими от промышленной политики, могут оказаться в зоне риска, если их работники будут обладать сопоставимыми навыками или образованием, поскольку они будут пользоваться все большим спросом по мере того, как эти новые инвестиции будут набирать обороты;

- полагать, что реиндустриализация приведет к изменениям в цепочках поставок. «Поддержка дружественных связей» будет приобретать все большее значение, поскольку некоторые из этих мер накладывают ограничения на размещение ресурсов, экспорт и расширение производственных мощностей. При переосмыслении структуры цепочек поставок к многочисленным требованиям, предъявляемым к ее организации, таким как уменьшение затрат на энергоносители, обеспечение средней заработной платы и бесперебойная логистика и т.д., следует добавить получение выгоды от промышленной политики и связанных с ним ограничений [26].

При этом новая индустриальная политика должна учитывать, что воссоздаваемые производства должны минимизировать свое воздействие на окружающую среду: загрязнение почвы, воздуха и воды (морей, рек, грунтовых вод); производство отходов; шумовое загрязнение; ущерб экосистемам и утрату биоразнообразия.

Методика экологического следа Йоркского университета по факту оказалась подчиненной исключительно политическим целям выстраивания глобального мирового хозяйства, которое полностью должно базироваться на рациональном

размещении производительных сил и территориальном планировании согласно директивам международных организаций. Страны, характеризующиеся недоиспользованием биоемкостей, должны отказаться от своих традиционных сфер занятости, обеспечить прием мигрантов или способствовать эмиграции излишних трудовых ресурсов.

ВЫВОДЫ

1. Реиндустриализация является логическим этапом развития, следующим за постиндустриальностью, так как способствует обеспечению поступательного и устойчивого развития в условиях трансформирования парадигмы мирового порядка — от развития за счет торговли и иностранных прямых инвестиций к стимулированию внутреннего потребления и внутреннего рынка за счет активизации внутренних источников при формировании привлекательного инвестиционного климата и для внутренних, и для иностранных инвесторов.

2. Экологизация является особенностью реиндустриализации XXI в.

3. Реиндустриализация обуславливает проведение новой индустриальной политики со стороны государств как института регулирования, причем не только в контексте компенсации «провалов рынка», но и в качестве инициатора (а иногда активного инвестора) реализации ресурсоемких проектов, отвечающих задачам снижения антропогенного воздействия человека на природу.

4. Новая индустриальная политика обуславливает трансформирование критериев оценки эффективности крупных инвестиционных и ресурсоемких проектов, вводя в качестве показателей объемы выбросов CO₂, сохранение экологии региона, обеспечение необходимого уровня очистки сточных вод¹⁸, содействие преодолению изменения климата в том или ином регионе.

¹⁸ Согласно прогнозу Института мировых ресурсов (World Resources Institute — WRI) к 2050 г. в 51 из 164 стран и территорий ожидается высокий или чрезвычайно высокий водный дефицит, что соответствует 31% населения мира. Этот сценарий WRI предполагает ведение «обычного бизнеса» в условиях роста температуры на 2,8–4,6 градуса по Цельсию к 2100 г., при этом в мире температура будет распределяться неодинаково. URL: https://www.statista.com/chart/26140/water-stress-projections-global/?utm_source=Statista+Newsletters&utm_campaign=c6b104df50-email_campaign_2024_03_15_09_04_copy_01&utm_medium=email&utm_term=0_-a4545a3122-%5blist_email_id%5d.

5. Целесообразно внести изменения в оценку нагрузки на экосреду региона, территории и страны с учетом неизбежности процесса реиндустриализации как важнейшей составляющей устойчивого развития. Наложение штрафов и санкционное давление за использование «грязных» технологий в процессе реиндустриализации должны быть увязаны с обеспечением достижения критериев реиндустриализации 4.0, поскольку в современных условиях даже при доминировании сегмента услуг в ВВП экологический след

страны достаточно высок. Что же касается сельского хозяйства, то, видимо, сторонникам глобального мирового хозяйства следует несколько поумерить свои желания в части реализации международно-регулируемого распределения производительных сил и сокращения объемов животноводства в развитых странах в пользу их переноса в слаборазвитые экономики, обладающие избытком биоемкости, т.е. способностью экосреды страны поглощать выбросы и утилизировать отходы.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету. Финансовый университет, Москва, Россия.

ACKNOWLEDGEMENTS

The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on a state assignment to a Financial University. Financial University, Moscow, Russia.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Simon Evenett, Adam Jakubik, Fernando Martín, Michele Ruta. The return of industrial policy in data. URL <https://web.archive.org/web/20240111152806/https://cepr.org/voxeu/columns/return-industrial-policy-data11>
2. Aiyar S, Presbitero A. and Ruta M. Geoeconomic fragmentation: The economic risks from a fractured world economy. CEPR Press; 2023.
3. Hoekman B, Mavroidis P. C., Nelson D. R. Non-economic objectives, globalisation and multilateral trade cooperation. CEPR Press; 2023.
4. Erkman S. Industrial ecology: an historical view. *Journal of Cleaner Production*. 1997;5(1–2):1–10.
5. Graedel Thomas E., Eckelman Matthew J. Industrial ecology and sustainability. DOI: 10.1142/13447
6. Xiaozhen Xu., Xiaozhen Xu., Gang Liu. Modernizing cement manufacturing in China leads to substantial environmental gains. *Communications Earth & Environment*. 2022;3(1):276. DOI: 10.1038/s43247-022-00579-3
7. Shekhar Aiyar, Jiaqian Chen, Christian H. Ebeke, Roberto Garcia-Saltos et al. Geoeconomic fragmentation and the future of multilateralism. *Staff Discussion Notes*. January 15, 2023.
8. Kling Arnold. The post-industrial state. *National affairs*. 2022;(53). URL: <https://www.nationalaffairs.com>.
9. Sun Y., Zhu S., Wang D. et al. Global supply chains amplify economic costs of future extreme heat risk. *Nature*. 2024;627:797–804. DOI: 10.1038/s41586-024-07147-z
10. Ha-Joon Chang, Andreoni Antonio. Bringing production back into development: an introduction. *The European Journal of Development Research*. 2021;33:165–178. DOI: 10.1057/s41287-021-00359-3
11. Robbins L. An essay on the nature and significance of economic science. London: MacMillan and Co. Macmillan and co., limited st. martin's street, London; 1945, p. 16.
12. Pranav Gavali. Ranked: The world's 50 top countries by GDP. 2023. URL: <https://www.visualcapitalist.com/cp/gdp-by-country-sector-breakdown>.
13. Chang HJ., Andreoni A. Bringing production back into development: An introduction. *Eur J Dev Res* 33: 165–178. 2021. DOI: 10.1057/s41287-021-00359-3
14. Lee K. Schumpeterian analysis of economic catch-up. Cambridge: Cambridge University Press; 2014. DOI: 10.1017/CBO9781107337244
15. Hallegatte S., Rogelj J., Allen M. et al. 2016. Mapping the climate change challenge. *Nature Climate Change*. 2016;(6):663–668.

16. Fuso Nerini F., Andreoni A., Bauner D., and Howells M. Powering production: The case of the sisal fibre production in the Tanga region, Tanzania. *Energy Policy*. 2016;(98):544–556.
17. Galbraith J. Inequality and instability. A study of the world economy just before the great crisis. Oxford: Oxford University Press.; 2012.
18. Bezat Jean-Michel. Reindustrialization: “Whether they admit it or not, European leaders defend national interests first”. URL: https://www.lemonde.fr/en/opinion/article/2023/05/16/reindustrialization-whether-they-admit-it-or-not-european-leaders-defend-national-interests-first_6026796_23.html.
19. Eichengreen Barry. The new industrial politics. Oct 9, 2023. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/return-of-industrial-policy-only-partly-vindicated-by-barry-eichengreen-2023-10>.
20. Перская В.В., Морковкин Д.Е., Чупин А.Л., Хомякова Л.И., Басова М.М. Концептуальные основы развития теории ESG применительно к российскому бизнесу. *Вопросы истории*. 2022;(9–1):256–270.
Perskaya V.V., Morkovkin D.E., Chupin A.L., Khomyakova L.I., Basova M.M. Conceptual framework for the development of theory in relation to Russian business. *Voprosy istorii = History issues*. 2022;(9–1):256–270. (In Russ.).
21. Kastelli Ioanna, Mamica Lukasz, Lee Keun. New perspectives and issues in industrial policy for sustainable development: From developmental and entrepreneurial to environmental state. *Rev Evol Polit Econ*. 2023;(4):1–25. DOI: 10.1007/s43253-023-00100-2
22. Johnson C. MITI and the Japanese miracle: The growth of industrial policy, 1925–1975. Chalmers Johnson. Stanford University Press, Stanford, Calif; 1982.
23. Thurbon E., Kim S.Y., Tan H., Mathews J. Developmental environmentalism: State ambition and creative destruction in East Asia’s green energy shift. Oxford University Press, Oxford; 2023.
24. Aiginger K, Rodrik D. Rebirth of industrial policy and an agenda for the twenty-first century. *J Ind Compet Trade*. 2020;20.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Виктория Вадимовна Перская — доктор экономических наук, профессор, директор Института исследований международных экономических отношений, профессор кафедры мировой экономики и мировых финансов, заслуженный экономист России, Финансовый университет, Москва, Россия

Victoria V. Perskaya — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Director of the Institute for International Economic Relations Research, Prof. of the Department of World Economy and World Finance, Honored Economist of Russia, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-1988-4374>

Vperskaya@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 09.01.2025; принята к публикации 10.03.2025.

The article was received 09.01.2025; accepted for publication 10.03.2025.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The author read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-31-47
УДК 338.45(045)
JEL L95, Q57

Природный газ как ресурс обеспечения национальной и экологической безопасности России

Д.И. Кондратов

Институт экономики РАН, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Актуальность исследования обусловлена увеличением добычи сжиженного природного газа в отличие от нефти, по которой прослеживается тенденция к сокращению производства вследствие того, что газовая отрасль считается более эффективной и привлекательной с точки зрения создания добавленной стоимости. *Предмет исследования* — процессы трансформации основных направлений развития российского газового рынка. *Цель работы* — установление возможности диверсификации поставок газа в восточном направлении. Установлено, что за период 2010–2023 гг. на 29,4 п.п. сократилась доля старых районов газодобычи: Надым-Пур-Тазовского и Волго-Уральского — и вырос удельный вес новых разведанных запасов «голубого топлива»: Ямал-Гыдана и шельфа Каспийского моря. В наибольшей степени увеличилась добыча газа на полуострова Ямал и Гыдан после ввода в эксплуатацию трех крупных месторождений: Утреннего, Южно-Тамбейского и Бованенковского.

Спрогнозировано, что значимость природного газа (наряду с нефтью и нефтепродуктами) — одного из ключевых источников валютных поступлений в бюджетную систему — будет сохраняться достаточно долго, стоимость экспорта газа из России к 2030 г. увеличится на 12,4% до 57,6 млрд долл. США, а доля в суммарных поставках сократится на 12,3 п.п. до 10,3%. *Сделан вывод* о том, что, несмотря на геополитические обстоятельства и введенные против нашей страны санкции, поставки газа на экспорт до 2050 г. останутся стабильными, а по некоторым направлениям превысят уровень 2019 г., тогда как накопленных запасов и потенциальных ресурсов природного газа достаточно до 2050 г. для его разумного использования внутри страны и поставок на экспорт.

Ключевые слова: газовая отрасль; экспорт газа; сжиженный природный газ

Для цитирования: Кондратов Д.И. Природный газ как ресурс обеспечения национальной и экологической безопасности России. *Экономика. Налоги. Право.* 2025;18(2):31-47. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-31-47

ORIGINAL PAPER

Natural Gas as a Resource for Ensuring Russia's National and Environmental Security

D.I. Kondratov

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ABSTRACT

The relevance of the study is due to an increase in the production of liquefied natural gas, unlike oil, which has a tendency to reduce production due to the fact that the gas industry is considered more efficient and attractive in terms of creating added value. *The subject of the research* is the processes of transformation of the main directions of development of the Russian gas market. *The purpose of the work* is to establish the possibility of diversifying gas supplies to the east. It was found that over the period 2010–2023, the share of old gas production areas — Nadym-Pur-Taz and Volga-Ural — decreased by 29.4 percentage points and the share of new proven reserves of “blue fuel” — Yamal-Gydan and the Caspian Sea shelf increased. Production on the Yamal and Gydan peninsulas increased the most due to the commissioning of three large fields: Utrennoye, Yuzhno-Tambeyskoye and Bovanenkovsky. *It is predicted* that the importance of natural gas (along with oil and petroleum products), one of the key sources of foreign exchange earnings, will remain for a long time: by 2030, the value of gas exports from Russia will increase by 12.4% to 57.6 billion US dollars, and the share in total supplies will decrease by 12.3 percentage points to 10.3%. *It is concluded* that, despite the geopolitical circumstances and the sanctions imposed against our country, gas supplies for export will remain stable until 2050, and in some areas will exceed the

© Кондратов Д.И., 2025

level of 2019, while the accumulated reserves and potential resources of natural gas are sufficient until 2050 for its reasonable use within the country and for export.

Keywords: gas industry; gas export; liquefied natural gas

For citation: Kondratov D.I. Natural gas as a resource for ensuring Russia's national and environmental security. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(2):31-47. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-31-47

ВВЕДЕНИЕ

Анализ ретроспективных тенденций газового рынка необходим не только для среднесрочного, но и для долгосрочного прогнозирования экспорта газа¹.

Неслучайно до 2022 г. (за исключением отдельных периодов, например 2008–2009 гг. и 2014–2016 гг.) правительственные оценки перспектив развития сырьевого комплекса отличались оптимизмом, нарастающим год от года по мере роста добычи ископаемых источников энергии.

И это несмотря на то, что в период 2010–2023 гг. российская экономика развивалась сравнительно медленно: среднегодовые темпы прироста физического объема ВВП в 2010–2023 гг. составляли всего 1,5%, тогда как в других государствах БРИКС — 5,7%, в том числе в Китае — 6,5%.

Неблагоприятные изменения внешнеэкономической конъюнктуры в 2013–2023 гг. (кроме

2022 г.) обусловили замедление добычи и экспорта газа, уменьшив получение валютной выручки от продажи «голубого топлива». Так, если в 2013 г. продажам газа обеспечивалось 13,7% экспорта, то в 2023 г. — только 12,7%, а в структуре энергетических товаров (за исключением угля) — 14,5% (в 2013 г. — 20,2%) (рис. 1).

Что касается географического распределения экспорта (как в физическом, так и в стоимостном выражениях), основное снижение добычи газа за последние два года пришлось на страны Евросоюза, тогда как стоимость экспорта «голубого топлива» в Китай увеличилась на 28,6% до 10,47 млрд долл. США, из них сжиженного природного газа (далее — СПГ) — 2,1% до 3,95 млрд долл. США, трубопроводного газа — 52,7% до 6,52 млрд долл. США (рис. 2). Причем с февраля 2023 г. по сентябрь 2024 г. объемы экспорта трубопроводного газа стабильно превышали поставки СПГ (рис. 3).

При этом потребление топливно-энергетических ресурсов также росло очень медленно (как и в случае ВВП) и в 2023 г. было лишь на 13,9% выше (в основном за счет увеличения спроса на нефте-

¹ В статье данные по экспорту газа носят оценочный характер ввиду того, что официальные сведения по нему не обнародовались с марта 2022 г.

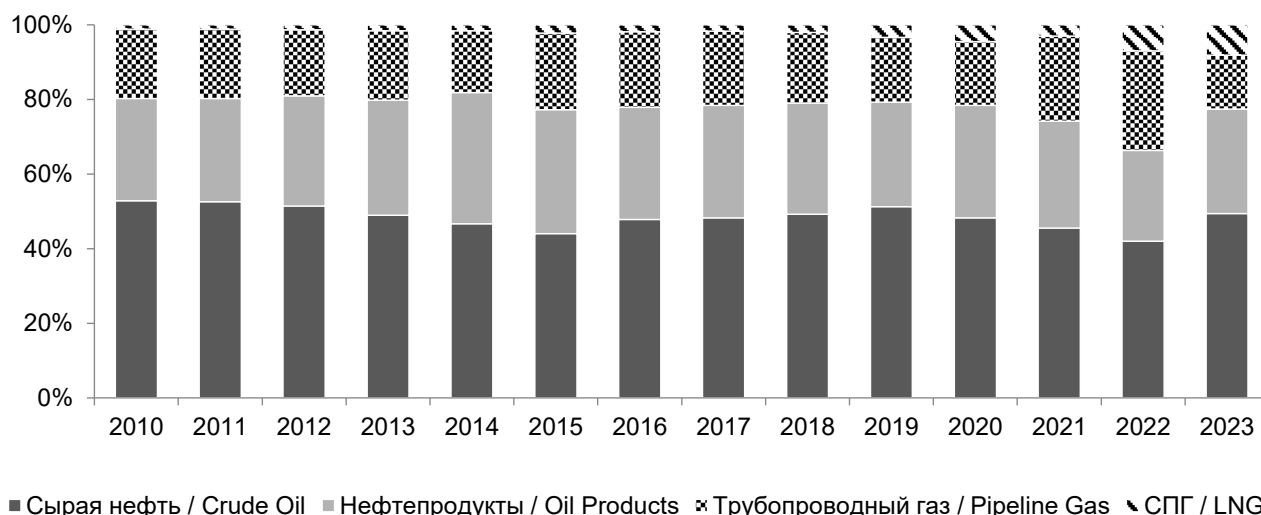

Рис. 1 / Fig. 1. Структура экспорта топливно-энергетических товаров (за исключением угля) Российской Федерации, % / Main commodities' exports of the Russian Federation (excluding coal), %

Источники / Sources: ФТС России, Евростат и оценки автора / Federal customs service of the Russian Federation, Eurostat and author's ratings.

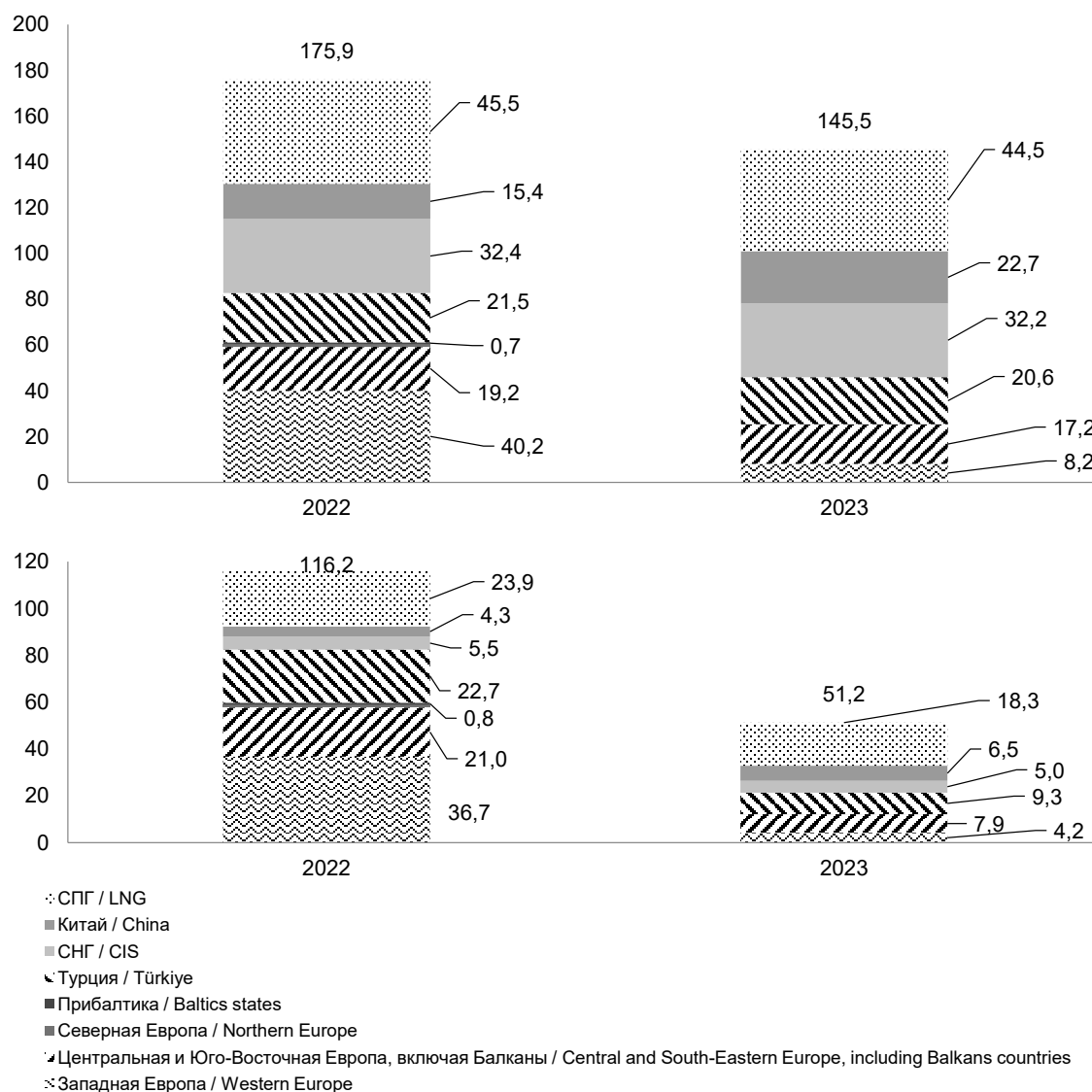

Рис. 2 / Fig. 2. Экспорт газа Российской Федерации, млрд куб. м (верхний рисунок), млрд долл. США (нижний рисунок) / Russia's gas exports, bcm (top), billions of US dollars (lower)

Источники / Sources: оценки автора / author's ratings.

Примечание / Note: bcm — billion cubic meters.

продукты), чем в 2010 г., в том числе природного газа — всего на 0,7%. Одновременно сокращалась энергоемкость экономики.

Уменьшение энергоемкости ВВП произошло из-за действия трех факторов. *Первый* — увеличение загрузки производственных мощностей; *второй* — сокращение доли добывающей промышленности и увеличение доли услуг; *третий* — реализация энергосберегающих мероприятий.

Только за период 2010–2022 гг. согласно данным ОЭСР и ООН доля услуг в ВВП России (в постоянных ценах 2015 г.) возросла с 56,2 до 56,9%,

а удельный вес добывающей промышленности уменьшился на 0,9 п.п. до 10,8%. Одновременно увеличилась доля транспорта — с 7,5 до 7,8%.

При рассмотрении третьего фактора, повлиявшего на уровень энергоемкости, следует иметь в виду, что на его воздействие могло повлиять изменение в структуре цен, рост которых на энергоресурсы в среднем обгонял увеличение уровней цен в промышленности и в других сферах.

Производство энергоресурсов было мотивировано как ростом внутренних потребностей, так и продвижением на внешние рынки топливных

ресурсов, чему благоприятствовала их хорошая конъюнктура. Рост емкости рынков нефти и газа и некоторых других видов топлива сопровождался быстрым увеличением цен. Лидерские позиции занимали рынки нефти и СПГ, что давало возможность увеличивать как физический объем экспорта, так и валютную выручку, способствуя росту российской экономики и, следовательно,

обеспечению внутренних потребностей в энергоресурсах. При приращении внутреннего потребления топливно-энергетических ресурсов (далее — ТЭР) на 13,9% их производство возросло значительно выше — на 18,9% (оценочные данные).

Только добыча товарного газа продемонстрировала рост, близкий к увеличению извлечения

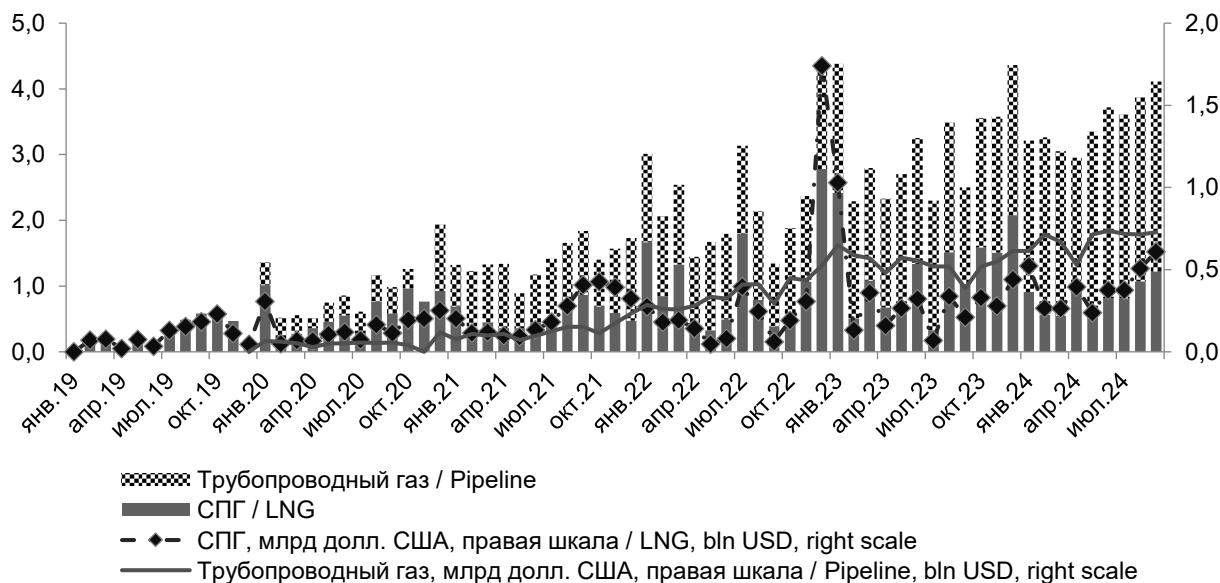

Рис. 3 / Fig. 3. Помесячная динамика поставок газа из России в КНР /
Monthly dynamics of gas supplies from Russia to China

Источники / Sources: URL: <http://stats.customs.gov.cn/indexEn>; <https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-10-21/china-is-overtaking-europe-as-top-market-for-russia-s-pipeline-gas>; URL: <http://stats.customs.gov.cn/indexEn>, Bloomberg (<https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-10-21/china-is-overtaking-europe-as-top-market-for-russia-s-pipeline-gas>).

Примечание / Note: СПГ — сжиженный природный газ / LNG — liquefied natural gas.

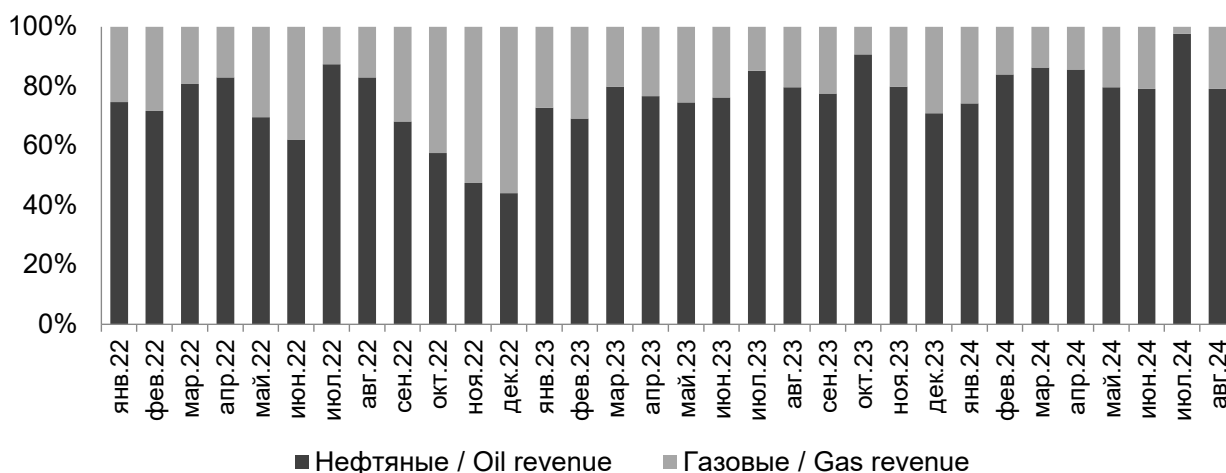

Рис. 4 / Fig. 4. Структура нефтегазовых доходов России, % / Russia's oil and gas tax revenue, %

Источник / Source: URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-09-04/kremlin-oil-gas-revenues-up-by-fifth-as-demand-for-flows-rises>.

ископаемых топлив в целом на 0,9%. Таким образом, газовая отрасль России является одной из ключевых и от состояния дел в ней зависит, каким развитие страны будет в последующие годы.

Тем более удельный вес газовых доходов России (в общем объеме нефтегазовых поступлений) неуклонно растет. Согласно данным *Bloomberg* в апреле 2022 г. они составляли 17,0%, но уже к августу 2024 г. увеличились на 3,9 п.п. до 20,9%. При этом в отдельные периоды (ноябрь–декабрь 2022 г.) газовые доходы были выше (рис. 4), чем нефтяные, что свидетельствует о важности газовой промышленности².

РОЛЬ ГАЗОВОГО СЕКТОРА В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

Россия — один из основных производителей и экспортеров нефти (и товаров ее переработки, особенно дизельного топлива) и природного газа на зарубежные рынки. Однако в последнее время удельный вес этих поставок снижается вследствие активного наращивания добычи сланцевой нефти и газа на территории США

² Помимо выплат нефтегазовых налоговых поступлений, нефтяной сектор участвует в формировании нефтегазовых доходов бюджета на общих основаниях. Основными налогами, уплачиваемыми в качестве нефтегазовых, являются налог на прибыль организаций, налог на имущество, страховые взносы на обязательное социальное страхование (поступают во внебюджетные социальные фонды), прочие налоги.

и влияния геополитических обстоятельств, развившихся в приостановке прокачки газа по трубопроводам «Ямал — Европа» и «Северный поток — 1».

Так, по оценкам консалтинговой компании *IHS Markit* в 2023 г. доля России в мировой добыче нефти (включая газовый конденсат, без учета газоконденсатных жидкостей и широких фракций легких углеводородов) составила 12,8%, что на 1,2 п.п. ниже уровня 2010 г., а природного газа (рис. 5) — 15,4% (–4,4 п.п.).

Большая часть добытых углеводородов, а также производных из них направляется на удовлетворение запросов внешнеэкономических партнеров. Так, согласно данным ОПЕК, ФТС России, в 2023 г. удельный вес экспорта в добыче нефти составил 47,8%, газа (включая СПГ) — 22,8%, а в выпуске нефтепродуктов — 38,2%.

В период 2010–2023 гг. наблюдалась, с одной стороны, тенденция к сокращению доли нефти, поставляемой на внешние рынки. С другой стороны, прослеживалась тенденция к увеличению удельного веса нефтепродуктов и газа (до 2021 г.), поставляемых за рубеж. Представленная динамика свидетельствует о том, что схема регулирования в отрасли весь последний период была настроена таким образом, чтобы обеспечивать опережающий уровень маржинальности в секторе нефте- и газопереработки.

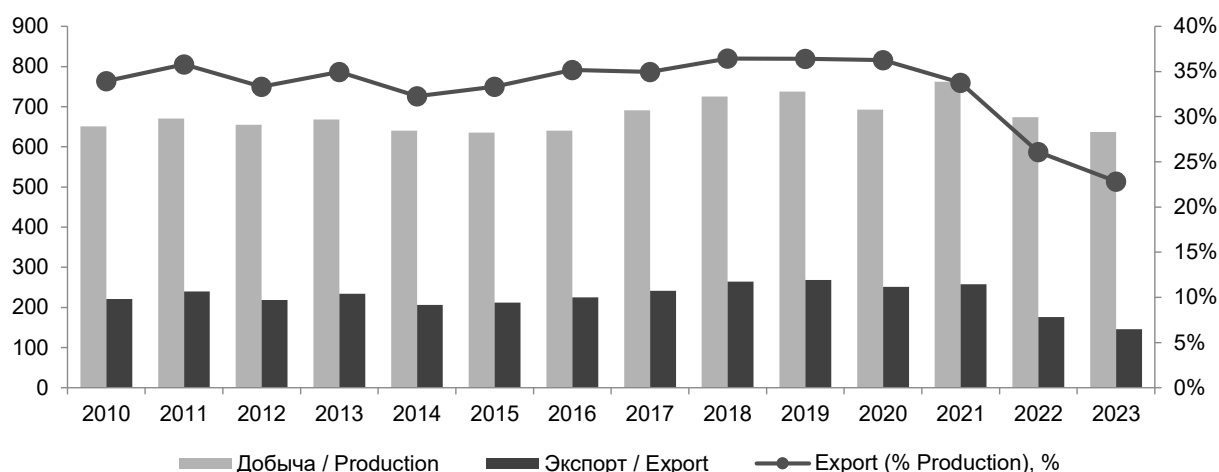

Рис. 5 / Fig. 5. Добыча и экспорт газа (включая СПГ) в России, млрд куб. м /
Russian gas production and exports (including LNG), bcm

Источники / Sources: Центральное диспетчерское управление (ЦДУ) ТЭК, ФТС России и ОПЕК / Central Dispatching Department of Fuel Energy Complex (CDU TEK), Federal customs service of the Russian Federation and OPEC.

Примечание / Note: bcm — billion cubic meters.

ЭКСПОРТ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ ТОВАРОВ

Энергетические поставки нефти, нефтепродуктов, трубопроводного газа и СПГ на рынки дальнего и ближнего зарубежья занимают большую часть совокупного экспорта России. В 2023 г. суммарный экспорт ключевых энергетических товаров (рис. 6) составил 226,7 млрд долл. США, снизившись по сравнению с 2022 г. на 34,3%, или 118,2 млрд долл. США, что было обусловлено уменьшением экспортных цен на нефть и газ в сочетании с сокращением физических объемов поставок сырья, в основном сырой нефти и природного газа, тогда как поставки нефтепродуктов выросли (согласно оценкам *Energy Institute* экспорт нефтепродуктов сократился на 25,4% к уровню 2022 г. до 90,9 млн т, или 1,9 млн барр./сут.).

Вывоз нефти и нефтепродуктов (в стоимостном выражении) сократился с 228,7 млрд долл. США в 2022 г. до 175,5 млрд долл. США в 2023 г., в том числе сырой нефти — с 145,0 до 112,1 млрд долл. США, что на 22,7% ниже уровня предыдущего года. Отгрузка природного газа на экспорт уменьшилась на 55,9% до 51,2 млрд долл. США, из них трубопроводного газа — на 64,4% до 32,9 млрд долл. США и СПГ — 23,3 млрд долл. США

до 18,3 млрд долл. США. Таким образом, доля четырех ключевых энергетических товаров в общем объеме экспорта товаров из нашей страны составила 53,4% (в 2022 г. — 58,2%).

В сложившейся модели экономического развития страны доходы от экспорта сырьевых товаров направляются в основном на компенсацию негативных последствий низкой конкурентоспособности других отраслей отечественной экономики.

ЗАПАСЫ ГАЗА

Оценка запасов газа в России согласно различным источникам информации колеблется от 37,4 (данные *Energy Institute*) до 68,2 трлн куб. м (Минприроды России)³. Официально до 2014 г. указанная информация не раскрывалась. Согласно данным, основанным на международном аудите, запасы газа в России оцениваются в 30–35 трлн куб. м [обеспеченность добычи (далее — *R/P*: (количество известных ресурсов) / (количество, используемое

³ Российская Федерация занимает лидирующее положение в мире по начальным суммарным ресурсам (далее — НСР) газа, на ее долю приходится 248 трлн м³ (43,2% от НСР на планете). Сегодня разведанные запасы газа оцениваются величиной около 48 трлн м³. Это означает, что степень разведанности НСР в стране в целом не превышает 25%.

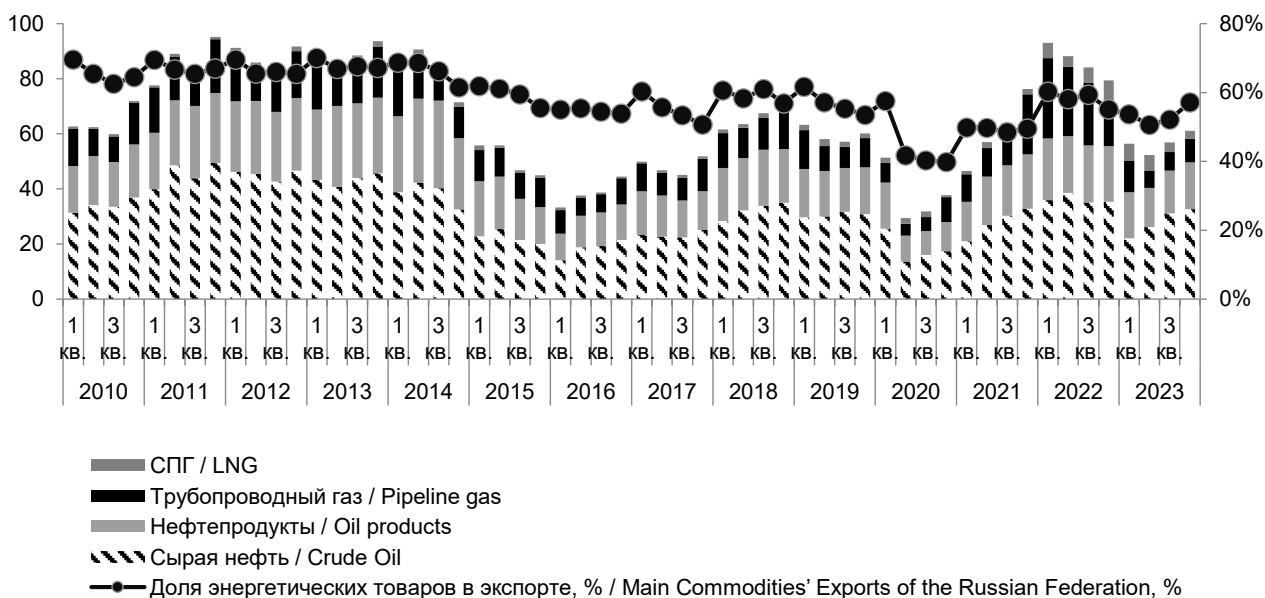

Рис. 6 / Fig. 6. Экспорт Российской Федерации энергетических товаров, млрд долл. США / Main commodities' exports of the Russian Federation, billion USD

Источники / Sources: Банк России, ФТС России и оценки автора / Bank of Russia, Federal customs service of the Russian Federation and author's ratings.

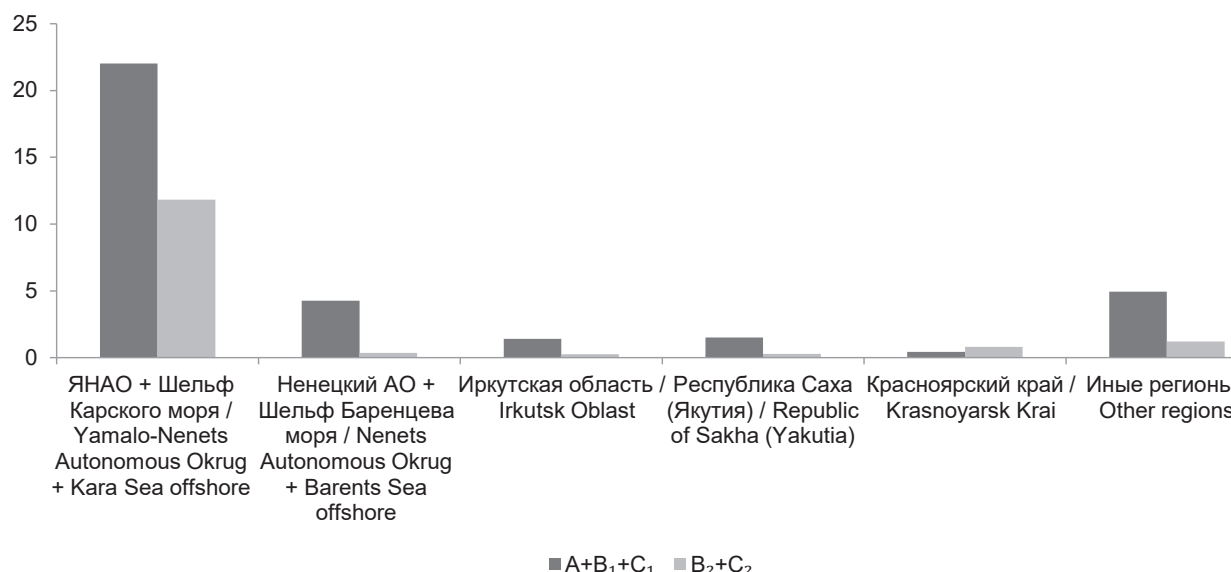

Рис. 7 / Fig. 7. Структура запасов нефти в России по категориям и регионам, трлн куб. м /
Natural gas reserves in Russia, trillion cubic metres

Источник / Source: Минприроды России / Ministry of Natural Resources and Environment of the Russian Federation URL: <https://vims-geo.ru/ru/activity/iacn/russia/gosdokladi>.

в год)], которых хватит на 43–50 лет — время, которое потребуется для полного исчерпания оставшихся запасов газа при текущей годовой норме отбора. Согласно российской классификации запасов эта величина в 2,5 раза больше.

В Государственном докладе о состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов указан уровень 68,2 трлн куб. м и соответственно $R/P = 99$, в том числе запасы категории A+B 1+C 1⁴ — 45,6 трлн куб. м, или $R/P = 66$. Структура по регионам показана на рис. 7.

Аудит запасов и ресурсов сланцевого газа (как, впрочем, и нефти) в России пока не проводился. При этом, как отмечают ученые, «учитывая его дороговизну и высокую трудоемкость, а также конкуренцию с располагаемыми ресурсами традиционного природного газа, вряд ли в перспективе до 2040 г. он сможет играть заметную роль в энергоснабжении страны» [1]. В то же время

согласно данным Управления энергетической информации Министерства энергетики США технически извлекаемые ресурсы сланцевого газа в России составляют около 10,06 трлн куб. м, или 3,9% мировых, а в соответствии с данными Федерального института наук о земле и природных ресурсах (*Bundesanstalt für Geowissenschaften und Rohstoffe*) — 9,5 трлн куб. м, или 4,1%.

Разработка месторождений на континентальном шельфе Арктики, где ресурсы газа, по словам главы Роснедра Е.И. Петрова, могут превышать 85,0 трлн куб. м⁵, дадут существенный прирост добычи. При этом отсутствие собственных технологий и отказ от сотрудничества иностранных компаний — ключевые проблемы в северных морях.

Российская классификация углеводородного сырья отличается от используемых в мире периодизаций. Согласно данным *Oil & Gas Journal* (рис. 8) доказанные и вероятные запасы газа России на 1 января 2024 г. составили 59,6 трлн куб. м. Наша страна занимает первое место в мире, добывая 22,5% от общемировых запасов (рис. 9). На втором и третьем расположились Иран⁶ и Катар в размере

⁴ Категория А — запасы, детально изученные разведочным и эксплуатационным бурением и находящиеся в промышленной разработке. Категория В 1 — запасы, разрабатываемые отдельными скважинами, неразбуренные эксплуатационной сеткой скважин, разведанные, подготовленные к промышленной разработке. Категория С 1 — запасы по новым залежам, нефтегазоносность которых установлена на основании благоприятных показателей геологоразведки, а также запасы части залежи, примыкающей к площадям с запасами категории В.

⁵ Глава Роснедр заявил, что ресурсы газа на шельфе РФ в Арктике составляют 85 трлн куб. м // ТАСС: сайт. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16440429>.

⁶ Снятие санкций и ограничений на экспорт углеводородов позволит государству увеличить добычу и вывоз сырья,

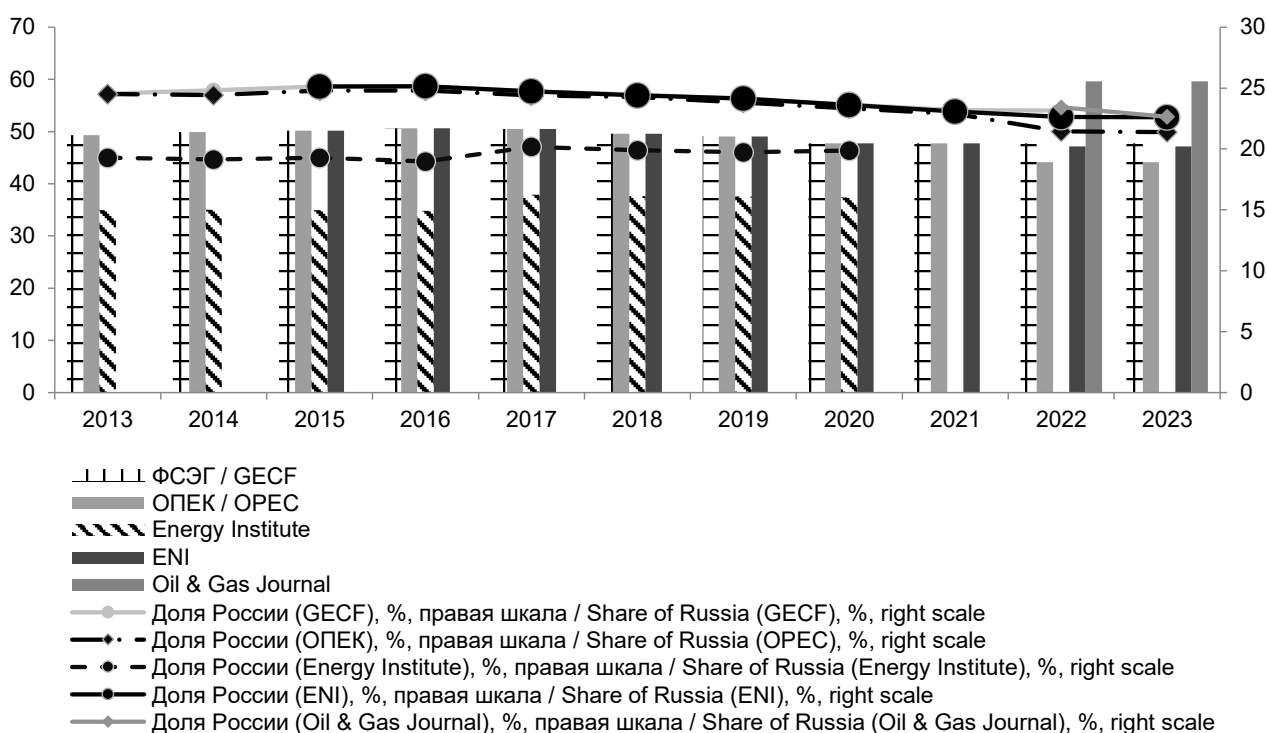

Рис. 8 / Fig. 8. Запасы природного газа в России согласно различным источникам информации, трлн куб. м / Natural gas reserves in Russia by sources, trillion cubic metres

Источник / Source: GECF, ОПЕК, Energy Institute, ENI и Oil & Gas Journal / GECF, OPEC, Energy Institute, ENI and Oil & Gas Journal.

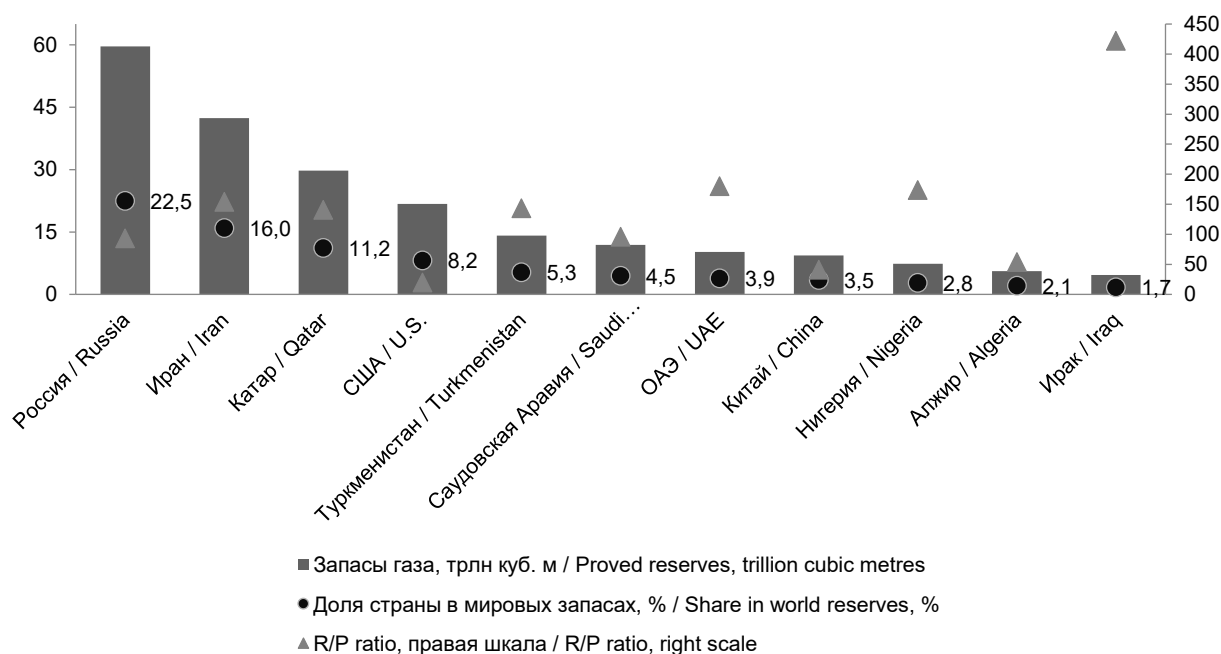

Рис. 9 / Fig. 9. Запасы газа по крупнейшим странам на 1 января 2024 г., трлн куб. м / Estimated proved reserves by countries, Jan. 01, 2024, trillion cubic metres

Источник / Source: Oil & Gas Journal (https://img.ojg.com/files/base/ebm/ojg/image/2023/12/657232bf27b55c001e0c9584-231204ogj022023_ww_table.png).

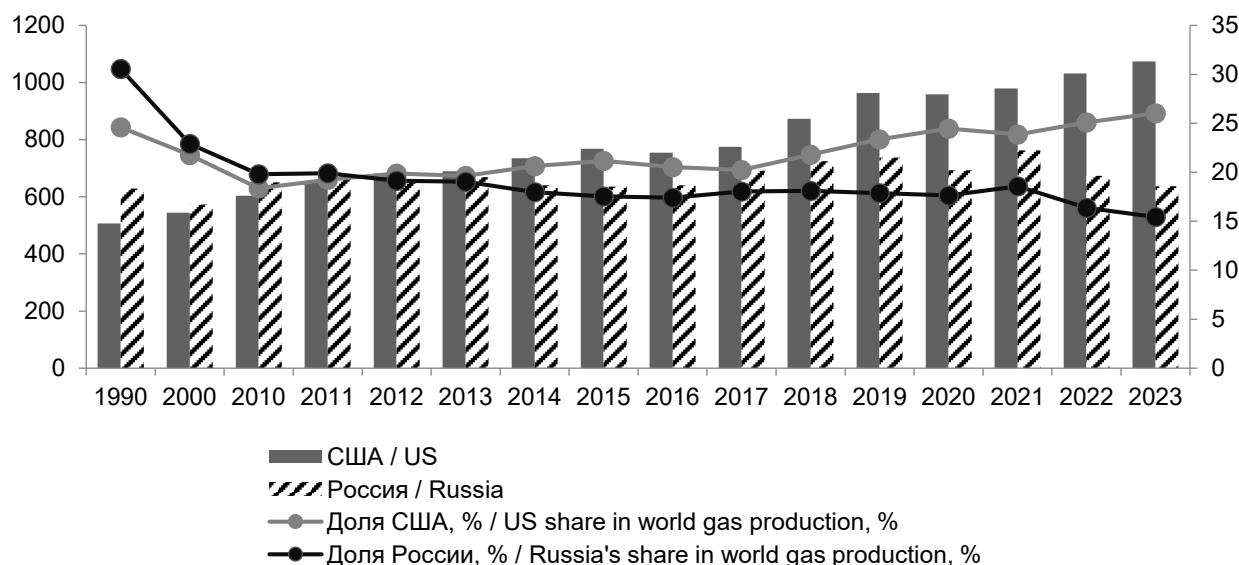

Рис. 10 / Fig. 10. Добыча газа в России и США, млрд куб. м / Historical natural gas production in Russia and U.S., bcm

Источники / Sources: JODI, EIA и ЦДУ ТЭК / JODI, EIA and Central Dispatching Department of Fuel Energy Complex (CDU TEK).

Примечание / Note: Bcm – Billion Cubic Meters.

добычи 42,4 и 29,8 трлн куб. м газа соответственно. Замыкает четверку лидеров США с показателями 21,7 трлн куб. м.

Однако, несмотря на достаточную ресурсную базу, доказанные запасы газа в России по сравнению с 2015 г. сократились на 2,45 трлн куб. м, что свидетельствует о недофинансировании геологоразведки. Так, согласно данным *Rystad* и *Wood Mackenzie* в 2023 г. инвестиции в геологоразведку (в постоянных ценах 2015 г.) в России составили 24,5 млрд долл. США, что почти на 20,0 млрд долл. США ниже уровня 2015 г.

Уменьшение капиталовложений привело к тому, что если *R/P* России был в 2010 г. согласно данным ОПЕК на уровне 75 лет, то уже к концу 2023 г. он снизился до 69 лет (в соответствии с оценками *Oil & Gas Journal* — 94)⁷.

ДОБЫЧА ГАЗА

Промышленная добыча газа в России ведется с конца XIX в. При этом страна на протяжении достаточно длительного времени была мировым

несмотря на технологическое отставание отрасли и необходимость инвестиций в восстановление инфраструктуры. Напомним, что Иран осуществляет вывоз сырья только в Турцию, Армению, Азербайджан и Ирак.

⁷ Данные *Oil & Gas Journal* за 2010 г. в открытом доступе отсутствуют.

лидером по объемам добычи (до 2012 г.), опережая США (рис. 10) и ближневосточные государства.

Добыча газа в период в 1990-х гг. на фоне падения советской экономики (снижение ВВП с 1990 г. по 1997 г.⁸ на 39,4%, промышленности, включая строительный сектор, — 54,1%) и низких цен на топливно-энергетические товары сокращалась и достигла минимальных значений в 571,1 млрд куб. м в 1997 г., или 89,1% уровня 1990 г. Однако ряд благоприятных факторов, сложившихся после 1998 г., позволил России нарастить объем добычи газа с 591,4 млрд куб. м в 1998 г. до 762,3 млрд куб. м в 2021 г. и тем самым превзойти показатель базового года на 19% (рис. 11).

При этом важно отметить, что сокращение добычи газа в период 1990–1997 гг. происходило из-за внутреннего потребления (в основном в промышленности и генерации электроэнергии)⁹, тогда как экспорт ресурса снизился всего на 3,2%.

Далее на фоне высоких темпов прироста ВВП и инвестиций в основной капитал в период 1998–2013 гг. (за исключением 2009 г.) имели место расширение внутреннего спроса и увеличение

⁸ По данным Всемирного банка.

⁹ В 1997 г. потребление газа в промышленности составило 124,2 млрд куб. м, что на 25,1% ниже уровня 1990 г., генерации электроэнергии — 131,7 млрд куб. м (–26,4% к уровню 1990 г.).

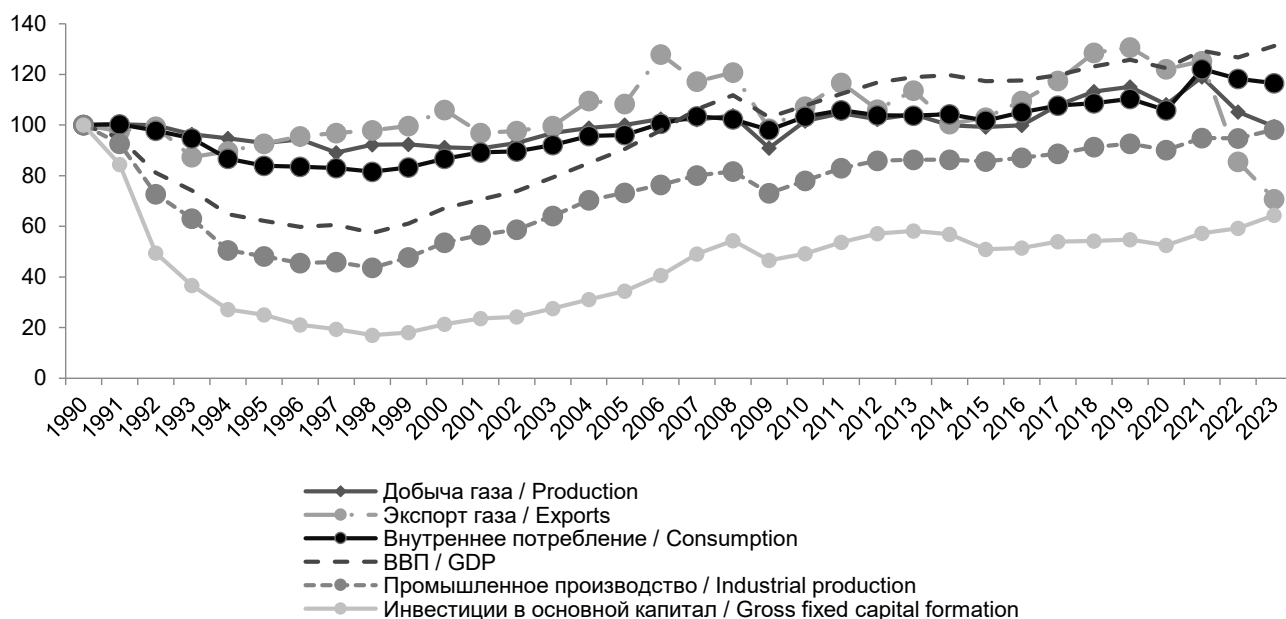

Рис. 11 / Fig 11. Динамика добычи, экспорта и внутреннего потребления газа, ВВП (по основным компонентам), 1990 = 100 / Historical natural gas production, exports, consumption and GDP (by components), 1990 = 100

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

экспорта. Согласно нашим оценкам в 2013 г. уровень внутреннего спроса составил 103,8% (к уровню 1990 г.), экспорта — 113,6%. В период 2013–2023 гг. сокращение добычи газа было обусловлено во многом уменьшением вывоза сырья в страны Евросоюза.

Можно констатировать, что газовая отрасль оказалась самой устойчивой к стрессовым ситуациям вследствие специфики структуры затрат — в ней значения текущих материальных и трудовых затрат по отношению к цене минимальны среди всех отраслей промышленности, и экономия на них при снижении объемов добычи невелика.

ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЙ РОСТ ДОБЫЧИ ГАЗА

Первоначальный период восстановительного роста поддерживался сначала эффектом девальвации курса рубля, затем ростом мировых цен на нефть и газ.

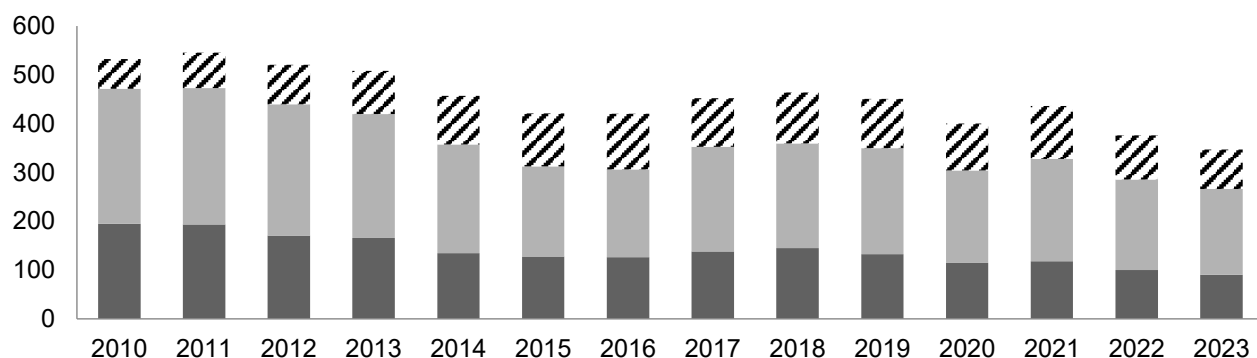
Предел развития отрасли на базе советского наследия наступил в 2007–2009 гг., когда темпы прироста добычи газа сначала снизились до минимальных значений, а затем и вовсе стали отрицательными. Данный феномен объясняется тем, что в 2000-х гг. система налогообложения была ориентирована на изъятие у нефтегазовых компа-

ний природной ренты — сверхдоходов от высоких цен на энергоносители. Налоги были привязаны к уровню мировых цен, и налогооблагаемой базой фактически выступала выручка компаний. По мере исчерпания и уменьшения запасов нефти и газа такая система налогов способствовала ограничению добычи газа, которая стала нерентабельной.

Начиная с 2008 г. велось обсуждение новой системы налогообложения. В итоге с 2014 г. фактически полностью была изменена система налогообложения газовой отрасли. Принятие новой системы налогообложения способствовало значительному повышению рентабельности практически всех проектов в газодобыче, в том числе на «старых» месторождениях в Надым-Пур-Тазовском районе, таких как Уренгойское, Ямбургское и Медвежье.

Помимо сокращения экспортной пошлины до 30%, были приняты другие меры, в том числе «ручного управления», ориентированные на поддержку конкретных крупных проектов¹⁰:

¹⁰ В газовом секторе ставка экспортной пошлины установлена на уровне 30%, и в рамках договора о вступлении в ВТО Россия взяла на себя обязательства не превышать этот уровень. При этом для отдельных экспортноориентированных проектов (в том числе для заводов по производ-

▨ Независимые производители / Independents

■ Прочие месторождения Газпрома / Gazprom Other

■ Ямбургское, Уренгойское и Медвежье месторождения / Production by Urengoy, Yamburg, and Medvezh'ye fields; not production associations

Рис. 12 / Fig. 12. Добыча газа в Надым-Пур-Тазовском районе, млрд куб. м /
Natural gas production on the Nadym-Pur-Taz, bcm

Источник / Source: ЦДУ ТЭК / Central Dispatching Department of Fuel Energy Complex (CDU TEK).

Примечание / Note: bcm – billion cubic meters.

- предоставление налоговых льгот проектам в новых регионах (Восточная Сибирь и Якутия, Каспий, шельф Карского и Баренцева моря), что повысило их рентабельность и сократило сроки окупаемости;

- использование понижающих коэффициентов для выработанных или трудноизвлекаемых запасов;

- отмена импортных пошлин на оборудование.

В результате реализации крупных проектов и применения вышеназванных мер с 2009 г. добыча газа увеличивалась на 1–2% в год и достигла 668,2 млрд куб. м в 2013 г., в том числе в Надым-Пур-Тазовском районе — 507,8 млрд куб. м (на трех основных — 165,9 млрд куб. м, рис. 12).

Вследствие введения санкций против нашей страны в 2022–2023 гг. добыча газа в России сократилась на 125,4 млрд куб. м (к уровню 2021 г.), или на 36,9 млрд куб. м (к уровню 2022 г.) и составила 636,9 млрд куб. м.

При этом доля газа из газовых залежей в структуре национальной добычи уменьшилась по сравнению с 2022 г. на 1,6 п.п. до 83,6%, а удельный вес попутного нефтяного газа (далее — ПНГ) соответственно вырос до 16,4%.

Снижение добычи газа в разрезе основных категорий производителей наблюдалось практически у всех крупнейших компаний — недропользователей, за исключением ПАО «НК «Роснефть».

За период 2010–2023 гг. примерно на 29,4 п.п. сократилась доля старых районов — Надым-Пур-Тазовского и Волго-Уральского — и вырос удельный вес новых — Ямал-Гыдана и шельфа Каспийского моря. В наибольшей степени увеличилась добыча на полуостровах Ямал и Гыдан в результате введения в эксплуатацию трех крупных месторождений: Утреннего, Южно-Тамбейского и Бованенковского. Кроме того, в период 2010–2023 гг. было отмечено абсолютное сокращение добычи в Надым-Пур-Тазовском районе на 185,5 млрд куб. м, что предопределило динамику добычи в России в целом.

В 2023 г. в структуре добычи произошло уменьшение объема товарного природного газа на 41,4 млрд куб. м (–7,2% к 2022 г.) и составило 532,7 млрд куб. м (рис. 13). В свою очередь добыча ПНГ увеличилась на 4,5% до 104,3 млрд куб. м. Доля ПНГ в добыче газа выросла с 14,8% (2022 г.) до 16,4% (2023 г.), а доля природного газа соответственно упала с 85,2% (2022 г.) до 83,6% (2023 г.). Таким образом, удельный вес ПНГ незначительно увеличился за 2023 г. и превысил уровень 2017 г.

Незначительное увеличение объема добычи газа произошло в соответствии с соглашениями

ству и экспорту СПГ) предусмотрен льготный режим в виде обнуления экспортной пошлины.

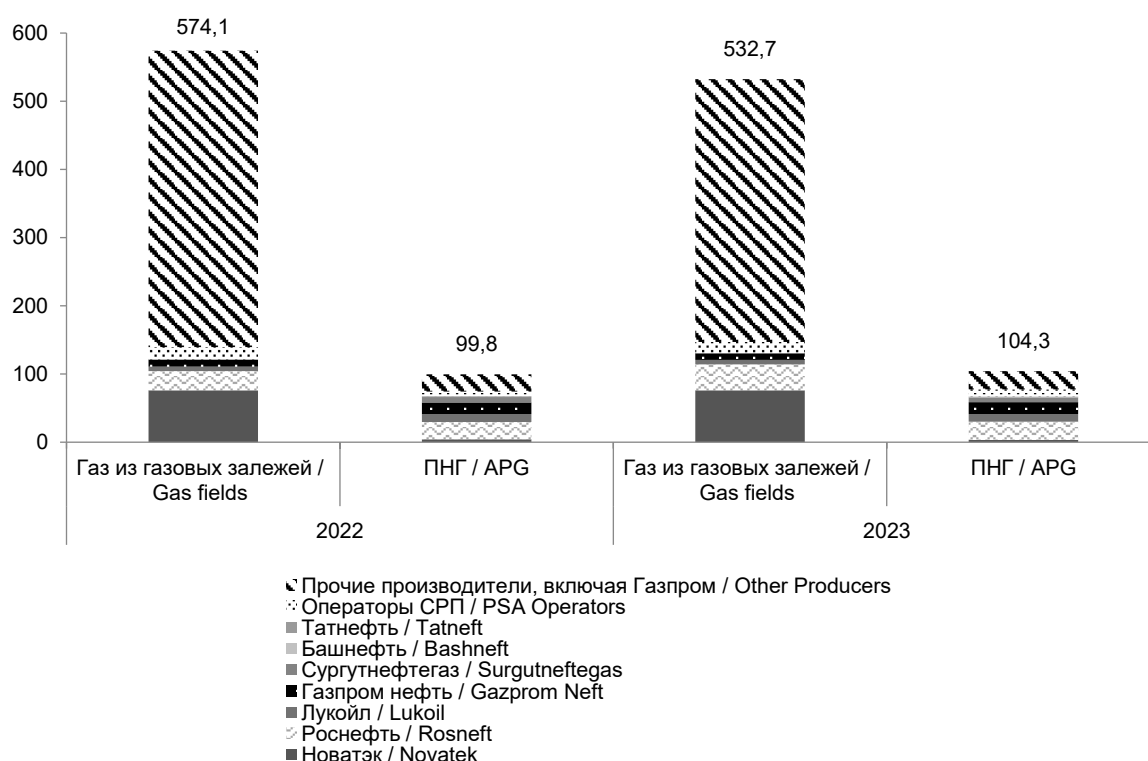

Рис. 13 / Fig. 13. Структура добычи газа в России, млрд куб. м /
Russian gas production by company, bcm

Источник / Source: ЦДУ ТЭК / Central Dispatching Department of Fuel Energy Complex (CDU TEK).

Примечание / Note: bcm — billion cubic meters, associated petroleum gas — APG.

операторов о разделе продукции (далее — СРП) на 2,2 млрд куб. м до 26,7 млрд куб. м.

Соответственно изменился удельный вес различных групп недропользователей в структуре добычи российского газа. Удельный вес операторов СРП вырос с 3,6 (2022 г.) до 4,2% (2023 г.).

Сектор добычи представлен несколькими крупными вертикально интегрированными нефтяными компаниями (далее — ВИНК), отдельными ВИНК поменьше и достаточно большим числом малых компаний. ПАО «Газпром», включая активы ПАО «Газпром нефть», является лидером по объемам добычи (рис. 14), с долей на рынке около 55–56%.

РАЗРАБОТКА БОВАНЕНКОВСКОГО МЕСТОРОЖДЕНИЯ

В конце 2018 г. «Газпром» ввел в эксплуатацию третий газовый промысел на Бованенковском месторождении (первый — 2012 г., второй — 2014 г.), благодаря чему к 2021 г. общая добыча газа дости-

гла уровня в 110,8 млрд куб. м в год, что составляло около 14,5% всего производства газа в России. Для сравнения: в 2015 г. на Бованенковском месторождении было добыто 82,8 млрд куб. м газа. В 2022 г. добыча снизилась на 35,8 млрд куб. м (к уровню 2021 г.), до 75,0 млрд куб. м.

К 2050 г. согласно нашим оценкам на Бованенковском месторождении планируется добывать 230–280 млрд куб. м (рис. 15 и 16) для компенсации падающей добычи газа в Надым-Пур-Тазовском районе.

ПРОГНОЗ ДОБЫЧИ ГАЗА РОССИИ

Согласно прогнозу Минэнерго России (документ имеется в распоряжении автора статьи) к 2050 г. добыча природного и попутного нефтяного газа увеличится в 1,7 раза (к уровню 2023 г.) до 1107,0 млрд куб. м, а по оценкам ВР (базовый сценарий) — 1,24 раза, до 787,0 млрд куб. м (рис. 17).

В соответствии с нашим прогнозом в базовом сценарии развития газовой промышленности

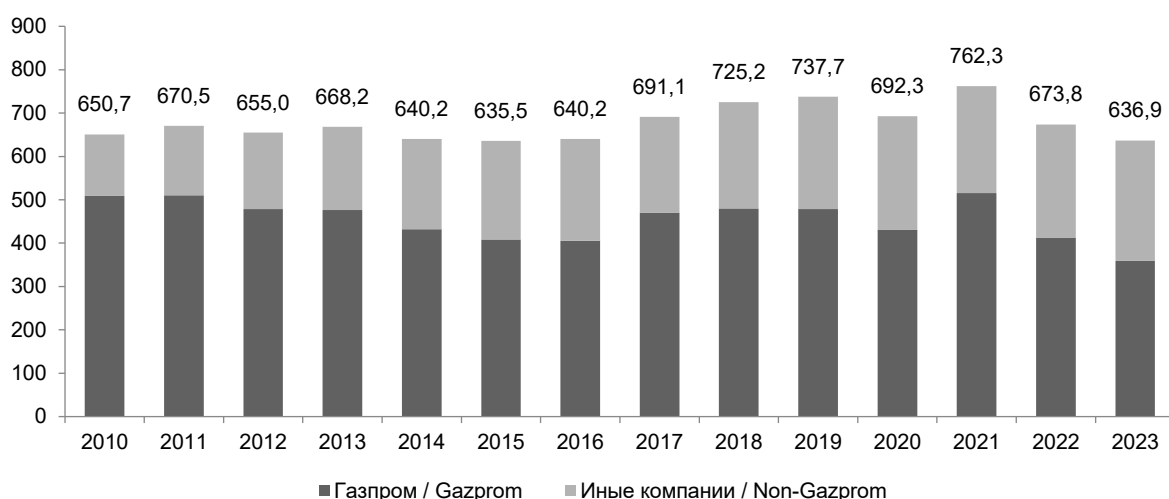

Рис. 14 / Fig 14. Добыча газа в России по компаниям, млрд куб. м /
Russian gas production by company, bcm

Источники / Sources: ПАО «Газпром» и ЦДУ ТЭК / Public Joint Stock Company Gazprom and Central Dispatching Department of Fuel Energy Complex (CDU TEK).

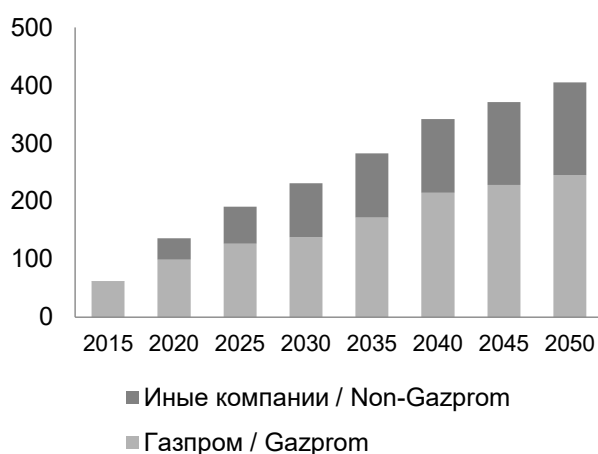

Рис. 15 / Fig. 15. Добыча газа на полуостровах Ямал и Гыдан, млрд куб. м, базовый сценарий / Gas production on the Yamal and Gydan peninsulas, bcm, base case

Источники / Sources: Минприроды России / Ministry of Natural Resources and Environment of the Russian Federation. URL: <https://vims-geo.ru/ru/activity/iacn/russia/gosdokladi/>.

к 2050 г. добыча «голубого топлива» вырастет в 1,3 раза до 836,5 млрд куб. м. При этом основной прирост добычи придется на полуострова Ямал и Гыдан, где производство газа увеличится с нынешних 146,7 млрд куб. м до 352,0 млрд куб. м. Наиболее перспективным видится разработка Утреннего

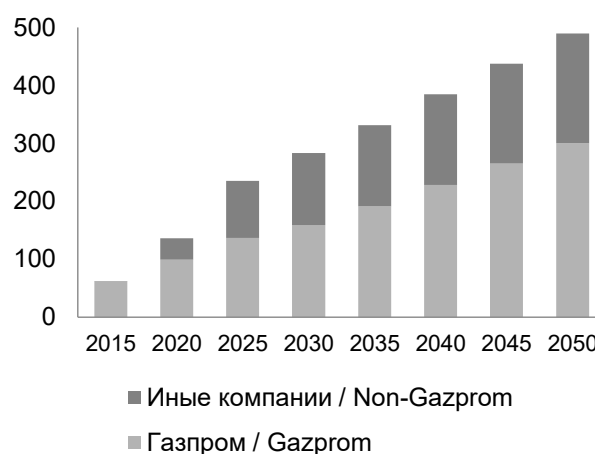

Рис. 16 / Fig. 16. Добыча газа на полуостровах Ямал и Гыдан, млрд куб. м, оптимистический сценарий / Gas production on the Yamal and Gydan peninsulas, bcm, high case

Источники / Sources: Минприроды России / Ministry of Natural Resources and Environment of the Russian Federation. URL: <https://vims-geo.ru/ru/activity/iacn/russia/gosdokladi/>.

и Северо-Обского месторождений, на базе которых планируется построить заводы по производству СПГ — «Арктик СПГ-2» и «Арктик СПГ-3».

Проект «Арктик СПГ-2» предусматривает строительство на Гыданском полуострове на базе запасов Утреннего месторождения трех технологических

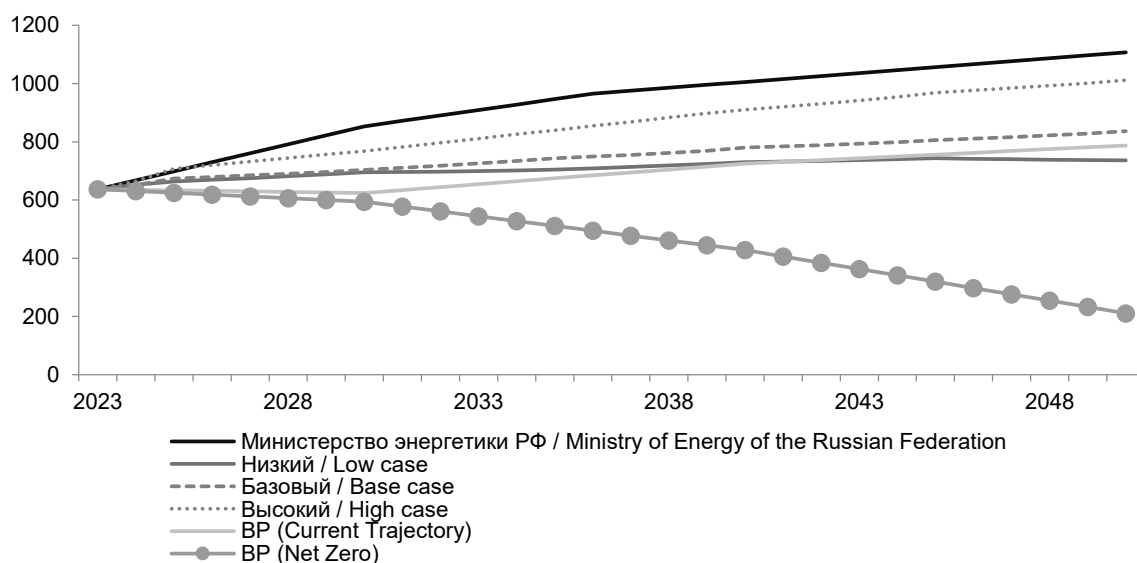

Рис. 17 / Fig. 17. Прогноз добычи газа в России до 2050 г., млрд куб. м /
Russian gas production by case to 2050, bcm

Источники / Sources: Минэнерго России, BP и оценки автора / Ministry of Energy of the Russian Federation, BP and compiled by the author.

Примечание / Note: низкий, базовый и высокий сценарии — собственные оценки автора / low, basic and high scenarios are the author's own estimates.

линий по производству СПГ мощностью 6,6 млн т в год каждая и стабильного газового конденсата до 1,6 млн т в год.

Согласно долгосрочной программе развития производства СПГ в России, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 16.03.2021 № 640-р, в число рассматриваемых и планируемых проектов ПАО «НОВАТЭК» входят «Обский СПГ», «Арктик СПГ-1» и «Арктик СПГ-3». Наиболее близкими к принятию окончательного инвестиционного решения являются проекты «Арктик СПГ-1» и «Арктик СПГ-3».

Согласно долгосрочной программе развития производства СПГ в России реализация проектов будет завершена после 2027 г.

Согласно долгосрочной программе развития производства СПГ, утвержденной в марте 2021 г., производство СПГ должно вырасти примерно до 100 млн тонн в 2030 г., или около 124,0 млрд куб. м. В программу был включен 21 проект (включая расширение заводов), из которых на март 2024 г. 17 проектов оставались нереализованными. В условиях санкционных запретов на поставки основного СПГ оборудования большинство проектов потеряло свою релевантность. Еще в марте 2023 г. вице-премьер А.В. Новак заявил о необходимости дополнительно изыскать ресурсную базу для проектов еще на 34 млн т СПГ в год, чтобы

выйти на планируемые цели в 100 млн т. Ресурсная база в 66 млн т будет обеспечена действующими заводами на 33 млн т и строящимися заводами в Усть-Луге и «Арктик СПГ- 2» [2; 3] (рис. 18).

ЭКСПОРТ ГАЗА

По нашему мнению, к концу 2050 г. экспорт СПГ из России составит около 104–184 млрд куб. м, что в 2,7–4,7 раза выше уровня 2023 г., в основном за счет ввода в эксплуатацию заводов на полуострове Ямал и на Балтике.

Россия занимает второе место по экспорту (после США)¹¹ газа и четвертое — по поставкам СПГ (по трубопроводным поставкам — второе после Норвегии) на зарубежные рынки. Доля нашей страны, несмотря на резкое снижение поставок газа в 2022–2023 гг., в мировом вывозе «трубопроводного голубого топлива» составляет около 15,3% (в 2021 г. — 27,4% согласно данным Международного энергетического агентства)¹², а в СПГ — 7,8%.

Российский экспорт газа в 2023 г. В 2023 г. Россия экспортировала 145,5 млрд куб. м газа, что на 17,3% ниже уровня 2022 г., в том числе

¹¹ По данным Управления энергетической информации США, наша страна занимает третье место (после США и Катар).

¹² Согласно оценкам ОПЕК доля России в мировом экспорте газа за 2023 г. составила 12,7%, Energy Institute — 14,7%.

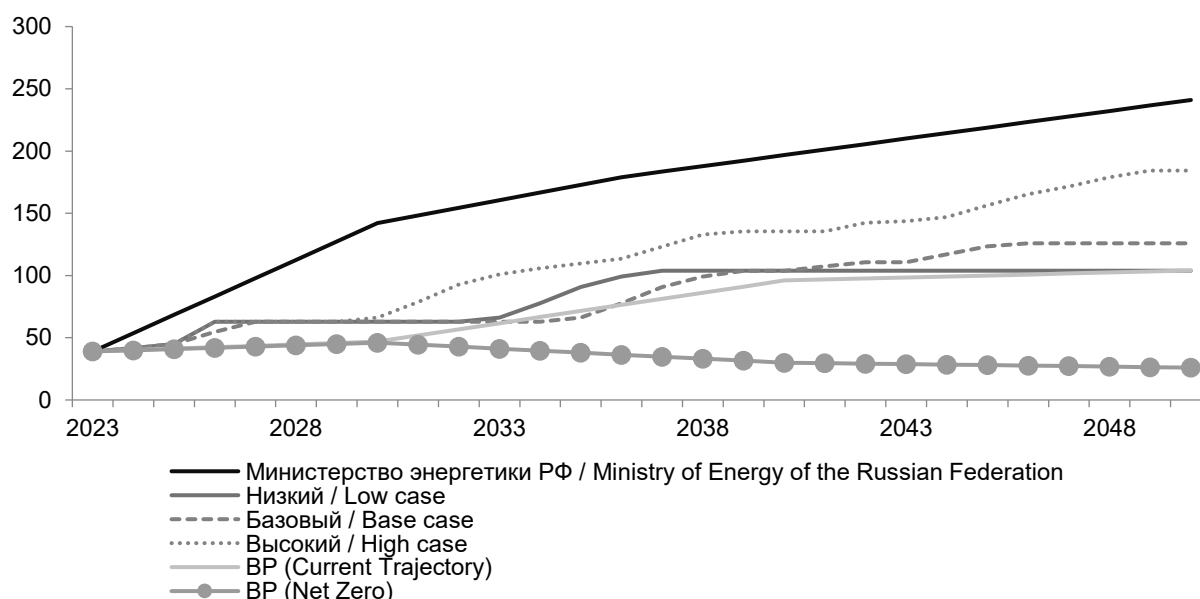

Рис. 18 / Fig 18. Прогноз экспорта СПГ из России до 2050 г., млрд куб. м /
Russia's LNG exports by case to 2050, bcm

Источники / Sources: Минэнерго России, BP и оценки автора / Ministry of Energy of the Russian Federation, BP and compiled by the author.

Примечание / Note: низкий, базовый и высокий сценарии – собственные оценки автора / Low, basic, and high scenarios are the author's own estimates.

трубопроводного — 100,9 млрд куб. м (–22,6%) и СПГ — 44,5 млрд куб. м (–2,1%).

Основным направлением поставок, несмотря на резкое падение добычи в 2022–2023 гг., остаются страны Европы, за исключением Турции. Согласно нашим оценкам в 2023 г. в указанный регион было экспортировано 25,4 млрд куб. м (–58,5%), причем большая часть была поставлена в Центральную и Юго-Восточную Европу — 17,2 млрд куб. м, где крупнейшим потребителем выступили Венгрия — 6,5 млрд куб. м и Словакия — 3,0 млрд куб. м. В страны Западной Европы экспорт уменьшился на 79,7% до 8,2 млрд куб. м в основном за счет прекращения поставок в Германию (в 2022 г. — 18,1 млрд куб. м).

Вторым по значимости рынком для трубопроводных поставок газа оставались государства СНГ — 32,2 млрд куб. м, где основной спрос на российский газ был у Республики Беларусь — 17,1 млрд куб. м.

С октября 2023 г. были начаты поставки газа в Узбекистан (всего за 2023 г. 1,3 млрд куб. м) в рамках соглашения о трехстороннем сотрудничестве между Казахстаном, Узбекистаном и Россией.

В 2023 г. согласно данным Главного таможенного управления КНР из России в КНР было по-

ставлено 22,7 млрд куб. м, что на 46,5% выше уровня 2022 г. В 2023 г. среднегодовая импортная цена на газ из России всего на 7,7% выше стоимости туркменского газа. В 2025 г. ПАО «Газпром» планирует поставить в КНР 38,0 млрд куб. м.

В 2023 г. доля танкерных перевозок СПГ составляла 30,6% суммарных поставок, что на 4,8 п.п. выше уровня 2022 г. С запуском новых заводов «Арктик СПГ-2» и Балтийского СПГ удельный вес СПГ увеличится до 35–40%, что может полностью компенсировать украинский транзит.

За 2023 г. средняя экспортная цена российского газа снизилась на 46,6% с 660,2 до 352,2 долл./тыс. куб. м.

Прогноз экспорта газа. За счет увеличения добычи газа в Северной Африке и Азербайджане [4] к концу 2020-х гг. можно ожидать увеличения предложения газа на европейском рынке со стороны указанных партнеров.

Норвегия также сможет поддерживать текущий уровень поставок газа за счет разработки новых офшорных месторождений в Баренцевом море. Однако потенциал производства новых месторождений, которые будут введены в эксплуатацию в течение следующих пяти лет, ограничен сложной геологией и удаленностью активов.

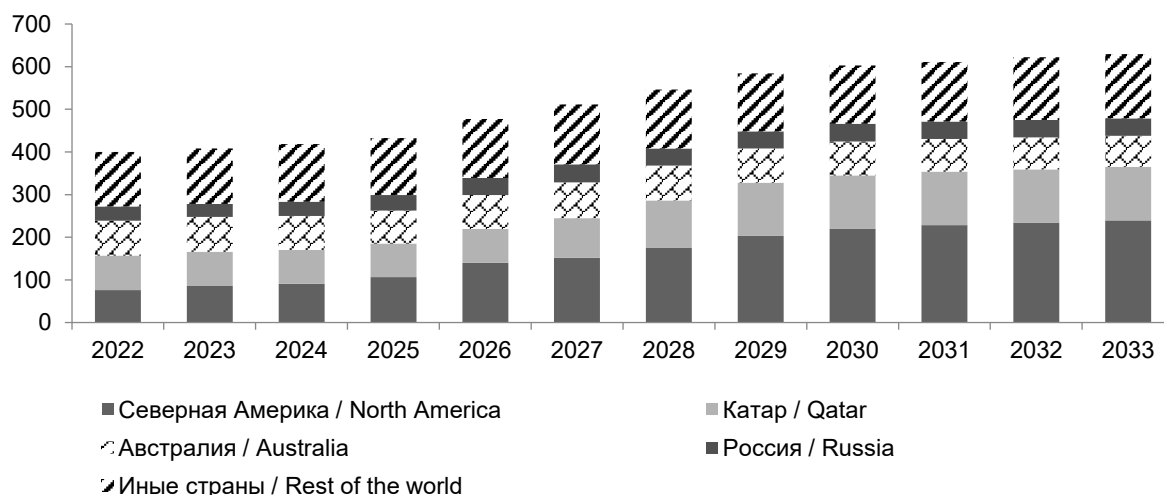

Рис. 19 / Fig. 19. Мировые мощности по производству СПГ, млн т / Global LNG capacity, MMtpa

Источник / Source: URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-02-25/qatar-to-accelerate-lng-expansion-as-us-stalls-on-export-push> со ссылкой на Wood Mackenzie / Bloomberg (<https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-02-25/qatar-to-accelerate-lng-expansion-as-us-stalls-on-export-push>)

Определенные возможности наращивания поставок СПГ на европейский рынок открываются для Катар благодаря разработке Северного месторождения, излишки которого могут быть направлены в государства Евросоюза. Так, согласно прогнозам отраслевых экспертов [5], к концу 2027 г. мощности по производству СПГ в Катаре составят 126,0 млн т и 142,0 млн т¹⁵ — в 2030 г., что на 64 и 84% выше уровня 2023 г. соответственно.

Оценки компании *Wood Mackenzie* более оптимистические в отношении катарского СПГ (как и российского). Согласно их мнению к 2033 г. мощности по производству СПГ вырастут на 45,2 млн т (к уровню 2023 г.) до 125,5 млн т, тогда как в Северной Америке (за счет новых проектов в США, таких как *Golden Pass, Rio Grande, Port Arthur* и др., произойдет расширение ныне действующих месторождений — *FreePort, Corpus Christi*) — на 154,0 млн т до 239,4 млн т, в том числе до конца 2025 г. — 21,3 млн т до 106,7 млн т (рис. 19). В России ожидается прирост всего на 9,7 млн т до 40,6 млн т, из них 6,6 млн т — в 2024 г., что явно не соответствует стратегии Правительства РФ и нефтегазовых компаний.

Как следует из наших расчетов, к 2050 г. ожидаемый экспорт российского газа в Европу и СНГ —

крупнейшие рынки сбыта — может находиться в диапазоне от 76 до 112 млрд куб. м, что приблизительно соответствует оценкам ИНЭИ РАН [6, с. 128] от 2024 г. Что касается китайского направления, объемы вывоза из Российской Федерации в Поднебесную не превысят 108 млрд куб. м (без учета реверса через страны Центральной Азии). Таким образом, к концу прогнозного периода экспорт трубопроводного газа из России будет находиться в диапазоне от 114 до 220 млрд куб. м в год.

ВЫВОДЫ

Накопленных запасов и потенциальных ресурсов природного газа достаточно для его разумного использования внутри страны и экспорта до 2050 г.

Имеет место устойчивое отставание прироста разведанных запасов газовых месторождений от объемов добычи газа. При разведке углеводородов в России действует правило: ежегодный годовой прирост запасов должен быть не меньше годового объема извлеченных ресурсов. Финансирование геологоразведочных работ при такой системе приращения запасов является неупорядоченным и во многом малоопределенным, что может требовать увеличения затрат вне зависимости от существующего наличия запасов. В то же время зарубежный опыт показывает, что нефтяные компании придерживаются правила постоянного сохранения 11–13-кратного объема запасов к объему своей годовой добычи. Это правило позволяет сглаживать

¹⁵ QatarEnergy boosts LNG expansion plans again to 142 mil mt/year. URL: <https://www.spglobal.com/commodityinsights/en/market-insights/latest-news/natural-gas/022524-qatarenergy-boosts-lng-expansion-plans-again-to-142-mil-mt/year>.

годовые колебания объемов приращения запасов, что является достаточным для принятия решений и их реализации по продуктивной геологоразведке и позволяет своевременно осуществлять их финансирование, не допуская замораживания финансовых средств из-за большого накопления запасов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Башмаков И.А. Затраты и выгоды низкоуглеродной экономики и трансформации общества в России. Перспективы до и после 2050 г. М.: ЦЭНЭФ. URL: <http://www.cenef.ru/file/CB-LCE-2014-rus.pdf>.
2. Кондратов Д. Мировой рынок газа: современные тенденции и перспективы развития. *Вестник Российской академии наук*. 2022;92(4):360–371.
3. Кондратов Д. Перспективы российского газа в Китае на период до 2035 года. *Международная экономика*. 2023;(9):607–628.
4. Кондратов Д. Кому продает свой газ Азербайджан. Инфотэк. URL: <https://itek.ru/reviews/komu-prodaet-svoj-gaz-azerbajdzhan>.
5. Merolli P. Qatar extends bet on LNG's bright future. Energy Intelligence Group Inc. URL: <https://www.energyintel.com/0000018d-e6ad-d813-a5df-e6ed14c50000>.
6. Макаров А.А., Кулагин В.А., Грушевенко Д.А., Галкина А.А. Прогноз развития энергетики мира и России 2024. М.: ИНЭИ РАН; 2024. 208 с.

REFERENCES

1. Bashmakov I.M. Costs and benefits of low-carbon economy and society transformation in Russia. 2050 Perspective. Moscow: CENEF. URL: <http://www.cenef.ru/file/CB-LCE-2014-rus.pdf>. (In Russ.).
2. Kondratov D. The global gas market: modern trends and development prospects. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk = Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2022;92(2):188–198. (In Russ.).
3. Kondratov D. Prospects for russian gas in China for the period until 2035. *Mezhdunarodnaya ekonomika = The World Economics*. 2023;(9):607–628. (In Russ.).
4. Kondratov D. Who does Azerbaijan sell its gas to. Infotek. URL: <https://itek.ru/reviews/komu-prodaet-svoj-gaz-azerbajdzhan>. (In Russ.).
5. Merolli P. Qatar extends bet on LNG's bright future. Energy Intelligence Group Inc. URL: <https://www.energyintel.com/0000018d-e6ad-d813-a5df-e6ed14c50000>.
6. Makarov A.A., Kulagin V.A., Grushevenko D.A., Galkina A.A. Global and Russian energy outlook 2019. ERI RAS. Moscow: Institute of Energy Research. Russian Academy of Sciences; 2024. 208 p. URL: <https://www.eriras.ru/files/proгноз-2024.pdf>. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Дмитрий Игоревич Кондратов — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики РАН, Москва, Россия

Dmitry I. Kondratov — Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-7356-0047>
dmikondratov@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 14.01.2025; принята к публикации 27.03.2025.
The article was received 14.01.2025; accepted for publication 27.03.2025.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-48-56
УДК 339.7(045)
JEL H50, H81, O16, O23

Национальные проекты в роли механизмов адаптации к изменяющимся финансово-кредитным условиям обеспечения национальной безопасности

Н.В. Рубан-Лазарева

Финансовый университет, Москва, Россия;
РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования — национальные проекты, предусматривающие масштабную планомерную работу, направленную на обеспечение национальной безопасности, решение социальных задач, адаптацию экономики к изменениям климата и финансово-кредитных условий. *Цели работы* — исследование динамики изменения объемов финансирования национальных проектов и раскрытие роли финансово-кредитных механизмов в их реализации. Рассмотрены экономическая сущность национальных проектов и финансово-кредитные условия, способствующие их эффективной реализации. В результате исследования подтверждена социально-технологическая направленность национальных проектов на ближайшие три года. Проведен анализ объемов финансовой поддержки субъектов Российской Федерации на 2025–2027 гг. и инструментов межбюджетного регулирования. Осуществлено сопоставление увеличения объемов финансирования национальных проектов с приростом достигнутых по ним результатов за прошлые периоды в обоснование необходимости осуществления оперативного контроля над полученными достижениями. Предложено введение аналогичных национальных проектов. *Сделан вывод* о необходимости расширения источников финансирования национальных проектов посредством использования финансово-кредитных механизмов при контроле достигнутых результатов и ежегодной индексации объемов финансирования национальных проектов на уровень инфляции. **Ключевые слова:** национальные проекты; объемы финансирования; финансово-кредитные условия; государственное регулирование; национальная безопасность

Для цитирования: Рубан-Лазарева Н.В. Национальные проекты в роли механизмов адаптации к изменяющимся финансово-кредитным условиям обеспечения национальной безопасности. *Экономика. Налоги. Право.* 2025;18(2):48-56. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-48-56

ORIGINAL PAPER

National Projects in the Role of Mechanisms for Adaptation to Changing Financial and Credit Conditions for Ensuring National Security

N.V. Ruban-Lazareva

Financial University, Moscow, Russia;
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

ABSTRACT

The subject of the study is national projects providing for large — scale systematic work aimed at ensuring national security and providing every Russian with an interesting profitable job, good education, and comfortable housing. *The purpose of the work* is to study the dynamics of changes in the volume of financing of national projects and to disclose the role of financial and credit mechanisms in their implementation. The economic essence of national projects and the financial and credit conditions contributing to their effective implementation are considered. As a result of the research, the socio-technological orientation of national projects for the next three years has been confirmed. The analysis of the volume of financial support for the subjects of the Russian Federation for 2025–2027 and the instruments of inter-budgetary

© Рубан-Лазарева Н.В., 2025

regulation is carried out. The increase in the volume of financing of national projects has been compared with the increase in the results achieved in them over the past periods in order to justify operational control over the achievements achieved. Due to the lack of comparable results in previous periods, it is proposed to introduce adjustments to the volume of current financing of similar national projects. *It is concluded* that it is necessary to expand the sources of financing for national projects through the use of financial and credit mechanisms while monitoring the planned results achieved and the annual indexation of the volume of financing of national projects to the inflation rate.

Keywords: national projects; amounts of financing; financial and credit conditions; government regulation; national security

For citation: Ruban-Lazareva N.V. National projects in the role of mechanisms for adaptation to changing financial and credit conditions for ensuring national security. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(2):48-56. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-48-56

ВВЕДЕНИЕ

Руководством страны определены и реализуются через выполнение национальных проектов ключевые национальные цели развития России до 2036 г., направленные на создание безопасной комфортной среды для жизни населения, обеспечения устойчивой динамики экономики при технологическом лидерстве страны для повышения благополучия всех и реализации потенциала каждого¹.

Начиная с 2025 г. регионы вправе направлять средства, высвобождаемые при осуществлении расходов инвестиционного характера, на выполнение национальных проектов при уровне расчетной бюджетной обеспеченности (далее — РБО) до 0,65². При этом на величину РБО прямое влияние оказывает расчетная величина получаемых налоговых доходов на одного жителя региона и обратное влияние — на аналогичный показатель, рассчитываемый в среднем по всем консолидированным бюджетам российских субъектов³. Потребность в сокращении дефицита федерального бюджета, обеспечении устойчивого экономического развития при накопительных текущих расходах на проведение специальной военной операции (далее — СВО) обуславливает необходимость в привлечении дополнительных финансовых ресурсов, применении дополнительных финансово-кредитных механизмов для выполнения национальных проектов во исполнение национальных целей развития России.

Согласно Стратегии национальной безопасности, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400, «обеспечение и защита национальных интересов Российской Федерации осуществляются за счет концентрации усилий и ресурсов органов публичной власти, организаций и институтов гражданского общества на реализации следующих стратегических национальных приоритетов:

- 1) сбережение народа России и развитие человеческого потенциала;
- 2) оборона страны;
- 3) государственная и общественная безопасность;
- 4) информационная безопасность;
- 5) экономическая безопасность;
- 6) научно-технологическое развитие;
- 7) экологическая безопасность и рациональное природопользование;
- 8) защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти;
- 9) стратегическая стабильность и взаимовыгодное международное сотрудничество».

Цели обеспечения государственной и общественной безопасности достигаются путем реализации государственной политики на основе реализации национальных проектов, которые способствуют научно-технологическому и социально-экономическому развитию России, повышению уровня жизни населения.

В то же время реализация национальных проектов служит инструментом не только социально-экономического развития страны, но и достижения приемлемого уровня экономической безопасности, определяющей способность экономической системы обеспечивать комфортные условия жизнедеятельности населения.

В последнее десятилетие национальные проекты выступают эффективным механизмом адаптации экономики к изменяющимся финансово-кредитным

¹ Пункт 1 Указа Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991.

² Пункт 9 ст. 16 проекта Федерального закона «О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов» URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/727320-8>.

³ Пункт 6 ст. 131 Бюджетного Кодекса Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197027.

условиям в контексте изменяющегося климата и де-глобализации в мировой экономике из-за потери доверия к существующей мировой модели развития. Адаптация к изменениям климата влечет необходимость приспособления не только природных, социальных систем, но и экономики, так как последствия таких изменений наносят материальный ущерб инфраструктуре, негативно воздействуют на благосостояние и здоровье людей, обуславливая потребность в выстраивании устойчивого развития деятельности субъектов хозяйственной деятельности с низким уровнем выбросов парниковых газов. Именно через национальные проекты реализуются новые модели экономического роста на основе продвижения экономики предложения при поддержке отечественного производителя, технологических компаний в стремлении к обеспечению к 2030 г. прироста их выручки в семь раз по сравнению с предыдущим годом и увеличению производительности труда на 120,7% при адаптации экономики к глобальному энергопереходу.

Потребность в приращении до 60% инвестиций в основной капитал и капитализации фондового рынка до 66% ВВП приводит к необходимости исследования экономической сущности национальных проектов в изменяющихся финансово-кредитных условиях.

ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ В ИЗМЕНЯЮЩИХСЯ ФИНАНСОВО- КРЕДИТНЫХ УСЛОВИЯХ

Анализ научной литературы по национальным проектам подтверждает интерес научного сообщества к финансово-кредитным механизмам обеспечения развития инновационно-технологически устойчивой экономики. В качестве источника восполнения недостаточности государственного финансирования учеными предлагается использование внешнего инвестирования от банковских и других финансово-кредитных структур, а в качестве финансово-кредитных механизмов стимулирования инноваций — банковское кредитование, лизинг, микрофинансирование [1]. При этом отмечается, что негативный эффект на кредитование субъектов предпринимательства оказывает возрастание ключевой ставки [2]. Благодаря анализу источников финансирования выявлена финансовая зависи-

мость проектов от получаемых межбюджетных трансфертов из федерального бюджета [3].

Экономическая сущность национальных проектов проявляется в их целевой направленности, позволяющей рассматривать национальные проекты как:

- адаптационные механизмы финансового взаимодействия государства и корпораций при участии частного капитала [4];
- инструмент государственного управления, поскольку его успешная реализация влияет на жизнедеятельность общества [5];
- проектный подход к управлению [6];
- механизм обеспечения национальной безопасности при условии эффективности использования средств федерального бюджета; персональной ответственности за недостижение заданных результатов; внедрения цифровых технологий финансового контроля; предотвращения хищений [7];
- инструмент как социально-экономического стратегического развития, так и достижения экономической безопасности приемлемого уровня [8].

В качестве конкретных мер повышения финансовой самостоятельности регионов и снижения числа дотационных бюджетов учеными предлагается восстановление механизма отчислений в регионы части НДС [9], а для проектного финансирования — заключение договора синдицированного кредита — займа, предоставляемого двумя или более банками на единых условиях в соответствии с подписанным всеми сторонами кредитным соглашением [10], не снижая роли финансового сектора в национальных проектах [11].

Вышеприведенные исследования позволили определить экономическую сущность национальных проектов, состоящую в обеспечении комплексного устойчивого развития страны посредством финансирования из федерального бюджета в целях реализации национальных целей развития.

ФИНАНСИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ

На финансовое обеспечение реализации национальных проектов на 2025–2027 гг. запланированы ассигнования из федерального бюджета в сумме от 5767,5 до 6356,4 млрд руб.⁴ (см. рисунок).

⁴ URL: https://drive.google.com/drive/folders/16xPIOP1nR_6klagSd7XYjbm_o9kA7RU.

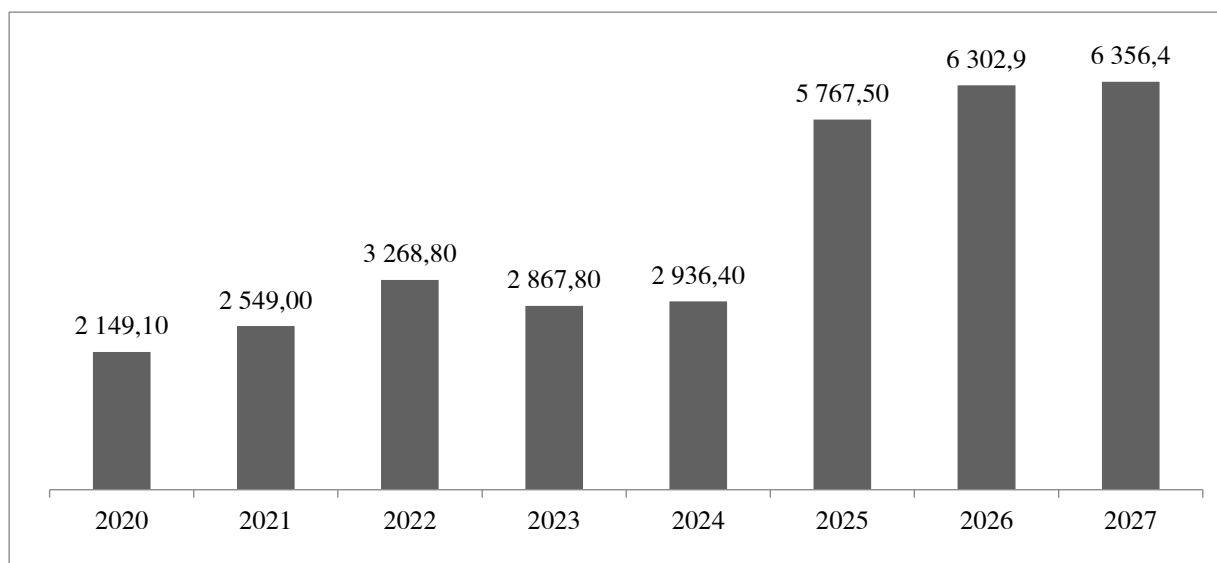

Рис. / Fig. Финансирование национальных проектов / Financing of national projects

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

При этом большое значение для социально ориентированного российского государства в условиях проведения СВО имеет сохранение 50% объема ассигнований на социально значимые национальные проекты поддержки семей, молодежи, детей, инфраструктуры для жизни, обеспечения продолжительно-активной жизни людей посредством:

- инфраструктурных изменений через сокращение финансирования в 2025–2027 гг. национальных проектов «Продолжительная и активная жизнь» на 85,1 млрд руб., «Эффективная и конкурентная экономика» на 107,6 млрд руб. и прирост финансирования национальных проектов «Семья» на 10,8 млрд руб., «Инфраструктура жизни» на 244,8 млрд руб., «Молодежь и дети» на 92,2 млрд руб.;

- выбора экологического благополучия при существенном в 2,5 раза увеличении финансирования по одноименному национальному проекту на 75,6 млрд руб. с 48,5 млрд руб. в 2025 г. до 124,2 млрд руб. в 2027 г.;

- обеспечения транспортной мобильности при росте финансирования связанных с этим национальных проектов «Промышленное обеспечение транспортной мобильности» на 93,5 млрд руб. и «Эффективная транспортная система» на 70,8 млрд руб.;

- цифровой трансформации общества при росте на 29%, или 37,8 млрд руб., финансирования национального проекта «Экономика данных и цифровая

трансформация» и на 88% или 45,4 млрд руб. по национальному проекту «Средства производства и автоматизации»;

- международной кооперации и экспорта с приростом финансирования данного национального проекта с 45 до 52 млрд руб. за 2025–2027 гг.;

- развития внутреннего и международного туризма, сопровождающегося увеличением объемов финансирования национального проекта «Туризм и гостеприимство» на 86%, или 37,9 млрд руб., к 2027 г. по сравнению с 43,9 млрд руб. в 2025 г.;

- устойчивого продолжительного развития космической деятельности при ежегодном финансировании проекта в 10 млрд руб.

Приоритет в реализации национальных проектов принадлежит технологическому направлению. На развитие технологий, новых материалов и беспилотных авиационных систем в федеральном бюджете предусмотрено на 2025 г. 84 154,9 млн руб., на 2026 г. — 148 307,5 млн руб., на 2027 г. — 152 306,4 млн руб. (табл. 1). Такая стабильная динамика роста указанной направленности национальных проектов должна обеспечивать технологический прорыв и устойчивое развитие производств, укрепляющих экономические показатели развития страны и ее безопасность на долгосрочную перспективу.

Обозначенные в предыдущих авторских исследованиях значимые риски реализации национальных проектов, включая неэффективную оценку их

Таблица 1 / Table 1

Технологическая направленность национальных проектов / Technological directions of national projects

Технологическая направленность / Technological directions	2025	2026	2027
Новые атомные и энергетические технологии / New nuclear and energy technologies	28 721,00	58 931,10	57 676,20
Беспилотные авиационные системы / Unmanned Aerial Systems	27 829,00	43 753,10	40 526,80
Технологическое обеспечение продовольственной безопасности / Technological support of food security	14 492,90	19 646,60	23 124,20
Новые материалы и химия / New materials and chemistry	8 300,20	21 317,80	25 938,60
Новые технологии сбережения здоровья / New health saving technologies	4 811,80	4 658,90	5 040,60

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

реализации⁵, продолжают до сих пор сопровождать проектную национальную практику.

Сопоставим темпы роста объемов финансирования и полученных результатов по двум национальным проектам:

- на национальный проект «Производительность труда» из федерального бюджета в 2020 г. было выделено 4,1 млрд руб., а в 2021 г. — 4,8 млрд руб., что на 17,1% больше. Однако, несмотря на рост бюджетных ассигнований по данному проекту, индекс производительности труда в 2021 г. составил только 103,7%⁶. В 2022 г. прирост финансирования по данному проекту равнялся 114,6%, а индекс производительности труда составил 96,4%⁷;

- на национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» из федерального бюджета в 2020 г. было выделено 61,7 млрд руб., а в 2021 г. — 62,7 млрд руб., что на 101,6% больше. Однако, несмотря на рост бюджетных ассигнований

в данный проект, прирост субъектов предпринимательства с 10 января 2020 г. по 20 января 2021 г. снизился и составил 96,1%⁸.

На основании вышеприведенного можно сделать вывод, что объем финансирования национальных проектов ежегодно не корректируется даже в случае недостижения результатов, сопоставимых с ростом динамики объемов финансирования.

Ежегодный рост на 100,4–100,8% межбюджетных трансфертов бюджетам субъектов Российской Федерации наблюдается по всем инструментам: как дотаций, так и субсидий, субвенций, иных межбюджетных трансфертов (табл. 2) и направлен на повышение финансовой поддержки бюджетов субфедеральных территорий на пути реализации национальных целей развития, укрепления безопасности и обеспечения экономического процветания всех регионов страны.

На ближайшие три года рост объемов финансовой поддержки субфедеральных территорий запланирован всего на 1,3% за счет межбюджетных трансфертов, что существенно ниже влияния базового уровня инфляции 4,5–4,0% и подтверждает потребность в поиске дополнительных источников их финансирования.

⁵ Рубан-Лазарева Н. В. Налоговые риски в контексте достижения национальных целей развития России на 2024 год. Экономика. Налоги. Право. 2024;17(1):145–157. DOI: 10.26794/1999–849X-2024–17–1–145–157

⁶ Индексы производительности труда. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-03-2023.pdf>.

⁷ Сравнительные индикаторы рынка труда. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2023.pdf.

⁸ Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. URL: <https://rmsp.nalog.ru/index.html>.

Таблица 2 / Table 2

Межбюджетные трансферты субфедеральным бюджетам / Interbudgetary transfers to subfederal budgets

Инструменты / Instruments	2025		2026		2027	
	Сумма, тыс. руб. / Amount, thousand rubles	Уд. вес, % / Weight, %	Сумма, тыс. руб. / Amount, thousand rubles	Уд. вес, % / Weight, %	Сумма, тыс. руб. / Amount, thousand rubles	Уд. вес, % / Weight, %
Дотации / Subsidies	1 279 187 953,4	39,2	1 279 837 953,4	38,9	1 293 529 788,7	39,2
Субсидии / Subsidies	1 474 534 038,3	45,2	1 507 803 613,5	45,8	1 500 222 958,3	45,4
Субвенции / Subventions	327 913 987,0	10,0	343 479 259,7	10,4	351 047 611,4	10,6
Иные / Other	180 223 948,3	5,6	159 251 268,8	4,9	159 467 908,0	4,8
Итого / Total	3 261 859 927,0	100,0	3 290 372 095,4	100,0	3 304 268 266,4	100,0

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Среди инструментов межбюджетного регулирования наибольший удельный вес 45,2–45,8% будет приходиться на субсидии, обладающие следующими отличительными характеристиками, способствующими повышению эффективности использования межбюджетных трансфертов субъектами Российской Федерации:

- наиболее прозрачным механизмом предоставления;
- оперативным и гибким контролем за качеством расходования;
- полнотой возврата неиспользованной части;
- применением штрафных санкций к субсидируемой субфедеральной территории.

Приоритетными программными направлениями бюджетного субсидирования субфедеральных территорий, предоставляемых из федерального бюджета в целях софинансирования выполнения полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, являются здравоохранение (при доле 13% на 2025 г. с тенденцией к снижению доли программы до 5%); образование (при доле 14% с тенденцией к повышению доли до 17%);

социальная поддержка граждан (11–12%); развитие транспортной системы (при доле программы в 23% при тенденции к ее повышению до 28% к 2027 г.). Сохраняется практика приоритетного финансирования Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей как по отдельным государственным программам: «Развитие здравоохранения», «Охрана окружающей среды», «Развитие физической культуры и спорта», «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности», «Развитие энергетики», «Комплексное развитие сельских территорий», «Национальная система пространственных данных», — так и по государственной программе «Восстановление и социально-экономическое развитие Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области».

При росте дотаций бюджетам субъектов Российской Федерации до 1 293 529 788,7 тыс. руб. доля дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации ежегодно остается неизменной — 85% совокупного объема

дотаций. Комплексом процессных мероприятий «Поддержка и организация направления субъектам Российской Федерации межбюджетных трансфертов с целью выравнивания их бюджетной обеспеченности, обеспечения сбалансированности бюджетов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, социально-экономического развития и исполнения делегированных полномочий» на 2025–2027 гг. предусмотрен рост дотаций на поддержку мер по обеспечению сбалансированности бюджетов с 35 246 362,5 тыс. руб. в 2025 г. до 49 588 197,8 млн руб. в 2027 г., или в 1,4 раза. При этом в неизменной ежегодной величине запланирован объем дотаций на частичную компенсацию дополнительных расходов на повышение оплаты труда работников бюджетной сферы и иные цели в сумме 114 616 033,8 тыс. руб.

Последовательное снижение доли иных межбюджетных трансфертов до 4,8% свидетельствует об упорядочивании практик предоставления трансфертов для повышения эффективности их использования. Очевидно, что совокупный объем трансфертов изменится, но разнонаправленно: первоначальный значительный рост субсидий субъектам Российской Федерации в 2026 г. по сравнению с 2025 г. сменится сокращением их объема к 2027 г., а сокращение иных межбюджетных трансфертов к 2026 г. затем вновь увеличится, хотя и невысокими темпами, к 2027 г.

На ближайшие три года рост объемов финансовой поддержки субфедеральных территорий запланирован всего на 1,3% за счет межбюджетных трансфертов, что существенно ниже влияния базового уровня инфляции 4,5–4,0% и подтверждает потребность в поиске дополнительных источников их финансирования

Новые времена ставят новые задачи [12], подчеркивая достоинства программного подхода к обеспечению целевого расходования бюджетных средств, такие как:

- универсальность;
- комплексность;
- прозрачность;
- улучшение дисциплины;
- осознание необходимости достижения конкретных результатов;
- системность.

Указанные достоинства применимы к странам с разным уровнем социально-экономического развития и призваны обеспечивать решение национальных задач с учетом всех имеющихся ресурсов.

Эффективное системное полноценное управление средствами национальных проектов возможно только при контроле достигнутых результатов от заданного финансирования для снижения неэффективного расходования средств и недостижения национальных целей.

ВЫВОДЫ

Как национальные, так и федеральные проекты, направленные на комплексное устойчивое развитие экономики, финансируются из федерального бюджета исключительно для достижения национальных целей развития. При этом использование иных источников финансирования особенно целесообразно в текущей ситуации продолжения СВО в условиях санкций и дефицита бюджета. Разрешение направления субъектами Российской Федерации высвобождаемых средств по расходам инвестиционного характера на выполнение национальных проектов при установленном уровне расчетной бюджетной обеспеченности позволит привлечь дополнительные источники финансирования. Потребности расширения источников финансирования для обеспечения эффективной реализации национальных проектов могут быть удовлетворены посредством использования финансово-кредитных механизмов. Однако возрастание ключевой ставки снижает потребности в привлечении заемных средств, сохраняя востребованность бюджетного финансирования и зависимость от получаемых межбюджетных трансфертов из федерального бюджета. При этом сохраняется необходимость в достижении сопоставимых результатов при росте финансирования национальных проектов с их ежегодной индексацией в целях устойчивого обеспечения национальной безопасности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Черных С.И. Финансово-кредитные механизмы стимулирования инноваций. *Менеджмент и бизнес-администрирование*. 2011;(2):150–157.
2. Николайчук О.А., Кудиевская А.И. Финансово-кредитные механизмы регулирования малого бизнеса. *Контентус*. 2016;47(6):372–376.
3. Полозков М.Г., Зуев М.Д. Национальные проекты в социально-экономическом развитии регионов России. *Менеджмент и бизнес-администрирование*. 2024;(1):16–24. DOI: 10.33983/2075–1826–2024–1–16–24
4. Канкулова А.А., Варбузов А.М., Павлова И.В. Национальные проекты как адаптационный механизм финансового взаимодействия государства и корпораций. *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. 2023;13(11–1):250–260. DOI: 10.34670/AR.2023.18.13.026
5. Левитская И.А. Национальные проекты как инструмент государственного управления. *Вестник Академии*. 2024;(2):16–26. DOI: 10.51409/v.a.2024.06.01.002
6. Кожевников С.А. Национальные проекты в решении проблемы обеспечения связности экономического пространства России. *Вестник Самарского государственного экономического университета*. 2023;222(4):30–40. DOI: 10.46554/1993-0453-2023-4-222-30-40.
7. Вершило Н.Д., Вершило Т.А. Национальные проекты в системе обеспечения национальной безопасности: теория и практика правового регулирования. *Российское правосудие*. 2024;(9):19–27. DOI: 10.37399/issn2072-909X.2024.9.19-27
8. Плотноков В.А., Саркисов В.А. Национальные проекты и их вклад в обеспечение национальной экономической безопасности. *Технико-технологические проблемы сервиса*. 2024;67(1):79–83.
9. Пансков В.Г. Проблемы и перспективы налоговой политики в целях устойчивого развития регионов. *Экономика. Налоги. Право*. 2024;17(1):34–43. DOI:10.26794/1999-849X-2024-17-1-34-43
10. Капранова Л.Д. Современные финансовые инструменты обеспечения экономического развития России. *Экономика. Налоги. Право*. 2024;17(2):27–39. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-2-27-39
11. Молчанова Н.П., Мирзабеков Н.Р. Правовое обеспечение цифровизации финансового сектора в контексте достижения национальных целей экономического развития России. *Экономика. Налоги. Право*. 2024;17(3):29–37. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-3-29-37
12. Лисина М.И., Манусаджян О.В. Третий указ. Национальные цели как отражение новых условий развития. *Журнал Бюджет*. 2024;258(6):54–57.

REFERENCES

1. Chernykh S.I. Financial and credit mechanisms of innovation stimulation. *Menedzhment i biznes-administrirovanie = Management and business administration*. 2011;(2):150–157. (In Russ.).
2. Nikolaychuk O.A., Kudievskaya A.I. Financial and credit mechanisms of regulation of small business. *Contentus*. 2016;47(6):372–376. (In Russ.).
3. Polozkov M.G., Zuev M.D. National projects in the socio-economic development of Russian regions. *Menedzhment i biznes-administrirovanie = Management and business administration*. 2024;(1):16–24. (In Russ.). DOI: 10.33983/2075–1826–2024–1–16–24
4. Kankulova A.A., Varbuzov A.M., Pavlova I.V. National projects as an adaptation mechanism of financial interaction between the state and corporations. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra = Economy: yesterday, today, tomorrow*. 2023;13(11–1):250–260. (In Russ.). DOI: 10.34670/AR.2023.18.13.026
5. Levitskaya I.A. National projects as a tool of state management. *Vestnik Akademii = Bulletin of the Academy*. 2024;(2):16–26. (In Russ.). DOI: 10.51409/v.a.2024.06.01.002
6. Kozhevnikov S.A. National projects in solving the problem of ensuring the cohesion of Russia's economic space. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Bulletin of Samara State University of Economics*. 2023;222(4):30–40. (In Russ.). DOI: 10.46554/1993-0453-2023-4-222-30-40
7. Vershilo N.D., Vershilo T.A. National projects in the system of ensuring national security: Theory and practice of legal regulation. *Russian justice*. 2024;(9):19–27. (In Russ.). DOI: 10.37399/issn2072-909X.2024.9.19-27

8. Plotnikov V.A., Sarkisov V.A. National projects and their contribution to national economic security. *Tekhniko-tehnologicheskie problemy servisa = Techno-technological problems of service*. 2024;67(1):79–83. (In Russ.).
9. Panskov V.G. Problems and perspectives of tax policy for the purpose of sustainable development of regions. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2024;17(1):34–43. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-1-34-43
10. Kapranova L.D. Modern financial instruments for ensuring economic development of Russia. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2024;17(2): 27–39. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-2-27-39
11. Molchanova N.P., Mirzabekov N.R. Legal support of digitalization of the financial sector in the context of achieving national goals of economic development of Russia. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2024;17(3):29–37. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-3-29-37
12. Lisina M.I., Manusadjian O.V. The third decree. National goals as a reflection of new conditions of development. *Zhurnal Byudzhet= Journal Budget*. 2024;258(6):54–57.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Наталья Владимировна Рубан-Лазарева — профессор кафедры налогов и налогового администрирования, Финансовый университет, Москва, Россия; профессор кафедры государственных и муниципальных финансов, РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия

Natalia V. Ruban-Lazareva — Prof. of the Department of Taxes and Tax Administration, Financial University, Moscow, Russia; Prof. of the Department of State and Municipal Finance, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-3110-1539>

rubanlazareva@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.01.2025; принята к публикации 26.03.2025.

The article was received 10.01.2025; accepted for publication 26.03.2025.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-57-66
УДК 338.22.01(045)
JEL E31, E52, C01

Денежно-кредитная политика как инструмент обеспечения экономической стабильности в Российской Федерации в условиях изменяющейся внешней среды

И.В. Трегуб, Д.В. Фунтова
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования – меры, принимаемые в рамках денежно-кредитной политики (ДКП) по обеспечению экономической стабильности экономики России. *Цель работы* – установление на основе эконометрического моделирования степени влияния ДКП на уровень инфляции как одного из показателей обеспечения экономической стабильности. Приведены инструменты ДКП и даны их характеристики. На первом этапе проанализирована роль ДКП в процессе адаптации экономики России к изменениям внешних условий. На втором этапе составлена эконометрическая модель, связывающая уровень инфляции с ключевой ставкой как основным инструментом ДКП, позволяющим определять степень его влияния на уровень инфляции в Российской Федерации. Рассчитаны реальные и прогнозные значения инфляции на ближайшие три года.

Научная новизна исследования заключается в получении актуальных данных, позволяющих оценивать эффективность используемых инструментов для достижения экономической стабильности в условиях изменений экономических условий. В результате исследования *сделаны выводы* о недостаточности применения исключительно такого инструмента ДКП, как ключевая ставка, для достижения ценовой стабильности в краткосрочном периоде с учетом того, что изменение ключевой ставки в полной мере передается в динамику совокупного спроса и инфляции не одновременно, а в течение трех–шести кварталов, подчеркивая тем самым необходимость принятия дополнительных мер для более скорой адаптации к экономическим шокам и достижения таргетированного уровня инфляции.

Ключевые слова: денежно-кредитная политика; ключевая ставка; эконометрика; экономическое моделирование; инфляция

Для цитирования: Трегуб И.В., Фунтова Д.В. Денежно-кредитная политика как инструмент обеспечения экономической стабильности в Российской Федерации в условиях изменяющейся внешней среды. *Экономика. Налоги. Право.* 2025;18(2):57-66. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-57-66

ORIGINAL PAPER

Monetary Policy as a Tool for Ensuring Economic Stability in the Russian Federation in a Changing External Environment

I.V. Tregub, D.V. Funtova
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The subject of the study is the measures taken within the framework of monetary policy to ensure the economic stability of the Russian economy. *The purpose of the work* is to establish, based on econometric modeling, the degree of influence of the monetary policy on the inflation rate as one of the indicators of ensuring economic stability. The monetary policy tools are given and their characteristics are given. At the first stage, the role of monetary policy in the process of adaptation of the Russian economy to changes in external conditions is analyzed. At the second stage, an econometric model was

© Трегуб И.В., Фунтова Д.В., 2025

compiled that links the inflation rate with the key rate indicator as the main tool of the monetary policy, which makes it possible to determine the degree of its influence on the inflation rate in the Russian Federation. The real and forecast values of inflation for the next three years are calculated.

The scientific novelty of the research lies in obtaining up-to-date data that makes it possible to assess the effectiveness of the tools used to achieve economic stability in the face of changing economic conditions. As a result of the study, *conclusions were drawn* about the insufficiency of using exclusively such a monetary policy tool as the key rate to achieve price stability in the short term, given that the change in the key rate is fully translated into the dynamics of aggregate demand and inflation not simultaneously, but over three to six quarters, thereby emphasizing the need to take additional measures to faster adaptation to economic shocks and achievement of a targeted inflation rate.

Keywords: monetary policy; key interest rate; econometrics; economic modeling; inflation

For citation: Tregub I.V., Funtova D.V. Monetary policy as a tool for ensuring economic stability in the Russian Federation in a changing external environment. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(2):57-66. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-57-66

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире денежно-кредитная политика (далее — ДКП) является одним из ключевых инструментов государственного регулирования, включающего администрирование, прогнозирование, финансирование, бюджетирование, налогообложение, учет, контроль для обеспечения устойчивости развития российской экономики, которая в последние несколько лет находится под влиянием санкционного давления со стороны коллективного Запада.

Так, глобальная геополитическая ситуация в 2022–2023 гг. ухудшила состояние российской экономики, еще испытывающей последствия пандемии коронавируса, затронувшей как производство, так и потребление товаров и услуг. Введение санкций, массовый уход иностранных компаний из страны, нестабильная политическая ситуация — все эти факторы оказали негативное влияние на финансовую стабильность Российской Федерации в 2023 г., включающую устойчивость финансовой системы России к шокам, обеспечение бесперебойного и эффективного функционирования.

Одним из ее ключевых показателей считается инфляция, всплеск которой произошел в 2022 г. под воздействием изменений внутренних и внешних экономических условий, оставаясь на достаточно высоком уровне несмотря на то, что ЦБ РФ ставит своей целью снижение посредством ДКП роста общего уровня цен до 4%, являющегося, по мнению регулятора, наиболее оптимальным для достижения экономической стабильности в стране.

Целью настоящего исследования является выявление степени влияния инструментов ДКП, в частности ключевой ставки, на уровень инфляции как основного показателя экономической стабильности. В рамках данной работы рассматриваются про-

веденные учеными исследования, посвященные взаимодействию инструментов монетарной политики и уровня потребительских цен на экономику, анализируется ДКП как инструмент адаптации к меняющимся внешним условиям и средствам достижения экономической устойчивости, а также моделируется обеспечение ценовой стабильности Российской Федерации.

ПРЕДЫДУЩИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДКП

ДКП — это процесс, посредством которого центральный банк страны или денежно-кредитный орган управляет и контролирует предложение, доступность, стоимость и стабильность денежной массы в экономике¹.

При осуществлении ДКП центральные банки не оказывают непосредственного влияния на состояние реального сектора экономики. Их основная задача заключается в создании условий, способствующих накоплению денежной массы как предприятиями, так и населением, с последующим превращением сбережений в производительные инвестиции, что требует в рамках полномочий регулятора обеспечения стабильности темпов инфляции, низких процентных ставок [1].

ДКП является неотъемлемой частью экономической стратегии Российской Федерации, направленной на повышение благосостояния граждан. Ее главной целью является обеспечение стабильности цен путем поддержания низкого уровня инфляции. Банк России стремится удерживать инфляцию вблизи целевого уровня в 4%, следуя стратегии, известной как инфляционное таргетирование — ре-

¹ МВФ. Монетарная политика: стабилизация цен и производства. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/fandd/issues/Series/Back-to-Basics/Monetary-Policy>.

жим ДКП, конечная цель которого — обеспечение ценовой стабильности финансового рынка посредством проведения процентной политики и несения публичной ответственности за ее результаты.

В статье [2] отмечается, что показатель инфляции, равный 4%, является наиболее оптимальным значением роста общего уровня цен в России, который способствует активному развитию экономики, поддерживает как производителей, так и потребителей.

Взаимосвязь инфляции и валового внутреннего продукта (далее — ВВП) рассмотрена в работе [3], где продемонстрировано, что установление в России инфляции на уровне 4% сопоставимо с достижением целей по инфляции в странах с развивающимися рынками.

Тем не менее не следует упускать из виду исследования, в которых выявлена низкая эффективность политики таргетирования инфляции (*inflation targeting*) — режим ДКП, конечная цель которого — обеспечение ценовой стабильности в краткосрочной перспективе, когда центральные банки устанавливают целевые ориентиры (таргеты) по уровню общей инфляции в годовом выражении, которая показывает изменение уровня потребительских цен относительно аналогичного периода годом ранее. Так, в статье [4] говорится о целесообразности перехода к режиму таргетирования инфляции для долгосрочного роста экономики, при котором центральный банк устанавливает и публично объявляет целевой уровень инфляции в процентах и стремится его поддерживать посредством инструментов ДКП, но подвергается сомнению сама идея достижения поставленных данной политикой целей в более короткие сроки.

Центральные банки используют различные инструменты с целью регулирования денежной массы и влияния на экономическую активность [5] посредством нижеприведенных инструментов ДКП:

1) *изменение ключевой ставки*, которая играет решающую роль в управлении ликвидностью в банковской системе и управлении экономикой в целом. В ситуациях, при которых центральный банк решает воздействовать на денежную массу, он снижает ставку рефинансирования, что приводит к поощрению увеличения заимствований денежных средств коммерческими банками. Данный рост кредитования обуславливает увеличение денежной массы, что может стимулировать экономический рост благодаря поощрению де-

ловой активности. Напротив, повышение ставки рефинансирования препятствует заимствованиям денежных средств со стороны коммерческих банков, что вызывает сокращение денежной массы, способствуя охлаждению экономики, когда ее рост замедляется сильнее, чем ожидалось.

В статье [6] отмечается роль ключевой ставки в ДКП России и подчеркивается значение данного инструмента в решении не только экономических, но и в определенной степени политических задач государства;

2) *операции на открытом рынке* [далее — ОМО от англ. *open market operation* (ОМО)], подразумевающие процессы купли-продажи государственных ценных бумаг на вторичном рынке. ОМО, напрямую влияющие на размер денежной базы, являются одним из наиболее гибких инструментов, который воздействует на банковскую ликвидность [7]. При покупке государственных ценных бумаг центральный банк вливает деньги в банковскую систему, увеличивая денежную базу и расширяя предложение денег. Данная мера может стимулировать экономическую активность благодаря снижению процентных ставок и повышению доступности кредитов.

Повышенный спрос на государственные облигации приводит к росту цен на облигации и, следовательно, снижению процентных ставок. И наоборот, продажа государственных ценных бумаг изымает деньги из финансовой системы, сокращая денежную базу и уменьшая предложение денег, что обуславливает снижение цен и повышение процентных ставок. Применение данных мер способствует уменьшению деловой активности, к которому необходимо стремиться при перегреве экономики, и позволяет контролировать уровень инфляции.

Следует отметить, что ОМО как инструменты ДКП имеют несколько преимуществ [8]. Среди них гибкость и точность. Центральный банк может корректировать размер и сроки своих операций, чтобы своевременно реагировать на меняющиеся экономические условия;

3) *изменение нормы обязательных резервов*. Норма обязательных резервов, устанавливающая величину гарантийного фонда коммерческого банка, обеспечивающего надежное выполнение его обязательств перед клиентами, — это показатель, который предписывает коммерческим банкам размер резервов денежных средств, которые они должны держать в резерве (либо в своих

хранилищах, либо в центральном банке). Таким образом, размером норм обязательных резервов напрямую регулируется кредитоспособность коммерческих банков. Повышение нормы обязательных резервов сокращает объем средств, доступных банкам для кредитования, что может приводить к сокращению доступности кредитов и, как следствие, снижению экономической активности, вызывая в крайних случаях отзыв банками непогашенных кредитов, становясь таким образом причиной значительной финансовой напряженности. И наоборот, снижение нормы обязательных резервов высвобождает большую часть средств для кредитования, что потенциально стимулирует экономическую активность за счет повышения доступности кредитов.

Из-за мощных и далекоидущих последствий изменение нормы обязательных резервов обычно считается инструментом крайней меры. Частые изменения нормы обязательных резервов могут нарушать банковские операции и создавать неопределенность в финансовой системе. Влияние изменений резервных требований усиливается через денежный мультипликатор, потенциально становясь причиной значительных колебаний денежной массы.

В современной практике центральных банков использование нормы обязательных резервов сократилось. Страны со стабильными банковскими системами и низкой инфляцией исключили резервные требования из инструментария ДКП. Центральные банки теперь в основном полагаются на ОМО для ежедневного управления ликвидностью и влияния на краткосрочные процентные ставки.

Тем не менее в условиях нестабильности данный инструмент считается эффективным способом воздействия на экономическую ситуацию в стране с целью адаптации к внешним вызовам. В российской практике Центральный банк неоднократно менял нормы обязательных резервов для поддержания экономической активности в кризисных условиях. С 2017 г. нормы резервирования в России зависят от типа лицензии банка, что позволяет более целенаправленно применять данный инструмент ДКП.

Следует отметить необходимость согласования инструментов денежно-кредитной и фискальной политик государства для адаптации к изменяющимся внешним условиям и обеспечения как ценовой, так и экономической стабильности.

Необходимо подчеркнуть, что современная ДКП является одним из инструментов адаптации к изменяющимся экономическим условиям, направленным на обеспечение финансового постоянства государства в использовании средств регулирования инфляции.

Как отмечается в ряде работ [9–13], одним из ключевых условий поддержания ценовой стабильности является фиксирование инфляционных ожиданий населения, бизнеса и рынков, основой которого во многом выступает повышение уровня доверия к ДКП Центрального банка. Добиться успешной стабилизации инфляционных ожиданий можно при соблюдении следующих условий: нечувствительность ожиданий к краткосрочным шокам, а также обеспечение «близости» ожиданий к таргетированному уровню. В период 2017–2019 гг. согласно исследованию ЦБ РФ² инфляционные ожидания можно было считать заякоренными, т.е. «привязанными» к цели по инфляции Центрального банка. Тем не менее экономическая нестабильность, обусловленная пандемией COVID-19 и сложной геополитической ситуацией в 2022–2023 гг., способствовала обратному процессу, приводя к различным экономическим шокам и, как следствие, к росту инфляции.

ЭКОНОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДИНАМИКИ ИНФЛЯЦИИ И КЛЮЧЕВОЙ СТАВКИ

В Российской Федерации основным инструментом ДКП выступает изменение ключевой ставки. На рис. 1 представлена динамика изменений ключевой ставки и уровня инфляции с января 2015 по сентябрь 2024 г.

В 2015 г. Банк России определил целью ДКП снижение годовой инфляции до 4% в 2017 г. и поддержание ее вблизи этого уровня в дальнейшем. На 2015–2016 гг. пришелся период дезинфляции — замедление темпов роста общего уровня цен на товары и услуги в валовом внутреннем продукте страны, которому способствовала сначала жесткая, а затем умеренно жесткая политика Банка России.

Следует отметить, что долгосрочное применение жесткой монетарной политики может приводить к определенным негативным последствиям.

² ЦБ РФ. Оценка заякоренности инфляционных ожиданий для России URL: https://www.cbr.ru/content/document/file/139272/analytic_note_20220728_dip.pdf.

Рис. 1 / Fig. 1. Динамика инфляции и ключевой ставки в Российской Федерации в период с января 2015 по сентябрь 2024 г. / Dynamics of inflation and the key rate in the Russian Federation in the period from January 2015 to September 2024

Источник / Source: URL: https://www.cbr.ru/hd_base/inf/?UniDbQuery.Posted=True&UniDbQuery.From=01.01.2015&UniDbQuery.To=01.09.2024

Сдерживающая политика может обуславливать возникновение таких последствий, как низкая монетизация экономики, дефицит финансовых средств у бизнеса и слабая загрузка производственных мощностей в совокупности с реальным падением доходов населения. Поэтому напрашивается вывод, что необходима умеренно жесткая ДКП в условиях, позволяющих ее смягчение. Тем не менее следует отметить, что вышеприведенные меры по борьбе с инфляцией были успешными. В 2017–2020 гг. годовая инфляция колебалась вблизи 4%, что является таргетированным уровнем.

В 2020 г. происходило резкое снижение реального ВВП страны, вызванное пандемией COVID-19. Уменьшение благосостояния населения, обусловленное как снижением деловой активности в стране, так и необходимостью соблюдения ограничительных мер в связи с пандемией коронавируса, привело к уменьшению потребления домохозяйств, что негативно повлияло на экономический рост. Замедление в сфере производства также обусловило снижение роста реального ВВП страны в данный период [10]. В статье [11] подчеркивается необходимость адекватного применения ДКП в условиях напряженной экономической ситуации, вызванной пандемией коронавируса. В исследовании [12] отмечается успешное применение рассматриваемых

инструментов с целью адаптации к изменению экономических условий и обеспечению роста экономики страны.

В 2021 г. экономика начала восстанавливаться. Рост реального ВВП Российской Федерации достиг 5,61% [13]. К концу 2021 г. значения инфляции в России начали стремительно расти, после чего ЦБ РФ принял меры по ужесточению монетарной политики посредством повышения процентных ставок.

Кардинально изменившиеся внешние и внутренние экономические условия, а также рост инфляционных ожиданий привели к резкому всплеску инфляции в 2022 г. Центральный банк отреагировал повышением ключевой ставки. Так, в начале 2022 г. данный показатель достиг рекордных на тот момент 20%, но к концу года опустился до 7,5%. Стоит отметить, что данные меры носили контрциклический характер, ставящий целью поиск баланса между спадами и перегревами экономики [14]. Принятые меры позволили несколько снизить уровень инфляции в начале 2023 г., но не изменили кардинально ситуацию с инфляцией.

Уровень инфляции в 2024 г. продолжал расти, что вынудило Центральный банк увеличивать ключевую ставку. Так, в октябре 2024 г. ключевая ставка была повышена до рекордных 21%.

Эксперты не исключают дальнейшего ужесточения ДКП. Согласно макроэкономическому опросу ЦБ РФ, проведенному в октябре 2024 г., средняя ключевая ставка за год в 2025 г. будет равняться 18,0%, в 2026 г. — 12,5%. Среднегодовой показатель инфляции в данном сценарии достигнет значения 6,5% в 2025 г. и выйдет к наиболее близким к таргетированным значениям в 2026 г., снизившись до 4,6% [15].

РАЗРАБОТКА ЭКОНОМЕТРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ, СВЯЗЫВАЮЩЕЙ ПОКАЗАТЕЛЬ КЛЮЧЕВОЙ СТАВКИ С УРОВНЕМ ИНФЛЯЦИИ

Приведенный выше анализ политики Центрального банка позволяет сделать вывод о том, что на повестке дня задач государственной важности остро стоит вопрос обеспечения экономической и ценовой стабильности. Поэтому было принято решение о разработке эконометрической модели, связывающей показатель ключевой ставки как ведущего инструмента монетарной политики с уровнем инфляции как показателя экономической стабильности государства. При составлении данной модели предполагалось наличие обратной связи между этими показателями, т.е. чем выше ключевая ставка, тем ниже уровень инфляции.

После предварительного анализа было выявлено, что коэффициент корреляции между текущими значениями ключевой ставки и функции инфляции равен 0,511, что указывает на существование умеренной линейной связи между ключевой ставкой и уровнем инфляции. Структурная форма модели выглядит следующим образом:

$$\begin{cases} I_t = a_0 + a_1 \cdot k_t + \varepsilon_t \\ a_1 > 0 \\ E(\varepsilon_t) = 0; \sigma^2(\varepsilon_t) = \text{const} \end{cases}, \quad (1)$$

где I_t — текущий уровень инфляции России; k_t — текущая ключевая ставка; ε_t — случайное возмущение.

Последняя строка в модели (1) соответствует предположениям о математическом ожидании и дисперсии случайного возмущения в соответствии с теоремой Гаусса — Маркова.

Для оценки коэффициентов модели была использована выборка с 2014 по 2023 г., при этом данные за 2024 г. были применены для проверки адекватности линейной модели (см. таблицу).

Расчет коэффициентов осуществлен методом наименьших квадратов в эконометрическом пакете *GRET*.

Оцененная форма модели выглядит следующим образом:

$$\begin{cases} I_t = -4,095 + 1,297k_t + \varepsilon_t \\ (3,935)(0,438)(3,172) \\ R^2 = 0,523 F = 8,768 \end{cases}. \quad (2)$$

В круглых скобках указаны стандартные ошибки коэффициентов. Тестирование модели показало, что 52,3% изменения текущего значения инфляции в Российской Федерации можно объяснить текущим значением ключевой ставки с помощью модели линейной регрессии. F -тест³ подтвердил, что значение

³ F -тест (F -критерий) — статистический тест для проверки значимости регрессии в целом, тестовая статистика имеет распределение Фишера (F -распределение).

Таблица / Table

Модель для функции инфляции / Inflation function Model

	Коэффициент / Ratio	Статистическая ошибка / Statistical mistake	t -статистика / t -statistics	p -значение / p -value
const	-4,095	3,935	-1,040	0,323
Kt	1,297	0,438	2,961	0,018

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

коэффициента детерминации не является случайным и качество спецификации модели высокое. Все предпосылки теоремы Гаусса — Маркова выполняются, коэффициенты уравнения по результатам t -теста⁴ являются значимыми.

Благодаря проведению теста на проверку адекватности было выяснено, что данная модель адекватна и может быть использована для прогнозирования уровня инфляции в Российской Федерации.

РАСЧЕТ РЕАЛЬНЫХ И ПРОГНОЗНЫХ ЗНАЧЕНИЙ УРОВНЯ ИНФЛЯЦИИ

Для расчета прогнозных значений уровня инфляции по разработанной модели (1) значение экзогенной переменной было взято из макроэкономического прогноза ЦБ РФ от октября 2024 г. Прогнозировались следующие значения средней

⁴ t -тест (t -критерий Стьюдента) — это статистический тест, который используется для проверки гипотез о значимости коэффициентов регрессии, тестовая статистика имеет распределение Стьюдента.

ключевой ставки за год: в 2024 г. — 17,3%, в 2025 г. — 18,0%, в 2026 г. — 12,5%.

Уровень инфляции в 2024 г. продолжал расти, что вынудило Центральный банк увеличивать ключевую ставку. Так, в октябре 2024 г. ключевая ставка была повышена до рекордных 21%.

На рис. 2 представлены графики эмпирических значений функции инфляции (сплошная линия с маркерами) и модельных (сплошная линия без маркеров). Доверительный интервал отмечен двумя пунктирными линиями.

Следует отметить, что получившиеся прогностические значения инфляции выше тех, что определяет ЦБ РФ. Поэтому можно предположить необходимость

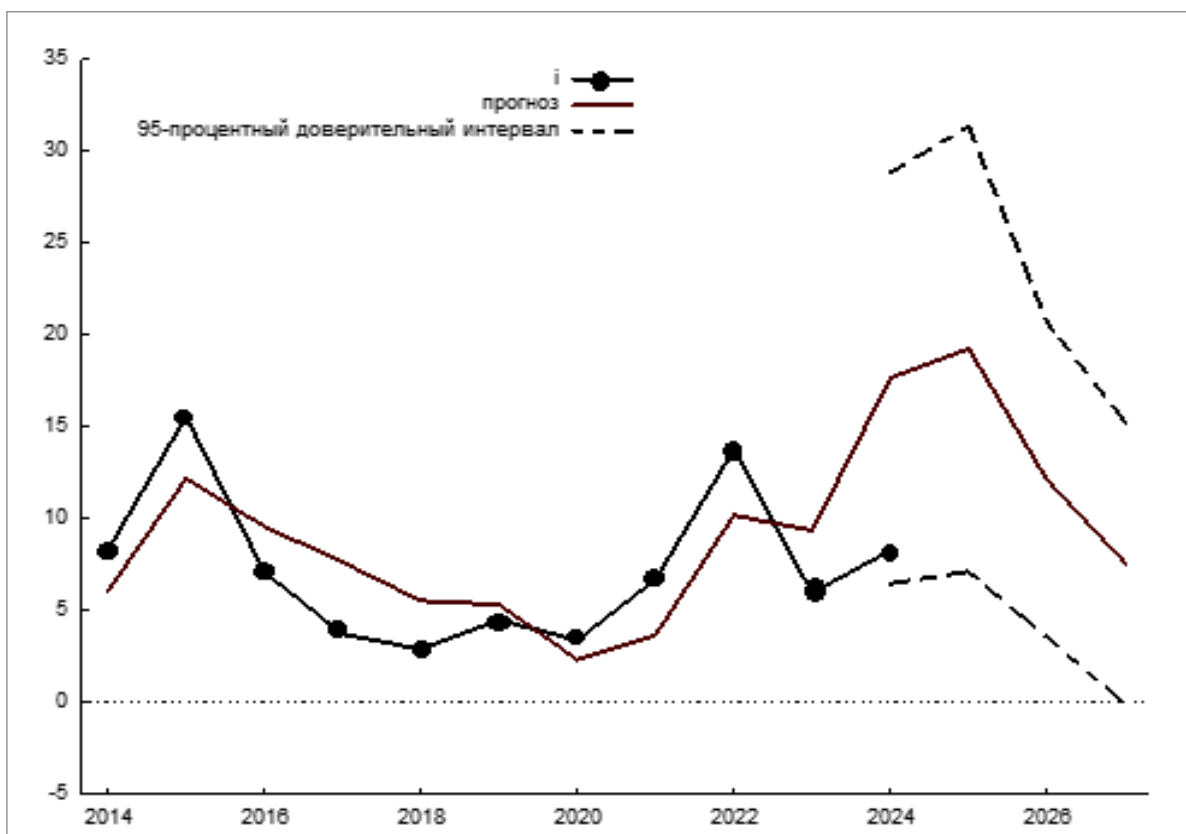

Рис. 2 / Fig. 2. Реальные и прогнозные значения уровня инфляции / Real and forecast inflation levels

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

принятия дополнительных мер для достижения таргетированного уровня инфляции к 2026 г. Вместе с тем результаты моделирования показали, что только 52% изменений величины инфляции объясняются изменениями ключевой процентной ставки, а значит, для регулирования уровня инфляции нужно искать и применять дополнительные меры.

Таким образом, в настоящем исследовании удалось установить взаимосвязь в математическом выражении между выбранными для исследования факторами инфляции и ключевой ставкой. Эти данные могут быть использованы для построения выводов при проверке исследуемой гипотезы.

ВЫВОДЫ

Проведенное исследование дает возможность сделать несколько выводов относительно эффективности реализуемой государственной политики и перспектив ее дальнейшего совершенствования для достижения ожидаемого макроэкономического результата.

Выявленные взаимосвязи в функции инфляции позволяют количественно оценивать влияние изменения экзогенного фактора на эндогенный показатель, тем самым становясь основой для прогноза обеспечения экономической стабильности страны.

Исследование показало значимость ДКП как инструмента адаптации к изменяющимся условиям внешней среды. Однако расчеты выявили недостаточность применения исключительно такого инструмента ДКП, как изменение ключевой ставки для достижения ценовой стабильности в краткосрочном периоде. Как отмечают специалисты ЦБ РФ, изменение ключевой ставки в полной мере транслируется в динамику совокупного спроса и инфляции не одновременно, а в течение трех–шести кварталов, что также подчеркивает необходимость принятия дополнительных мер для более скорой адаптации к экономическим шокам и достижения таргетированного уровня инфляции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кроливецкая Л. П., Золотарева О. А. О нетрадиционной денежно-кредитной политике. *Журнал правовых и экономических исследований*. 2015;(1):141–145.
2. Алексеева А. Г. Денежно-кредитная политика Банка России как составная часть экономической политики. *Вектор экономики*. 2023;79(1).
3. Дробышевский С. М., Трунин П. В., Синельникова-Мурылева Е. В., Макеева Н. В., Гребенкина А. М. Оптимальная инфляция в России: теория и практика. *Экономическая политика*. 2020;15(4):8–29. URL: https://ecpolicy.ru/oldart/stories/2020_4/001_.pdf?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com.
4. Картаев Ф. С. Таргетирование инфляции и экономический рост. *Вестник Московского Университета*. 2015;(3):26–40.
5. Бледных О. И. Инструменты регулирования денежно-кредитной политики в контексте финансовой безопасности. *Успехи современной науки*. 2016;3(7):36–38.
6. Фирова И. П. Оптимизация подхода при выборе ЦБ РФ инструментов денежно-кредитной политики. *Глобальный научный потенциал*. 2022;137(8):202–204.
7. Михайлов А. Ю. Теоретические основы операций Банка России на открытом рынке. *Финансовые рынки и банки*. 2018;(2):32–37.
8. Образцова О. А. Развитие операций Банка России на открытом рынке. *Финансовый вестник*. 2023;60(1):80–84.
9. Аршинов А. Б., Королев А. А. Взаимодействие денежно-кредитной и налогово-бюджетной политик в аспекте обеспечения ценовой стабильности. *Финанс. рынки и банки*. 2023;(7):53–59. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-denezhno-kreditnoy-i-nalogovo-byudzhethnoy-politik-v-aspekte-obespecheniya-tsenovoy-stabilnosti/viewer>.
10. Дробышевский С. М., Трунин П. В., Синельникова-Мурылева Е. В., Макеева Н. В., Гребенкина А. М. Оптимальная инфляция в России: теория и практика. *Экономическая политика*. 2020;15(4):8–29. URL: https://ecpolicy.ru/oldart/stories/2020_4/001_.pdf?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com.

11. Гончарова Н.А. Влияние распространения пандемии коронавируса на денежно-кредитную политику Банка России. *Глобальный научный потенциал*. 2022;136(7):190–192.
12. Рыбянцева М.С. Анализ влияния денежно-кредитных инструментов на развитие российской экономики. *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2020;70(12–3):33–36. DOI: 10.24411/2411–0450–2020–11121
13. Етерскова Я.С., Трегуб И.В., Фунтова Д.С. Анализ влияния монетарной и экономической политики на рост ВВП Российской Федерации в 2024–2025 годах. *Экономика. Налоги. Право*. 2024;17(1):44–55.
14. Горбунов М.А. Денежно-кредитная политика России на современном историческом этапе: основные направления, оценка и взаимосвязь с бюджетной политикой. *Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика*. 2024;(2):138–147. DOI: 10.24143/2073–5537–2024–2–138–147
15. Колобанов Н.А. Трегуб И.В. Процентная ставка как ключевой параметр в децентрализованных финансовых системах. *Проблемы экономики и юридической практики*. 2024;20(3):140–145.

REFERENCES

1. Krolivetskaya L. P., Zolotareva O. A. On unconventional monetary policy. *Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy = Journal of Legal and Economic Research*. 2015;(1):141–145. (In Russ.).
2. Alekseeva A. G. Monetary policy of the Bank of Russia as an component of economic policy. *Vektor ekonomiki = Vector of Economy*. 2023;79(1). (In Russ.).
3. Drobyshevsky S. M., Trunin P. V., Sinelnikova-Muryleva E. V., Makeeva N. V., Grebenkina A. M. Optimal inflation in Russia: Theory and practice. *Ekonomicheskaya politika = Economic policy*. 2020;15(4):8–29. URL: https://ecpolicy.ru/oldart/stories/2020_4/001_.pdf?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com. (In Russ.).
4. Kartaev F. S. Inflation targeting and economic growth. *Vestnik Moskovskogo Universiteta = Bulletin of Moscow University*. 2015;(3):26–40. (In Russ.).
5. Blednykh O. I. Instruments for regulating monetary policy in the context of financial security. *Dostizheniya sovremennoy nauki = Advances in modern science*. 2016;3(7):36–38. (In Russ.).
6. Firova I. P. Optimization of the approach to the choice of monetary policy instruments by the Central Bank of the Russian Federation. *Global'nyy nauchnyy potentsial = Global scientific potential*. 2022;8(137):202–204. (In Russ.).
7. Mikhailov A. Yu. Theoretical foundations of the Bank of Russia's open market operations. *Finansovyye rynki i banki = Financial markets and banks*. 2018;(2):32–37. (In Russ.).
8. Obraztsova O. A. Development of the bank of Russia's open market operations. *Finansovyy byulleten' = Financial Bulletin*. 2023;1(60):80–84. (In Russ.).
9. Arshinov A. B., Korolev A. A. Interaction of monetary and fiscal policies in terms of ensuring price stability. *Finansovyye rynki i banki = Financial markets and banks*. 2023;(7):53–59. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-denezhno-kreditnoy-i-nalogovo-byudzhethnoy-politik-v-aspekte-obespecheniya-tsenovoy-stabilnosti/viewer>. (In Russ.).
10. Drobyshevsky S. M., Trunin P. V., Sinelnikova-Muryleva E. V., Makeeva N. V., Grebenkina A. M. Optimal inflation in Russia: Theory and practice. *Ekonomicheskaya politika = Economic policy*. 2020;15(4):8–29. URL: https://ecpolicy.ru/oldart/stories/2020_4/001_.pdf?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com. (In Russ.).
11. Goncharova N. A. The impact of the spread of the coronavirus pandemic on the monetary policy of the bank of Russia. *Global'nyy nauchnyy potentsial = Global Scientific Potential*. 2022;136(7):190–192. (In Russ.).
12. Rybyantseva M. S. Analysis of the impact of monetary instruments on the development of the Russian economy. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economy and Business: Theory and Practice*. 2020;12–3(70):33–36. (In Russ.). DOI: 10.24411/2411–0450–2020–11121
13. Yeterskova Ya. S., Tregub I. V. Analysis of the impact of monetary and economic policy on the growth of GDP of the Russian Federation in 2024–2025. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2024;17(1):44–55. (In Russ.).
14. Gorbunov M. A. Monetary policy of Russia at the current historical stage: Main directions, assessment and relationship with budget policy. *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya:*

Ekonomika = Bulletin of the Astrakhan State Technical University. Series: Economics. 2024;(2):138–147. (In Russ.).
DOI: 10.24143/2073–5537–2024–2–138–147

15. Kolobanov N.A. Tregub I. V. Interest rate as a key parameter in decentralized financial systems. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki* = Problems of Economics and Legal Practice. 2024;20(3):140–145. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Илона Владимировна Трезуб — доктор экономических наук, профессор кафедры математики и анализа данных факультета информационных технологий и анализа больших данных, Финансовый университет, Москва, Россия

Ilona V. Tregub — Dr. Sci. (Econ.), Prof. of Department of Mathematics and Data Analysis, Faculty of Information Technology and Big Data Analysis, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-7329-8344>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:
itregub@fa.ru

Дарья Викторовна Фунтова — стажер отдела инвестиций и рынков капитала АО «Кэпт», Москва, Россия

Daria V. Funtova — Intern, Investment and Capital Markets Department, Kept JSC, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0009-0000-8731-1474>
funtovadaria@gmail.com

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 15.12.2024; принята к публикации 25.02.2025.

The article was received 15.12.2024; accepted for publication 25.02.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-67-76
УДК 338.244(045)
JEL O21

Альтернативные методы экономической оценки загрязнения окружающей среды объектами энергетики

И.Ю. Новоселова^а, А.Л. Новоселов^б

^а Финансовый университет, Москва, Россия;

^б Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) им. И.М. Губкина, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования — объекты энергетики, которые являются одними из наиболее крупных загрязнителей атмосферного воздуха из-за роста объемов жилищного строительства, увеличения транспортной нагрузки на улично-дорожную сеть городов. В свою очередь от корректной оценки загрязнения окружающей среды в настоящее время и в перспективе зависит принятие решений по техническому обновлению объектов энергетики.

Цель работы — установление альтернативных методов экономической оценки загрязнения окружающей среды от деятельности объектов энергетики и альтернативного инструментария защиты биосферы, который препятствует нанесению вреда (ущерба) живым организмам от выбросов вредных веществ. Рассмотрены показатели, позволяющие всесторонне характеризовать экологическую ситуацию в регионе, включающие региональный индекс антропогенной преобразованности; коэффициент антропогенного давления; уровень экологической напряженности; эргодемографический индекс; коэффициент естественной защищенности. Приведены варианты экономической оценки ущерба от загрязнения атмосферного воздуха.

Результатом работы стала выработка предложений по совершенствованию существующих методов экономической оценки вреда (ущерба) окружающей среде от выбросов вредных веществ благодаря обязательному включению в расчет коэффициента, учитывающего региональные особенности и плотность населения.

Сделаны выводы о том, что предложенная в статье процедура оценки ущерба, наносимого окружающей среде выбросами вредных веществ, может применяться на этапе прогнозирования в период неизменности технологических процессов, протекающих на объектах энергетики.

Ключевые слова: устойчивое развитие; экологическая ситуация; ущерб, наносимый окружающей среде; плотность населения

Для цитирования: Новоселова И.Ю., Новоселов А.Л. Альтернативные методы экономической оценки загрязнения окружающей среды объектами энергетики. *Экономика. Налоги. Право.* 2025;18(2):67-76. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-67-76

ORIGINAL PAPER

Alternative Methods of Economic Assessment of Environmental Pollution by Energy Facilities

I.Yu. Novoselova^а, A.L. Novoselov^б

^а Financial University, Moscow, Russia;

^б Gubkin Russian State University of Oil and Gas, Moscow, Russia

ABSTRACT

The subject of the study is energy facilities, which are among the largest pollutants of atmospheric air due to the growth of housing construction and increased traffic load on the urban street and road network. In turn, the correct assessment of environmental pollution currently and in the future depends on decision-making on the technical renovation of energy facilities.

© Новоселова И.Ю., Новоселов А.Л., 2025

The purpose of the work is to establish alternative methods for the economic assessment of environmental pollution from the activities of energy facilities and alternative tools for protecting the biosphere, which prevents harm (damage) to living organisms from emissions of harmful substances. The article considers indicators that allow comprehensively characterizing the environmental situation in the region, including the regional index of anthropogenic transformation; anthropogenic pressure coefficient; level of environmental tension; ergodemographic index; coefficient of natural protection. The options for the economic assessment of damage from atmospheric air pollution are given.

The result of the work was the development of proposals to improve existing methods of economic assessment of environmental harm (damage) from emissions of harmful substances due to the mandatory inclusion in the calculation of a coefficient that takes into account regional characteristics and population density.

It is concluded that the procedure proposed in the article for assessing the damage caused to the environment by emissions of harmful substances can be applied at the forecasting stage during the period of immutability of technological processes occurring at energy facilities.

Keywords: sustainable development; environmental situation; environmental damage; population density

For citation: Novoselova I.Yu., Novoselov A.L. Alternative methods of economic assessment of environmental pollution by energy facilities. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(2):67-76. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-67-76

ВВЕДЕНИЕ

Оценка состояния окружающей среды региона необходима для принятия решений о строительстве жилищного фонда, размещении промышленных предприятий, обустройстве экскурсионных и туристических маршрутов не только в сфере экологической реабилитации посредством выполнения комплекса специальных природоохранных и режимных мероприятий, но и в распределении инвестиций для социально-экономического развития [1–4].

Повышение качества жизни населения регионов требует надежного инструментария прогнозирования состояния окружающей среды [5; 6] с учетом состояния транспортной сети, увеличения интенсивности транспортных потоков, строительства новых промышленных предприятий, включая металлургические заводы, а также объекты энергетики (генерирующие компании и др.) [7–9].

В настоящее время существует множество показателей, позволяющих всесторонне характеризовать экологическую ситуацию в регионе и включающих:

- региональный индекс антропогенной преобразованности;
- коэффициент антропогенного давления;
- уровень экологической напряженности;
- эргодемографический индекс;
- коэффициент естественной защищенности.

Первые четыре критерия оценки экологического состояния в регионе могут быть использованы только для сравнительной оценки, поскольку пороговых величин для этих критериев нет. Кроме того, эти критерии базируются на экспертных оценках, что снижает объективность расчетов. Эргодемографический индекс, рассчитываемый исходя из

потребления энергии на единицу рассматриваемой территории, требует значительного объема информации из различных источников. Поэтому он редко используется на практике и не имеет пороговых значений. Коэффициент естественной защищенности, указывающий на рост устойчивости эколого-хозяйственного баланса территории, основывается на статистической информации, доступной в территориальном кадастре, т.е. объективной информации, и рассчитывается по формуле

$$K_i^{e.3} = \frac{S_{i1} + 0,8S_{i2} + 0,6S_{i3} + 0,4S_{i4}}{S_i^{\Sigma}}, \quad (1)$$

где S_i^{Σ} — суммарная площадь i -го региона, км²; S_{ik} — площадь i -го региона в соответствии с k -й степенью антропогенной нагрузки (табл. 1), км².

Можно с некоторым скептицизмом отнестись к упрощенным коэффициентам, на которые умножаются площади в числителе при расчете коэффициента естественной защищенности, но этот недостаток можно исправить, если установить собственные шкалы для каждого региона. Их пороговые числа целесообразно основывать на структурных «числах» греческого архитектора Доксиадиса, которые задают идеальное соотношение природных и антропогенно измененных ландшафтов.

Наиболее предпочтительным для оценки негативного воздействия объектов энергетики на атмосферный воздух является показатель экономической оценки вреда (ущерба), причиняемого выбросами вредных веществ в процессе производства электроэнергии и тепла [10; 11]. Для экономической оценки вреда (ущерба), причиняемого выбросами вредных

Таблица 1 / Table 1

**Деление видов использования земель для расчета коэффициента естественной защищенности /
Division of types of land use for calculating the coefficient of natural protection**

Степень антропогенной нагрузки, k / Degree of anthropogenic load, k	Оценка антропогенной нагрузки / Assessment of anthropogenic load	Вид использования земель / Type of land use
1	Очень низкая / Very low	Природоохранные земли и земли запаса / Conservation and reserve lands
2	Низкая / Low	Земли лесного фонда, сенокосы, земли под многолетними культурами, леса ограниченного использования / Forest fund lands, hayfields, lands under perennial crops, forests of limited use
3	Средняя / Average	Земли водного фонда, пастбища, рекреационные земли / Water fund lands, pastures, recreational lands
4	Высокая / High	Пахотные земли и ареалы интенсивных рубок, используемые нерационально / Arable lands and areas of intensive logging, used irrationally
5	Очень высокая / Very high	Орошаемые и осушаемые земли, садово-огородные участки / Irrigated and drained lands, horticultural plot
6	Высшая / Super	Земли промышленности, транспорта, городов, поселков, инфраструктуры, нарушенные земли / Lands of industry, transport, cities, towns, infrastructure, disturbed lands

Источник / Source: [9].

веществ в атмосферный воздух, разработан ряд методик, которые рассматриваются ниже.

СУЩЕСТВУЮЩИЕ МЕТОДЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ УЩЕРБА ОТ ЗАГРЯЗНЕНИЯ АТМОСФЕРНОГО ВОЗДУХА

Методы осуществления экономических оценок вреда (ущерба) от загрязнения трех составляющих окружающей среды (атмосферного воздуха, водной среды, земель) появились в нашей стране еще в середине 1980-х гг. В основе этих методик находится произведение удельной величины ущерба на массу выброса загрязняющего вещества [12; 13]. Поскольку при эксплуатации ТЭС и промышленных предприятий в атмосферный воздух выбрасываются различные вещества $j = 1, 2, \dots, n$ в объеме m_j (тыс. т/год), были предложены два варианта перевода выброса в тыс. т/год в стоимостную оценку¹:

- перемножение удельной оценки ущерба от каждого вещества P_j (тыс. руб./т) на выбросы соответствующих веществ, т.е. $P_j m_j$. Это позволяет просуммировать получившиеся стоимостные

оценки ущерба по каждому из анализируемых веществ, чтобы получить итоговую экономическую оценку ущерба;

- приведение всех анализируемых выбросов к условным тоннам с учетом коэффициента вредности A_j (усл. т) каждого вещества, т.е. $A_j m_j$, а затем найти произведение удельной величины ущерба от выброса одной условной тонны γ_j (руб./усл. т) на суммарную величину выбросов, приведенных к условному веществу:

$$\gamma_j \times \sum_{j=1}^m A_j m_j.$$

Вышеуказанные варианты экономической оценки ущерба от загрязнения атмосферного воздуха эквивалентны, но установлены в методиках, утвержденных в разные годы. В эти формулы вводятся коэффициенты, отражающие специфику загрязняемых территорий, индекс-дефлятор и др. На протяжении сорока лет эти методики усовершенствовались, и в настоящее время на уровне Минприроды России действует ряд методик, например Методика исчисления размера вреда, причиненного атмосферному воздуху как компоненту природной среды², в которой реали-

¹ Утверждена приказом Минприроды России от 28.01.2021 № 59.

² Там же.

зуется первый вариант перевода объема выбросов в натуральном выражении в стоимостную оценку:

$$Y = \sum_{j=1}^n T_j \times m_j \times K_{ин} \times K_{опр}, \quad (2)$$

где T_j — такса расчета вреда от выброса j -вредного вещества, руб./т; m_j — годовая масса выбросов j -вредного вещества, т / год; $K_{ин}$ — коэффициент, учитывающий изменение потребительских цен на товары и услуги в России за рассматриваемый период; $K_{опр}$ — коэффициент, который для особо охраняемых территорий принимается на уровне 2, а всех прочих — 1.

Второй вариант определения стоимостной оценки исходя из выброса вредных веществ в натуральном выражении использован в ряде методик³ 1999 и 2005 гг. Для экономической оценки ущерба применяется формула

$$Y = \gamma \times J_{деф} \times \alpha \times \sum_{j=1}^m A_j m_j, \quad (3)$$

где γ — удельная оценка ущерба от загрязнения атмосферного воздуха, руб./усл. т; $J_{деф}$ — индекс-дефлятор, позволяющий осуществлять удельную оценку ущерба к моменту проведения расчетов; α — коэффициент экологической ситуации и экологической значимости состояния атмосферного воздуха территорий.

Если во второй методике вредность веществ учитывается непосредственно на основе использования коэффициентов экологической опасности каждого из загрязняющих веществ, то в первой методике размер ущерба j -вредного вещества заложен в индивидуальные таксы каждого вещества, что является отличием рассматриваемых методик. Кроме того, в самой первой методике оценки экономического ущерба⁴ предложено использование показателя относительной опасности загрязнения атмосферного воздуха над территориями различных типов, включая города с различной плотностью населения. Представляется правильным учитывать данный показатель при расчете размера ущерба, поскольку чем выше плотность населения, тем больше размер ущерба.

³ Временная методика определения предотвращаемого экологического ущерба. Государственный комитет Российской Федерации по охране окружающей среды. М.: 1999. 41 с.

⁴ Временная типовая методика определения экономической эффективности осуществления природоохранных мероприятий и оценки экономического ущерба, причиняемого народному хозяйству загрязнением окружающей среды. М.: Экономика; 1986.

АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ МЕТОД ОЦЕНКИ УЩЕРБА ОТ ЗАГРЯЗНЕНИЯ АТМОСФЕРНОГО ВОЗДУХА

Альтернативой рассмотренных выше подходов к стоимостной оценке ущерба от загрязнения атмосферного воздуха на основе объемов потребления топлива (угля, нефти, природного газа и др.) может быть использование контаминационных эквивалентов⁵ энергии благодаря наличию соотношения потребления энергии в условных тоннах выбросам в атмосферный воздух образующихся вредных веществ. Это соотношение является постоянным для определенных технологий, используемых в промышленном производстве, энергетике, на транспорте. Контаминационный коэффициент для любого года t можно определить по формуле

$$K_t = \frac{\sum_{j=1}^m A_j m_{jt}}{\sum_{l=1}^L E_l v_{lt}}, \quad t = 1, 2, \dots, \tau, \quad (4)$$

где E_l — коэффициент для перевода l -го вида топлива в условное топливо, равный отношению теплотенности 1 кг топлива данного вида к теплотенности 1 кг условного топлива⁶;

v_{lt} — объем потребляемого в год t топлива l -го вида в натуральном измерении (тыс. т, тыс. м³);

m_{jt} — масса выбросов j -вредного вещества в год t , т/год;

Поскольку между энергопотреблением и природоемкостью производства имеется почти линейная функциональная зависимость экономической оценки ущерба от загрязнения атмосферного воздуха вредными веществами, можно определить среднее значение контаминационного коэффициента:

$$\bar{K} = \frac{\sum_{t=1}^{\tau} K_t}{\tau}. \quad (5)$$

Благодаря использованию этого коэффициента можно установить ожидаемую величину ущерба, взяв за базу формулу (3):

$$Y = \gamma \times J_{деф} \times \alpha \times \bar{K} \times \sum_{l=1}^L e_l v_l. \quad (6)$$

⁵ Контаминационный коэффициент — общая масса техногенных загрязнителей среды, приходящаяся на единицу потребленной энергии.

⁶ Условное топливо — единица учета органического топлива, теплота сгорания 1 кг или 1 м³, равная 7000 ккал.

В результате будут получены верхний и нижний пределы экономической оценки ущерба от загрязнения атмосферного воздуха.

ПРИМЕР РАСЧЕТОВ И АНАЛИЗА РАЗЛИЧНЫХ ПОДХОДОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ ЗАГРЯЗНЕНИЯ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ ОБЪЕКТАМИ ЭНЕРГЕТИКИ

Рассмотрим применение вышеприведенных методов экономической оценки ущербов на данных московских энергетических предприятий. Из годовых отчетов ПАО «Мосэнерго»⁷ были взяты данные о загрязнении атмосферного воздуха основными вредными веществами — твердыми частицами, диоксидом серы, оксидом углерода и оксидами

⁷ URL: <https://mosenergo.gazprom.ru/investors/reports/yearly-reports>.

азота (табл. 2), а также объемы потребления природного газа, который используется на московских ТЭЦ (табл. 3).

В последней строке табл. 3 выполнен пересчет потребленного природного газа в тысячи тонн условного топлива (далее — тут)⁸. На основе приведенных исходных данных следует провести расчеты экономической оценки ущерба с использованием методов, приведенных в вышеуказанных методиках, и альтернативного подхода.

Для того чтобы воспользоваться методикой исчисления размера вреда окружающей среде по формуле (2), необходимо наряду с фактическими данными, взятыми из табл. 3, использовать таксы расчета вреда от выброса рассматриваемых вредных веществ и задать коэффициент, учитывающий

⁸ В соответствии с приказом Минэкономразвития России (от 15.07.2020 № 425) 1 тыс. м³ соответствует 1,154 тут.

Таблица 2 / Table 2

Загрязнение атмосферного воздуха московскими ТЭЦ / Atmospheric air pollution by Moscow thermal power plants

Наименование веществ-загрязнителей / Name of the polluting substances	Объемы выбросов загрязняющих веществ, тыс. т / Emissions of pollutants, thousand tons				
	2019	2020	2021	2022	2023
Твердые вещества / Solid substances	0,1	0,2	0,099	0,03	0,622
Диоксид серы / Sulfur dioxide	3,6	3	0,916	2,476	0,936
Оксид углерода / Carbon monoxide	1,362	1,318	1,275	1,053	1,278
Оксиды азота / Nitrogen oxides	30,8	29,1	34,244	32,523	32,655

Источник / Source: годовые отчеты ПАО «Мосэнерго» за 2019–2023 гг. / Annual reports of Mosenergo PJSC for 2019–2023. URL: <https://mosenergo.gazprom.ru/investors/reports/yearly-reports>.

Таблица 3 / Table 3

Годовое потребление природного газа ТЭЦ Москвы / Annual consumption of natural gas at the Moscow thermal power plants

Показатель / Indicator	Потребление природного газа по годам / Natural gas consumption by year				
	2019	2020	2021	2022	2023
Природный газ, млн куб. м / Natural gas, million cubic meters	21 240	19 730	23 214	23 136	22 062
Природный газ, тут / Natural gas, tons of conventional fuel	24 511	22 768	26 788	26 687,4	25 459

Источник / Source: годовые отчеты ПАО «Мосэнерго» за 2019–2023 гг. URL: <https://mosenergo.gazprom.ru/investors/reports/yearly-reports> / annual reports of Public Joint Stock Company Mosenergo for 2019–2023. URL: <https://mosenergo.gazprom.ru/investors/reports/yearly-reports>.

изменение потребительских цен на товары и услуги в России за рассматриваемый период (принят равным единице). При этом коэффициент особо охраняемых территорий принимается на уровне 1. Результаты расчетов представлены в *табл. 4*.

Рассмотрим применение формулы (6), для которой прежде всего необходимо определить суммарное загрязнение с учетом коэффициентов вредности загрязняющих веществ (*табл. 5*).

В случае использования формулы (6) при коэффициенте экологической ситуации и экологической значимости состояния атмосферного воздуха территорий Центрального района, равных 1,6, и удельной величине ущерба, скорректированной на индекс-дефлятор, которая оказалась равной 5 тыс. руб., были проведены расчеты экономической оценки ущерба на *рис. 1*.

Сравнение двух методов показывает, что полученные оценки экономического ущерба во втором методе значительно выше, чем в первом. Это обусловлено наличием коэффициента экологической ситуации, которая для Центрального федерального округа равна 1,6, тогда как в первом методе используется коэффициент особо охраняемых территорий, равный при расчете единице. Следует отметить, что

территориальные оценки во втором методе более обоснованы.

Альтернативный расчет экономической оценки ущерба от загрязнения атмосферного воздуха требует использования данных *табл. 3* и суммарных объемов загрязнения в тут. Расчет по формулам (4)–(6) показывает, что динамика ущерба повторяет динамику потребления топлива (*рис. 2*), коэффициент парной корреляции равен 0,817. В *табл. 6* для сравнения представлены экономические оценки ущерба от загрязнения атмосферного воздуха, полученные на основе формулы (3) и альтернативного метода с помощью формулы (6).

Расхождение результатов расчета составило 0,62%, поэтому можно доверять использованию альтернативного метода расчета, основанного на исчислении ущерба (вреда) выбросами предприятиями генерации энергии (ТЭЦ, ТЭС, ГРЭС и котельных) в зависимости от объема потребляемого топлива.

ВЫВОДЫ

Анализ методов оценки загрязнения окружающей среды показывает значительное разнообразие используемого инструментария и возможностей анализа экологических последствий функционирования

Таблица 4 / Table 4

Расчет экономической оценки ущерба московскими ТЭЦ по формуле (2) / Calculation of the economic assessment of damage by Moscow thermal power plants according to the formula (2)

Наименование веществ-загрязнителей / Name of the polluting substances	Такса, руб./т / Payment fees, RUB/ton	Стоимостная оценка ущерба, млн руб. / Cost estimate of the damage, million rubles				
		2019	2020	2021	2022	2023
Твердые вещества / Solid substances	344 850	34,49	68,97	34,14	10,35	214,50
Диоксид серы / Sulfur dioxide	110 723	398,60	332,17	101,42	274,15	103,64
Оксид углерода / Carbon monoxide	5000	6,81	6,59	6,38	5,27	6,39
Оксиды азота / Nitrogen oxides	64 289	1980,10	1870,81	2201,51	2090,87	2099,36
Экономическая оценка ущерба / Economic assessment of damage		2420,00	2278,54	2343,45	2380,63	2423,88

Источник / Source: годовые отчеты ПАО «Мосэнерго» за 2019–2023 гг. URL: <https://mosenergo.gazprom.ru/investors/reports/yearly-reports/> / annual reports of Public Joint Stock Company Mosenergo for 2019–2023, URL: <https://mosenergo.gazprom.ru/investors/reports/yearly-reports/>

Таблица 5 / Table 5

Результаты расчета суммарного приведенного выброса при загрязнении атмосферного воздуха московскими ТЭЦ по формуле (6) / The results of calculating the total reduced emissions from atmospheric air pollution by Moscow thermal power plants according to the formula (6)

Наименование веществ-загрязнителей / Name of the polluting substances	Коэффициент приведения, усл. т/т* / Reduction coefficient, con.t/t	Годовые значения приведенного выброса по веществам, тыс. усл. тонн / Annual values of the reduced emissions by substances, thousand con.tons				
		2019	2020	2021	2022	2023
Твердые вещества / Solid substances	2,7	0,27	0,54	0,27	0,08	1,68
Диоксид серы / Sulfur dioxide	20	72,00	60,00	18,32	49,52	18,72
Оксид углерода / Carbon monoxide	0,4	0,54	0,53	0,51	0,42	0,51
Оксиды азота / Nitrogen oxides	16,5	508,20	480,15	565,03	536,63	538,81
Сумма приведенного выброса / The amount of the reduced emission		581,01	541,22	584,12	586,65	559,72
Экономическая оценка ущерба / Economic assessment of damage		2420,00	2278,54	2343,45	2380,63	2423,88

*Примечание / Note: взято из табл. 1 приложения 1 временной методики определения предотвращаемого экологического ущерба, 1999 / taken from Table 1 of Appendix 1 of the provisional methodology for determining avoidable environmental damage, 1999.

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

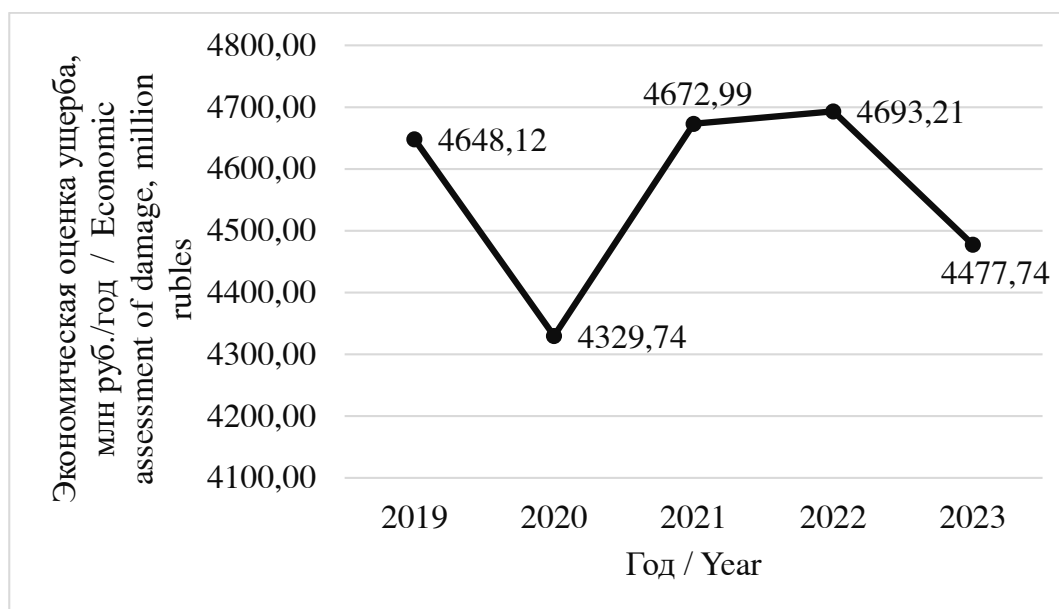

Рис. 1 / Fig.1. Экономическая оценка ущерба от загрязнения атмосферного воздуха объектами энергетики / Economic assessment of damage caused by atmospheric air pollution by energy facilities

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

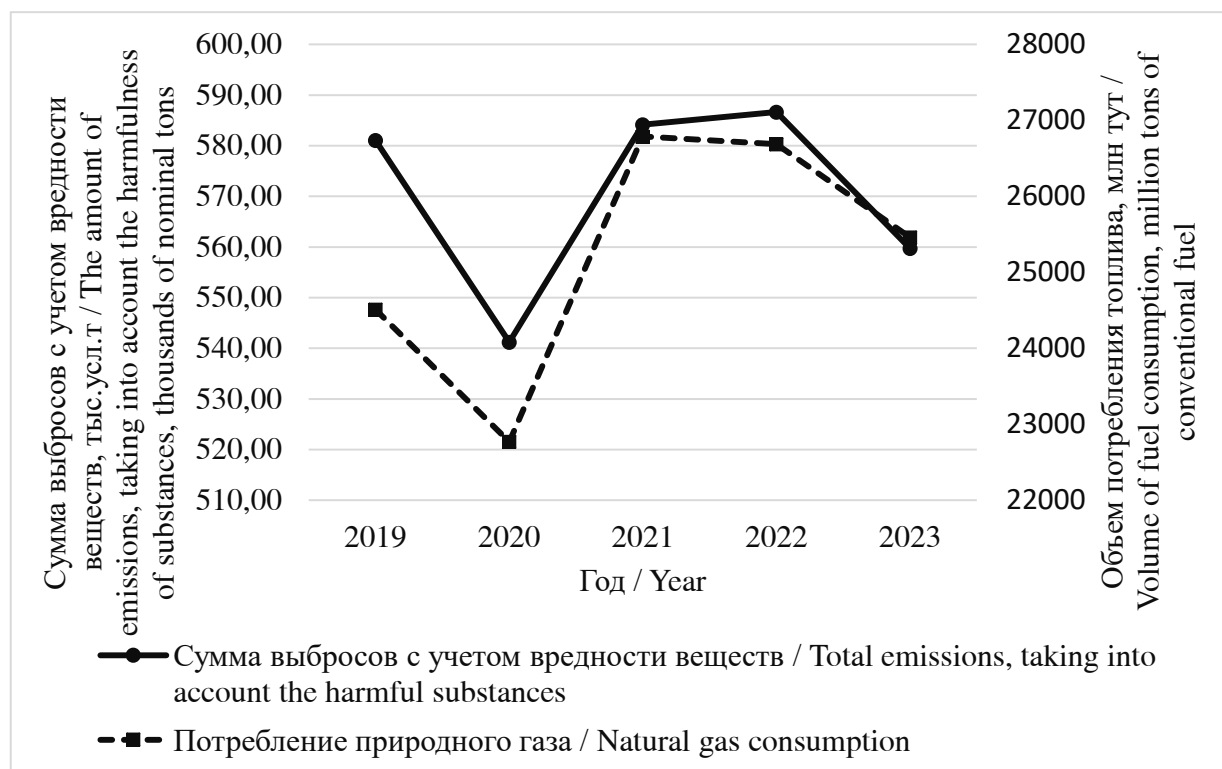

Рис. 2 / Fig.2. Сравнение динамики суммарного выброса и потребления топлива на московских ТЭЦ / Comparison of the dynamics of total fuel emissions and consumption at Moscow thermal power plants

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Таблица 6 / Table 6

Результаты оценки экономической оценки ущерба с использованием двух методов / The results of the economic damage assessment using two methods

Применяемые методы / Applied methods	Значение экономической оценки ущерба, млн руб. / The value of the economic assessment of damage, million rubles				
	2019	2020	2021	2022	2023
Экономическая оценка ущерба по формуле (3) / Economic damage assessment according to the formula (3)	4648,12	4329,74	4672,99	4693,21	4477,74
Экономическая оценка ущерба по формуле (6) / Economic damage assessment according to the formula (6)	4441,30	4125,55	4853,88	4835,66	4613,07

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

промышленных предприятий, включая объекты энергетики. Недостатком последних методик является отсутствие в них коэффициента, учитывающего региональные особенности и плотность населения. Такой коэффициент позволит повысить объектив-

ность расчета экономической оценки вреда (ущерба) от загрязнения атмосферного воздуха, выработать эффективные технологические решения по снижению выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух и уменьшению расхода топлива [14; 15].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Novoselov A., Potravny I., Novoselova I. Yu. et al. Harmonization of interests during Arctic industrial development: The case of mining corporation and indigenous peoples in Russia. *Polar Science*. 2023;35:100915. DOI: 10.1016/j.polar.2022.100915
2. Elena Z.A Business management model in the circular economy: Technological solutions for plastic recycling. *Revista de Gestao Social e Ambiental*. 2024;18(10):109398. DOI: 10.24857/rgsa.v18n10-275
3. Dmitrieva D. Russian arctic mineral resources sustainable development in the context of energy transition, ESG Agenda and Geopolitical Tensions. *Energies*. 2023;16(13):5145. DOI: 10.3390/en16135145
4. Makarova I., Makarov D., Gubacheva L. et al. Assessment of Environmental risks during the implementation of infrastructure projects in the arctic region. *Infrastructures*. 2024;9(9):148. DOI: 10.3390/infrastructures9090148
5. Shinkevich A. I. Development of a methodology for forecasting the sustainable development of industry in Russia based on the tools of factor and discriminant analysis. *Mathematics*. 2022;10(6). DOI: 10.3390/math10060859
6. X. Xu, Zh. Zhu, L. Ye et al. Ultimate pit limit optimization method with integrated consideration of ecological cost, slope safety and benefits: A case study of heishan open pit coal mine. *Sustainability*. 2024.16(13):5393. DOI: 10.3390/su16135393
7. Waldhoff S, Anthoff D, Rose S. The marginal damage costs of different greenhouse gases: An application of FUND. *Economics*. 2014(8):13. DOI: 10.5018/economics-ejournal. ja.2014-316
8. Новоселова И.Ю. Социо-эколого-экономический выбор маршрута нефтепровода. *Проблемы региональной экологии*. 2024;(5):85–90. DOI: 10.24412/1728–323X-2024–5–85–89
Novoselova I. Yu. Socio-ecological-economic choice of the oil pipeline route. *Problemy regional'noy ekologii = The problems of regional ecology*. 2024;(5):85–90. (In Russ). DOI: 10.24412/1728–323X-2024–5–85–89
9. Трапезникова И.С. Экономическая оценка комплексного ущерба от деятельности предприятий добывающей промышленности с учетом экологического фактора. *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2022;122(3):10–14. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2022.02.03.002
Trapeznikova I.S. Economic assessment of complex damage from the activities of enterprises of the extractive industry taking into account the environmental factor. *Ekonomika i upravleniye: problemy, resheniya = Economy and management: problems, solutions*. 2022;122(3):10–14. (In Russ). DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2022.02.03.002
10. Медведева О.Е., Артеменков А.И. Оценка ущерба от загрязнения атмосферного воздуха в России. Современные подходы и методика. *Имущественные отношения в РФ*. 2019;215(8):31–42. DOI: 10.24411/2072–4098–2019–10802
Medvedeva O.E., Artemenkov A.I. Assessment of damage from air pollution in Russia. Modern approaches and methods. *Imushchestvennyye otnosheniya v RF = Property relations in the Russian Federation*. 2019;215(8):31–42. (In Russ). DOI: 10.24411/2072–4098–2019–10802
11. Соловьева С.В., Фильченкова О.А., Медведева О.Е. Оценка ущерба (вреда) от загрязнения атмосферного воздуха для стимулирования внедрения наилучших доступных технологий в России. *Имущественные отношения в РФ*. 2019;216(9):35–45. DOI: 10.24411/2072–4098–2019–10902
Solovieva S.V., Filchenkova O.A., Medvedeva O.E. Assessment of damage (harm) from air pollution to stimulate the implementation of the best available technologies in Russia. *Imushchestvennyye otnosheniya v RF = Property relations in the Russian Federation*. 2019;216(9):35–45. (In Russ). DOI: 10.24411/2072–4098–2019–10902
12. Артамонов Г.Е., Васенев И.И., Гутников В.А. Экологическая оценка углеродного и азотного следа объектов тепловой энергетики в условиях города Москвы. *Экология урбанизированных территорий*. 2023;(4):16–25. DOI: 10.24412/1816–1863–2023–4–16–25
Artamonov G.E., Vasenev I.I., Gutnikov V.A. Ecological assessment of the carbon and nitrogen footprint of thermal power plants in the conditions of Moscow. *Ekologiya urbanizirovannykh territoriy = Ecology of urbanized territories*. 2023;(4):16–25. (In Russ). DOI: 10.24412/1816–1863–2023–4–16–25
13. Afanasieva O.R., Adamenko A.P., Shumakov S.A., Zarapina L.V., Mukhlylina M.M. Economic and legal aspects of compensation for environmental damage. *Journal of Environmental and Tourism*. 2020;11:43. DOI: 10.14505/jemt.v11.3(43).03

14. Росляков П.В., Рыбаков Б.А., Савитенко М. Оценки возможностей снижения выбросов парниковых газов при сжигании топлив в котлах ТЭС и котельных. *Теплоэнергетика*. 2022;(9):97–106. DOI: 10.56304/S 0040363622090041
Roslyakov P.V., Rybakov B.A., Savitenko M. Assessment of the possibilities of reducing greenhouse gas emissions during combustion of fuels in boilers of thermal power plants and boiler houses. *Teploenergetika = Thermal Power Engineering*. 2022;(9):97–106. (In Russ). DOI: 10.56304/S 0040363622090041
15. Сибгатуллин А., Ишков А., Петличенко К. Оценка потенциала снижения выбросов парниковых газов с учетом перспектив развития газификации регионов России. *Энергетическая политика*. 2023;189(10):31–42. DOI: 10.46920/2409–5516_2023_10189_30
Sibgatullin A. Ishkov, K. Petlichenko. Assessment of the potential for reducing greenhouse gas emissions, taking into account the prospects for the development of gasification of Russian regions. *Energeticheskaya politika = Energy Policy*. 2023;189(10):31–42. (In Russ). DOI: 10.46920/2409–5516_2023_10189_30

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT OF THE AUTHORS

Ирина Юрьевна Новоселова — доктор экономических наук, профессор кафедры отраслевых рынков факультета экономики и бизнеса, Финансовый университет, Москва, Россия

Irina Yu. Novoselova — Dr. Sci. (Econ.), Prof. of Department of Industry, Markets, Faculty of Economics and Business, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-5054-0676>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

iunov2010@yandex.ru

Андрей Леонидович Новоселов — доктор экономических наук, профессор кафедры экономики нефтяной и газовой промышленности, Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) им. И.М. Губкина, Москва, Россия

Andrey L. Novoselov — Dr. Sci. (Econ.), Prof. of Department of Economics of the Oil and Gas Industry, Gubkin Russian State University of Oil and Gas (NRU), Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-1495-4836>

alnov2004@yandex.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 15.01.2025; принята к публикации 25.03.2025.

The article was received 15.01.2025; accepted for publication 25.03.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-77-89
УДК 346.26(045)
JEL H25, K23, L26, L31

Национальный стандарт оценки деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности на основе ЭКГ-рейтинга ответственного бизнеса и направления его развития

А.К. Ниязметов

Администрация Президента Российской Федерации, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования — деловая репутация субъектов предпринимательской деятельности во взаимосвязи с целями устойчивого развития. *Цели работы* — обоснование выбора ключевых показателей, отражающих уровень деловой репутации, и определение наиболее эффективных мер стимулирования предприятий к участию в достижении национальных целей развития Российской Федерации.

Результатом исследования стала разработка методики оценки и порядка формирования ЭКГ-рейтинга ответственного бизнеса, на основе которого утвержден национальный стандарт, регламентирующий универсальную оценку деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности вне зависимости от их отраслевой принадлежности.

В качестве альтернативы рейтингам, построенным согласно западной ESG-концепции, предложен суверенный рейтинг на основе публичных финансовых данных, аккумулируемых в государственных информационных системах, и нефинансовой отчетности предприятий. Обоснован выбор показателей для его расчета по направлениям «Экология», «Кадры» и «Государство» с учетом взаимосвязей между показателями развития хозяйствующих субъектов в отдельности и экономики страны в целом, актуальных проблем устойчивого развития Российской Федерации.

Сделан вывод о том, что для вовлечения предприятий в деятельность по достижению национальных целей развития необходимо принятие действенных мер экономического стимулирования. В связи с этим определены наиболее востребованные меры государственной поддержки предприятий, имеющих высокие значения индекса деловой репутации.

Ключевые слова: устойчивое развитие; деловая репутация; ответственный бизнес; ЭКГ-рейтинг; ESG-концепция; национальный стандарт; таксономия

Для цитирования: Ниязметов А.К. Национальный стандарт оценки деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности на основе ЭКГ-рейтинга ответственного бизнеса и направления его развития. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(2):77-89. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-77-89

ORIGINAL PAPER

The National Standard for Assessing the Business Reputation of Business Entities Based on the ECG Rating of Responsible Business and the Direction of its Development

A.K. Niyazmetov

The Presidential Administration of the Russian Federation, Moscow, Russia

ABSTRACT

The subject of the research is the business reputation of business entities in relation to the goals of sustainable development. *The objectives of the work* are to substantiate the selection of key indicators reflecting the level of business reputation and to identify the most effective measures to encourage enterprises to participate in achieving the national development goals of the Russian Federation.

© Ниязметов А.К., 2025

The result of the research was the development of a methodology for assessing and forming an ECG rating of responsible business, on the basis of which a national standard was approved regulating the universal assessment of the business reputation of business entities, regardless of their industry affiliation.

As an alternative to the ratings based on the Western ESG concept, a sovereign rating is proposed based on public financial data accumulated in government information systems and non-financial reporting by enterprises. The choice of indicators for its calculation in the areas of "Ecology", "Personnel" and "State" is justified, taking into account the interrelationships between the indicators of the development of economic entities individually and the economy of the country as a whole, the current problems of sustainable development of the Russian Federation.

It is concluded that in order to involve enterprises in activities aimed at achieving national development goals, it is necessary to take effective economic incentive measures. In this regard, the most demanded measures of state support for enterprises with high values of the business reputation index have been identified.

Keywords: sustainable development; business reputation; responsible business; ECG rating; ESG concept; national standard; taxonomy

For citation: Niyazmetov A.K. The national standard for assessing the business reputation of business entities based on the ECG rating of responsible business and the direction of its development. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(2):77-89. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-77-89

ВВЕДЕНИЕ

Обеспечение устойчивого развития как комплекс мер, нацеленных на удовлетворение текущих потребностей людей, является одной из наиболее обсуждаемых научным сообществом тем в последние десятилетия.

Сам термин «устойчивое развитие» применяется в основном в контексте решения проблем сохранения окружающей среды в настоящее время, не ставя под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои потребности. В частности, в 1987 г. в докладе Всемирной комиссии ООН по вопросам окружающей среды и развития «Наше общее будущее» указано, что экономический рост всегда несет в себе риск экологического ущерба вследствие его влияния на ресурсы окружающей среды¹. Вместе с тем наиболее сложной для решения проблемой является, по заявлению председателя вышеуказанной комиссии Гро Харлем Брунтланд (норв. *Gro Harlem Brundtland*), увеличение народонаселения, обуславливая тем самым необходимость проведения политики ограничения рождаемости в мире.

В связи с этим следует отметить, что подходы к целям устойчивого развития отдельных стран могут принципиально отличаться от общемировых тенденций. Так, для России важно предотвращать сокращение уровня рождаемости посредством принятия мер, направленных на достижение его естественного воспроизводства, т.е. на получение превышения рождаемости над смертностью, обеспечивая тем самым положительную разницу между количеством родившихся и умерших за определенный период времени.

Наличие естественного прироста населения является необходимым условием устойчивого роста экономики вследствие того, что от численности населения зависят не только производственные возможности страны, имея в виду рабочую силу, но и объем внутреннего спроса. И то, и другое крайне важны для обеспечения экономической безопасности государства в условиях санкций и деятельности, направленной на обеспечение его технологического суверенитета. Кроме того, в случае наличия суммарного коэффициента рождаемости меньше двух неминуемы старение населения и нарастание бюджетной несбалансированности пенсионной системы, которые в конечном счете могут быть компенсированы повышением налоговой нагрузки на экономику либо сокращением расходов на социальное обеспечение старшего поколения, в том числе через повышение пенсионного возраста.

Также следует отметить, что, несмотря на декларируемое на уровне ООН и других международных организаций стремление прилагать усилия в направлении сокращения неравенства между странами², развитые государства Запады постоянно совершенствуют механизмы сохранения своего отрыва от развивающихся стран. Так, под эгидой борьбы с изменением климата развивающимся странам навязываются обязательства, ограничивающие их экономический рост, в то время развитые государства не только не исполняют аналогичные обязательства, но часто даже не ратифицируют соответствующие международные соглашения.

¹ URL: <http://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf>.

² URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/inequality>.

В связи с вышеизложенным крайне актуальным является создание суверенной модели устойчивого развития Российской Федерации, подкрепленной необходимым организационно-финансовым механизмом. В данном контексте важной задачей является создание действенных стимулов для хозяйствующих субъектов включаться в повестку устойчивого развития России, которая идет по собственному пути с учетом международного опыта [1].

ОБОСНОВАНИЕ НЕОБХОДИМОСТИ РАЗРАБОТКИ НАЦИОНАЛЬНОГО СТАНДАРТА ОЦЕНКИ ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ

Президент Российской Федерации В.В. Путин неоднократно заявлял о важности поддержки ответственного бизнеса, который конкретными делами помогает своей стране. «Компании, которые нацелены не на краткосрочный результат, а на стабильное развитие на многие годы вперед, кто вкладывает ресурсы в исследования и разработки, в создание собственных технологических платформ и торговых марок, — именно эти компании должны и будут поддерживаться государством. Иными словами, те компании, для которых долгосрочная деловая репутация является большой ценностью»³.

Деловая репутация субъектов предпринимательской деятельности, будучи основополагающим фактором обеспечения успешности экономической конкуренции, играет ключевую роль в достижении стабильного и устойчивого развития бизнеса. При этом в современных реалиях оценивать деловую репутацию, являющуюся нематериальным благом, опираясь только на экономические показатели, финансовую устойчивость и отсутствие нарушений при осуществлении деятельности, явно недостаточно ввиду того, что деловая репутация напрямую зависит также от степени воздействия бизнеса на окружающую среду; уровня социальной ответственности перед работниками и их семьями; выполнения обязательств перед клиентами и партнерами; участия в благотворительности; поддержки местных сообществ в регионах присутствия.

³ Выступление Президента Российской Федерации на пленарном заседании съезда Российского союза промышленников и предпринимателей, 16 марта 2023 г.

Цели устойчивого развития государства и предприятий, составляющих одну макроэкономическую (социально-производственную) систему, гораздо проще гармонизировать, чем цели развития различных стран, являющихся прямыми конкурентами.

Именно эти принципиальные подходы легли в основу создания ЭКГ-рейтинга ответственного бизнеса, который формируется по трем направлениям: экология, кадры и государство, — и направлен на определение уровня благонадежности, экологической и социальной ответственности предпринимательства. При создании данного рейтинга, помимо общей идеологии устойчивого развития, были учтены национальные цели развития Российской Федерации, установленные в майских указах Президента Российской Федерации.

Первоначально в ЭКГ-рейтинг вошли 40 тыс. предприятий, зарегистрированных в Центральном федеральном округе. Но уже на Петербургском международном экономическом форуме в 2023 г. были представлены результаты рейтингования 100 тыс. предприятий со всей страны.

ЭКГ-рейтинг ответственного бизнеса на сегодняшний день охватывает самое большое количество участников в мире — 7 млн предпринимателей из всех регионов России. В него включены 95% хозяйствующих субъектов.

Согласно п. 2.2 ГОСТа 71198–2023 «Индекс деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности (ЭКГ-рейтинг)» значения индекса деловой репутации (ЭКГ-рейтинга) публикуются в открытом доступе на сайте <https://экг-рейтинг.рф>. Исключение составили предприятия, доступ к отчетности которых ограничен в соответствии с законодательством.

Для участия в ЭКГ-рейтинге такие предприятия должны соглашаться на раскрытие информации о своей деятельности для целей участия в рейтинге (приказ ФНС России от 14.11.2022 № ЕД-7-19/1085@).

В результате ЭКГ-рейтинг стал рабочим инструментом реализации целей устойчивого развития, который учитывает национальные приоритеты и ценности, что выгодно отличает его на международной арене.

Как отмечал Президент Российской Федерации В.В. Путин, «особое звучание в глобальной деловой повестке приобрели вопросы устойчивого развития, когда в фокусе внимания собственников бизнеса, акционеров находятся не только расшире-

ние или модернизация производственных мощностей, но и забота об экологическом благополучии городов и регионов, развитие инфраструктуры, благоустройство территорий. В международной терминологии такой подход получил обозначение *ESG (environmental, social, governance)*, по сути, уже давно называемый в России социальной ответственностью бизнеса»⁴.

Активное обсуждение принципов ответственного ведения бизнеса началось в 1970-х гг. и продолжается по настоящее время. Так, *ESG*-подход больше ориентирован на учет и оценку углеродного следа и зеленую повестку, что зачастую вызывает скептическое отношение в государствах с растущим промышленным производством. Важно, что *ESG*-подход не учитывает страновые особенности, в результате чего его привязка к целям устойчивого развития ООН, в которых как раз есть данная компонента, выглядит сомнительной. Более того, реализуемая концепция устойчивого развития развитых стран Запада во многом базируется на использовании потенциала развивающихся стран и сохранении их отставания.

На встрече глав национальных органов БРИКС по стандартизации, состоявшейся 27 сентября 2024 г. в рамках Международного форума «Российская энергетическая неделя — 2024», был представлен российский опыт разработки стандарта методологии оценки коммерческих компаний и их ранжирования по уровню надежности, социальной и экологической ответственности в рамках процесса достижения целей устойчивого развития.

ОСОБЕННОСТИ СУВЕРЕННОГО ПОДХОДА К ОЦЕНКЕ СТЕПЕНИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ БИЗНЕСА

Россия стала первой страной в мире, где порядок оценки деловой репутации предприятий и степени их социальной ответственности перед обществом в привязке к целям устойчивого развития государства был закреплен на уровне национального стандарта.

В конце 2023 г. был утвержден национальный стандарт оценки деловой репутации ГОСТ Р 71198–2023 «Индекс деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности (ЭКГ-рейтинг).

Методика оценки и порядок формирования ЭКГ-рейтинга ответственного бизнеса» (далее — национальный стандарт)⁵.

Особенностью этого стандарта стало то, что оценки подлежали не только коммерческие показатели и благонадежность предприятий, но и их социальный и экологический вклад в обеспечение устойчивого развития территорий присутствия и страны в целом.

Национальный стандарт базируется на признании первостепенной важности фактических результатов деятельности предприятий на основе документально подтвержденных верифицированных данных, а не деклараций о намерениях, и является нормативно-техническим документом, прошедшим необходимую процедуру рассмотрения в рамках Технического комитета по стандартизации «Устойчивое развитие» (ТК 115).

Этот стандарт устанавливает методику оценки субъектов предпринимательской деятельности, направленную на определение уровня их благонадежности, социальной и экологической ответственности благодаря использованию индекса деловой репутации (ЭКГ-рейтинга), сформированного на основе проведенной оценки деятельности предприятий.

ЭКГ-рейтинг имеет ряд существенных отличий от имеющихся в настоящее время рейтингов и ранжирований устойчивого развития:

- 1) максимально полный охват субъектов предпринимательской деятельности;
- 2) отсутствие у оцениваемого субъекта предпринимательской деятельности публичной нефинансовой отчетности не является помехой для участия в ЭКГ-рейтинге;
- 3) субъекты предпринимательской деятельности участвуют в ЭКГ-рейтинге на бесплатной основе.

Вышеуказанные отличия от других субъективных оценок различных аспектов деятельности компаний имеют целью исключение необоснованных барьеров для участия в ЭКГ-рейтинге. Это принципиально важно, так как результаты ЭКГ-рейтинга могут учитываться при выборе поставщиков в рамках государственных закупок и при оказании мер государственной поддержки на принципах справедливой конкуренции.

Оценка субъектов предпринимательства для участия в ЭКГ-рейтинге проводится по трем направлениям:

⁴ Выступление Президента Российской Федерации на пленарном заседании съезда Российского союза промышленников и предпринимателей, 17 декабря 2021 г.

⁵ Утвержден и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 29.12.2023 № 1765-ст.

1) экология — степень воздействия на окружающую среду, использование наилучших доступных технологий и реализация экологических проектов;

2) кадры — уровень оплаты труда, корпоративные социальные и демографические программы, благотворительные проекты;

3) государство — финансовая устойчивость, налоговая история и благонадежность, социальное инвестирование в регионы присутствия.

К оценке субъектов предпринимательской деятельности допускаются все зарегистрированные на территории Российской Федерации юридические лица и индивидуальные предприниматели, которые прошли первичный отбор по указанному в национальном стандарте критериям. Но действие ЭКГ-рейтинга не распространяется на финансовые организации, относящиеся к разделу К ОКВЭД 2 ОК 029 (за исключением позиции 64.2).

Оценка субъектов предпринимательской деятельности по вышеуказанным направлениям производится на основе полученных баллов в два этапа: скоринг и анкетирование.

Максимальное количество баллов, которое могут получить участники рейтинга, — 160.

На основании полученного ЭКГ-рейтинга субъекту предпринимательской деятельности присваивается соответствующий уровень (см. таблицу).

По запросу участника рейтинга может быть составлена сводная итоговая оценка группы пред-

приятий по имеющимся в рейтинге юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям.

В этом случае сводная итоговая оценка группы предприятий рассчитывается как средневзвешенное значение итоговых баллов ЭКГ-рейтинга юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, входящих в группу предприятий. В качестве весового коэффициента используется численность сотрудников. При разработке национального стандарта было признано нецелесообразным проводить нормирование получаемой выручки, поскольку оно несет в себе риски искажения оценки (так как часто финансовые потоки и социальный пакет для сотрудников аккумулируются только на уровне головных структур (управляющих компаний) и не распространяются на дочерние общества, в которых, как правило, сконцентрировано основное производство и работает большинство сотрудников).

СКОРИНГ

На первом этапе проводится скоринг, представляющий собой комплексный анализ субъектов предпринимательской деятельности на основании реестровых данных, а также сведений из бухгалтерской отчетности, которые имеются в ФНС России и получены от Федерального казначейства, Минтруда России, Социального фонда, Росфинмониторинга, ФАС России, МВД России.

Максимальное количество баллов, которое могут получить участники рейтинга на данном этапе, — 100.

Таблица / Table

Система уровней ЭКГ-рейтинга / The system of EPS rating levels

ЭКГ-рейтинг, баллы / EPS rating, points	Уровень / Level
>100	Лидер / Leader (AAA)
91–100	Продвинутый / Advanced (AA)
81–90	Продвинутый / Advanced (A)
71–80	Средний / Medium (BBB)
61–70	Средний / Medium (BB)
51–60	Средний / Medium (B)
41–50	Базовый / Basic (CCC)
31–40	Базовый / Basic (CC)
<31	Базовый / Basic (C)

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

ОБОСНОВАНИЕ ВЫБОРА ПОКАЗАТЕЛЯ ПО НАПРАВЛЕНИЮ «ЭКОЛОГИЯ»

Как отмечал Президент Российской Федерации В.В. Путин, забота об окружающей среде является несомненным приоритетом государственной политики⁶.

Согласно Федеральному закону от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» негативное воздействие на окружающую среду является платным. В связи с этим факт осуществления юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем экологических платежей подтверждает негативное влияние их деятельности на окружающую среду, а размер платежей характеризует степень этого влияния. Поэтому для оценки экологичности (степени воздействия на окружающую среду) на этапе скоринга используется сумма экологических платежей участника рейтинга, которые включают плату за негативное воздействие на окружающую среду, штрафы за нарушение экологического законодательства и начисленные суммы экологического ущерба.

При разработке национального стандарта принципиально не использовались показатели, которые не имеют нормативно утвержденных методик, алгоритмов расчета и возможности верификации⁷. Не учитывались и такие распространенные в иных рейтингах устойчивого развития показатели, как углеродный след, степень влияния на изменение климата, индекс циркулярности материалов и т.д.

По мере развития нормативно-правового регулирования предпринимательской деятельности национальный стандарт планируется дополнять соответствующими позициями.

ОБОСНОВАНИЕ ВЫБОРА ПОКАЗАТЕЛЯ ПО НАПРАВЛЕНИЮ «КАДРЫ»

Системной задачей для страны в горизонте текущего десятилетия Президент Российской Федера-

ции В.В. Путин назвал переход к экономике высоких заработных плат, так как именно заработная плата является важнейшим ориентиром для отечественных предприятий и для всех уровней власти при выработке мер экономической и социальной политики⁸. Помимо этого, именно уровень заработной платы является самой важной мерой поддержки со стороны работодателя сотрудников с семейными обязанностями⁹.

Динамика заработной платы в экономике субъекта Российской Федерации служит одним из основных показателей эффективности деятельности предприятий по привлечению инвестиций, созданию новых рабочих мест¹⁰. Поэтому в ЭКГ-рейтинге оценка направления «Кадры» на этапе скоринга базируется на показателе «коэффициент средней заработной платы». Причем баллы по этому показателю нормируются относительно двух среднемесячных номинальных начисленных заработных плат работников в целом по экономике в разрезе каждого субъекта Российской Федерации.

Для предприятий, относящихся к крупнейшим налогоплательщикам и имеющих обособленные подразделения в нескольких субъектах Российской Федерации, баллы по этому показателю нормируются относительно двух среднемесячных номинальных начисленных заработных плат работников в целом по экономике Российской Федерации.

ОБОСНОВАНИЕ ВЫБОРА ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПО НАПРАВЛЕНИЮ «ГОСУДАРСТВО»

Оценке по данному направлению подлежат показатели финансовой устойчивости субъектов предпринимательской деятельности, которые должны позволять выполнять обязательства перед своими сотрудниками, контрагентами, государством и сводить к минимуму зависимость от внешних воздействий.

Максимальное количество баллов в ЭКГ-рейтинге можно получить при отсутствии нарушений

⁶ Выступление Президента Российской Федерации на пленарном заседании съезда Российского союза промышленников и предпринимателей, 16 марта 2023 г.

⁷ Расчет показателя экологичности на этапе скоринга основан на законодательстве Российской Федерации. В связи с этим при возникновении вопросов и/или претензий к законодательно утвержденным подходам к оценке степени воздействия на окружающую среду разработчики национального стандарта рекомендуют направлять их в инициативном порядке в адрес соответствующих государственных органов.

⁸ Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина в ходе расширенного заседания Президиума государственного Совета по вопросу «О развитии рынка труда в Российской Федерации» 21 сентября 2023 г.

⁹ Опрос ВЦИОМ «Не только зарплата, или о социальной поддержке работников и их семей со стороны работодателей», проведенный к Восточному экономическому форуму 2023 г.

¹⁰ Выступление Президента Российской Федерации в ходе заседания Совета по стратегическому развитию и национальным проектам, 22 августа 2023 г.

в течение трех лет и более. Кроме того, выделены отдельные показатели, позволяющие получать дополнительные баллы предприятиям, ведущим финансово-хозяйственную деятельность более пяти лет, а индивидуальным предпринимателям — более трех лет.

АНКЕТИРОВАНИЕ

Вторым этапом оценки является добровольное анкетирование субъектов предпринимательской деятельности (носит заявительный порядок), прошедших этап скоринга.

Социальные, экологические, благотворительные проекты и инициативы, которые реализует бизнес, далеко не всегда отражаются в официальной отчетности.

Поэтому наличие публичного нефинансового отчета приветствуется, но не является препятствием для проведения оценки. С учетом того, что составление нефинансовых отчетов и их публикация в большинстве случаев являются стандартной практикой только крупного бизнеса и не урегулированы законодательством, участникам ЭКГ-рейтинга вне зависимости от масштаба их бизнеса предлагается сообщать об их программах и инициативах по специально разработанной анкете для получения дополнительных баллов. Сама форма анкеты интуитивно проста, а участие бесплатное, что позволяет даже небольшим организациям или индивидуальным предпринимателям заявлять о себе.

Формат вопросов и ответов анкеты предполагает максимальное исключение рисков произвольной трактовки при их оценке экспертами. Детальное закрепление конкретных баллов для каждого фактора оценки нацелено на повышение объективности оценки.

Вместе с анкетой участники рейтинга предоставляют материалы, подтверждающие указанную в ней информацию: копии документов, включая коллективный договор, приказы, регламенты, платежные документы, отчетные материалы, копии договоров и соглашений и т.п., что позволяет верифицировать данные и начислять дополнительные баллы.

Максимальное количество баллов, которое могут получить участники ЭКГ-рейтинга на данном этапе, — 50.

Президент Российской Федерации В.В. Путин по итогам ежегодного съезда Российского союза промышленников и предпринимателей в 2023 г. отметил необходимость активного вовлечения субъектов

предпринимательской деятельности в системные объединения работодателей¹¹.

Поэтому участники ЭКГ-рейтинга, состоящие в ведущих деловых объединениях предпринимателей¹² и прошедшие этап скоринга, могут получать дополнительные баллы: пять баллов за членство и до пяти баллов за достижение высоких результатов.

СВЯЗЬ ЭКГ-РЕЙТИНГА С РЕШЕНИЕМ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ЗАДАЧ

Одной из особенностей ЭКГ-рейтинга является его акцент на социально-демографические составляющие.

Вследствие того, что возможности любого бюджета ограничены, большое значение в решении стоящих перед страной демографических задач имеет повышение адресности социальных пособий и мер государственной поддержки 15% семей, имеющих доходы ниже прожиточного минимума. Поэтому социальные пособия и государственные меры поддержки, несмотря на внушительные объемы их общего финансирования, не могут удовлетворять все потребности демографически активного населения.

Эффективная демографическая политика предполагает охват всех семей с детьми без исключения. Люди, находящиеся в репродуктивном возрасте, представляют собой, как правило, экономически активное и трудоспособное население. Для них достойный уровень заработной платы и уверенность в завтрашнем дне важнее, чем получение пособий по бедности.

Благополучие семьи складывается из размера заработной платы, социального пакета, представляющего собой набор компенсаций и льгот социального характера, который не предусмотрен Трудовым кодексом Российской Федерации и иными нормативными актами, и отношения работодателя к семейным сотрудникам. Как показало исследование ВЦИОМ, 58% работников приветствуют получение помощи от работодателя¹³.

¹¹ Перечень поручений Президента Российской Федерации В.В. Путина по итогам пленарного заседания РСПП 16 марта 2023 г.

¹² Российский союз промышленников и предпринимателей, Общероссийская общественная организация «Деловая Россия», Общероссийская общественная организация малого и среднего предпринимательства «Опора России», Торгово-промышленная палата Российской Федерации.

¹³ Результаты опроса ВЦИОМ о мерах поддержки россиян, имеющих семьи, со стороны работодателей. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-i-rabota>.

Проведенный опрос общественного мнения населения репродуктивного возраста в ряде российских регионов, различающихся региональными демографическими политиками и их результатами, свидетельствует о позитивной оценке потенциального влияния работодателя на репродуктивные намерения работников, соответствии ожиданиям населения ситуации публичного обозначения предприятиями позиции корпоративной гражданственности в демографической сфере [2].

Помимо социальных инвестиций в регионы присутствия, строительства школ, больниц, дорог, большое значение имеет поддержка предприятиями семей работников. Например, социальный пакет предприятий оценивается по таким критериям, как наличие материальной помощи сотрудницам в период беременности, специальных выплат при рождении, усыновлении детей и т.д. Уже несколько предприятий ввели у себя корпоративный материнский капитал при рождении детей в размере 1 млн руб.

Две трети показателей анкеты, используемой при оценке ЭКГ-рейтинга, имеют отношение к уровню и условиям жизни семейных сотрудников, т.е. позволяют оценивать усилия работодателя в решении демографических проблем. Это отличает ЭКГ-рейтинг от ESG-стандартов, в которых демографическая компонента, как правило, отсутствует. В результате внедрения в свою корпоративную политику таких мер поддержки семей бизнес напрямую принимает участие в реализации национальных проектов, в частности «Демография» и «Семья».

Акцент на демографический фактор имеет экономический смысл и для самих предприятий. И это не просто благотворительность. Значимо возрастает лояльность сотрудников, снижается текучесть кадров.

Сегодня ключевая проблема для любого предприятия — дефицит кадров. На одного официального безработного в среднем приходится семь вакансий. Устойчивое развитие государства в условиях убыли населения невозможно.

Решение этого вопроса в перспективе ближайших двух десятилетий будет зависеть от уровня рождаемости. Те предприниматели, которые связывают свое будущее с Россией и готовы работать вдолгую, активно включаются в реализацию национальных приоритетов.

Для того чтобы успешно конкурировать за кадровый ресурс, предприятиям жизненно важно проявлять ответственное отношение к своим работникам, членам их семей. Достойная заработная

плата, комфортная рабочая атмосфера, участие в благотворительных и экологических проектах способствуют повышению деловой репутации предприятия.

Распоряжением Правительства РФ от 28.12.2024 № 4146-р утверждена Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. В числе основных направлений и задач пространственного развития Российской Федерации фигурирует создание условий для роста численности населения и рождаемости во всех субъектах Российской Федерации, в первую очередь на территориях, где естественная убыль населения значительно превышает среднероссийский уровень (включая регионы Центрального, Северо-Западного, Приволжского федеральных округов), благодаря обеспечению приоритетной поддержки предприятий, реализующих собственные программы поддержки семей сотрудников, включая создание рабочих мест для многодетных родителей.

По сути, сформировалась новая корпоративная демографическая политика [3], способствующая решению семейно-демографических проблем, в том числе с помощью ЭКГ-рейтинга.

МЕРЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ

Для того чтобы предприниматели в инициативном порядке участвовали в развитии страны, а не только стремились к получению прибыли, государство создает для них режим наибольшего благоприятствования с целью расширения деятельности ответственного бизнеса с учетом следующего довода: если предприятие занимает высокие позиции в ЭКГ-рейтинге, оно может рассчитывать на особое отношение со стороны государства.

Об этом прямо сказано в Послании Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию 29 февраля 2024 г.: «Все меры государственной поддержки инвестиций, создание и модернизация предприятий должны быть увязаны с повышением заработных плат сотрудников, с улучшением условий труда и социальных пакетов для работников. <...> Вкладывать ресурсы нужно в Россию, в регионы, в развитие компаний, в подготовку кадров».

В ряде регионов такой подход уже успешно апробирован. Во Владимирской, Воронежской, Липецкой, Белгородской, Орловской, Тамбовской, Рязанской, Брянской, Смоленской, Костромской и Курской областях приняты региональные законы, основан-

ные на методологии ЭКГ-рейтинга. Например, во Владимирской области в отношении социально ответственных предприятий, стремящихся не только зарабатывать деньги, но и улучшать мир вокруг себя, сокращены сроки реализации административных процедур в два-три раза, включая, например, получение разрешения на строительство. Для социально ответственного бизнеса в регионе почти в два раза увеличен размер инвестиционного налогового вычета.

Сокращение сроков прохождения административных процедур в процессе строительства предприятий благоприятно влияет на устойчивость финансовой модели любого проекта, поскольку приближает момент запуска производства и соответственно получения положительных финансовых результатов, позволяющих окупать инвестиции. В условиях высокого уровня ключевой ставки и стоимости рыночных заимствований данный фактор имеет особенно важное значение, поскольку позволяет добиваться существенной экономии на процентах.

Индекс деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности изначально создавался для повышения эффективности экономической политики и адресности бюджетных расходов при предоставлении мер государственной поддержки, поскольку наряду с решением отраслевых задач способствует увеличению вклада предприятий в достижение всего спектра национальных целей.

Поэтому, помимо интеграции в региональное законодательство, ЭКГ-рейтинг уже используется в федеральной контрактной системе. Согласно позиции ФАС России¹⁴ именно национальный стандарт должен применяться в системе закупок в рамках выполнения постановления Правительства РФ от 31.12.2021 № 2604 «Об оценке заявок на участие в закупке товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд...».

Национальный стандарт определяет величину показателя «Наличие у участников закупки деловой репутации», чем уже пользуются заказчики. Для получения возможности пользоваться этим показателем участники закупок должны представлять в закупочные комиссии выписки с сайта <http://экг-рейтинг.рф>.

Для удобства заказчиков и поставщиков ЭКГ-рейтинг интегрирован в крупнейшие электронные торговые площадки, обеспечивающие заключение го-

сударственных и муниципальных контрактов, а также проведение корпоративных закупок (Росэлторг, Сбербанк-АСТ, РТС-тендер, Фабрикант, ТЭК-Торг).

Интеграция индекса деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности в систему государственных и муниципальных закупок значительно повысила интерес к ЭКГ-рейтингу не только со стороны крупных компаний, но и среднего, малого и микробизнеса. Для многих из них важным является сам факт признания их деятельности со стороны государства. Если крупный бизнес имеет финансовые ресурсы для регулярного участия в различных конференциях и форумах, то небольшие предприятия часто такой возможности не имеют. В то же время при наличии высокого ЭКГ-рейтинга такие предприятия могут получать информационную поддержку в ведущих федеральных средствах массовой информации.

Таким образом, выстраивается система преференций для добросовестных субъектов хозяйственной деятельности. В результате все больше предпринимателей становится адептами принципов ответственного ведения бизнеса, включая открытость, честность, ответственность, профессионализм и т.д.

Создание системной мотивации бизнеса повышать уровень деловой репутации предполагает дальнейшую работу по следующим направлениям:

- 1) включение лучших практик поддержки социально ответственного бизнеса в Региональный инвестиционный стандарт, утвержденный Минэкономразвития России¹⁵;
- 2) использование деловой репутации при предоставлении отраслевых субсидий.

На региональном уровне уже начала складываться практика применения индекса деловой репутации в качестве показателя, используемого при предоставлении отраслевых субсидий и льготного финансирования. Вместе с тем порядок применения многих отраслевых мер поддержки определяется на федеральном уровне, например субсидий субъектам предпринимательской деятельности, финансируемых за счет субсидий субъектам Российской Федерации из федерального бюджета, или льготного финансирования по линии Фонда развития промышленности. Кроме того, существуют отраслевые меры поддержки, предоставляемые предприятиям напрямую из федерального бюджета.

¹⁴ URL: <https://fas.gov.ru/news/33307>.

¹⁵ URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/investicionnaya_deyatelnost/investklimat/regionalnyy_investicionny_klimat/reginveststandart.

В связи с этим актуальным является закрепление в федеральных нормативных правовых актах возможности использования показателя деловой репутации при предоставлении отраслевых субсидий и иных форм финансовой поддержки предприятий;

3) банковское стимулирование на основе таксономии предприятий с учетом применения индекса деловой репутации и вклада в достижение национальных целей.

Сегодня ключевая проблема для любого предприятия – дефицит кадров. На одного официального безработного в среднем приходится семь вакансий. Устойчивое развитие государства в условиях убыли населения невозможно. Решение этого вопроса в перспективе ближайших двух десятилетий будет зависеть от уровня рождаемости

Учет результатов такой таксономии в рамках банковского регулирования может стать одной из главных мер финансового стимулирования ответственного ведения бизнеса благодаря упрощению и удешевлению доступа к заемному финансированию, достигаемых посредством применения индекса деловой репутации, который отражает значительную часть рисков кредитования субъектов предпринимательской деятельности, и ориентации на достижение макроцелей национального уровня, что является необходимым условием устойчивого роста национальной экономики.

Применительно к проектам обеспечения технологического суверенитета и структурной адаптации экономики страны регулятор уже внедрил специальные меры по поддержке кредитования (указания ЦБ РФ № 6436-У и № 6443-У), позволяя банкам, имеющим универсальную лицензию, снижать нагрузку на капитал по целевым кредитам.

Как отмечал сам регулятор, «это создаст дополнительный импульс для развития приоритетных

направлений российской промышленности и поможет переориентировать внешнеэкономическую деятельность на новые рынки. В среднесрочной перспективе достижение этих целей сделает экономическую систему более устойчивой и, как следствие, будет способствовать улучшению профиля рисков банковского сектора»¹⁶.

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ ЭКГ-РЕЙТИНГА

Методика оценки ЭКГ-рейтинга на этапе скоринга может быть усовершенствована путем дополнения показателями, отражающими:

- 1) стабильность кадрового состава и лояльность сотрудников предприятия¹⁷;
- 2) отсутствие «разрывов» по НДС;
- 3) отсутствие руководителей предприятия в реестре лиц, уволенных в связи с утратой доверия за совершение коррупционного правонарушения¹⁸;
- 4) отсутствие в реестре недостоверных сведений, представленных участниками госзакупок (реестр формирует ФАС России);
- 5) участие индивидуальных предпринимателей в благотворительной деятельности (на основании данных о налоговых вычетах за благотворительность, указываемых в декларации 3-НДФЛ);
- 6) результативность корпоративной поддержки демографии.

Для оценки результативности корпоративной поддержки демографии предлагается следующая методика оценки и порядок формирования КПД-рейтинга.

КПД¹⁹-рейтинг рассчитывается как средневзвешенная сумма баллов по показателям «Доля сотрудников, состоящих в зарегистрированном браке», «Среднее число детей в возрасте до 6 лет на одного сотрудника» и «Среднее число детей на одного сотрудника» по формуле:

¹⁶ URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=15832>.

¹⁷ Исследователи копенгагенской школы маркетинга определили, что если лояльность сотрудника увеличивается на единицу, то лояльность клиента вырастает на 1,25. Повышение лояльности сотрудников (наряду с увеличением лояльности клиентов и инвесторов) имеет существенный потенциал влияния на эффективность деятельности организации и измеримо влияет на увеличение прибыли компании через рост производительности труда сотрудников [3].

¹⁸ URL: <https://gossluzhba.gov.ru/reestr>.

¹⁹ КПД — корпоративная поддержка демографии.

$$\begin{aligned} \text{Балл по показателю} & \text{«Доля сотрудников, состоящих в зарегистрированном браке»} \times 1/3 + \\ \text{КПД-рейтинг} & = + \text{балл по показателю «Среднее число детей в возрасте до 6 лет на одного сотрудника»} \times 1/3 + \\ & + \text{балл по показателю «Среднее число детей на одного сотрудника»} \times 1/3. \end{aligned} \quad (1)$$

Значения показателей определяются по каждому хозяйствующему субъекту на основании данных ФНС России. Максимальное значение КПД-рейтинга составляет 100 баллов. КПД-рейтинг учитывается в ЭКГ-рейтинге с применением весового коэффициента к набранным баллам.

Балльная оценка по показателю «Доля сотрудников, состоящих в зарегистрированном браке» определяется по формуле:

$$\text{Балл по показателю} = \frac{\text{Значение показателя} - \text{Min значение показателя}}{\text{Max значение показателя} - \text{Min значение показателя}} \times 100, \quad (2)$$

где Min значение показателя соответствует минимальному значению показателя среди всех участников рейтинга; Max значение показателя соответствует максимальному значению показателя среди всех участников рейтинга.

Балльная оценка по показателю «Среднее число детей в возрасте до 6 лет на одного сотрудника» определяется по формуле:

$$\text{Балл по показателю} = \frac{\text{Значение показателя} - \text{Min значение показателя}}{0,5 - \text{Min значение показателя}} \times 100. \quad (3)$$

Если фактическое значение превышает значение 0,5 — участнику рейтинга присваивается 100 баллов. Балльная оценка по показателю «Среднее число детей на одного сотрудника» определяется по формуле:

$$\text{Балл по показателю} = \frac{\text{Значение показателя} - \text{Min значение показателя}}{2,3 - \text{Min значение показателя}} \times 100. \quad (4)$$

Если фактическое значение превышает значение 2,3 — участнику рейтинга присваиваются 100 баллов.

При расчете показателей под сотрудником понимается гражданин Российской Федерации, получавший в течение не менее одного полного квартала в отчетном периоде доход от работодателя по следующим кодам видов дохода: 2000, 2001, 2002, 2006, 2012, 2013, 2014, 2300, 2520, 2530, 2710, 2762.

Показатель «Доля сотрудников, состоящих в зарегистрированном браке» определяется как отношение количества сотрудников, состоящих в зарегистрированном браке (имеется запись акта о заключении брака, сведения о которой содержатся в ЕГР ЗАГС), к общему количеству сотрудников.

Показатель «Среднее число детей в возрасте до 6 лет на одного сотрудника» определяется как отношение количества детей сотрудников в возрасте до 6 лет включительно (в том числе усыновленных) к общему количеству сотрудников.

Показатель «Среднее число детей на одного сотрудника» устанавливается как отношение количества детей сотрудников (включая совершеннолетних и усыновленных) к общему количеству сотрудников.

Методику оценки и порядок формирования КПД-рейтинга планируется утвердить в рамках отдельного национального стандарта.

Кроме того, на этапе анкетирования также целесообразно использовать дополнительные показатели, отражающие поддержку работодателями социальных инициатив своих сотрудников, корпоративного волонтерства и участия сотрудников в программе долгосрочных сбережений.

ВЫВОДЫ

Результаты оценки деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности на основе ЭКГ-рейтинга ответственного бизнеса оказались крайне востребованы не только в сфере государственного управления, но и вызвали интерес

в предпринимательском сообществе. Во многом это объясняется масштабностью, прозрачностью и непредвзятостью оценки, а также наличием конкретных мер стимулирования.

По сути, в сфере российского бизнеса произошел прорыв к созданию единой методологии оценки устойчивого развития субъектов предпринимательской деятельности. В отличие от ранее существовавших рекомендаций в национальном стандарте раскрыта методология проведения рейтинговой оценки субъектов предпринимательской деятельности с указанием источников получения информации по каждому количественному и качественному показателю и алгоритму работы с ними [4].

Научные публикации по данной теме в основном пока сводятся к изучению принятого национального стандарта и результатов оценки [5]. Тем не менее уже выдвигаются предложения о законодательном закреплении на федеральном уровне норм, определяющих понятие «ответственный бизнес» [6], с целью придания необратимого характера работы, проводимой в направлении гармонизации предпринимательских целей и общественных интересов.

Перспективным является формирование отраслевых индексов деловой репутации на основе ЭКГ-рейтинга как базовой оценки, которая может быть дополнена специфичными отраслевыми показателями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Грошева Н.Б., Левицкий И.В. Теоретические аспекты экологической ответственности бизнеса в современных условиях. *Бизнес-образование в экономике знаний*. 2024;(1):38–46. URL: <https://bibs-science.ru/articles/ar1740.pdf>.
2. Багирова А.П., Александр В. Российский работодатель как потенциальный субъект влияния на демографическую ситуацию в регионе. *Журнал экономической теории*. 2024;21(2):268–285. URL: <https://jet-russia.com/wp-content/uploads/2024/07/6-Bagirova-2024-2.pdf>.
3. Багирова А.П., Вавилова А.С., Бледнова Н.Д. Корпоративная демографическая политика как инструмент реализации стратегических интересов государства, бизнеса и персонала. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2024;17(3):137–153. URL: <http://esc.vsc.ac.ru/article/29996>.
4. Сычева И.В., Сычева Н.А. Методологические аспекты распространения принципов устойчивого развития на объекты социальной инфраструктуры регионов. *Проблемы развития территории*. 2024;28(5):81–98. URL: <http://pdt.isert-ran.ru/article/30064>.
5. Наумова И.В. ЭКГ-рейтинг как инструмент поддержки ответственного бизнеса. *Экономика и предпринимательство*. 2024;163(2):781–785. URL: <http://www.intereconom.com/rekviziti/2-2024/150-16%20%D0%9D%D0%B0%D1%83%D0%BC%D0%BE%D0%B2%D0%B0%20%D0%98%D0%92=%D0%A2%D0%98%D0%A5=pdf>.
6. Омаров Т.Д., Омарова Т.Д. Ответственный бизнес как вектор развития предпринимательства. *Экономика и предпринимательство*. 2024;169(8):770–773. URL: <http://www.intereconom.com/rekviziti/8-2024/150-15%20%D0%9E%D0%BC%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%2=%D0%A1%D0%9E%D0%9A=pdf>.

REFERENCES

1. Grosheva N.B., Levitsky I.V. Theoretical aspects of environmental responsibility of business in modern conditions. *Biznes-obrazovanie v ekonomike znaniy = Business education in the knowledge economy*. 2024;(1):38–46. URL: <https://bibs-science.ru/articles/ar1740.pdf>. (In Russ.).
2. Bagirova A.P., Alexander V. The Russian employer as a potential subject of influence on the demographic situation in the region. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii. = Journal of Economic Theory*. 2024;21(2):268–285. URL: <https://jet-russia.com/wp-content/uploads/2024/07/6-Bagirova-2024-2.pdf>. (In Russ.).
3. Bagirova A.P., Vavilova A.S., Blednova N.D. Corporate demographic policy as a tool for realizing the strategic interests of the state, business and personnel. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz = Economic and social changes: Facts, trends, forecast*. 2024;17(3):137–153. URL: <http://esc.vsc.ac.ru/article/29996>. (In Russ.).
4. Sycheva I.V., Sycheva N.A. Methodological aspects of extending the principles of sustainable development to regional social infrastructure facilities. *Problemy razvitiya territorii = Problems of territory development*. 2024;28(5):81–98. URL: <http://pdt.isert-ran.ru/article/30064>. (In Russ.).

5. Naumova I.V. ECG rating as a tool to support responsible business. *Ekonomika i predprinimatel'stvo. = Economics and entrepreneurship*. 2024;163(2):781–785. URL: <http://www.intereconom.com/rekviziti/2-2024/150-16%D0%9D%D0%B0%D1%83%D0%BC%D0%BE%D0%B2%D0%B0%20%D0%98%D0%92=%D0%A2%D0%98%D0%A5=pdf>. (In Russ.).
6. OmarovT.D., OmarovaT.D. Responsible business as a vector of entrepreneurship development. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and entrepreneurship*. 2024;169(8):770–773. URL: <http://www.intereconom.com/rekviziti/8-2024/150-15%D0%9E%D0%BC%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%2=%D0%A1%D0%9E%D0%9A=pdf>. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Артур Камиллович Ниязметов — кандидат экономических наук, заместитель полномочного представителя Президента Российской Федерации в Центральном федеральном округе, Администрация Президента Российской Федерации, Москва, Россия

Artur K. Niyazmetov — Cand. Sci. (Econ.), Deputy Authorized Representative of the President of the Russian Federation in the Central Federal District, Administration of the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0009-0003-6499-5705>

niyazmetov@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 14.01.2025; принята к публикации 27.03.2025.

The article was received 14.01.2025; accepted for publication 27.03.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-90-97

УДК 334.726(045)

JEL J53, K32, R34

Транснациональные компании и институты глобального управления в экономике метамодерна

С.Л. Сазанова^{а, б}, Н.Н. Карманов^б^а Финансовый университет, Москва, Россия;^б Государственный университет управления, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Современной глобальной экономике присущи разнонаправленные тенденции развития, обуславливающие колебания между глобализацией и деглобализацией происходящих в мире политических и экономических процессов. *Предмет исследования* — влияние состояния социально-экономической системы, характеризующейся колебаниями между двумя противоположностями (модерном и постмодерном) на принимаемые субъектами хозяйственной деятельности решения.

Цель работы — выявление особенностей воздействия эпохи метамодерна на экономическую деятельность людей в целом и на транснациональные компании и глобальные институты в частности как ключевые элементы глобальной экономики.

Междисциплинарный подход, включающий историко-экономические методы исследования, рациональную реконструкцию философского знания, методы системной экономической теории, позволил обосновать необходимость трансформации глобальных институтов, а также методов и приемов управления транснациональными компаниями в экономике метамодерна на основе многополярного управления. В частности, утверждается, что процессы глобализации и деглобализации в современной мировой экономике являются осцилляцией экономики, характерной для экономики метамодерна. Установлено, что она несет в себе как созидательный, так и разрушительный потенциалы. Определено, что только многополярное управление способно сдерживать деструкцию метамодерна и создавать поле устойчивого взаимодействия полюсов многополярного мира. В парадигме многополярного управления транснациональные компании являются проектными подсистемами, а институты глобального управления — подсистемами среды. *Сделаны выводы* о том, что для устойчивого развития многополярного мира необходимо, чтобы институты глобального управления формировали гармоничные устойчивые связи как между подсистемами самих полюсов, так и другими полюсами.

Ключевые слова: транснациональные компании; глобальные корпорации; глобальные институты; метамодерн; метамодернизм; многополярный мир; многополярное управление

Для цитирования: Сазанова С.Л., Карманов Н.Н. Транснациональные компании и институты глобального управления в экономике метамодерна. *Экономика. Налоги. Право.* 2025;18(2):90-97. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-90-97

ORIGINAL PAPER

Multinational Companies and Global Governance Institutions in the Metamodern Economy

S.L. Sazanova^{а, б}, N.N. Karmanov^б^а Financial University, Moscow, Russia;^б State University of Management, Moscow, Russia

ABSTRACT

In the modern global economy, multidirectional development trends coexist, causing fluctuations between globalization and the deglobalization of political and economic processes taking place in the world. *The subject of the study* is the influence of the state of the socio-economic system, characterized by fluctuations between two opposites (modern and postmodern) on the decisions made by business entities.

The aim of the work is to identify the features of the impact of the metamodern era on the economic activity of people

© Сазанова С.Л., Карманов Н.Н., 2025

in general and on multinational companies and global institutions in particular as key elements of the global economy. An interdisciplinary approach, including historical and economic research methods, rational reconstruction of philosophical knowledge, and methods of systemic economic theory, has made it possible to substantiate the need for transformation of global institutions, as well as methods and techniques of managing multinational companies in a metamodern economy based on multipolar governance. In particular, it is argued that the processes of globalization and deglobalization in the modern world economy are an economic oscillation characteristic of the metamodern economy. It has been established that it carries both creative and destructive potentials. It has been established that only multipolar governance can restrain the destruction of the meta-modern and create a field of stable interaction between the poles of a multipolar world. In the multipolar management paradigm, multinational companies are project subsystems, while global management institutions are environmental subsystems. *It is concluded* that for the sustainable development of a multipolar world, it is necessary for global governance institutions to form harmonious stable connections both between the subsystems of the poles themselves and with other poles.

Keywords: multinational companies; global corporations; global institutions; metamodernity; metamodernism; multipolar world; multipolar governance

For citation: Sazanova S.L., Karmanov N.N. Multinational companies and global governance institutions in the metamodern economy. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(2):90-97. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-90-97

ВВЕДЕНИЕ

Главным действующим лицом становления и развития социально-экономических систем под влиянием широкого спектра факторов: природно-климатических, экономических, социальных, политических и других — всегда являлся и остается человек, мировоззрение которого оказывает решающее воздействие на социальный, культурный, экономический и политический ландшафты мира. Формируясь под влиянием разнообразных факторов, мировоззрение человека создает «дух времени» (*Zeitgeist*)¹ — называемую метамодерном² доминирующую интеллектуальную традицию, определяющую и стандартизирующую стиль мышления определенной эпохи, который отражается в одной или нескольких господствующих философских доктринах, религиозных учениях, культурном слое, общественном мнении. Под влиянием «духа времени» формируется и изменяется система социально-экономических институтов, ведение бизнеса, характер принятия экономических решений, а также институты управления социально-экономическими системами различных уровней.

¹ Термин «дух времени» [*Zeitgeist* (The general intellectual, moral, and cultural climate of an era)] был впервые использован в работе Гегеля «Лекции по истории философии» как совокупность идей, характерных для какого-то периода. URL: https://www.ozon.ru/product/gegel-vvedenie-v-istoriyu-filosofii-lektsii-po-estetike-nauka-logiki-filosofiya-prirody-1735027713/?from_sku=917280422&ooos_search=false#section-description—offset-140—offset-80.

² Понятие «метамодерн» описывает культурную эпоху, в то время как понятие «метамодернизм» — оформившееся общественное течение, обладающее характерными чертами эпохи метамодерна.

Влияние философской мысли на экономическое знание и экономическую науку стало предметом рассмотрения в научных трудах зарубежных и отечественных ученых: К. Маркса, К. Поппера, М. Блауга, С. Булгакова, Г. Клейнера, В. Тамбовцева, В. Автономова и др. Взаимосвязь религиозно-философских идей народов и их хозяйственной деятельности исследовал выдающийся русский ученый Н.Я. Данилевский, создавший в XIX в. теорию «культурно-исторических типов»³ [1].

В современных междисциплинарных работах влияние господствующей философской доктрины на социально-экономические системы представлено мир-системным анализом, исследующим социальную эволюцию систем обществ, а не отдельный социум, в отличие от предшествующих социологических подходов или мир-системной теории И. Валлерстайна [2; 3].

Во второй половине XX — начале XXI в. под влиянием широкого спектра факторов в мире происходят эпохальные изменения: научно-технический прогресс и появление новых технологий (био-, нано-, информационных) обусловили переход к шестому технологическому укладу, характеризующемуся использованием «зеленой», возобновляемой энергии. В результате двухполярный мир второй половины

³ Согласно Н.Я. Данилевскому (1822–1885) культурно-исторический тип общества — система взглядов, определяемая культурными, психологическими и иными факторами, присущими определенному народу, которая является основой социально-стадиальной структуры (цивилизации) исторического бытия, прошедшего весь цикл развития. Он насчитал 12 таких типов: от египетского, китайского, ассирийско-вавилонно-финикийского до романо-германского (европейского) типов — *ред.*

XX в. стал однополярным в 1990-х гг.; централизация систем денежного обращения перешла с национального на глобальный уровень с доминированием доллара; процессы глобализации ускорились, но этот процесс стал сопровождаться нарастанием деглобализационных процессов, обусловивших появление элементов децентрализованных денежных систем, в которых используются криптовалюты и блокчейн-технологии. Вышеописанные процессы отражают «дух времени» — философию метамодернизма, в основе которой лежит идея осцилляции (колебания) между двумя противоположностями (модерном и постмодерном) и одновременностью их использования. Колебание современного мира между глобализацией и деглобализацией — неотъемлемая черта современного мира эпохи метамодерна, что неизбежно отразится на главных акторах — транснациональных корпорациях и институтах глобального управления.

СУЩНОСТЬ МЕТАМОДЕРНИЗМА

Общепринято, что господствующее религиозное учение в одних обществах или господствующая философская доктрина в других составляют основу «духа времени», который оказывает влияние на экономическую деятельность человека. На рубеже XX–XXI вв. основой «духа времени» является философия метамодернизма — обобщение пришедших на смену постмодернизму изменений и состояний экономики и культуры с 1990-х гг. до настоящего времени, подчеркивающее важность властных взаимоотношений, персонализации и дискурса в процессе «конструирования» истины и картины мира. Поэтому настоящую эпоху можно характеризовать как эпоху метамодернизма. В зарубежных и отечественных исследованиях весьма широко представлено влияние философии метамодернизма на культуру и искусство, общественную жизнь, однако влияние его идей на принятие экономических решений людей пока недостаточно глубоко изучено. На наш взгляд, не в полной мере исследовано как в мировой, так и отечественной экономической науке влияние метамодернизма на социально-экономические системы, а именно: на экономические институты и связанные с ними социальные институты, а также на формы и методы ведения бизнеса и принятие экономических решений в целом. Еще менее изучена трансформация транснациональных компаний и глобальных ин-

ституты управления в экономических системах эпохи метамодерна.

Актуальность настоящего исследования обусловлена, *во-первых*, масштабными изменениями в экономическом мировоззрении человека, происходящими под влиянием философии метамодернизма, а *во-вторых*, изменениями в глобальной экономической среде, основными акторами которой становятся транснациональные компании и глобальные институты управления, что, несомненно, требует глубокого изучения для выявления закономерностей их трансформации в эпоху метамодерна.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Основу методологии исследования составляет междисциплинарный подход, основанный на синтезе системной экономической теории, метода рациональной реконструкции философского знания, методов историко-экономического исследования. Базой исследования послужили работы ведущих отечественных ученых, международная статистика.

Историко-экономические методы позволили выявить экономические и неэкономические факторы, оказавшие влияние на становление и развитие транснациональных компаний и институтов глобального управления в историческом контексте.

Метод рациональной реконструкции философского знания помог установить особенности эпох модерна, постмодерна и метамодерна с точки зрения влияния философского знания на мировоззрение и экономическую деятельность людей.

Благодаря методу системного экономического анализа установлены составляющие экономики метамодерна как системы, состоящей из объектной, проектной, процессной и средовой подсистем.

В результате междисциплинарного подхода к применению всех вышеописанных методов получены оригинальные исследовательские результаты.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Глобализация как современный этап развития мирового хозяйства, характеризующаяся формированием глобального экономического пространства на основе международного разделения труда, глобальных цепочек стоимости, всемирной экономической интеграции, в полной мере проявилась в последней четверти XX в., но ее предпосылки формировались гораздо раньше. Одним из первых термин «глобализация» ввел в научный оборот К. Маркс, оценив встраивание Японии

в систему международной торговли [4]. И. Валлерстайн связал глобализацию с капиталистической экономикой [2], а Дж. Сакс выявил семь эпох глобализации — с древнейших времен до наших дней. Современные российские экономисты связывают глобализацию с развитием международного разделения труда, совершенствованием технологий и эволюцией мирохозяйственных укладов [5–8].

Архитектура современной глобальной экономической системы была заложена на валютно-финансовой конференции ООН (Бреттон-Вудс, июль 1944 г.). В ее основе лежат Бреттон-Вудская валютная система и международные финансовые институты, в том числе Международный валютный фонд и Международный банк реконструкции и развития, позже вошедший в состав группы Всемирного банка. Основными особенностями послевоенного мира были биполярность и быстрое развитие международных, транснациональных, а затем глобальных компаний.

Конкуренция двух полюсов — капиталистического, возглавляемого США и международными финансовыми институтами, и социалистического, лидером которого до 1991 г. был СССР, — привела к формированию двух основных экономических интеграционных группировок (СЭВ и Евросоюза), соответствующих им военных блоков и финансовых систем и конкуренции за влияние в мировом экономическом пространстве. Распад СССР, ликвидация СЭВ и трансформация экономики большинства социалистических стран в капиталистическую экономику превратила мир в однополярное пространство, что ускорило процессы глобализации.

Биполярный мир второй половины XX в. соответствовал духу уходящей эпохи модерна и наступающей эпохи постмодерна. Основаниями философии модернизма являлись идея бесконечного прогресса, субъективизм, отказ от абсолютной истины в пользу относительной правды, признание влияния ценностей, культурных норм, общественных институтов на человека.

Основу философии постмодернизма второй половины XX в. составляли релятивизм, переходящий в нигилизм и агностицизм; деконструкция; дискретность; локальность; антропоцентризм; отсутствие жестких оппозиций и универсальных идеалов [9–13]. Переход от модернизма к постмодернизму отразился на архитектуре мировой экономики: ее основных институтах, акторах, методах ведения

бизнеса, а также на методах ведения военных конфликтов [14] во второй половине XX — начале XXI в.

Модернистское восприятие мира обусловило цель экономической деятельности — обеспечение рационального размещения и использования ограниченных ресурсов для максимизации целевой функции как на уровне предприятий (организаций), так и стран. Экономические интересы хозяйствующих субъектов заключались в первую очередь в достижении контроля над материальными ресурсами (полезными ископаемыми, территорией, товарами). Экспансия крупных национальных компаний на внешние рынки осуществлялась в первой половине XX в. при непосредственной поддержке государств, а в качестве инструментов использовались как «холодные», так и «горячие» войны [15].

Постмодернизм с его релятивизмом отразился на целях хозяйственной деятельности экономических агентов, которые стремились теперь к максимизации целевой функции богатства в различных формах: материально-вещественной, финансовой, информационной, интеллектуальной. Методы ведения бизнеса также изменились — они стали комбинацией рациональных способов, основанных на объективных законах природы, методов управления промышленным производством и иррациональных субъективных методов управления ожиданиями людей (кросс-культурный менеджмент⁴, кросс-культурный маркетинг⁵).

Транснациональные компании во второй половине XX в. при поддержке своих государств захватывали внешние рынки и, увеличивая свою прибыль, способствовали росту экономики. Переход к однополярному миру в конце XX в. ускорил процессы глобализации и рост экономической и политической мощи глобальных корпораций.

Развитие информационных технологий сократило транзакционные издержки ведения бизнеса и обусловило возникновение и развитие новых бизнесов и отраслей экономики, производящих принципиально новые продукты: впечатления, эмоции и т. п. [9; 12].

⁴ Кросс-культурный менеджмент — это управление отношениями, появляющимися на стыке национальных и организационных культур, предполагающее установление причин межкультурных конфликтов и их нейтрализацию.

⁵ Кросс-культурный маркетинг — это совокупность процессов создания, продвижения и предоставления продукта или услуги покупателям на рынках разных стран с учетом культурных особенностей потребителей.

В духе философии метамодернизма [объективизации субъективного фактора; рационализации иррационального феномена; осцилляции (колебаний между полюсами с выходом за их пределы)] изменилась цель экономической деятельности человека, которой стало получение субъективных эмоций и впечатлений.

Способы достижения целей также разнообразны и представляют собой колебания в широком спектре как рационально, так и иррационально обусловленных альтернатив. Появление и развитие информационных технологий и технологий искусственного интеллекта отражают дух времени — философию метамодернизма: колебание между естественным и искусственным с выходом за их пределы.

В современной глобальной экономике происходят масштабные изменения, затрагивающие как экономические, так и политические, и общественные процессы на всех уровнях [16].

В экономическом пространстве формируются новые полюса, их основой становятся уже не государства, а цивилизации. В то же время государства превращаются в ядра цивилизационных полюсов. В ближайшем будущем такими основными полюсами станут Россия (полюс Русского мира), Китай (полюс Азиатского мира), Индия (полюс Индийского мира), США (полюс Англо-саксонского мира). Возможно, что у четырех основных полюсов сформируются полюса-спутники, т.е. цивилизации и государства, связанные с основными полюсами экономическими, политическими, культурно-историческими связями.

Очевидно, что существующие институты глобального управления не соответствуют духу метамодерна и общей логике перехода к многополярному миру, поскольку они реализуют в настоящее время цели и задачи однополярного мира. Изменения неизбежно затронут не только архитектуру глобальных институтов, но и деятельность транснациональных/глобальных корпораций. Многополярность становится императивом и имманентным свойством экономики метамодерна как на уровне экономических организаций, так и на уровне цивилизаций-государств. Многополярность несет в себе как созидающий, так и разрушающий потенциалы. Колебания между полюсами с выходом за их пределы могут разрушать любую систему, но также колебания могут создавать «социально-гравитационное поле» [7] — драйвер устойчивого развития.

Управление многополярными системами всех уровней, в том числе странами, регионами, транснациональными компаниями, возможно на основе системной экономической теории [17] и многополярной теории управления организацией [17]. В этом случае глобальная экономика может быть представлена как многополярная система, состоящая из полюсов-цивилизаций. Каждый из полюсов-цивилизаций представляет собой систему, состоящую из объектной, проектной, процессной и средовой подсистем. Объектной подсистемой является государство (система органов государственной власти), поскольку оно аккумулирует и реализует полномочия власти, объединяя и структурируя на основе легитимного принуждения все хозяйствующие субъекты на своей территории.

Проектная подсистема представляет собой объединение транснациональных и национальных компаний, осуществляющих различные виды хозяйственной деятельности.

Процессная подсистема — это технологический уклад, представленный совокупностью нескольких господствующих технологий и обеспечивающий движение материальных стоимостей внутри полюса-цивилизации.

Что же касается глобальных институтов, то они представляют собой средовую подсистему — глобальную инфраструктуру, обеспечивающую взаимодействие полюсов-цивилизаций как на товарно-материальном и интеллектуально-технологическом, так и на ценностно-духовном уровнях.

В многополярном мире неизбежно должны формироваться несколько валютно-финансовых систем, несколько типов экономических систем, несколько видов ценностных систем без доминирования какой-то одной из них. Существующие глобальные институты должны эволюционировать в направлении формирования среды многополярного мира, их главной задачей должно стать обеспечение гармоничных взаимосвязей между цивилизациями-полюсами, создание «социально-гравитационного поля» устойчивого развития.

Транснациональные компании как элементы проектной подсистемы многополярного мира сами нуждаются в трансформации в многополярные организации, эффективное управление которыми в условиях экономики метамодерна возможно только на основе четырехполярного управления организацией [17] с учетом того, что существующие методы и технологии управления транснациональ-

ными компаниями сформировались в экономике модерна и постмодерна в условиях глобализации однополярного мира.

Развитие информационных технологий сократило трансакционные издержки ведения бизнеса и обусловило возникновение и развитие новых бизнесов и отраслей экономики, производящих принципиально новые продукты: впечатления, эмоции

В современной экономике начиная с 2008 г. наряду с глобализационными происходят деглобализационные процессы, которые периодически сменяют друг друга [7]. Это фактическая осцилляция метамодернизма, реализующаяся в экономических процессах как имманентное свойство экономики метамодерна.

Как уже отмечалось, осцилляция несет в себе как созидательный, так и разрушительный потен-

циалы, проявляющиеся в том, что она разрушает устаревшие методы управления и институты. Современные глобальные институты не могут, например, решать проблему как частного, так и государственного долга, а также многие другие проблемы современного многополярного мира [16]. Реализовать созидательный потенциал осцилляции можно только на основе научно обоснованного многополярного управления, которое создаст «социально-гравитационное поле» между полюсами многополярного мира.

ВЫВОДЫ

Новизна исследования и уникальность полученных результатов состоят в самой постановке проблемы, заключающейся в выявлении влияния эпохи и философии метамодернизма на экономическую деятельность людей, глобальную экономику и ее ключевые элементы: транснациональные компании и институты глобального управления. Результаты приведенных в настоящей работе исследований роли транснациональных компаний и институтов глобального управления в многополярном мире [18] имеют как теоретическое, так и прикладное значение и могут использоваться для разработки практических рекомендаций.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24-18-00948).

ACKNOWLEDGEMENTS

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 24-18-00948).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: АСТ; 2023. 624 с.
2. Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. М.: Товарищество научных изданий КМК; 2008. 176 с.
3. Валлерстайн И. Мир-система модерна. Т. I–IV. М.: Издательство Университета Дмитрия Пожарского; 2015–2016.
4. Аттали Ж. Карл Маркс. Мировой дух. М.: Молодая гвардия; 2018.
5. Глазьев С.Ю. На пути становления нового мирохозяйственного уклада. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2024;18(1):9–10.
6. Клейнер Г.Б. Экономические парадигмы, общественная этика, социально-экономические институты: динамика и взаимосвязь. *Экономическая наука современной России*. 2024;105(2):7–16.
7. Смирнов Е.Н. Трансформация модели экономической глобализации на постпандемийном этапе развития. *Экономика и бизнес*. 2029;65(7):214–218.
8. Сакс Дж. Эпохи глобализации. География, технологии и институты. М.: издательство Института Гайдара; 2022. 368 с.

9. Bunnell N. Oscillating from a distance: A study of metamodernism in theory and practice. *Undergraduate Journal of Humanistic Studies*. 2015;1(1):1–8.
10. Storm J. Metamodernism: The future of theory. London: The University of Chicago Press, Ltd; 2021.
11. Аккер Робин ван ден. Метамоде́рнизм. Историчность, аффект и глубина после постмодернизма. М.: Рипол Классик; 2022. 496 с.
12. Сазанова С.Л. Вызовы метамодерна и их влияние на современную экономическую науку. *Путеводитель предпринимателя*. 2019;44:172–179.
13. Эпштейн М. Постмодерн в России. Литература и теория. М.: Издание Р. Элинина; 2000.
14. Сазанова С.Л., Карманов Н.Н. Взаимосвязь экономических и политических факторов экономического развития страны (на примере Демократической Республики Конго). *Ученые записки Российской Академии предпринимательства*. 2023;22(2):28–33.
15. Сазанова С.Л. Экономика метамодерна: между войной и миром. *Экономическая наука современной России*. 2024;105(2):16–28.
16. Белоусов Д. Р., Ипатова И. Б., Широ́в А. А. и др. Мировое экономическое положение и перспективы 2024. Стенограмма (16 января 2024 г.). *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2024;245(1):31–120.
17. Клейнер Г. Б. Многополярное управление организацией. *Российский журнал менеджмента*. 2024;22(2):163–178.
18. Клейнер Г.Б. Системная парадигма как теоретическая основа стратегического управления экономикой в современных условиях. *Управленческие науки*. 2023;13(1):6–19.

REFERENCES

1. Danilevsky N. Ya. Russia and Europe. Moscow: AST Publishing House; 2023. 624 p. (In Russ.).
2. Wallerstein I. Historical capitalism. Capitalist civilization. Moscow: KMK Fellowship of Scientific Publications; 2008. 176 p. (In Russ.).
3. Wallerstein I. The world system of modernity. T. I–IV. Moscow: Dmitry Pozharsky University Publishing House; 2015–2016. (In Russ.).
4. Attali J. Karl Marx. The World spirit. Moscow: Molodaya Gvardiya Publishing House; 2018. (In Russ.).
5. Glazyev S. Yu. On the way to the formation of a new world economic order. *Evrazijskaya integraciya: ekonomika, pravo, politika*. = *Eurasian integration: economics, law, politics*. 2024;18(1):9–10. (In Russ.).
6. Kleiner G. B. Economic paradigms, public ethics, socio-economic institutions: Dynamics and interrelationships. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoj Rossii* = *Economic Science of Modern Russia*. 2024;105(2):7–16. (In Russ.).
7. Smirnov E. N. Transformation of the model of economic globalization at the post-pandemic stage of development. *Ekonomika i biznes* = *Journal of Economy and Business*. 2020;65(7):214–218. (In Russ.).
8. Sachs J. Epochs of globalization. Geography, technology and institutions. Moscow: Gaidar Institute Publishing House; 2022. 368 p. (In Russ.).
9. Bunnell N. Oscillating from a distance: A study of metamodernism in theory and practice. *Undergraduate Journal of Humanistic Studies* 2015;1(1):1–8.
10. Storm J. Metamodernism: The future of theory. London: The University of Chicago Press, Ltd; 2021.
11. Acker Robin van den. Metamodernism. Historicity, affect, and depth after postmodernism. Moscow: Ripol Classic Publishing House; 2022. 496 p. (In Russ.).
12. Sazanova S. L. Metamodern challenges and their impact on modern economic science. *Putevoditel' predprinimatel'ya* = *Entrepreneur's Guide*. 2019;44:172–179. (In Russ.).
13. Epstein M. Postmodernism in Russia. Literature and theory. Moscow: R. Elinin Publishing House; 2000. (In Russ.).
14. Sazanova S. L., Karmanov N. N. The relationship between economic and political factors of economic development of the country (on the example of the Democratic Republic of the Congo). *Uchenye zapiski Rossijskoj Akademii predprinimatel'stva* = *Scientific notes of the Russian Academy of Entrepreneurship*. 2023;22(2):28–33. (In Russ.).

15. Sazanova S.L. Metamodern economy: Between war and peace. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoj Rossii = Economic Science of Modern Russia*. 2024;105(2):16–28. (In Russ.).
16. Belousov D.R., Ipatova I.B., Shirov A.A. World economic situation and prospects 2024. Transcript (January 16, 2024). *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific works of the Free Economic Society of Russia*. 2024;245(1):31–120. (In Russ.).
17. Kleiner G.B. Multipolar management of the organization. *Rossiiskij zhurnal menedzhmenta = Russian Journal of Management*. 2024;22(1):163–178. (In Russ.).
18. Kleiner G.B. System paradigms as a theoretical basis for strategic economic management in modern conditions. *Upravlencheskie nauki = Management sciences*. 2023;13(1):6–19. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Светлана Леонидовна Сазанова — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры институциональной экономики, Государственный университет управления, Москва, Россия; доцент кафедры экономической теории, Финансовый университет, Москва, Россия

Svetlana L. Sazanova — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. of Department of Institutional Economics, State University of Management, Moscow, Russia; Assoc. Prof. of the Department of Economic Theory, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-7435-714X>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

sazanova@mail.ru

Николай Нурланович Карманов — преподаватель кафедры институциональной экономики, Государственный университет управления, Москва, Россия

Nikolai N. Karmanov — Lecturer at the Department of Institutional Economics, State University of Management, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0009-0005-2757-9619>

karmanov_nn@mail.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 15.01.2025; принята к публикации 25.03.2025.

The article was received 15.01.2025; accepted for publication 25.03.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-98-106
УДК 338.5(045)
JEL O18, P25, P48, R11

Совершенствование кластерного ландшафта региона как фактор обеспечения экономической безопасности

К.В. Харченко

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Актуальность поиска оптимального формата региональных кластеров обусловливается трендом на деглобализацию экономики и возрастанием угроз экономической безопасности. *Предмет исследования* настоящей статьи — конструкция научно-производственных кластеров, ориентированная на обеспечение высокого уровня экономической безопасности как организаций-участников, так и региона с проекцией на национальную экономику в целом. *Цель работы* — предложить модель кластерной организации региональной экономики, отвечающую задачам обеспечения экономической безопасности. На основе анализа действующих видов кластеров установлено, что инновационные, промышленные и иные кластеры не должны функционировать в отрыве друг от друга, чтобы обеспечивать полный цикл разработки и внедрения новых видов продукции. Показано, что применительно к российским условиям экономическая безопасность не может быть обеспечена только устойчивым экономическим ростом отдельных предприятий; для этого необходимы разработка и реализация стратегий их встраивания в научно-производственные кластеры. Представлена модель такого кластера с обозначением роли его субъектов в обеспечении экономической безопасности. Дана характеристика семи контуров безопасности региональной экономической системы. *Сделан вывод* о важной роли кластерной организации региональной экономики в решении задачи преодоления межрегиональных диспропорций.

Ключевые слова: научно-производственный кластер; кластерная кооперация; экономическая безопасность; деглобализация экономики

Для цитирования: Харченко К.В. Совершенствование кластерного ландшафта региона как фактор обеспечения экономической безопасности. *Экономика. Налоги. Право.* 2025;18(2):98-106. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-98-106

ORIGINAL PAPER

Improving the Cluster Landscape of the Region as a Factor of Ensuring Economic Security

K.V. Kharchenko

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The urgency of searching for the optimal format of regional clusters is determined by trends in economic globalization and increasing threats to economic security. *The research subject* of this article is the construction of scientific and production clusters, focused on ensuring a high level of economic security for both participating organizations and the region with a projection on the national economy as a whole. *The purpose of the work* is to propose a model of cluster organization of the regional economy that meets the challenges of ensuring economic security. Based on the analysis of existing types of clusters, it has been established that innovative, industrial and other clusters should not function in isolation from each other in order to ensure a full cycle of development and implementation of new types of products. It is shown that, in relation to Russian conditions, economic security cannot be ensured only by the sustainable economic growth of individual enterprises; for this, it is necessary to develop and implement strategies for their integration into scientific and industrial clusters. A model of such a cluster is presented, indicating the role of its subjects in ensuring economic security. Seven security contours of the regional economic system are characterized. The conclusion is made about the important role of the cluster organization of the regional economy in solving the problem of overcoming interregional imbalances.

© Харченко К.В., 2025

Keywords: scientific and production cluster; cluster cooperation; economic security; economic deglobalization

For citation: Kharchenko K.V. Improving the cluster landscape of the region as a factor of ensuring economic security. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(2):98-106. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-98-106

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время в условиях деглобализации экономики актуальным становится установление направлений дальнейшего развития действующих и проектируемых на региональном уровне кластеров, под которыми понимаются сконцентрированные на некоторой территории группы взаимосвязанных предприятий. На данный момент номенклатура кластеров не упорядочена: параллельно функционируют инновационные территориальные¹, инновационные (например, Московский инновационный кластер), инновационно-технологические, промышленные², фармацевтические, туристско-рекреационные и иные кластеры, в различной степени охваченные правовым регулированием. При этом отсутствует общее видение роли кластеров в системе национальной и региональной экономики, снижаются объемы их государственной поддержки, которая часто ограничивается только помощью субъектам малого и среднего предпринимательства.

В современных условиях гибридной войны и беспрецедентных экономических санкций в отношении Российской Федерации со стороны западных стран вопросы национальной безопасности имеют первостепенное значение. Поэтому требуется актуализация концептуального обоснования феномена экономической безопасности. В действующей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации³, утвержденной в 2021 г., т.е. до поворотных внешнеполитических событий, сформулированы 35 задач по обеспечению экономической безопасности, смысл которых сводится к стимулированию внутреннего спроса на товары и услуги, развитию высоких технологий, повышению производительности труда, дедолларизации и т.п. Напрямую о кластерах в ней не говорится, однако в контексте данного исследования заслуживают внимания задачи, касающиеся

стратегического планирования и развития кооперации и хозяйственных связей между субъектами Российской Федерации. Представляется, что не менее важной задачей является развитие кооперации и хозяйственных связей внутри регионов, чему как раз и может способствовать кластерная политика.

Исходя из анализа научной литературы по рассматриваемой проблеме за последнее десятилетие, можно выделить три базовых направления исследования:

- обеспечение экономической безопасности самих кластеров либо предприятий посредством кластеров. Работы в рамках данной категории посвящены, в частности, классификации угроз экономической безопасности [1], экономической безопасности туристско-рекреационных кластеров [2];
- кластерное развитие как средство обеспечения экономической безопасности региона. Данная проблематика рассматривается в общетеоретическом ключе [3], а также на примере отдельных отраслей региональной экономики, в частности туристического [4] и строительного [5] кластеров; молочно-продуктового комплекса [6];
- кластеризация как инструмент обеспечения экономической безопасности Российской Федерации [7–9].

На основе обобщения различных исследовательских подходов к исследуемой проблеме можно делать вывод об обеспечении кластерами, с одной стороны, внутренней экономической безопасности участников кластеров, а с другой стороны, внешней безопасности регионов и государства.

В целом научные изыскания влияния кластерной кооперации на экономическую безопасность исходят из ныне действующих форматов кластеров и не предусматривают совершенствования их номенклатуры, структуры и функционала.

В связи с этим цель настоящей работы — предложить модель кластерной организации региональной экономики, отвечающую задачам обеспечения экономической безопасности.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ В ОТНОШЕНИИ КАТЕГОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Экономическая безопасность — это одна из составляющих национальной безопасности, наряду с го-

¹ Перечень инновационных территориальных кластеров утвержден поручением Правительства РФ от 28.08.2012 № ДМ-П8–5060.

² О промышленных кластерах и специализированных организациях промышленных кластеров: постановление Правительства РФ от 31.07.2015 № 779.

³ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400.

сударственной и общественной, информационной, а также экологической безопасностью, если следовать логике Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. В то же время экономическая безопасность является обобщающим понятием для таких видов безопасности, как продовольственная, промышленная, инвестиционная, технологическая, бюджетно-налоговая безопасности [10, с. 41–43].

Научные трактовки экономической безопасности региона сводятся к двум полюсам: с одной стороны, экономическая безопасность, так же как безопасность вообще, характеризуется отсутствием опасности как таковой, т.е. различных угроз, а с другой стороны, наличием эффективных механизмов обеспечения конкурентоспособности территории.

Обеспечение безопасности не является признаком, неизбежно сопровождающим экономическое развитие как движение от относительно простых и менее совершенных институциональных систем к сложным и более совершенным организационным формам. Иными словами, сегодня уже нельзя признать истинной теорию, в частности концепцию общего равновесия Мари Эспри Леон Вальрас (фр. *Marie-Esprit-Leon Walras*), согласно которой совокупная стоимостная оценка избыточного спроса/предложения всегда равна нулю, и школы «экономики предложения» [10], согласно которой одно лишь достижение высокой эффективности функционирования экономики достаточно для гарантирования экономической безопасности.

Благоприятные для хозяйствующих субъектов условия в рамках рыночной модели экономики, основанной преимущественно на самоорганизации бизнеса, могут обеспечивать более или менее устойчивый рост, однако даже уверенная положительная динамика экономических показателей еще не является гарантией безопасного развития.

В современных условиях для достижения требуемого уровня экономической безопасности российских предприятий необходимо их кооперирование с наукой и профессиональным образованием; со смежными отраслями, причем не стихийное, а методологически выстроенное и четко организованное в рамках стратегического управления, что требует создания кластеров.

ОТ ПРОМЫШЛЕННЫХ — К НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫМ КЛАСТЕРАМ

Согласно классическому определению основателя кластерной теории М. Портера (англ. *Michael Eugene Porter*) кластеры — это «сконцентрирован-

ные по географическому признаку группы взаимосвязанных компаний, специализированных поставщиков, поставщиков услуг, фирм в родственных отраслях, а также связанных с их деятельностью организаций (например, университетов, агентств по стандартизации, торговых объединений) в определенных отраслях, конкурирующих, но при этом ведущих совместную работу» [11, с. 257–258]. С учетом данного подхода выстроена правовая дефиниция кластера в Федеральном законе от 31.12.2014 № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации»: кластер — это «совокупность субъектов деятельности в сфере промышленности, связанных отношениями в указанной сфере вследствие территориальной близости и функциональной зависимости и размещенных на территории одного субъекта Российской Федерации или на территориях нескольких субъектов Российской Федерации».

Из этой дефиниции кластера следует, что правовое определение кластера выдержано в парадигме рыночной экономики и предполагает кооперацию расположенных по соседству друг от друга хозяйствующих субъектов со сходным или смежным функционалом. В такой системе отсутствует признак устойчивости, поскольку в ней явно не предусмотрены договорные отношения между участниками кластера, а также не выделена отдельно роль субъекта, который стимулирует производственную кооперацию и в то же время контролирует ее соответствие региональным и общегосударственным приоритетам.

Для того чтобы региональные кластеры в наибольшей мере отвечали критериям экономической безопасности предприятий, региона и страны в целом, требуется принятие организационных мер, предусматривающих:

- изменение базового формата кластерных структур. Инновационные и промышленные кластеры не должны существовать отдельно друг от друга; смысл кластерной кооперации как раз и состоит в интеграции науки и производства в интересах инновационного развития территории, в связи с чем будущее региональной экономики видится в том, что ее опорный каркас будут составлять научно-производственные кластеры [12]. В самом деле, в условиях санкционных ограничений очень важно поддерживать полный инновационный цикл от фундаментальных и прикладных исследований до серийного производства продукции. Однако

если пренебрегать значением научной компоненты, появится высокая вероятность того, что производство, в первую очередь высокотехнологичное, столкнется с отсутствием узловых комплектующих и будет вынуждено закрываться;

- поддержку деятельности организаций, выступающих в роли инициаторов создания научно-производственных кластеров. В предлагаемой модели кластерного развития движущей силой создания и развития региональных кластеров является по отношению к производителям научно-внедренческая организация (институт, центр кластерного развития), обладающая методологическими и организаторскими компетенциями. К сотрудничеству с организацией — инициатором кластера целесообразно приглашать деятелей, имеющих большой авторитет в соответствующей отрасли. Организация — инициатор кластера по масштабу своей деятельности может быть как регионального, так и российского уровня; в последнем случае она может выступать в роли разработчика стандартов кластерного развития;

- трансформацию ролей и статуса специализированной организации кластера. Как и в случае

с действующими промышленными кластерами, в предлагаемой модели научно-производственного кластера роль субъекта оперативного управления призвана выполнять специализированная организация. При этом если традиционно функционал такой структуры ограничивается предоставлением участникам кластера некоторого набора бизнес-услуг (консультационных, образовательных, бухгалтерских и иных), то в рамках научно-производственного кластера специализированная организация будет заниматься анализом экономических показателей участников кластера и прогнозированием их экономической устойчивости, достраиванием и удлинением цепочек добавленной стоимости благодаря приглашению в кластер новых участников, стыковкой внутреннего спроса и предложения. При этом специализированная организация является, с одной стороны, провайдером ресурсов, в том числе проводником мер государственной поддержки, которая через нее будет распределяться, а с другой стороны, контролером экономического поведения, в том числе в части соблюдения предприятиями экологических требований, принципов корпоративной

Рис. / Fig. Модель регионального научно-производственного кластера в контексте вопросов экономической безопасности / A model of a regional research and production cluster in the context of economic security issues

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

социальной ответственности, антикоррупционного комплаенса;

- приглашение к участию в кластере публично-правовых субъектов. Предполагается, что в отношении регионального органа исполнительной власти, например ответственного за экономическое развитие, препятствий для вхождения в состав научно-производственного кластера не имеется. Публичный партнер может стать участником кластерного консорциума либо даже выступать в роли соучредителя специализированной организации. В настоящее время органы власти предпочитают оказывать субъектам предпринимательства государственную поддержку, не претендуя на какое-либо активное влияние на их деятельность. При этом совместное участие в кластере предприятий и публично-правовых субъектов — это возможность государственного планирования деятельности в сфере импортозамещения [13] на принципах согласования интересов бизнеса и региона, в том числе в целях устойчивого и безопасного развития территории;

- разработку стратегии развития кластера, включающей обобщенную аналитику по текущим трендам, анализ потенциала каждого участника и кластерной системы в целом, обоснование возможных сценариев развития кластера, целеполагание в отношении совместной деятельности, декомпозицию целей и задач в кластерные проекты.

Правовое определение кластера выдержано в парадигме рыночной экономики и предполагает кооперацию расположенных по соседству друг от друга хозяйствующих субъектов со сходным или смежным функционалом. В такой системе отсутствует признак устойчивости, поскольку в ней явно не предусмотрены договорные отношения между участниками кластера

Общая модель регионального научно-производственного кластера с учетом роли его ключевых субъектов в обеспечении экономической безопасности представлена на *рисунке*.

Представленный выше формат научно-производственного кластера в наибольшей мере обеспечивает экономическую устойчивость хозяйствующих субъектов и способен своевременно купировать различные внутренние и внешние угрозы.

СЕМЬ КОНТУРОВ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Предлагаемая конструкция научно-производственного кластера позволяет выстраивать семь контуров экономической безопасности, предусматривающих (см. *таблицу*):

- профилактику ошибочных бизнес-решений на уровне отдельных предприятий посредством информационно-консультационной деятельности специализированной организации и обмена опытом между участниками кластера;
- сглаживание внутренних противоречий между участниками кластера посредством реализации кластерной стратегии с четким распределением ролей каждого из них;
- финансовую устойчивость вследствие большей вероятности одобрения кредитов банками и развития взаимного кредитования участниками кластера;
- кадровую безопасность через организацию общекластерной системы профориентации, производственной практики и стажировок, обмена кадровой информацией и своевременного преодоления кадровых разрывов;
- технологическую безопасность благодаря реализуемым специализированной организацией механизмам защиты интеллектуальной собственности;
- организационную устойчивость посредством защиты входящих в кластер предприятий от слияний и поглощений крупными холдингами. Предполагается, что субъективные причины возникновения данной угрозы будут устраняться уже самим фактом отнесения предприятий к кластеру, а объективные — обеспечением положительной динамики экономических показателей;
- мезо- и макроэкономическую безопасность, обеспечиваемую благодаря устойчивому функционированию предприятий, снятию внутренних про-

Таблица / Table

Семь контуров экономической безопасности, обеспечиваемых научно-производственными кластерами / Seven contours of economic security provided by scientific and industrial clusters

№	Контур безопасности / Safety circuit	Технологии / Technologies	Возможный эффект / Possible effect
1	Профилактика ошибочных бизнес-решений на уровне отдельных предприятий / Prevention of erroneous business decisions at the level of individual enterprises	Мониторинг экономических показателей работы предприятий, сбор аналитических материалов. Библиотека лучших хозяйственных практик. Обмен опытом	Положительная динамика экономических показателей, предотвращение банкротства
2	Сглаживание внутренних противоречий между участниками кластера / Smoothing out internal contradictions between cluster members	Наличие единой согласованной стратегии развития кластера. Советы главных конструкторов, маркетологов, закупщиков, кадровиков. Реципрокальные системы (взаимовыгодный обмен ресурсами). Совместные (кластерные) проекты	Концентрация ресурсов на перспективных направлениях без риска внутренней конкуренции, снижение транзакционных издержек
3	Финансовая устойчивость / Financial stability	Обмен информацией о возможностях льготного кредитования, взаимный кредит, кредитование коллективного субъекта	Повышение доступности кредитных ресурсов. Снижение уровня закредитованности предприятий, риска принудительного взыскания задолженности
4	Защита кадрового потенциала – кадровая безопасность / Protection of human resources – personnel security	Внутрикластерная система профориентации, производственной практики и стажировки обучающихся. Кадровая логистика, использование заемного труда, сближение принципов рекрутинга, кадровая аналитика (баланс трудовых ресурсов)	Отсутствие кадровых разрывов, снижение текучести кадров
5	Защита интеллектуальной собственности – технологическая безопасность / Intellectual property protection – technological security	Содействие участникам кластера в патентовании инновационных разработок	Увеличение добавленной стоимости продукции, доступ к господдержке производства высоких технологий
6	Организационная устойчивость – защита от слияний и поглощений со стороны крупных холдингов / Organizational sustainability – protection from mergers and acquisitions by large holdings	Нахождение в составе кластера, оказание специализированной организацией поддержки предприятиям	Сохранение хозяйственной самостоятельности (за исключением договорных отношений в рамках кластера)
7	Мезо- и макроэкономическая безопасность / Meso- and macroeconomic security	Особый формат кластера – научно-производственный. Умная (рациональная) специализация территории. Оказание господдержки кластеру, а не отдельным предприятиям. Вхождение в кластер публично-правового субъекта	Социально-экономическое благополучие региона и страны в целом, сбалансированное развитие отраслей

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

тиворечий между ними и укреплению социально-экономического благополучия регионов и страны в целом.

Итак, экономическая безопасность, поддерживаемая региональными научно-производственными кластерами, предполагает защиту субъектов малого и среднего бизнеса от слияний и поглощений, стабильность производства, снижение транзакционных издержек, технологический суверенитет, кадровую и финансовую обеспеченность предприятий, а также устойчивое социально-экономическое развитие территории.

ВЫВОДЫ

Существующие в настоящее время типы кластеров и устоявшиеся принципы их функционирования не в полной мере отвечают задаче обеспечения экономической безопасности. Действенным способом решения данной задачи является создание в российских регионах сети научно-производственных кластеров, интегрирующих промышленные предприятия с научными организациями, учреждениями высшего, среднего профессионального и дополнительного образования, инжиниринговыми центрами, иными инфраструктурными организациями и предприятиями смежных отраслей. Роль ведущих игроков в рамках данных кластеров будет отводиться:

- 1) организации-инициатору, обладающему методологическими компетенциями;
- 2) публично-правовому партнеру;
- 3) созданной с их участием специализированной организации.

Кластерная организация региональной экономики видится альтернативой вертикально-интегрированным предприятиям, которые зачастую усугуб-

ляют дисбаланс между избыточным потреблением ресурсов территории (загрязнение окружающей среды, нагрузка на инфраструктуру) и отсутствием сколько-нибудь значимой компенсации в виде как налоговых поступлений, так и участия в постановке и достижении стратегических целей регионального развития.

Создание региональных научно-производственных кластеров должно осуществляться в соответствии со стратегиями социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, которые призваны способствовать рациональной специализации территорий.

Предполагается, что кластерная модель региональной экономики позволит обеспечить разумный баланс между конкуренцией и кооперацией: участие в кластере не ограничивает хозяйственной самостоятельности предприятий, за исключением функционала, передаваемого на аутсорсинг специализированной организации, и обособления части ресурсов в целях реализации кластерных проектов. Предприятия реализуют совместные разработки, не соперничая друг с другом и перенося конкуренцию на следующие уровни — межкластерный, межрегиональный и международный.

Таким образом, устройство научно-производственных кластеров по единым стандартам и получение значимого социального и экономического эффекта от их деятельности будут способствовать сглаживанию межрегиональных диспропорций, со своей стороны создающих угрозу экономической безопасности уже на мезо- и макроуровнях [14]. Гармонизация экономической деятельности на региональном уровне станет в свою очередь важным фактором обеспечения устойчивости и динамичного развития национальной экономики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Проняева Л. И., Павлова А. В., Федотенкова О. А. Классификация угроз и оценка уровня экономической безопасности кластера. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2021;(2):225–257.
2. Берлин С. И. Меры по обеспечению экономической безопасности туристско-рекреационного кластера Краснодарского края в современных условиях. *Естественно-гуманитарные исследования*. 2021;(1):52–58.
3. Кузьмин А. Р., Вульфферт А. Е., Азанова А. А., Вологодина С. В., Заблочкина Я. И., Мусинцева Д. А. Оценка влияния кластера на экономическую безопасность региона на примере Архангельской области. *Экономика и предпринимательство*. 2020;(10):373–376.
4. Хетагурова Т. Г., Батяева Р. И., Сидоренко В. С., Ванеев А. В. Роль туристического кластера в экономической безопасности региона. *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2021;(7):156–159.
5. Дадыкина О. В. Оценка минерально-сырьевого потенциала строительного кластера в части обеспечения экономической безопасности региона. *Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права*. 2015;(3):291–298.

6. Логинов Д.А., Огородова Ю.А. Создание кластера как инструмента обеспечения экономической безопасности молочно-продуктового комплекса региона. *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2015;(12):186–194.
7. Минаков А.В., Лапина С.Б. Развитие промышленных кластеров как необходимое условие обеспечения экономической безопасности России. *Вестник Московского университета МВД России*. 2021;(3):312–317.
8. Валеева Р.Р., Васильев В.Л. Кластеры как фактор повышения экономической безопасности российской экономики. *Вестник Академии*. 2015;(4):169–173.
9. Гурьянов И.Е. Инновационное развитие кластеров в радиоэлектронной промышленности как фактор экономической безопасности. *Вектор экономики*. 2023;(10).
10. Афанасьева Л.В. Экономическая безопасность региона: теория и методология. Курск: Юго-Зап. гос. ун-т; 2015. 172 с.
11. Портер Майкл Э. Конкуренция: обновленное и расширенное издание. М.: ООО «И.Д. Вильямс»; 2010. 592 с.
12. Харченко К.В. Промышленные кластеры с участием публичного партнера: ограничение конкуренции либо возможности синергии. *Кузнечно-штамповочное производство. Обработка материалов давлением*. 2024;(1):100–111.
13. Еремин С.Г. Разработка и применение государственного плана по строительству замещающих импорт мощностей при прямом участии государства, с целью расширения инструментов доказательной политики в области развития промышленности. *Финансовая жизнь*. 2023;(1):105–110.
14. Кузнецов О.И., Григорьев Д.С. Межрегиональная дифференциация как угроза экономической безопасности. *Russian Economic Bulletin*. 2022;(5):249–255.

REFERENCES

1. Pronyaeva L.I., Pavlova A.V., Fedotenkova O.A. Classification of threats and assessment of the level of economic security of the cluster. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National interests: priorities and security*. 2021;(2):225–257. (In Russ.).
2. Berlin S.I. Measures to ensure the economic security of the tourist and recreational cluster of the Krasnodar Territory in modern conditions. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya = Natural sciences and humanities research*. 2021;(1):52–58. (In Russ.).
3. Kuzmin A.R., Wulfert A.E., Azanova A.A., Vologdina S.V., Zablotskaya Ya.I., Musintseva D.A. Assessment of the cluster's impact on the economic security of the region on the example of the Arkhangelsk region. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and entrepreneurship*. 2020;(10):373–376. (In Russ.).
4. Khetagurova T.G., Batyaeva R.I., Sidorenko V.S., Vaneev A.V. The role of the tourism cluster in the economic security of the region. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economics and Business: theory and practice*. 2021;(7):156–159. (In Russ.).
5. Dadykina O.V. Assessment of the mineral resource potential of the construction cluster in terms of ensuring the economic security of the region. *Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperacii, ekonomiki i prava = Bulletin of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law*. 2015;(3):291–298. (In Russ.).
6. Loginov D.A., Ogorodova Yu.A. Creating a cluster as a tool to ensure the economic security of the dairy and food complex of the region. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya = Economics and management: problems, solutions*. 2015;(12):186–194. (In Russ.).
7. Minakov A.V., Lapina S.B. The development of industrial clusters as a necessary condition for ensuring Russia's economic security. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021;(3):312–317. (In Russ.).
8. Valeeva R.R., Vasiliev V.L. Clusters as a factor of increasing the economic security of the Russian economy. *Vestnik Akademii = Bulletin of the Academy*. 2015;(4):169–173. (In Russ.).
9. Guryanov I.E. Innovative development of clusters in the radioelectronic industry as a factor of economic security. *Vektor ekonomiki = The vector of the economy*. 2023;(10). (In Russ.).
10. Afanasyeva L.V. Economic security of the region: Theory and methodology. Kursk: Yugo-Zapad. State University; 2015. 172 p. (In Russ.).

11. Porter, Michael E. Competition: Updated and expanded edition. Moscow: I.D. Williams LLC\$ 2010. 592 p. (In Russ.).
12. Kharchenko K.V. Industrial clusters with the participation of a public partner: Restriction of competition or the possibility of synergy. *Kuznechno-shtampovoechnoe proizvodstvo. Obrabotka materialov davleniem = Forging and stamping production. Processing of materials by pressure*. 2024;(1):100–111. (In Russ.).
13. Eremin S.G. Development and application of the state plan for the construction of import replacement facilities with the direct participation of the state, in order to expand the tools of evidence-based policy in the field of industrial development. *Finansovaya zhizn' = Financial life*. 2023;(1):105–110. (In Russ.).
14. Kuznetsov O.I., Grigoriev D.S. Interregional differentiation as a threat to economic security. *Russian Economic Bulletin*. 2022;(5):249–255. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Константин Владимирович Харченко — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры «Государственное и муниципальное управление», Финансовый университет, Москва, Россия

Konstantin V. Kharchenko — Cand. Sci. (Soc.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. of the Chair of State and Municipal Management, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-3329-7755>

KVKharchenko@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 15.01.2025; принята к публикации 26.03.2025.

The article was received 15.01.2025; accepted for publication 26.03.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-107-118
УДК 332.15(045)
JEL G31, G32, P18

Пространственная классификация регионов России по потенциалу распределенной генерации на основе возобновляемых источников энергии

И.С. Мокрышев

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования — классификация регионов России по потенциалу распределенной генерации энергии. *Цель работы* — разработка методического подхода к территориальной классификации субъектов Российской Федерации по степени их готовности к внедрению распределенной генерации на основе возобновляемых источников энергии (ВИЭ) благодаря критическому анализу текущей институциональной модели развития ВИЭ в России, в первую очередь механизма долгосрочных договоров на поставку мощности, не учитывающего пространственную структуру потребления и параметры региональных энергосистем. В статье обоснована необходимость перехода от производственно-ориентированной классификации регионов России к системно-пространственной логике размещения объектов генерации. Предложена методика комплексной оценки потенциала регионов на основе трех показателей: относительной эффективности генерации, экономической целесообразности и синхронности выработки энергии с пиковыми нагрузками. Благодаря полученным результатам исследования разработана классификация регионов по потенциалу распределенной генерации энергии: «локомотивы», «перспективные», «парадоксальные» и «низкопотенциальные», — которая опирается на балльную систему оценки и позволяет формировать основу адресной политики поддержки проектов распределенной генерации. *Сделан вывод* о том, что ключевым критерием эффективности распределения энергии становится не объем энергии, а ее способность быстро заменять дорогую, дефицитную или нестабильную централизованную генерацию в конкретном месте и в нужное время.

Ключевые слова: распределенная генерация; возобновляемые источники энергии; пространственная организация; региональная энергетика; энергетический переход; региональная электроэнергетика

Для цитирования: Мокрышев И.С. Пространственная классификация регионов России по потенциалу распределенной генерации на основе возобновляемых источников энергии. *Экономика. Налоги. Право.* 2025;18(2):107-118. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-107-118

ORIGINAL PAPER

Spatial Classification of Russian Regions by Potential for Distributed Generation Based on Renewable Energy Sources

I.S. Mokryshev

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The subject of the article is the classification of Russian regions by their distributed energy generation potential. *The purpose of the study* is to develop a methodological approach to the territorial classification of the constituent entities of the Russian Federation by their degree of readiness to implement distributed generation based on renewable energy sources based on a critical analysis of the current institutional model for the development of renewable energy sources in Russia, primarily the mechanism of long-term capacity supply contracts that does not take into account the spatial structure of consumption and the parameters of regional energy systems. The article substantiates the need to move

from a production-oriented approach to the spatial classification of Russian regions to a system-spatial logic for the placement of generation facilities.

A three-factor assessment model is proposed including the relative generation efficiency, economic feasibility and synchronization with peak load periods. Based on the results obtained, a classification of regions by their distributed energy generation potential has been developed: "locomotives", "promising", "paradoxical", and "low-potential". The method is based on a scoring system and allows for the formation of a basis for a targeted policy to support distributed generation projects. It is concluded that the key criterion for the efficiency of energy distribution is not volume, but its ability to quickly replace expensive, scarce or unstable centralized generation in a specific place and at the right time.

Keywords: distributed generation; renewable energy sources; spatial organization; regional energy systems; energy transition; regional electricity

For citation: Mokryshev I.S. Spatial classification of Russian regions by potential for distributed generation based on renewable energy sources. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(2):107-118. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-107-118

ВВЕДЕНИЕ

В условиях растущих глобальных вызовов — климатических, энергетических, экономических — переход к устойчивым формам производства и потребления энергии становится неотъемлемой частью стратегического развития государств. Возобновляемые источники энергии (далее — ВИЭ) в силу своей экологической чистоты, масштабируемости и способности к интеграции в распределенные модели энергоснабжения рассматриваются в качестве одного из основных инструментов энергоперехода. Однако на практике эффективность их внедрения в значительной степени определяется пространственными условиями: природно-климатическими особенностями регионов, плотностью и профилем потребления, состоянием сетевой инфраструктуры, а также институциональной средой.

Особенно актуальна проблематика распределения электроэнергетики для Российской Федерации — страны с колоссальной территорией, высокой степенью региональной дифференциации и преимущественно централизованной моделью энергетики.

В последние годы в России наблюдается активизация процессов, связанных с декарбонизацией и модернизацией энергетической системы [1], что нашло отражение в таких документах, как «Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года», утвержденная распоряжением Правительства РФ от 29.10.2021 № 3052-р, и «Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2030 года с прогнозом до 2036 года», утвержденная распоряжением Правительства РФ от 28.12.2024 № 4146-р. В рамках этих нормативных правовых актов обозначены приоритеты устойчивого развития, повышения энергетической

независимости регионов и стимулирования распределенной генерации на основе ВИЭ.

Тем не менее практика реализации проектов ВИЭ в России сталкивается с рядом серьезных институциональных и экономических ограничений, препятствующих рациональной пространственной организации производства и потребления электроэнергии.

Текущая модель пространственного размещения ВИЭ ориентирована преимущественно на технический потенциал генерации (инсоляцию, ветровую нагрузку и пр.) [2], не учитывающий параметры спроса, профиль потребления, графики нагрузки, а также экономические последствия для региональных потребителей. Таким образом, важнейший элемент — синхронизация производства и потребления в пространственно-временном контексте — оказывается исключенным из логики планирования.

В условиях таких институциональных и структурных ограничений возникает необходимость в переосмыслении подходов к региональному развитию возобновляемой энергии. Одним из направлений такого пересмотра может стать разработка пространственной организации регионов России по степени их готовности к внедрению распределенной генерации на базе ВИЭ [3].

В отличие от существующих классификаций, основанных преимущественно на природных ресурсах и установленной мощности, предлагаемая в рамках настоящего исследования типология регионов учитывает как экономические параметры (тарифную нагрузку, структуру потребления), так и институциональные факторы (доступность сетевой инфраструктуры, специфику ценообразования), а также применимость ВИЭ в пиковые часы потребления. Такой подход позволяет более точно оценивать целесообразность внедрения генерации

в конкретном регионе не только с точки зрения инвестора, но и с позиции региональной энергосистемы и конечного потребителя.

Поэтому становится актуальной необходимость формирования пространственной классификации регионов Российской Федерации по их готовности к внедрению распределенной генерации благодаря ВИЭ с учетом существующих институциональных ограничений. В рамках выполнения этой цели решаются следующие задачи: анализ влияния программы стимулирования развития ВИЭ-генерации в Единой энергетической системе России (далее — ЕЭС России) за счет гарантированной оплаты энергии по долгосрочным договорам поставки мощности (далее — ДПМ) на оптовый рынок, заключенным с владельцами объектов генерации, использующих возобновляемые источники энергии (далее — ДПМ ВИЭ), и пространственного размещения источников генерации электроэнергии, включая выделение ключевых параметров региональной готовности; разработку методики классификации субъектов Российской Федерации по степени целесообразности внедрения распределенной генерации на базе ВИЭ; выдвижение предложений по корректировке институциональной политики в сфере поддержки ВИЭ.

Результаты данного исследования могут быть использованы при формировании региональных стратегий устойчивого энергетического развития, а также в инвестиционном планировании для частных и государственных энергетических компаний. Разработка такой типологии представляет собой важный этап на пути к более рациональному и справедливому распределению ресурсов энергетической трансформации в масштабах страны.

РАСПРЕДЕЛЕННАЯ ГЕНЕРАЦИЯ И ВОЗОБНОВЛЯЕМЫЕ ИСТОЧНИКИ ЭНЕРГИИ

В современном энергетическом ландшафте все большую роль начинает играть распределенная генерация, подразумевающая строительство объекта генерации электроэнергии в непосредственной близости от места потребления, т.е. создание системы производства электроэнергии, ориентированной на локальность, модульность и близость к потребителю. Ее актуальность обусловлена одновременно технологическими изменениями, экономическими вызовами и экологическими требованиями, которые предъявляют новые условия глобального развития [4].

Распределенная генерация — это относительно новое явление для российской электроэнергетики, которое тем не менее занимает все более заметное место в международной практике. Ее распространение вызвано ходом технологического прогресса, удешевлением оборудования, ростом понимания необходимости устойчивого развития и ВИЭ. Вместе с тем само понятие распределенной генерации в настоящее время носит неоднозначный и многогранный характер, что требует более глубокого осмысления и адаптации к условиям конкретной страны, в том числе Российской Федерации.

На современном этапе развития экономики возникла потребность в распределенной генерации, отличающейся как по технологическому содержанию, так и по пространственно-экономическим последствиям.

На сегодняшний день в научной и нормативной литературе насчитываются несколько определений термина распределенной генерации, каждое из которых акцентируется на каких-либо его характеристиках [5]: мощности, подключении, местоположении, принадлежности, режимах работы и т.д. Так, в международной практике распределенная генерация часто определяется как модульная, малая по мощности генерация, находящаяся вблизи места потребления либо непосредственно на нем и не требующая поступления энергии от централизованной энергосистемы.

Основными признаками распределенной генерации, универсально признаваемыми и применимыми в российских реалиях, являются территориальная близость к потребителю и отсутствие необходимости использования централизованной энергосети. При этом размер мощности не может служить ограничителем распределяемой генерации из-за того, что она способна быть как микро-, так и макроуровневой при условии соблюдения вышеуказанных признаков.

Распределенная генерация противопоставляется централизованной генерации не только по географическому признаку, но и по системной логике ее организации. В централизованной модели вся генерация сосредоточена на крупных объектах, откуда энергия передается по магистральным сетям на значительные расстояния до потребителей, что обуславливает потери энергии, необходимость наличия масштабной инфраструктуры, высокие капитальные и эксплуатационные затраты. Напротив, распределенная генерация производится там, где потребляется, что кардинально меняет архитектуру

всей энергетической системы, позволяя не только сокращать потери и издержки при передаче энергии, но и повышать надежность электроснабжения, особенно в удаленных и энергодефицитных регионах [6].

Следует подчеркнуть, что распределенная генерация и ВИЭ — это не просто две пересекающиеся технологии. Они образуют системное единство, в котором каждый компонент усиливает другой. Без распределенной инфраструктуры ВИЭ не могут раскрывать весь свой потенциал локальности и доступности. И, наоборот, без ВИЭ распределенная модель инфраструктуры теряет экологический и стратегический смыслы, поскольку остается зависимой от ископаемого топлива.

В настоящее время стало очевидным, что переход к новой энергетике невозможен без изменения пространственной организации энергетической системы. В центре такой системы должна находиться не крупная электростанция, а энергоактивная территория — город, район, производственный кластер, обладающий собственным энергетическим потенциалом и инфраструктурой.

КРИТЕРИИ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕКТОВ ГЕНЕРАЦИИ ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ

Пространственная организация в электроэнергетике — это система размещения, взаимодействия и функционирования объектов энергетической инфраструктуры (генерации, передачи, распределения и потребления электроэнергии) в пределах территорий, с учетом их природных, социально-экономических, инфраструктурных и институциональных характеристик [7].

Иными словами, это пространственная логика распределения энергетических потоков, в которой учитываются не только ресурсная база и то, где можно построить объект генерации, но и потребности электроэнергии в конкретном месте, а также возможности ее передачи и распределения [8]. В контексте перехода к ВИЭ и децентрализации энергетики роль пространственной организации возрастает многократно.

Для объективной оценки потенциала и целесообразности внедрения распределенной генерации в том или ином регионе важно учитывать комплекс критериев, отражающих техническую, экономическую и институциональную пригодность территории. Наиболее важными критериями пространственной организации являются:

- технический потенциал;
- профиль нагрузки и выработки;
- состояние и особенности сетевой инфраструктуры;

- институциональные особенности региона.

Каждый из вышеуказанных критериев имеет свои особенности и параметры.

Так, *технический потенциал* — это природно-климатические условия, определяющие возможный объем генерации электроэнергии при использовании ВИЭ [9]. Его основными параметрами являются:

- инсоляция — количество солнечного излучения в год;
- скорость и устойчивость ветра (для ветроэлектростанций);
- температурный режим и наличие осадков;
- доступность площадок и ландшафта;
- наличие малых рек и других возобновляемых ресурсов.

Профиль нагрузки и выработки электроэнергии в распределении баланса потребителей в локальной энергосистеме зависит от того, кто является наиболее крупным потребителем электроэнергии и какой график потребления имеется у потребителей. Этот критерий свидетельствует о целесообразности использования каждого конкретного вида генерации при конкретном графике потребления. Эффективность распределенной генерации растет, если ее выработка совпадает с пиками потребления. Также на степень ее эффективности влияет отдаленность потребителей от источника электроэнергии: чем больше потребителей рядом, тем выше вероятность полного потребления произведенной энергии «на месте», без передачи в сеть. В энергодефицитных или изолированных регионах распределенная генерация может стать основным источником энергии.

Состояние и особенности инфраструктуры определяются следующими факторами:

- удаленностью региона от опорных электросетей;
- изношенностью или дефицитом пропускной способности сетей;
- стоимостью и доступностью подключения к сети;
- сетевыми потерями и ограничениями;
- уровнем потерь в сетях для установления целесообразности распределенной генерации.

В отдаленных и слабо электрифицированных районах, где стоимость доставки электроэнергии

высока, в распределенной генерации видится единственный рациональный способ решения проблемы нехватки электроэнергии.

Под институциональными особенностями региона понимаются не только характеристики, определяющие его физическое состояние: рельеф, типы растительности, климат, наличие водных ресурсов, — но и страны в целом [10]. Даже при высоком техническом и потребительском потенциале проект создания энергосистемы может оказаться неэффективным. Важными параметрами данного критерия могут быть:

- стоимость технологического присоединения;
- поддержка со стороны региональных властей;
- особенности работы биржи электроэнергии;
- срок технологического присоединения;
- возможность получения субсидий, льгот или поддержки.

Не менее важным критерием выступают особенности работы рынка электроэнергетики и ценообразования. Распределенная генерация дает отличную возможность экономии на сетевой составляющей тарифа на электроэнергию, которая может составлять до 80% тарифа на электроэнергию.

Готовность региона к распределенной генерации определяется по совокупности имеющихся условий, при которых ее внедрение на основе ВИЭ будет технико-экономически обоснованным, инфраструктурно выполнимым и институционально допустимым.

РОССИЙСКАЯ СИСТЕМА ПОДДЕРЖКИ – ДПМ ВИЭ И ОТСУТСТВИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ КООРДИНАЦИИ РАЗМЕЩЕНИЯ ГЕНЕРАЦИИ С РЕГИОНАЛЬНЫМИ ПОТРЕБНОСТЯМИ

С переходом мировой энергетики к низкоуглеродной модели производства и потребления особую значимость приобретает развитие ВИЭ, особенно в децентрализованных, распределенных форматах. Россия, несмотря на огромный потенциал возобновляемой энергетики, добилась крайне ограниченных успехов в этом направлении.

Основным механизмом стимулирования ВИЭ в стране на сегодняшний день является система ДПМ ВИЭ, запущенная в 2013 г. и реализуемая в рамках нормативного регулирования оптового рынка электроэнергии.

На первый взгляд, механизм ДПМ ВИЭ представляет собой попытку интегрирования ВИЭ в рынок

через обеспечение гарантии возврата инвестиций посредством участия инвесторов в конкурсах, в результате которых победители получают фиксированные условия возврата вложений денежных средств (включая нормативную доходность) на 15 лет. Однако при более детальном рассмотрении этого механизма становится очевидным, что нынешняя модель ДПМ ВИЭ не решает ключевых задач устойчивого и сбалансированного территориального развития энергетики, а в ряде случаев даже усугубляет структурные и пространственные перекосы.

Одним из главных недостатков действующего механизма ДПМ ВИЭ является отсутствие координации между размещением генерации и региональными профилями потребления. В соответствии с текущими правилами отбор проектов осуществляется на конкурсной основе по критерию минимальной стоимости проекта без оценки региональных потребностей в электроэнергии, учета графика нагрузки, тарифной ситуации или сетевой инфраструктуры. Место расположения объекта генерации ограничивается только ценовыми зонами ЕЭС, где обеспечивается свободный переток мощности и возможна конкуренция между производителями электроэнергии согласно Правилам оптового рынка электроэнергии и мощности, установленным постановлением Правительства РФ от 27.12.2010 № 1172. Это приводит к тому, что генерация концентрируется в «технологически удобных» регионах — с высокой инсоляцией или ветровым потенциалом, минимальной стоимостью подключения, но зачастую с низкой локальной потребностью в электроэнергии.

Другим критическим моментом является то, что система ДПМ ВИЭ поощряет максимизацию суммарной генерации, а не ее «встраиваемость» в энергосистему региона. При этом не оцениваются следующие обстоятельства: в какие часы суток производится энергия, совпадает ли выработка энергии с пиковыми нагрузками сети, снижает ли генерация сетевые потери или усиливает нагрузку на межсетевые перетоки. Таким образом, энергосистема воспринимается как бесконечно эластичная среда, в которую можно бесконечно встраивать новые мощности вне зависимости от спроса, нагрузки и состояния инфраструктуры.

Отсутствие временной и территориальной синхронизации между выработкой и потреблением энергии приводит к тому, что даже при формальной окупаемости проекта, созданного по модели ДПМ, региональная энергосистема может нести допол-

нительные расходы на балансировку, строительство новых сетей, увеличение резервной мощности или значительные потери при транспортировке вырабатываемой электроэнергии до фактического потребителя.

Отсутствие территориальной координации размещения генерации с региональными потребностями приводит к тому, что государственная поддержка направляется не туда, где она нужна больше всего, а концентрируется в «удобных» зонах по техническим характеристикам, что снижает эффективность бюджетной нагрузки и усугубляет территориальное неравенство.

Более того, поскольку выплаты по ДПМ осуществляются через оптовый рынок мощности, затраты на возврат инвестиций ложатся на потребителей электроэнергии по всей стране, а не только на регион, в котором размещен энергообъект. В итоге регионы, где не построено ни одного энергообъекта, оплачивают ДПМ других территорий, не получая при этом ни экономического, ни энергетического эффекта, что создает ситуацию энергетической несправедливости, когда средства перераспределяются в пользу уже более обеспеченных и «удобных» регионов.

Таким образом, можно выделить основные недостатки существующего механизма развития проектов генерации с использованием ВИЭ:

- отсутствие пространственно-энергетической логики при выборе площадок генерации;
- ориентация на выработку, а не на системную ценность генерации;
- игнорирование экономических параметров регионов энергосистемы;
- недоступность механизма ДПМ для передовых технологий и широкого круга инвесторов;
- неэффективное использование общественных ресурсов.

На основании вышеприведенного можно сделать однозначный вывод: текущая модель реализации проектов ВИЭ в России через механизм ДПМ не учитывает пространственно-экономическую специфику регионов, не обеспечивает согласованность с потребностями энергосистем и в ряде случаев наносит вред обеспечению долгосрочной устойчивости и справедливости энергетической политики.

Для исправления создавшегося положения предлагается принять следующие меры, предусматривающие:

- 1) введение территориальной и системной оценки проектов при отборе;

- 2) переход от оценки количества выработки электроэнергии к критерию «ценность замещения»;

- 3) создание специализированных механизмов для передовых технологий в области энергетики;

- 4) обеспечение прозрачного регионального квотирования проектов ВИЭ в рамках программ устойчивого развития;

- 5) оценку эффективности поддержки с учетом территориальных мультипликаторов.

Таким образом, только пространственно-ориентированный подход к размещению объектов ВИЭ, интегрированный с потребностями региональных энергосистем, позволит перейти от формальной «зеленой» повестки дня к реальному энергетическому развитию территорий.

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТОВ РАСПРЕДЕЛЕННОЙ ГЕНЕРАЦИИ НА ОСНОВЕ ВИЭ

Методика оценки потенциала региона для реализации проектов распределенной генерации на основе ВИЭ разработана для анализа регионального потенциала размещения объектов распределенной генерации с использованием ВИЭ не только с точки зрения физической генерации, но с учетом экономической и энергетической эффективности. Она основана на балльной системе ранжирования регионов по каждому из основных параметров.

Основными параметрами разработанной методики являются:

- отношение выработки объекта генерации к среднему значению коэффициента использования установленной мощности (далее — КИУМ) конкретного вида генерации по Российской Федерации;
- отношение сетевой составляющей тарифа к средневзвешенной нерегулируемой цене на электроэнергию;
- отношение покрытия пикового потребления выработкой объекта генерации к среднему КИУМу данного вида генерации по Российской Федерации.

Каждый из вышеприведенных параметров имеет свою балльную шкалу оценки. Потенциал региона определяется по среднеарифметическому трех показателей балльной оценки.

Отношение выработки объекта генерации с использованием конкретного ВИЭ к среднему значению КИУМа конкретного вида генерации по Россий-

ской Федерации служит основой для установления целесообразности использования конкретного вида генерации в том или ином регионе.

На примере солнечной электростанции (далее — СЭС) — инженерного сооружения, преобразующего солнечную радиацию в электрическую энергию, — можно рассчитать отношение фактической годовой выработки СЭС, смоделированной в типовых условиях региона, к среднему значению КИУМ по всей территории Российской Федерации. Это дает возможность оценки технического потенциала региона, основанного на климатических условиях, уровне инсоляции и продолжительности солнечного дня. Чем больше значение показателя — тем выше эффективность размещения объекта генерации с точки зрения производительности. В общем виде данный показатель рассчитывается по формуле (1):

$$\text{Отношение выработки к КИУМ} = \frac{\text{КИУМ}_{\text{региона}}}{\text{Средний КИУМ}_{\text{РФ}}}, \quad (1)$$

где отношение выработки к КИУМ — отношение выработки вида генерации в регионе к среднему значению КИУМа конкретного вида генерации по Российской Федерации;

$\text{КИУМ}_{\text{региона}}$ — планируемый КИУМ конкретного вида генерации на территории рассматриваемого региона, %;

средний $\text{КИУМ}_{\text{РФ}}$ — средний КИУМ рассматриваемого вида генерации на территории Российской Федерации, %.

На основании полученных результатов проводится балльная оценка отношения выработки генерации к среднему коэффициенту использования

установленной мощности данного вида генерации на территории Российской Федерации. Распределение баллов по значениям рассматриваемого показателя представлено в табл. 1.

Показатель выработки объекта генерации и его относительная эффективность является одним из базовых индикаторов при оценке энергетического потенциала региона для проектов распределенной солнечной генерации, так как отражает природно-климатическую пригодность территории для использования ВИЭ. Помимо этого, данный показатель позволяет сравнивать эффективность генерации в разных регионах независимо от масштабов проектов и дает основу для первичного отбора перспективных локаций до оценки экономических параметров. Высокое значение данного показателя означает, что в регионе ВИЭ будут работать с большей отдачей. Это снижает себестоимость единицы продукции и повышает конкурентоспособность проекта для электроснабжения региона.

Не менее важным показателем является соотношение сетевой составляющей тарифа на электроэнергию с ее нерегулируемой рыночной ценой. Данный показатель отражает долю сетевой составляющей (стоимости услуг по передаче и распределению электроэнергии) в общей структуре тарифа на электроэнергию в конкретном регионе. Это позволяет понять, насколько высока доля затрат на передачу и распределение электроэнергии в конкретном регионе по отношению к себестоимости производимой продукции. Высокие значения этого соотношения указывают на то, что распределенная генерация может снижать расходы конечного по-

Таблица 1 / Table 1

Балльная оценка отношения выработки в регионе к среднему значению КИУМа конкретного вида генерации по Российской Федерации / A point estimate of the ratio of output in the region to the average value of the installed capacity utilization factor for a specific type of generation in the Russian Federation

Значение показателя / The value of the indicator	Балльная оценка (А) / Score (in points) (A)	Интерпретация оценки / Interpretation of the assessment
$\leq 95\%$	1	Использование данного вида генерации даст меньше результата в данном регионе, чем в среднем по стране
$> 95\%;$ $< 100\%$	2	Данный вид генерации не уступает среднему показателю по стране и имеет хороший потенциал
$\geq 100\%$	3	Генерация с помощью данного ВИЭ дает значительную пользу

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

требителя и повышать экономическую устойчивость системы исключительно за счет нивелирования логистических издержек. Расчет данного отношения производится по формуле (2):

$$\text{Доля сетевой составляющей} = \frac{\text{Сетевая составляющая}_{\text{регион}}}{\text{Средневзвешенная нерегулируемая цена}_{\text{ценовая зона}}}, \quad (2)$$

где доля сетевой составляющей — отношение сетевой составляющей тарифа на электроэнергию в зоне деятельности гарантирующего поставщика в рассматриваемом регионе к средневзвешенной нерегулируемой цене на электроэнергию;

сетевая составляющая_{регион} — сетевая составляющая тарифа на электроэнергию в зоне деятельности гарантирующего поставщика в рассматриваемом регионе, которая включает ставку за содержание сетей, оплату услуг по передаче, инфраструктурные надбавки, перекрестное субсидирование и сбытовую надбавку на заданном уровне напряжения, руб./кВт·ч;

средневзвешенная нерегулируемая цена регион — средневзвешенная свободная нерегулируемая цена на электрическую энергию для потребителей на оптовом рынке на сутки вперед за рассматриваемый период, руб./кВт·ч.

В табл. 2 представлено распределение баллов в зависимости от получаемого значения доли сетевой составляющей в тарифе на электроэнергию.

Справедливости ради следует заметить, что себестоимость генерации электроэнергии из ВИЭ не всегда равна биржевой стоимости электроэнергии. Она может быть как выше, так и ниже биржевого курса на электроэнергию и мощность, в зависимости от вида генерации. Тем не менее это касается экономической эффективности каждого конкретного проекта, а не средней оценки потенциала региона.

Показатель покрытия платы за мощность соотносит график выработки СЭС с пиковыми нагрузками в регионе. Им оценивается, насколько энергия, произведенная на объекте, может быть использована именно в те часы, когда возникает наибольшая нагрузка на энергосистему. Это важно не только с точки зрения тарифов (в пиковые часы энергия обычно дороже), но и с позиции обеспечения устойчивости системы, поскольку замещение централизованной энергии в эти периоды снижает нагрузку на сети. Расчет этого показателя производится по формуле (3):

$$\text{Покрытие платы за мощность} = \frac{\text{Доля генерации в пиковые часы}_{\text{регион}}}{\text{Средний КИУМ}_{\text{рф}}}, \quad (3)$$

где покрытие платы за мощность — отношение покрытия пикового потребления в регионе выработкой объекта генерации к среднему КИУМу данного вида генерации по Российской Федерации;

Таблица 2 / Table 2

Балльная оценка отношения сетевой составляющей тарифа к средневзвешенной нерегулируемой цене на электроэнергию / A point estimate of the ratio of the network component of the tariff to the weighted average unregulated price of electricity

Значение показателя / The value of the indicator	Балльная оценка (В) / Score (in points) (B)	Интерпретация оценки / Interpretation of the assessment
≤ 1	1	Такая оценка свидетельствует о том, что за счет замещения сетевой составляющей нельзя покрыть расходы на производство электроэнергии
$> 1; < 2$	2	Оценка в 2 балла демонстрирует экономию за счет нивелирования данной статьи расходов в оплате электроэнергии
≥ 2	3	Если сетевая составляющая более чем в 2 раза выше себестоимости производимой электроэнергии, может быть достигнута значительная экономия от внедрения объекта распределенной генерации с использованием возобновляемых источников энергии

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

доля генерации в пиковые часы_{регион} — количество пиковых часов в регионе, в которые рассматриваемый вид генерации производит электроэнергию для замещения платы за мощность, %;

средний КИУМ_{рф} — средний КИУМ рассматриваемого вида генерации на территории Российской Федерации, %.

Балльная оценка региона в зависимости от показателя покрытия платы за мощность представлена в табл. 3.

Этот параметр является ключевым для оценки синергии генерации и потребления, особенно в условиях децентрализации энергетики. В отличие от классических подходов, основанных только на объеме генерации, здесь делается акцент на временную релевантность — когда именно происходит генерация. Если генерация приходится на пик нагрузки, она замещает дорогую сетевую электроэнергию и снижает нагрузку на сеть. Если генерация происходит в непиковые часы, она менее полезна, а иногда приводит к техническому дисбалансу.

На основе этих трех показателей осуществляется балльная оценка регионов. Для каждого показателя выделяются шкалы интерпретации: от низких значений (1 балл), указывающих на слабую пригодность региона по конкретному критерию, до высоких (3 балла), свидетельствующих о благоприятных условиях. Итоговая оценка формируется как среднее значение всех трех параметров и позволяет создавать

типологию регионов. Расчет потенциала региона применения проектов распределенной генерации с использованием возобновляемых источников энергии производится по формуле (4):

$$\text{Потенциал региона} = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n A + B + C, \quad (4)$$

где потенциал региона — средняя балльная оценка всех показателей использования проекта распределенной генерации с возобновляемыми источниками энергии в рассматриваемом регионе;

n — количество рассматриваемых элементов;

A — балльная оценка отношения выработки в регионе к среднему значению КИУМа конкретного вида генерации по Российской Федерации;

B — балльная оценка отношения сетевой составляющей тарифа к средневзвешенной нерегулируемой цене на электроэнергию;

C — балльная оценка отношения покрытия пикового потребления выработкой объекта генерации к среднему КИУМу данного вида генерации по Российской Федерации.

Показатель потенциала региона нельзя интерпретировать как однозначную оценку применимости того или иного вида генерации. Однако на основании расчетов, осуществленных с помощью вышеприведенной методики, можно заранее определить наиболее перспективные регионы для развития распределенной генерации с использованием

Таблица 3 / Table 3

Балльная оценка отношения покрытия пикового потребления выработкой объекта генерации к среднему КИУМу данного вида генерации по Российской Федерации / A point estimate of the ratio of peak consumption coverage by the generation facility to the average utilization rate of the installed capacity of this type of generation in the Russian Federation

Значение показателя / The value of the indicator	Балльная оценка (С) / Score (in points) (C)	Интерпретация оценки / Interpretation of the assessment
$\leq 100\%$	1	Данная оценка свидетельствует о том, что вырабатываемая энергия не покрывает равнозначное потребление мощности из сети
$> 100\%;$ $< 200\%$	2	При текущей ситуации внедрение проекта распределенной генерации равномерно распределится при покрытии пикового потребления и тариф замещаемой электроэнергии останется равнозначным
$\geq 200\%$	3	Показатель более чем 200% подразумевает, что основная часть пикового потребления покрывается за счет реализуемого источника электроэнергии

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

возобновляемых источников энергии и провести их классификацию:

1) регионы-локомотивы — субъекты с высоким техническим потенциалом, экономической и сетевой обоснованностью и благоприятной синхронностью генерации и потребления. Эти территории представляют собой оптимальные площадки для масштабного внедрения распределенной генерации. Вероятнее всего, что любой проект по анализируемому виду возобновляемого источника энергии в этом регионе будет экономически эффективным;

2) перспективные регионы — обладают высоким потенциалом, но сталкиваются с институциональными или тарифными барьерами. В отношении этих регионов необходимо усиление поддержки со стороны государства, создание программ субсидирования и упрощение процедур подключения, рассмотрение каждого проекта отдельно;

3) парадоксальные регионы — отличаются высокой генерацией энергии или обеспечивают системную пользу, за счет которой даже отставание по двум из трех показателей не будет препятствовать получению высокого эффекта от проекта распределенной генерации на основе ВИЭ. Проекты в данных регионах требуют тщательной проработки и особых условий реализации;

4) низкопотенциальные регионы — характеризуются слабым техническим потенциалом, низкой плотностью потребления и устойчивыми централизованными системами. Вероятнее всего, в данных регионах будет нецелесообразным осуществление проектов распределенной генерации с использованием ВИЭ. Однако даже здесь могут быть реа-

лизованы точечные проекты, например в рамках энергоснабжения изолированных потребителей.

Соответствие классификации результатам оценки потенциала регионов представлено в *табл. 4*.

Таким образом, распределение критериев и классификация регионов позволяют переходить к системе адресной поддержки, в которой меры стимулирования ВИЭ будут применяться по отношению к тем регионам, где они действительно востребованы и приносят максимальный эффект.

Итогом внедрения представленной методики может стать формирование пространственно сбалансированной энергетической политики, где новые мощности размещаются с учетом реальной нагрузки, экономической целесообразности и территориальной справедливости.

ВЫВОДЫ

Современное состояние российской электроэнергетики подвергается критике со стороны ученых за несоответствие размещения новых генерирующих мощностей реальным потребностям региональных энергосистем. Особенно остро это проявляется в сфере развития ВИЭ, где применяемая модель государственной поддержки через механизм долгосрочных договоров на поставку мощности демонстрирует значительное расхождение между формальными показателями успеха и фактической эффективностью размещения объектов. Несмотря на заявленную цель поддержки экологически чистой генерации, пространственные последствия реализации проектов в рамках ДПМ ВИЭ приводят к усилению энергетического и тарифного неравенства между регионами.

Таблица 4 / Table 4

Балльная оценка отношения покрытия пикового потребления выработкой объекта генерации к среднему КИУМу данного вида генерации по Российской Федерации / A point estimate of the ratio of peak consumption coverage by the generation facility to the average utilization rate of the installed capacity of this type of generation in the Russian Federation

Балльная оценка / Score (in points)	Потенциал региона / The region's potential
≤ 1	Низкопотенциальные регионы
$> 1; < 2$	Перспективные регионы
≥ 2	Регионы-локомотивы
Один из показателей = 3	Парадоксальные регионы

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Нынешняя практика размещения объектов солнечной и ветровой генерации основывается на принципе минимизации издержек и максимизации выработки, тогда как параметры спроса, графики нагрузки, дефицитность мощностей и территориальные особенности инфраструктуры в большинстве случаев остаются вне поля внимания ученых и практиков. Это приводит к концентрации ВИЭ-объектов в технически благоприятных, но системно обеспеченных регионах, в то время как реальные потребности, например в снижении тарифов или обеспечении надежного энергоснабжения, не удовлетворяются в других регионах.

Представленная региональная классификация, основанная на комплексной оценке технического потенциала, профиля потребления, состояния сетевой инфраструктуры и институциональных условий, позволяет взглянуть на исследуемую проблему с новой стороны. Регионы, классифицированные как «локомотивы», сочетают в себе высокий потенциал возобновляемой генерации и выраженные системные потребности, что делает их наиболее целесообразными с точки зрения государственной поддержки. Однако, несмотря на наличие таких регионов, поддержка в рамках ДПМ зачастую оказывается иным территориям, где могут быть по-

лучены формально лучшие показатели выработки энергии без улучшения территориального энергетического баланса. Это порождает так называемые «парадоксальные» регионы — субъекты с высокой генерацией на ВИЭ, но с низкой востребованностью этой энергии в локальной системе, отсутствием синхронности с потреблением и часто с дополнительными затратами на балансировку.

Сложившаяся ситуация требует не просто корректировки деталей, а полноценного пересмотра принципов распределения государственной поддержки в электроэнергетике. В первую очередь это касается самого механизма ДПМ ВИЭ, в котором до сих пор отсутствует привязка к территориальной структуре потребления и сетевой архитектуре. Для того чтобы этот инструмент способствовал устойчивому и сбалансированному развитию, необходимо включить в процедуру оценки проектов параметры замещения пикового спроса, экономической выгоды в сетевом контексте и территориальной целесообразности размещения. Ключевым критерием эффективности становится не объем произведенной энергии, а ее способность подмены дорогой, дефицитной или нестабильной централизованной генерации в конкретном месте и в нужное время.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Рябчик А. П. Малая энергетика-драйвер развития России. *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2023;140(2):41–45.
2. Вазим А. А. Развитие ВИЭ-генерации в России: проблема и перспективы. *Экономика Профессия Бизнес*. 2024;(4):32–41.
3. Довбий И. П. Возобновляемая энергетика России: потребности и возможности регионов. *Управление в современных системах*. 2020;28(4):18–32.
4. Налбандян Г. Г. Ключевые факторы эффективного применения технологий распределенной генерации в промышленности. *Стратегические решения и риск-менеджмент*. 2018;106(1):80–87.
5. Ackermann T. Distributed generation: A definition. *Electric power systems research*. 2001;57:195–204.
6. Курналеева А. А. Создание объекта Распределенной генерации в ЕЭС России. *Наукосфера*. 2021;(7–2):197–204.
7. Казаков М. Ю. Пространственно-экономические задачи реализации региональных инфраструктурных проектов в сфере электроэнергетики. *Экономика устойчивого развития*. 2022;51(3):55–58.
8. Рождественская И. А. Пути реализации принципов устойчивого развития инфраструктуры. *Финансовая жизнь*. 2021;(4):8–10.
9. Брамм А. М. Прогнозирование коэффициента использования установленной мощности для объектов генерации на базе возобновляемых источников энергии для децентрализованных электроэнергетических систем. *Известия высших учебных заведений и энергетических объединений СНГ*. 2024;(5):411–424.
10. Атаев З. А. Пространственный каркас локальных систем электроэнергетики (на примере Московской области). *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. 2007;(2):84–95.

REFERENCES

1. Ryabchik A. P. Small-scale energy as a driver of Russia's development. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ehkonomicheskogo universitet = Izvestia of Saint Petersburg State University of Economics*. 2023;148(2) 41–45. (In Russ.).
2. Vazim A. A. Development of RES generation in Russia: Problems and prospects. *Ekonomika Professiya Biznes = Economics. Profession. Business*. 2024;(4): 32–41. (In Russ.).
3. Dovbiy I. P. Renewable energy in Russia: Regional needs and opportunities. *Upravlenie v sovremennykh sistemakh = Management in Modern Systems*. 2020;28(4):18–32. (In Russ.).
4. Nalbandyan G. G. Key Factors for effective application of distributed generation technologies in industry. *Strategicheskie resheniya i risk-menedzhment = Strategic Decisions and Risk Management*. 2018;106(1):80–87. (In Russ.).
5. Ackermann T. Distributed generation: A definition. *Electric Power Systems Research*. 2001;57:195–204.
6. Kurnaleeva A. A. Establishing distributed generation facilities in the unified energy system of Russia. *Naukosfera*. 2021;(7–2):197–204. (In Russ.).
7. Kazakov M. Yu. Spatial and economic issues of implementing regional infrastructure projects in the electric power sector. *Ekonomika ustojchivogo razvitiya = Sustainable Development Economics*. 2022;51(3):55–58. (In Russ.).
8. Rozhdestvenskaya I. A. Ways to implement the principles of sustainable infrastructure development. *Finansovaya zhizn' = Financial Life*. 2021;(4):8–10. (In Russ.).
9. Bramm A. M. Forecasting the capacity factor for renewable energy facilities in decentralized power systems. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij i ehnergeticheskikh ob'edinenij SNG = Proceedings of Higher Education Institutions and Energy Associations of the CIS*. 2024;(5):411–424. (In Russ.).
10. Ataev Z. A. Spatial framework of local power systems (Case study of Moscow region). *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya geograficheskaya = Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series*. 2007;(2):84–95. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Иван Сергеевич Мокрышев — доцент кафедры отраслевых рынков, Финансовый университет, Москва, Россия

Ivan S. Mokryshev — Assoc. Prof., Department of Industry Markets, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0009-0008-4123-5072>
mokryshev@list.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 13.02.2025; принята к публикации 25.03.2025.
The article was received 13.02.2025; accepted for publication 25.03.2025.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-119-128

УДК 330.322.79(045)

JEL R58, P44, E22, E65

Использование мультипликатора инвестиций для снижения рисков формирования ресурсного потенциала региона

В.В. Еремин

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Актуальность исследования обусловливается необходимостью решения задачи увеличения валового регионального продукта (ВРП), которому препятствует ограниченность региональных ресурсов в сложных условиях современной экономики. Сложившаяся ситуация требует поиска резервов формирования ресурсного потенциала регионов, использование которых будет стимулировать рост ВРП. В работе определено, что таким резервом может служить минимизация рисков негативного влияния мультипликативных эффектов на процесс формирования ресурсного потенциала регионов. *Предмет исследования* — риски, генерируемые в региональной экономике мультипликативными эффектами инвестиций в формирование ресурсного потенциала региона. *Цель работы* — установление подходов к снижению рисков, негативно влияющих на динамику экономического развития региональной экономики. *В результате исследования* сформирована схема использования мультипликатора инвестиций для управления рисками формирования ресурсного потенциала региона. В работе *сделаны выводы* о том, что изменение структуры инвестиций в формирование ресурсного потенциала региона способно изменять величину регионального мультипликатора инвестиций и, как следствие, увеличивать величину ВРП.

Ключевые слова: инвестиции; ресурсный потенциал; региональная экономика; инфляционный риск; мультипликатор инвестиций; управление рисками; валовая региональная политика

Для цитирования: Еремин В.В. Использование мультипликатора инвестиций для снижения рисков формирования ресурсного потенциала региона. *Экономика. Налоги. Право.* 2025;18(2):119-128. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-119-128

ORIGINAL PAPER

Using the Investment Multiplier to Reduce the Risks of Developing the Region's Resource Potential

V.V. Eremin

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The relevance of the research is determined by the need to solve the problem of increasing the gross regional product (GRP), which is hampered by limited regional resources in the difficult conditions of the modern economy. The current situation requires the search for reserves for the formation of the resource potential of the regions, the use of which will stimulate the growth of GRP. The paper determines that such a reserve can serve as minimizing the risks of the negative impact of multiplicative effects on the process of forming the resource potential of regions. *The subject of the study* is the risks generated in the regional economy by the multiplier effects of investments in the formation of the resource potential of the region. *The purpose of the work* is to establish approaches to reducing risks that negatively affect the dynamics of the economic development of the regional economy. *As a result of the research*, a scheme has been formed for using the investment multiplier to manage the risks of forming the resource potential of the region. The paper concludes that a change in the structure of investments in the formation of a region's resource potential can change the value of the regional investment multiplier and, as a result, increase the value of GRP.

© Еремин В.В., 2025

Keywords: investments; resource potential; regional economy; inflation risk; investment multiplier; risk management; gross regional policy

For citation: Eremin V.V. Using the investment multiplier to reduce the risks of developing the region's resource potential. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(2):119-128. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-119-128

ВВЕДЕНИЕ

Изменение климата, приводящее к засухам, наводнениям, поздним весенним заморозкам и другим негативным природным явлениям, обуславливает рост затрат в национальной экономике, причем не только связанных с ликвидацией последствий чрезвычайных ситуаций природного характера, но и становящихся причинами потерь сельского хозяйства от снижения урожайности. В свою очередь эти затраты распространяются на широкий спектр отраслей через инфляционное давление.

Развивающиеся процессы деглобализации также формируют в определенной степени дополнительные затраты для российской экономики во многом из-за санкционного давления, выстраивания новых транспортных маршрутов и каналов платежей.

Однако наряду с затратами рассматриваемые процессы приносят выгоды национальной экономике. В частности, изменение климата стимулирует развитие Северного морского пути, приводит к увеличению вегетационного периода растений, что сокращает зону рискованного земледелия и т.д., а процессы деглобализации стимулируют развитие национального производства, построение суверенной экономики предложения.

В таких условиях задача российской экономики состоит в обеспечении компенсации роста затрат при одновременном получении выгод от сложившейся ситуации. Основой этой компенсации, на наш взгляд, является стимулирование увеличения благосостояния российских регионов, характеризующегося ростом их валового регионального продукта (далее — ВРП) [1]. При прочих равных условиях, в том числе при сохранении численности населения региона, низких темпах инфляции и т.п., рост ВРП приводит к росту благосостояния населения региона, что может быть использовано в качестве адаптационного механизма российского общества в условиях изменяющегося климата и деглобализации мировой экономики.

При этом в рамках функционирования данного компенсационного механизма развитие регионов должно осуществляться таким образом, чтобы оно сокращало «уровень межрегиональной и внутрире-

гиональной дифференциации в социально-экономическом развитии субъектов России»¹.

Основой роста объемов ВРП является экономический потенциал региона, под которым подразумевается способность региональной экономики производить товары и услуги [2]. По мнению ряда ученых, для формирования этой способности экономике региона требуются ресурсы [3]. Однако простого наличия ресурсов для производства недостаточно. Только наличие определенных комбинаций ресурсов позволяет производить продукцию или оказывать услуги. Если из этой комбинации выпадает один или несколько ресурсов, производство становится невозможным. При этом объемы потенциального производства зависят не только от соотношения ресурсов, но и от объема ресурсов, доступных для построения искомых комбинаций. Тем не менее именно комбинация ресурсов является определяющим производством фактором. Исходя из вышеуказанного экономический потенциал региона во многом определяется его ресурсным потенциалом, под которым понимается совокупность возможностей использования ресурсов региона для достижения целей его социально-экономического развития [4]. Во многом именно на таком подходе основана теория экономической сложности (*economic complexity*), согласно которой благосостояние региона по большей части зависит от широты ассортимента продукции, учитывающего как технологически простую, так и технологически сложную продукцию.

Главное для обеспечения благосостояния региона — разнообразие продукции, которое определяется возможностью региональной экономики комбинировать доступные ресурсы, трансформируя их в готовую продукцию в рамках производственного процесса. Выдвинутый выше тезис можно сравнить с азбукой, в которой доступные ресурсы выступают в роли букв, а готовые продукты — словами, которые можно составить из этих «букв» [5; 6].

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-п. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094/006fb940f95ef67a1a3fa7973b5a39f78dac5681.

Таким образом, доступные комбинации ресурсов служат основой для определения способности региональной экономики к производству продукции, которая является в свою очередь основой для формирования ВРП. Иными словами, основой решения задачи роста ВРП региона является формирование соответствующего ресурсного потенциала анализируемой региональной экономики. Отметим, что формирование этого потенциала зависит от инвестиций, которые генерируют мультипликативные эффекты.

Отсутствие учета данных эффектов создает риски того, что инвестиции, направляемые в региональную экономику с целью формирования ресурсного потенциала и, как следствия, роста ВРП, могут приводить на практике к снижению объемов валового продукта анализируемого региона, что не позволит компенсировать рост затрат, инициируемый изменением климата и деглобализацией. Основой распространения этих рисков являются финансовые потоки — мультипликативные цепочки трансформации доходов одних участников этих цепочек в их расходы и, как следствие, доходы других групп участников этих цепочек.

ИНВЕСТИЦИИ В ФОРМИРОВАНИЕ РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА И МУЛЬТИПЛИКАТИВНЫЕ ЭФФЕКТЫ

Формирование ресурсного потенциала региона обеспечивается инвестициями. Так, для извлечения и переработки существующих минеральных ресурсов требуются инвестиции в развитие горнодобывающего сектора [7], а для создания человеческого капитала — инвестиции в образование, здравоохранение, культуру [8]. Причем данные факторы действуют в отношении формирования всего материально-технического потенциала региона исходя из того, что его производственные мощности изнашиваются, а запасы материальных ресурсов исчерпываются в ходе производственного процесса [9]. Немаловажным для формирования совокупности всех имеющихся ресурсных возможностей региона является его научно-инновационный потенциал, который невозможно поддерживать без инвестиций в развитие науки и подготовку научных кадров. Такую связь можно проиллюстрировать на примере нашей страны, когда в 1990-е гг. значительно сократились инвестиции в развитие науки, что предопределило ее зависимость от ряда иностранных технологий [10].

Географическая составляющая природно-ресурсного потенциала региона не зависит, на первый взгляд, от инвестиций, например в случае наличия выхода региона к морю. Но для реализации возможностей этого потенциала требуются значительные инвестиции в создание портовой инфраструктуры, систему связи и т.п.

Климатическая составляющая природно-ресурсного потенциала также напрямую зависит от инвестиций. В настоящее время изменение климата может проявляться, например, в потере плодородия сельскохозяйственных земель из-за эрозии, опустынивания, засоления, подтопления, загрязнения почв, изменений в выпадении осадков, температуре и возникновения экстремальных погодных условий, обуславливая необходимость инвестиций в развитие энергосберегающих, углеродно-нейтральных производств [11; 12] и повышение энергоэффективности благодаря сокращению удельного потребления ресурсов на выполнение одной и той же операции, а также подбору более выгодной последовательности действий и технических условий.

Инвестиции в формирование природно-ресурсного потенциала региона генерируют мультипликативные эффекты [13], определяющие величину регионального мультипликатора инвестиций — показателя, определяющего, на сколько денежных единиц увеличится объем регионального дохода за счет повышения размера инвестиций на одну денежную единицу. Генерация этих эффектов подтверждается достаточно широким пластом исследований [14; 15].

Мультипликативный эффект, представляющий собой пропорциональную величину увеличения или уменьшения конечного дохода, возникающего в результате возрастания или изъятия расходов, является абсолютным показателем объема прироста валового национального (регионального) продукта, вызванного приростом инвестиций в национальную (региональную) экономику.

Мультипликатор инвестиций — относительный показатель, отражающий соотношение между приростом дохода и увеличением объема инвестиционных вложений, благодаря которому происходит увеличение количества единиц валового национального (регионального) продукта в расчете на одну единицу инвестиций в национальную (региональную) экономику.

Мультипликативные эффекты формирования ресурсного потенциала региона в виде финансовых потоков распространяются по мультипликативным

цепочкам, трансформирующим доходы одних групп их участников в доходы других групп через промежуточную стадию расходов.

ФОРМИРОВАНИЕ МУЛЬТИПЛИКАТИВНЫХ ЦЕПОЧЕК

Для увеличения производственных мощностей необходим металл для изготовления станков и металлоконструкций, а для создания кадрового потенциала нужны педагогические и профессорско-преподавательские кадры и т.д.

Формирование мультипликативных цепочек инициируется экзогенным по отношению к ним финансовым импульсом в виде внешнего воздействия на экономику, которое влияет на финансовые переменные и реальный сектор. В анализируемом случае это инвестиции в формирование элемента ресурсного потенциала региона. Инвестор вкладывает средства, закупая на них требуемые для формирования ресурсного потенциала ресурсы. Группа поставщиков данных ресурсов получает эти средства в уплату за свои поставки, формируя тем самым собственные доходы. Часть этих доходов выплачивается в виде налогов, часть сохраняется в виде сбережений, образуя финансовые оттоки из мультипликативного процесса. Оставшуюся часть доходов группа поставщиков тратит на закупку ресурсов, необходимых для функционирования и развития производства этой группы. Закупка этих ресурсов осуществляется у другой (второй) группы поставщиков. В свою очередь, вторая группа поставщиков направляет полученные средства (за вычетом доходов, налогов) на закупку ресурсов для собственных нужд у третьей группы поставщиков. Далее третья группа — у четвертой группы, четвертая группа — у пятой группы и т.д. Так формируется мультипликативная цепочка, в результате действия которой вызванный инвестициями в формирование ресурсного потенциала региона рост доходов первой группы поставщиков распространяется на их прочие группы. Следовательно, рост доходов распространяется за пределами целенаправленно развиваемого элемента ресурсного потенциала региона как на непосредственно, так и опосредованно с ним связанные элементы (рис. 1).

Распространение анализируемой мультипликативной цепочки может столкнуться с нехваткой производственных мощностей. Если эту нехватку в обозримые сроки преодолеть невозможно, цепочка мультипликатора обрывается, сокращая вели-

чину мультипликатора инвестиций анализируемой региональной экономики. Если нехватку возможно преодолеть дополнительными инвестициями в создание производственных мощностей, то цепочка мультипликатора инвестиций посредством роста дохода и спроса на этапах своего развития генерирует цепочку акселератора инвестиций (рис. 2).

Акселератор инвестиций представляет собой относительный показатель — количество единиц инвестиций, необходимое для удовлетворения единицы спроса в анализируемой экономике.

В свою очередь генерируемые инвестиции, представленные на рис. 2, формируют собственные мультипликативные цепочки, подобные цепочке, представленной на рис. 1. Каждая из этих цепочек генерирует инвестиции и т.д. Наличие оттоков из анализируемого процесса делает этот процесс в его реальном выражении затухающим. Свой вклад в это затухание вносит дефицит производственных мощностей. Таким образом формируется разветвленный набор мультипликативных цепочек, совокупность которых генерирует мультипликативный эффект.

РИСКИ МУЛЬТИПЛИКАТИВНОГО ВЛИЯНИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА

Иллюстрируемый схемами, представленными на рис. 1 и 2, механизм свидетельствует о том, что мультипликатор инвестиций является усилителем эффекта инвестиций в формирование ресурсного потенциала региона. При этом под эффектом инвестиций понимаются как увеличение регионального ресурсного потенциала, так и следующий за ним рост ВРП. Усиление эффекта инвестиций происходит за счет того, что мультипликатор инициирует рост доходов, расходов, ВРП не только в рамках целенаправленно развиваемого элемента ресурсного потенциала, но и в рамках связанных с ним элементов. В данном случае роль мультипликатора инвестиций с позиций решения задачи роста ВРП исключительно положительная.

Тем не менее мультипликативные эффекты могут создавать риски для развития ресурсного потенциала региона, под которыми понимаются вероятности снижения или меньшего в сравнении с запланированным роста ВРП в результате вложения инвестиций в формирование ресурсного потенциала региона. Данные вероятности воз-

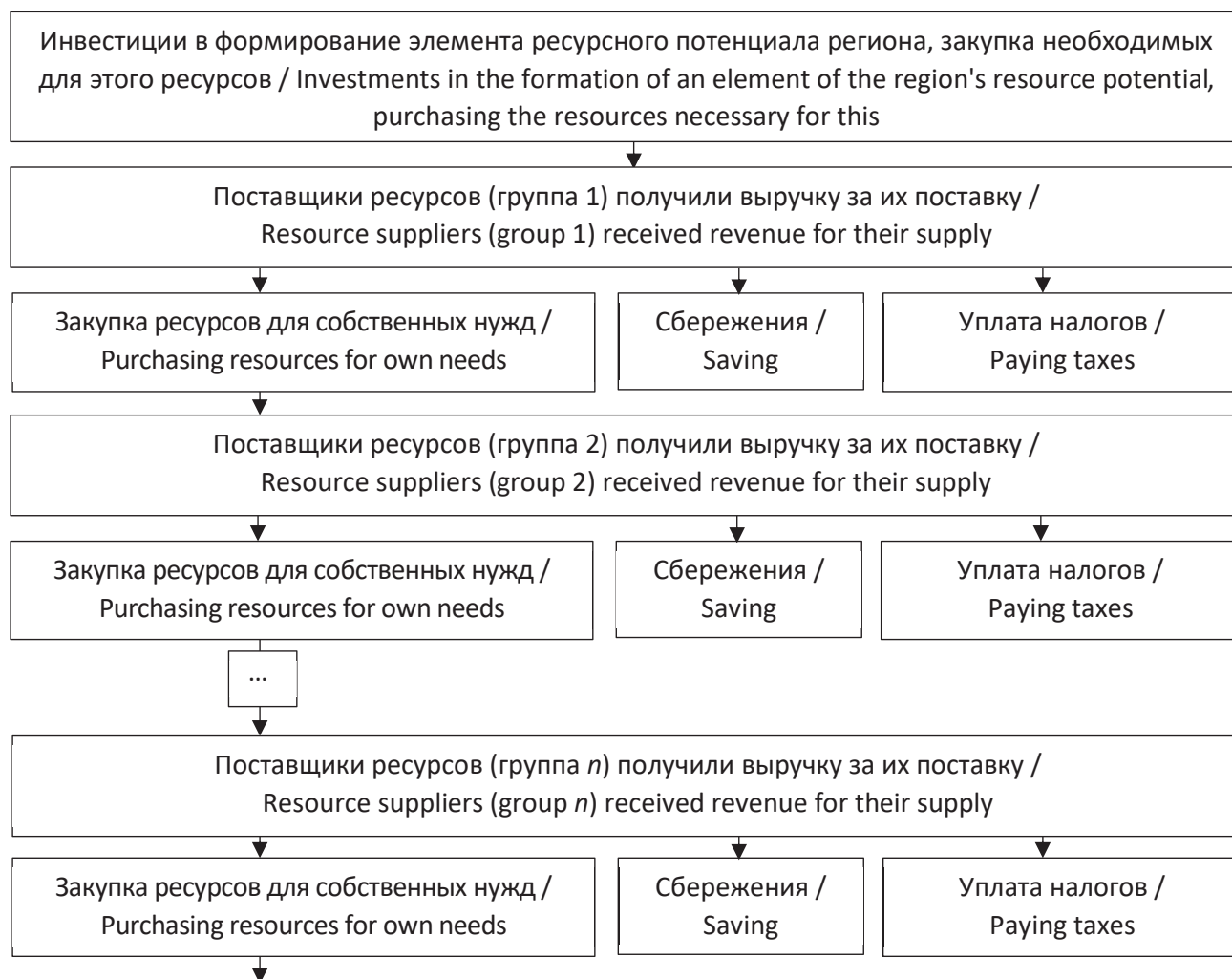

Рис. 1 / Fig. 1. Схема первой мультипликативной цепочки / Scheme of the first multiplicative chain

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

никают из-за инфляционного давления, которое мультипликативный эффект способен оказывать на процесс формирования ресурсного потенциала региона.

Инфляционное давление возникает из-за мультипликативного роста доходов у элементов ресурсного потенциала региона, связанных с его целенаправленным развитием. В результате этого роста:

- связанные элементы ресурсного потенциала увеличивают свой спрос на ресурсы, в том числе перехватывая их у целенаправленно развиваемого элемента;
- увеличивается конкуренция за ресурсы, растет их стоимость;
- дефицит ресурсов формирует риск незавершения инвестиционного проекта по развитию элемента ресурсного потенциала в срок;

- рост стоимости ресурсов формирует риск нехватки выделенных на реализацию этого инвестиционного проекта средств, что обрывает мультипликативные цепочки, сокращая значение величины регионального мультипликатора инвестиций и тем самым негативно воздействуя на динамику ВРП.

Возможна ситуация, при которой целенаправленно развиваемый элемент ресурсного потенциала успешно продолжит свое развитие, например в результате значительной поддержки за счет бюджетных средств. Но при таком развитии ситуации дефицит ресурсов и инфляция могут негативно влиять на развитие прочих элементов ресурсного потенциала региона с соответствующим сокращением величины регионального мультипликатора и падением ВРП.

Представленное в работе [16] исследование свидетельствует о том, что инфляционное давление

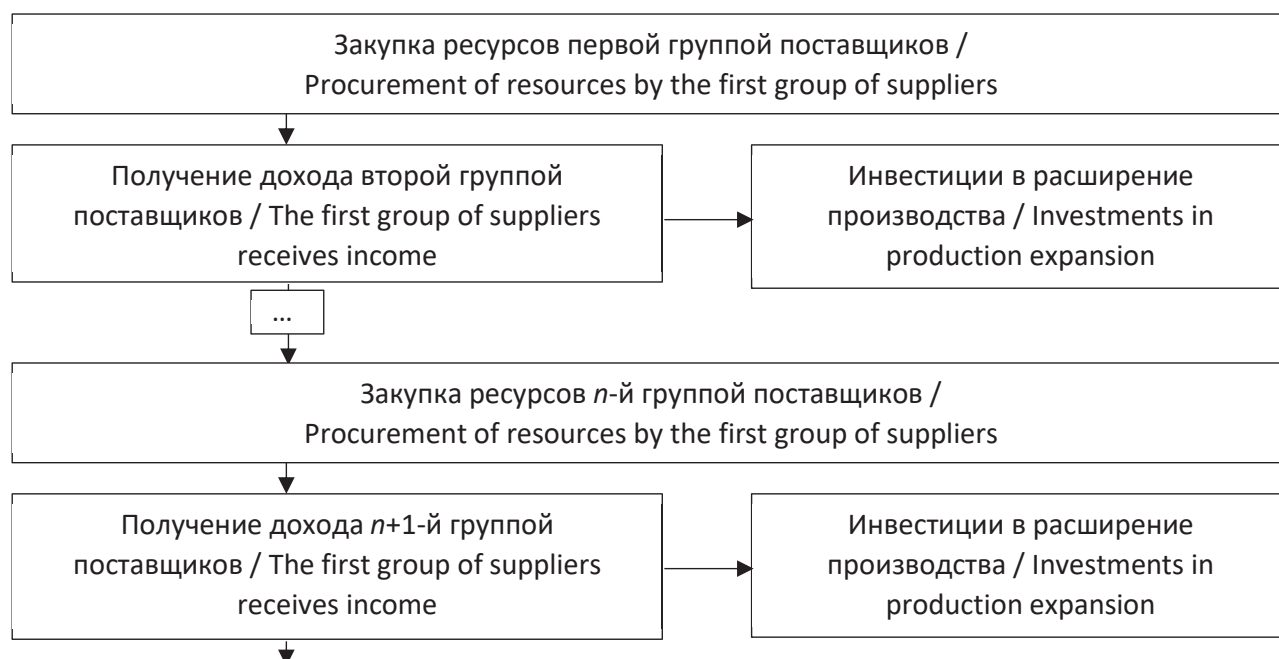

Рис. 2 / Fig. 2. Схема первой цепочки акселератора инвестиций
/ Scheme of the first chain of investment accelerator

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

меняет структуру мультипликативного процесса и способно снижать величину регионального мультипликатора инвестиций, значение которой в условиях масштабной инфляции становится отрицательным и провоцирует стагфляцию.

Таким образом, инфляционная составляющая мультипликативного процесса может приводить к снижению величины мультипликатора инвестиций и величины реального объема ВРП. При этом инвестиции в формирование одного элемента ресурсного потенциала региона могут генерировать положительные мультипликативные эффекты, приводящие к дополнительному росту мультипликатора и ВРП.

Инвестиции в формирование другого элемента ресурсного потенциала региона могут формировать негативное мультипликативное влияние на динамику его прочих элементов и, как следствие, величину мультипликатора и регионального ВРП.

Подобная ситуация может способствовать углублению региональной экономической дифференциации в случае, если инвестиции в формирование ресурсного потенциала одних регионов преимущественно вкладываются в элементы, генерирующие негативное мультипликативное влияние, а инвестиции в формирование ресурсного потенциала других регионов генерируют позитивное мультипликативное влияние.

Следовательно, отсутствие учета мультипликативных эффектов при формировании ресурсного потенциала региона генерирует риски инфляции, снижения номинального ВРП, сокращения ресурсного потенциала региона, усиления региональной экономической дифференциации.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МУЛЬТИПЛИКАТОРА ИНВЕСТИЦИЙ ДЛЯ СНИЖЕНИЯ РИСКОВ ФОРМИРОВАНИЯ РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА

Учет мультипликативных эффектов при формировании ресурсного потенциала региона, на наш взгляд, является достаточно пассивным подходом, эффективность которого не соответствует сложным современным экономическим реалиям.

Предлагается использовать мультипликатор инвестиций в качестве основы управления рисками формирования ресурсного потенциала региона (рис. 3).

Отметим, что перед реализацией инвестиционных проектов их следует проверять на соответствие существующим ресурсным ограничениям. При этом под обязательными к реализации проектами понимаются проекты, необходимость реализации которых обусловлена:

Рис. 3 / Fig. 3. Использование мультипликатора инвестиций для управления рисками формирования ресурсного потенциала региона / Using an investment multiplier to manage the risks of developing a region's resource potential

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

- решениями органов власти (как федеральной, так и региональной);
- заключенными договорами и соглашениями с инвесторами.

Реализация представленной схемы на практике позволяет формировать региональную экономическую

политику, ориентированную на отраслевое распределение инвестиций в создание ресурсного потенциала региона таким образом, чтобы это распределение минимизировало риски негативного мультипликативного влияния на процесс этого формирования. При этом для оценки влияния каждого вида регионального

производства на величину регионального мультипликатора инвестиций предлагается использование эконометрической модели следующего вида:

$$M = k_1 \times s_1 + k_2 \times s_2 + \dots + k_n \times s_n, \quad (1)$$

где M — значение мультипликатора инвестиций в национальной (региональной) экономике в анализируемом периоде времени; n — количество видов производимой продукции в национальной (региональной) экономике в анализируемом периоде времени; k_i — коэффициент, характеризующий влияние производства i -го вида продукции в национальной (региональной) экономике на величину регионального мультипликатора инвестиций в анализируемом периоде времени; s_i — доля производства i -го вида продукции в национальной (региональной) экономике в анализируемом периоде времени.

Апробация модели (1) по данным экономик Центрального федерального округа проведена в работе [17].

Инвестиции в формирование ресурсного потенциала для видов регионального производства (отраслей региональной экономики) с отрицательными значениями k_i приведут к сокращению регионального мультипликатора инвестиций и, как следствие, уменьшат значение регионального ВРП. Инвестиции в виды (отрасли) регионального производства с положительными значениями k_i приведут к росту регионального мультипликатора инвестиций и, как следствие, к росту величины регионального ВРП.

ВЫВОДЫ

Предложенный подход к использованию мультипликатора инвестиций позволит снижать ри-

ски, которые негативное мультипликативное влияние оказывает на процессы формирования ресурсного потенциала регионов и ВРП. С одной стороны, снижение рисков возможно за счет отсеивания инвестиционных проектов, оказывающих из-за их отраслевой составляющей негативное влияние на величину регионального мультипликатора. С другой стороны, снижение рисков возможно за счет компенсации негативного влияния на величину мультипликатора инвестиций одних инвестиционных проектов дополнительной реализацией других проектов с позитивным влиянием на величину мультипликатора. В таком случае оценка риска будет проводиться не с позиций определения вероятности его реализации, а с позиций прогноза величины ВРП при разных вариантах распределения инвестиций в формирование ресурсного потенциала региональной экономики и, как следствие, разных направлениях влияния этих инвестиций на величину регионального мультипликатора. Следовательно, характеристикой минимизации риска будет являться расчетное увеличение значений мультипликатора инвестиций и ВРП при корректировке распределения инвестиций в формирование ресурсного потенциала региона по сравнению со значениями этих показателей для первоначального варианта распределения инвестиций.

Предлагаемый подход позволяет формировать региональную экономическую политику, основанную на оптимизации внутрирегионального, межотраслевого распределения инвестиций.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету. Финансовый университет, Москва, Россия.

ACKNOWLEDGEMENTS

The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on a state assignment to a Financial University. Financial University, Moscow, Russia.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Межов И. С., Клецкова Е. В. Планирование роста экономики региона на основе моделирования стратегий инвестирования. *Вестник Финансового университета*. 2017;21(3):129–140.
Mezhov I. S., Kletskova E. V. Planning the growth of the regional economy based on simulation of investment strategies. *Vestnik Finansovogo universiteta = Bulletin of the Financial University*. 2017;21(3):129–140. (In Russ.).
2. Баева Н. Б., Ворогушина Д. В., Пронина Е. А. Модели и методы опережающего развития региональной экономики. *Современная экономика: проблемы и решения*. 2013;(1):169–179.

- Bayeva N.B., Vorogushina D.V., Pronina Y.A. Models and methods of outrun development of regional economy. *Sovremennaja ekonomika: problemy i reshenija* = *Modern Economics: Problems and Solutions*. 2013;(1):169–179. (In Russ.).
3. Кондратьева М.Н., Рогова Т.Н., Баландина Е.В. Сравнительная оценка и определение экономического потенциала региона. *Региональная экономика: теория и практика*. 2017;15(2):266–281. DOI: 10.24891/re.15.2.266
Kondrat'eva M.N., Rogova T.N., Balandina E.V. Comparative evaluation and determination of the economic potential of the region. *Regional'naja ekonomika: teorija i praktika* = *Regional Economics: Theory and Practice*. 2017;15(2):266–281. (In Russ.). DOI: 10.24891/re.15.2.266
4. Якушкина Т.А. Роль оценки ресурсного потенциала в развитии региона. *Вестник Брянского государственного университета*. 2012;(3):308–312.
Yakushkina T.A. Formation of regional resource management system. *Vestnik Brjanskogo gosudarstvennogo universiteta* = *The Bryansk State University Herald*. 2012;(3):308–312. (In Russ.).
5. Hausmann R., Hwang J., Rodrik D. What you export matters. *Journal of Economic Growth*. 2007;(12):1–25. DOI:10.1007/s10887-006-9009-4
6. Tacchella A., Cristelli M., Caldarelli G. et al. A New metrics for countries' fitness and products' complexity. *Scientific Reports*. 2012;723(2):1–7. DOI: 10.1038/srep00723
7. Ennin A., Wiafe E.A. The impact of mining foreign direct investment on economic growth in Ghana. *Cogent Economics & Finance*. 2023;(11):1–16. DOI: 10.1080/23322039.2023.2251800
8. Корчагин Ю.А. Человеческий капитал как фактор роста и развития или стагнации, рецессии и деградации. Монография. Воронеж: ЦИРЭ; 2016. 252 с.
Korchagin Yu.A. Human capital as a factor of growth and development or stagnation, recession and degradation. Monograph. Voronezh: CIRE; 2016. 252 p. (In Russ.).
9. Рудакова Т.А., Санникова И.Н., Рудакова О.Ю. Экономическая безопасность региона: сущность, факторы, инструменты мониторинга. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2018;14(6):1072–1091. DOI: 10.24891/ni.14.6.1072
Rudakova T.A., Sannikova I.N., Rudakova O. Ju. Regional economic security: Substance, factors, monitoring tools. *Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'* = *National Interests: Priorities and Security*. 2018;14(6):1072–1091. (In Russ.). DOI: 10.24891/ni.14.6.1072
10. Клейнер Г.Б. Мезоэкономика России: стратегия разбега. Монография. М.: Издательский дом «Научная библиотека»; 2022. 808 с.
Kleiner G.B. Meso-economics of Russia: Take-off strategy. Monograph. Moscow: Publishing house "Scientific library"; 2022. 808 p. (In Russ.).
11. García-Quevedo J., Jové-Llopis E. Environmental policies and energy efficiency investments. An industry-level analysis. *Energy Policy*. 2021;156 (27):112461. DOI: 10.1016/j.enpol.2021.112461
12. Larsen M.L., Dupuy K. Greening industry: Opportunities and challenges in electricity access for Norwegian industry firms. *Journal of Cleaner Production*. 2023;136534. DOI: 10.1016/j.jclepro.2023.136534
13. Узяков Р.М. Структурно-технологический мультипликатор как характеристика динамических свойств структуры экономики. *Проблемы прогнозирования*. 2024;202(1):54–66. DOI: 10.47711/0868-6351-202-54-66
Uzyakov R.M. A Structural-technological multiplier as a characteristic of the dynamic properties of the economic structure. *Problemy prognozirovaniya* = *Studies on Russian Economic Development*. 2024;202(1):54–66. (In Russ.). DOI: 10.1134/S 1075700724010179
14. Чернявский А.В., Чепель А.А. Оценка межотраслевых мультипликаторов на национальном и региональном уровнях на основе таблиц «затраты-выпуск». *Вопросы экономики*. 2021;(4):32–57. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-4-32-57
Cherniavsky A.V., Chepel A.A. National and regional type I and II input — output multipliers: Analysis of calculation methods. *Voprosy Ekonomiki* = *Economic issues*. 2021;(4):32–57. (In Russ.). DOI: 10.32609/0042-8736-2021-4-32-57
15. Евдокимов Д.Ю., Плескачев Ю.А., Пономарев Ю.Ю. Разработка методики аналитического построения таблиц межотраслевого баланса на уровне российских регионов. М.: Издательство РАНХИГС; 2020. 80 с.

- Evdokimov D. Yu., Pleskachev Yu.A., Ponomarev Yu. Yu. Development of a methodology for the analytical construction of input-output balance tables at the level of Russian regions. Moscow: RANEPА Publishing House; 2020. 80 p. (In Russ.).
16. Еремин В.В. Экономика предложения и инфляционный мультипликатор формирования ресурсного потенциала регионов. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление*. 2024;67(3):7–18. DOI: 10.26456/2219–1453/2024.3.007–018
Eremin V.V. Supply economics and inflation multiplier of forming regional resource potential. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Jekonomika i upravlenie = Bulletin of Tver State University. Series: Economy and Management*. 2024;67(3):7–18. (In Russ.). DOI: 10.26456/2219–1453/2024.3.007–018
17. Сильвестров С.Н., Бауэр В.П., Еремин В.В. Оценка зависимости мультипликатора инвестиций от изменения структуры экономики региона. *Экономика региона*. 2018;14(4):1463–1476. DOI: 10.17059/2018-4-31
Silvestrov S.N., Bauer V.P., Eremin V.V. Estimation of the dependence of the investment multiplier on the structure of the regional economy. *Ekonomika regiona = Economy of Regions*. 2018;14(4):1463–1476. (In Russ.). DOI: 10.17059/2018-4-31

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Владимир Владимирович Еремин — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра мониторинга и оценки экономической безопасности Института экономической политики и проблем экономической безопасности факультета экономики и бизнеса, Финансовый университет, Москва, Россия
Vladimir V. Eremin — Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher at the Center for Monitoring and Assessment of Economic Security, Institute of Economic Policy and Economic Security Problems, Faculty of Economics and Business, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-2144-3543>
villy.eremin@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 15.01.2025; принята к публикации 25.03.2025.
The article was received 15.01.2025; accepted for publication 25.03.2025.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-129-137

УДК 338.24(045)

JEL F63, F64, Q2, Q3, Q4, Q5

Международная повестка декарбонизации экономики: взгляд и ответ России

А.А. Прудникова

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования — процесс декарбонизации мировой экономики как главный тренд глобального развития XXI в. *Цели работы* — оценка перспектив низкоуглеродной модели развития экономики, установление факторов, влияющих на ее развитие в России. В статье проанализированы глобальные перспективы декарбонизации экономики, особенно — низкоуглеродного развития России. Установлен объем общих выбросов парниковых газов по отдельным странам в 2022–2023 гг. Спрогнозировано, что после небольшого увеличения в 2024 г. до рекордно высокого уровня мировой спрос на уголь — крупнейший источник выбросов углекислого газа после сжигания — стабилизируется до 2027 г. Приведены три сценария развития энергетики: «Все как встарь», «Чистый ноль», «Рациональный технологический выбор». Установлены основные направления противодействия негативным последствиям изменения климата в деятельности крупнейших компаний мира: применение возобновляемых источников энергии, повышение энергоэффективности, внедрение механизмов ценообразования на углерод и инвестирование в технологии улавливания углерода, электрификация транспорта.

Результаты исследования показали, что декарбонизация экономики является важной задачей для предприятий и общества, так как она выполняет глобальную роль в смягчении последствий изменения климата, обеспечивая устойчивое развитие и стабильность государства. *Сделаны выводы* о необходимости перехода России к низкоуглеродной экономике и политике противодействия использованию климатической повестки в борьбе за мировые рынки энергоресурсов.

Ключевые слова: низкоуглеродная экономика; выбросы парниковых газов; декарбонизация экономики; возобновляемые источники энергии; зеленые инвестиции; энергоэффективность.

Для цитирования: Прудникова А.А. Международная повестка декарбонизации экономики: взгляд и ответ России. *Экономика. Налоги. Право.* 2025;18(2):129-137. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-129-137

ORIGINAL PAPER

The International Economic Decarbonization Agenda: Russia's View and Response

A.A. Prudnikova

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The subject of the research is the process of decarbonization of the world economy as the main trend of global development in the 21st century. *The objectives of the work* are to assess the prospects of the low – carbon model of economic development, as well as to identify the factors influencing its development in Russia. The article analyzes the global prospects of decarbonization of the economy, the features of low-carbon development in Russia. The volume of total greenhouse gas emissions for individual countries in 2022–2023 has been set. It is projected that after a slight increase in 2024. Global demand for coal, the largest source of carbon dioxide emissions after combustion, will stabilize to a record high by 2027. Three scenarios of energy development are given: “Everything is as it was before”, “Net zero”, “Rational technological choice”. The main directions of countering the negative effects of climate change in the activities of the world's largest companies have been identified: the use of renewable energy sources, improving energy efficiency, introducing carbon pricing mechanisms and investing in carbon capture technologies, and electrification of transport.

The results of the study showed that decarbonization of the economy is an important task for enterprises and society, as it performs a global role in mitigating the effects of climate change, while ensuring sustainable development and stability of the

© Прудникова А.А., 2025

state. *Conclusions are drawn* about the need for Russia's transition to a low-carbon economy and countering the use of the climate agenda in the struggle for global energy markets.

Keywords: low-carbon economy; greenhouse gas emissions; decarbonization of the economy; renewable energy; green investments; energy efficiency

For citation: Prudnikova A.A. The international economic decarbonization agenda: Russia's view and response. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(2):129-137. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-129-137

ВВЕДЕНИЕ

Необходимость декарбонизации экономики является важной государственной задачей вследствие того, что она выполняет глобальную роль в смягчении последствий изменения климата на Земле и обеспечивает устойчивое развитие и стабильность организаций и предприятий благодаря уже сточению как административных, так и рыночных инструментов экономического механизма природопользования. Несмотря на то что многие страны провозгласили своей основной целью обретение углеродно-нейтрального статуса к 2050–2060 гг. и ранее, переход к низкоуглеродной экономике согласно современным исследованиям требует масштабного увеличения инвестиций в новые технологии и кардинальных изменений в таких секторах экономики, как энергетика, промышленность, строительство, транспорт, сельское и лесное хозяйства. Достижение поставленной цели неминуемо приведет к глобальным сдвигам в мировой экономике и повлияет на состояние национальных экономик различных государств, в том числе России, которая, обладая огромным потенциалом роста безуглеродных источников энергии, значительными лесными и земельными ресурсами, может внести существенный вклад в международную повестку декарбонизации.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Все более очевидными для человечества становятся последствия изменения климата. Согласно оценкам ООН даже разница в полградуса между 1,5 и 2 градусами Цельсия¹ может нанести необратимый ущерб экосистемам. Например, вырубка тропических лесов Амазонки и превращение освободившихся земель в пастбищные ландшафты, загрязнение Мирового океана, приводящее к нарушению существования экосистем, исчезновение биоразнообразия, вымирание флоры и фауны обусловят в конечном счете сокращение объема продовольствия для населения. В результате подоб-

ных воздействий на природную среду сотни миллионов людей будут вынуждены покинуть свои родные земли из-за гибели посевов и домашних животных. С 2019 г. совокупное влияние COVID-19, потрясений, связанных с климатом и социальным неравенством людей, привели к тому, что 23 млн человек оказались в крайней нищете, а более 100 млн голодали².

Основной причиной происходящих на планете климатических изменений является чрезмерное увеличение выбросов парниковых газов, в том числе углекислого газа (CO₂), в атмосферу Земли. Многие экономисты объясняют данный фактор развитием «коричневой» экономики с высоким уровнем выбросов углерода, ориентированной на экономическую эффективность и экономический рост, в условиях, при которых экономика напрямую зависит от ископаемого топлива. При этом не учитываются негативные внешние эффекты, возникающие в природе и воздействующие на производство и потребление [1; 2]. Понятие «зеленой» экономики, основанной на принципиально новых моделях использования природных ресурсов, обеспечивающих минимальное воздействие на окружающую среду, часто используется в научных исследованиях как антоним понятию «коричневой» экономики [3; 4].

В настоящее время достигнут международный консенсус относительно необходимости развития «зеленой» экономики как в рамках национальных экономик, так и на международном уровне. Понятия низкоуглеродной модели экономики, основанной на низкоуглеродных источниках энергии, имеющих минимальный объем эмиссии парниковых газов в атмосферу, и декарбонизации, под которой понимается комплекс мероприятий по снижению объемов выбросов парниковых газов в атмосферу, стали активно применяться при разработке стратегий, программ, направленных на снижение выбросов углекислого газа (CO₂) и других парниковых газов (H₂O, CH₄, N₂O) на единицу ВВП, а также на

¹ URL: <https://ecowiki.ru/articles/2-gradusa-do-ada>.

² ООН. Доклад «Цели в области устойчивого развития». URL: <https://unstats.un.org/sdgs/report/2024/The-Sustainable-Development-Goals-Report-2024.pdf>

повышение энергоэффективности, развитие рынка возобновляемых источников энергии (далее — ВИЭ).

В настоящее время подавляющее большинство участников Парижского соглашения, принятого в 2015 г. в рамках Рамочной конвенции ООН об изменении климата, регулирующих меры по снижению содержания углекислого газа в атмосфере с 2020 г., одобрило цели по сокращению выбросов парниковых газов. При этом 95 государств обязались сократить выбросы CO₂ до нуля.

В 2025 г. участники Парижского соглашения представят новые климатические цели на 2035 г., определяемые согласно национальным планам действий по климату (*Nationally Determined Contribution — NDC*), и ожидается, что они будут согласованы с долгосрочными стратегиями стран, укрепят национальную экономику, повысят продовольственную безопасность, поддержат занятость населения.

В настоящее время имеющихся в странах инструментов политики смягчения последствий изменения климата недостаточно для того, чтобы соответствовать текущим *NDC*. Согласно прогнозам действующие в настоящее время меры по уменьшению изменения климата приведут к тому, что глобальные выбросы парниковых газов будут в 2035 г. на 36% выше уровня, соответствующего ограничению потепления на 2 °C, и на 55% больше уровня, соответствующего ограничению потепления на 1,5 °C.

Правительства ряда стран разработали подходы к смягчению последствий изменения климата. В США в 2022 г. был принят Закон о снижении инфляции (*The Inflation Reduction Act — IRA*), направленный на расширение инвестиций, программ и стимулов для ускорения перехода к экологически чистой энергии³. В ЕС в 2024 г. принят Закон о промышленности с нулевым уровнем выбросов парниковых газов (*The Net-Zero Industry Act — NZIA*).

Правительства государств продолжают поддерживать декарбонизацию транспортных средств и энергетического сектора экономики посредством поэтапного отказа от двигателей внутреннего сгорания и ограничения нового производства электроэнергии на ископаемом топливе. В настоящее время 24 страны установили стандарты транспортных средств с нулевым уровнем выбросов.

В 2023 г. в ЕС принят закон, согласно которому начиная с 2035 г. разрешена только продажа новых

автомобилей и фургонов, которые имеют нулевой выброс CO₂. В этом же году был принят механизм ЕС по корректировке границ выбросов углерода (*Carbon Border Adjustment Mechanism — CBAM*), основанный на взимании климатических налогов с определенных углеродоемких товаров.

Финансовый сектор начинает играть позитивную роль в стимулировании декарбонизации, активно развивая такие инструменты финансирования, как «зеленые» облигации, «зеленые» фонды, льготные тарифы, налоги и кредиты и др. [5; 6]. Отметим, что быстрое увеличение финансирования, необходимое для низкоуглеродного развития, может быть обеспечено только благодаря использованию всех источников финансирования в нужном масштабе и по доступным ценам.

Важными частями мер, направленных на достижение целей Парижского соглашения и поддержку модели низкоуглеродного развития, являются создание международных рынков углеродных кредитов и разработка и внедрение цен на выбросы углерода во всем мире.

Участвуя в процессе декарбонизации, государства не только решают задачи защиты окружающей среды, но и повышают конкурентоспособность своей продукции на международном рынке.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ДЕКАРБОНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Вследствие роста выбросов парниковых газов мировое сообщество сталкивается с риском превышения порога повышения температуры на 1,5 °C, имеющего большие климатические последствия.

Глобальные выбросы парниковых газов достигли в 2023 г. рекордных 57,1 млрд метрических тонн эквивалента диоксида углерода (далее — ГтCO₂экв), что на 1,3% больше, чем в 2022 г. В глобальном масштабе энергетический сектор продолжал оставаться крупнейшим мировым источником выбросов парниковых газов (15,1 ГтCO₂экв), за ним следовали транспорт (8,4 ГтCO₂экв), сельское хозяйство (6,5 ГтCO₂экв) и промышленность (6,5 ГтCO₂экв)⁴.

Выбросы парниковых газов у членов «Большой двадцатки» также увеличились в 2023 г. и составили 77% глобальных выбросов парниковых газов. Если к общему числу членов «Большой двадцатки» добавить всех членов Африканского союза, объединяю-

³ URL: <https://www.epa.gov/green-power-markets/summary-inflation-reduction-act-provisions-related-renewable-energy>.

⁴ UNEP (2024). Emissions Gap Report 2024. URL: <https://www.unep.org/resources/emissions-gap-report-2024>

щего 55 государств Африки, общий объем выбросов парниковых газов увеличится до 82%. На долю шести крупнейших источников выбросов парниковых газов (Китай — 30,1%, США — 11,3%, Индия — 7,8%, ЕС — 6,1%, Россия — 5%, Бразилия — 2,5%) пришлось 63% мировых выбросов парниковых газов, а на долю наименее развитых стран — лишь 3% (см. таблицу).

Климатическая политика в течение многих лет не приводила к сокращению глобальных выбросов парниковых газов, вынуждая производителей ископаемого топлива ускорять краткосрочную добычу ресурсов. В 2023 г. мировое сообщество оказалось в «климатическом парадоксе»⁵.

Уголь является одним из самых «грязных» ископаемых по сравнению с другими видами ископаемого топлива. Большая часть выбросов парниковых газов в мировом энергетическом секторе приходится на угольные электростанции (70%). Их объем существенно возрастает в таких странах, как Китай и Индия, активно потребляющих уголь в своих энергосистемах и промышленности (более чем на 90%). Фактически угольные электростанции выбрасывают 20% глобальных парниковых газов. Международным энергетическим агентством прогнозируется, что после небольшого увеличения в 2024 г. до рекордно высокого уровня мировой спрос на уголь, скорее всего, стабилизируется до 2027 г.⁶

Нефть используется во многих секторах мировой экономики, являясь универсальным традиционным ископаемым ресурсом. Согласно данным Международного энергетического агентства в 2023 г. потребление нефти выросло и достигло 102,8 млн баррелей в день. Ожидается, что это количество продолжит увеличиваться в течение следующих лет, однако неравномерно во всех секторах экономики и регионах, например автомобильный транспорт снизит потребление нефти из-за роста количества электромобилей, а в промышленном производстве ее потребление уменьшится

вследствие использования более эффективных технологий⁷.

В 2023 г. мировой спрос на природный газ был ниже уровня 2021 г. На потребление газа в мире в 2023 г. оказали давление такие факторы, как экстремально мягкие погодные условия, уменьшение спроса на газ в промышленности, торговые ограничения, развитие атомной генерации (во Франции, Японии, Южной Корее).

Для противодействия негативным последствиям изменения климата многие крупнейшие компании мира перешли к внедрению стратегий декарбонизации. Основными направлениями таких стратегий являются использование ВИЭ, повышение энергоэффективности, инвестирование в технологии улавливания углерода и т.д.

В настоящее время большинство технологий для ВИЭ являются коммерчески доступными из-за снижения стоимости возобновляемых технологий. Так, в 2023 г. 87% новых добавленных электроэнергетических мощностей в мире были возобновляемыми по сравнению с 53% в 2013 г. В 2024 г. глобальная мощность ВИЭ выросла примерно на 20% по сравнению с 2023 г. Новые мощности были сконцентрированы в Китае, ЕС и США, на долю которых в совокупности пришлось 83% новых мощностей. К началу 2025 г. ожидалось, что производство электроэнергии из возобновляемых источников, включая гидроэлектроэнергию, обгонит использование угля в качестве крупнейшего в мире источника электроэнергии. В глобальном масштабе ежегодные приросты мощности возобновляемой энергии должны будут достичь в среднем 1 066 ГВт в год в период 2023–2050 гг. в сценарии уменьшения глобального потепления на 1,5 °C⁸.

Возможно, ни один сектор мировой экономики не нуждается в более согласованных усилиях по глубокой декарбонизации, чем промышленность, которая включает такие энергоемкие отрасли, как химическая, металлургическая, цементная и алюминиевая. Тем не менее промышленность долгое время считалась трудно поддающейся декарбонизации и в основном была защищена от жесткой энергети-

⁵ Снижение темпов роста мировой температуры, зафиксированное в ходе последних 15 лет, не является признаком затишья в глобальном потеплении. На самом деле оно связано с охлаждением тропической, экваториальной части Тихого океана. Температура поверхностных вод в тропической части Тихого океана, несмотря на антропогенный характер глобального потепления, является ключевым фактором, вызывавшим снижение темпов роста мировой температуры.

⁶ IEA (2024). Coal 2024. URL: <https://www.iea.org/reports/coal-2024>.

⁷ IEA (2023). Growth in global oil demand is set to slow significantly by 2028. URL: <https://www.iea.org/news/growth-in-global-oil-demand-is-set-to-slow-significantly-by-2028>.

⁸ IRENA (2024). Tracking COP28 outcomes: Tripling renewable power capacity by 2030. URL: https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Publication/2024/Mar/IRENA_Tracking_COP28_outcomes_2024.pdf.

Таблица / Table

Общие выбросы парниковых газов по странам (2022–2023 гг.) и исторические выбросы в отдельных странах и регионах / Total greenhouse gas emissions by country (2022–2023) and historical emissions in selected countries and regions

Источники выбросов парниковых газов / Sources of greenhouse gas emissions	Общие выбросы в 2023 г. / Total emissions in 2023	Изменение общих выбросов в 2022–2023 гг. / Change in total emissions in 2022–2023	Выбросы на душу населения в 2023 г. / Per capita emissions in 2023	Исторические выбросы CO ₂ 1850–2022 / Historical CO ₂ emissions 1850–2022
	ГтCO ₂ экв. (% от общего количества / % of the total)	%	ГтCO ₂ экв./на душу населения / per capita	ГтCO ₂ (% от общего количества / % of the total)
Китай / China	16 000 (30)	+5,2	11	300 (12)
США / USA	5970 (11)	–1,4	18	527 (20)
Индия / India	4140 (8)	+6,1	2,9	83 (3)
ЕС (27 членов) / EU (27 members)	3230 (6)	–7,5	7,3	301(12)
Россия / Russia	2660 (5)	+2	19	180 (7)
Бразилия / Brazil	1300 (2)	+0,1	6,0	119 (5)
Африканский Союз (55 членов) / African Union (55 members)	3190 (6)	+0,7	2,2	174 (7)
Наименее развитые страны (46 стран) / Least developed countries (46 countries)	1720 (3)	+1,2	1,5	114 (4)
G20 (кроме Африканского Союза) / G20 (except the African Union)	40 900 (77)	+1,8	8,3	1990 (77)

Источник / Source: URL: <https://www.unep.org/emissions-gap-report-2024>.

Примечание / Note: в скобках указано место в общем количестве стран / place in parentheses in the total number of countries.

ческой и климатической политики из-за опасений по поводу потенциальной потери рабочих мест, национальной конкурентоспособности и утечки углерода. Сценарии промышленной декарбонизации часто предусматривают улавливание и хранение углерода (*carbon capture and storage — CCS*) и переход на водородное топливо как потенциальные варианты с нулевым выбросом парниковых газов, но эти технологии слишком дороги для отдельных компаний и конкретных отраслей. В то же время

современные технологии производства водорода еще достаточно углеродоемки, а использование водорода требует новых технологических разработок и стандартов.

Достижение большего прогресса в декарбонизации транспорта является важнейшей целью климатической политики стран, так как на транспорт приходится более 20% мировых выбросов парниковых газов и 60% потребления нефти. Многие низкоуглеродные транспортные решения, такие

как электромобили и автомобили на водородном топливе, напрямую или косвенно зависят от поставок электроэнергии.

ОСОБЕННОСТИ НИЗКОУГЛЕРОДНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

В России международная повестка декарбонизации имеет существенное значение. Российская Федерация, так же как мировое сообщество, активно поддерживая меры по сокращению выбросов парниковых газов, переходит к низкоуглеродной экономике, предпринимает меры по уменьшению углеродного следа для энергоемких товаров, реализуемых на внешнем рынке, которые могут приводить к появлению дополнительных вызовов для экономики страны [7; 8]. Согласно оценкам экспертов устойчивое снижение спроса на углеводороды возможно за пределами 2035 г., поэтому в долгосрочной перспективе декарбонизация для России может стать важным механизмом перехода на новую низкоуглеродную модель развития и будет способствовать уменьшению зависимости отечественной экономики от турбулентной мировой экономики.

Российская Федерация обязуется сократить выбросы парниковых газов на уровне 70% от показателя 1990 г. к 2030 г. и выйти на углеродно-нейтральный путь развития к 2060 г.^{9,10}

В последнее десятилетие в России активизировалось принятие нормативно-правовых документов, соответствующих повестке «зеленой» экономики и модели низкоуглеродного развития. Принят ряд законов и нормативных актов, позволяющих регулировать процесс перехода к модели низкоуглеродной экономики и развивать инфраструктуру для климатических проектов. В 2021 г. утверждена Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 г.¹¹ В 2023 г. обновлена Климатическая доктрина Российской Федерации, где поставлена ключевая цель климатической политики страны — достижение с учетом национальных интересов и приоритетов социально-экономиче-

ского развития не позднее 2060 г. баланса между антропогенными выбросами парниковых газов и их поглощением¹². На стадии проекта находится Энергетическая стратегия России до 2050 г., основными задачами которой являются создание собственных материалов, оборудования и технологий; эффективное освоение ресурсов; подготовка производственных кадров¹³. В рамках этой стратегии предложено принятие мер, снижающих негативное воздействие на окружающую среду по таким направлениям, как экология, климатическое поведение, уменьшение выбросов парниковых газов, обеспечение энергоэффективности и т.д.

Как показано на *рисунке*, в России энергетический сектор является основным источником выбросов парниковых газов (1613,3 млн тонн эквивалента CO₂).

С одной стороны, декарбонизация в России значительно отстает от лучшей мировой практики, барьером к развитию которой выступают санкционные механизмы, ограничивающие доступ к значительной части «зеленых» технологий в самых различных секторах экономики. *С другой стороны*, в стране уже сегодня доля источников энергии с низким углеродным следом составляет 85% энергетического баланса (ГЭС, АЭС, ВИЭ). При этом на такой «грязный» с точки зрения углеродного следа вид топлива, как уголь, приходится всего 12% энергетического баланса.

Для сравнения: в США использование угля составляет 19% от общего объема потребления топлива, в Германии — 23%, в Китае — 63%, в Индии — 72%, а в целом по миру — 35%¹⁴.

Немаловажную роль в стремлении к углеродной нейтральности играет развитие гидроэнергетики. Россия занимает 2-е место в мире после КНР по суммарному потенциалу гидроэнергетики. На сегодняшний день в России ГЭС обеспечивают 18% потребностей в электроэнергии, имеются около 200 гидроэлектростанций, которые вырабатывают более 52 ГВт. Планируется увеличение доли гидроэнергетики в общем балансе вырабатываемой электроэнергии до 20%, в связи с этим запланировано строительство восьми ГЭС в регионах Сибири

¹² URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407782529>.

¹³ URL: <https://minenergo.gov.ru/press-center/news-and-events?news-item=v-minenergo-pod-predsedatelstvom-sergeya-tsivileva-22-noyabrya-sostoyalos-obsuzhdenie-proekta-energo>.

¹⁴ URL: <https://oilcapital.ru/news/2024-07-12/novak-nizkouglerodnye-istochniki-energii-sostavlyayut-85-energobalansa-rf-5137080>.

⁹ Постановление Правительства РФ от 21.09.2019 № 1228 «О принятии Парижского соглашения» URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201909240028>.

¹⁰ Указ Президента Российской Федерации от 04.11.2020 № 666 «О сокращении выбросов парниковых газов».

¹¹ URL: <http://static.government.ru/media/files/ADKkCzp3fWO32e2yA0BhtlpyzWfHaiUa.pdf>.

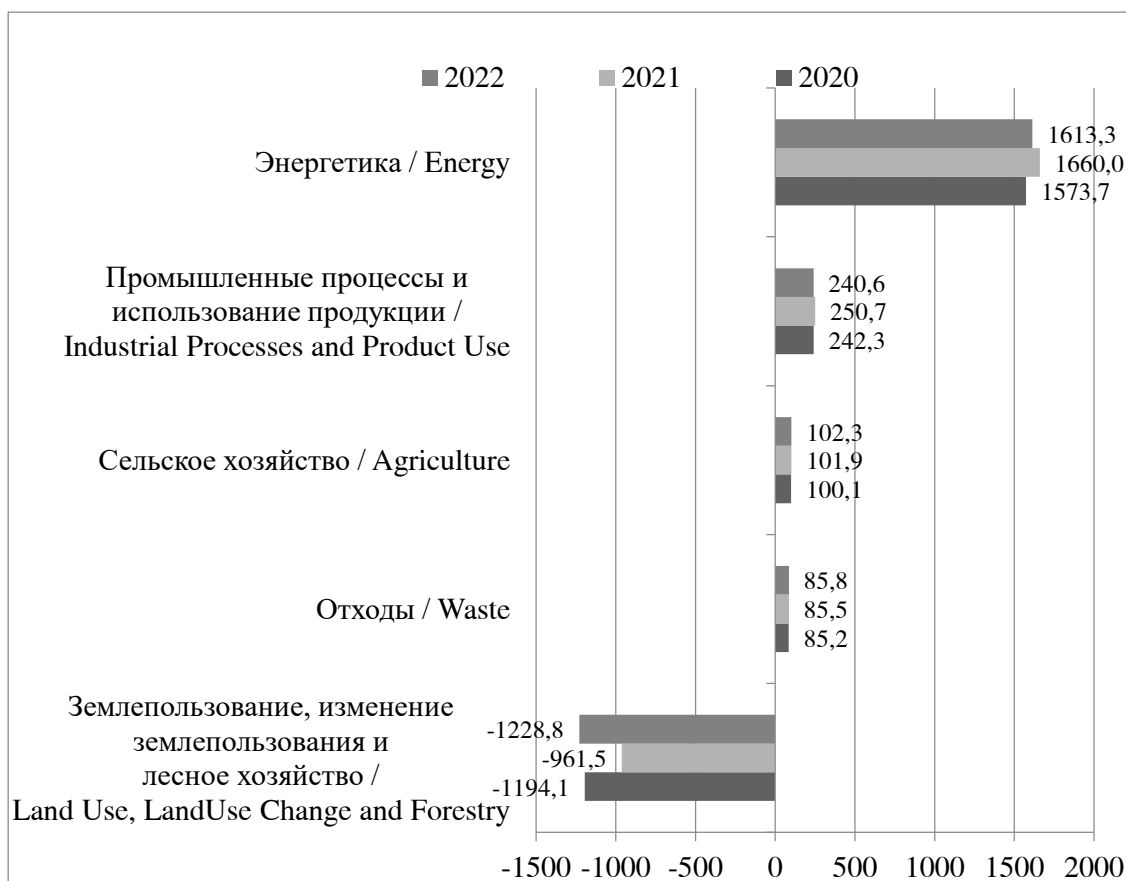

Рис. / Fig. Динамика выбросов парниковых газов в России по секторам, 2020–2022 гг. (в млн тонн эквивалента CO₂) / The dynamics of greenhouse gas emissions in Russia by sectors, 2020–2022 (in million tons. of CO₂ equivalent)

Источник / Source: составлено автором на основе Первого двухгодичного доклада Российской Федерации по вопросам транспарентности (2024) / compiled by the author based on the source The first biennial report of the Russian Federation on transparency issues (2024). URL: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/1BTR_RUS.pdf.

и Дальнего Востока с суммарным объемом выработки электроэнергии 4,7 ГВт.

Атомная энергетика является важным направлением на пути к декарбонизации в России. Кроме этого, прогнозируется, что спрос на чистую атомную энергию со стороны развивающихся стран будет увеличиваться, что обеспечит лидерство России в строительстве новых АЭС. В области малой атомной генерации Российская Федерация уже сегодня является абсолютным лидером.

За последние десять лет при поддержке Правительства РФ в стране была создана отрасль возобновляемой энергетики. В рамках программы по стимулированию перехода к ВИЭ с 2009 г. были внедрены новые производственные мощности, возросло число источников генерации на основе ВИЭ, и сегодня вся совокупная мощность энергии, полу-

чаемой из ВИЭ, составляет более 6 ГВт. В структуре установленной мощности ВИЭ лидируют ветровые и солнечные электростанции (на них приходится по 2,6 и 2,3 ГВт мощности соответственно) и малые гидроэлектростанции мощностью до 50 МВт (1,3 ГВт). При этом Россия в области строительства и эксплуатации малых гидроэлектростанций обладает полным технологическим суверенитетом. На фоне этих достижений было принято решение о продлении программы поддержки отрасли ВИЭ после 2024 г. Прогнозируется, что к 2035 г. будут введены в эксплуатацию дополнительно 15 ГВт мощностей ВИЭ.

В соответствии с федеральным проектом «Чистая энергетика», в котором утверждены показатели поддержки производства и экспорта энергетического водорода, в 2023 г. была разработана и утверждена

дорожная карта «Развитие водородной энергетики» на период до 2030 г., согласно которой запланирован рост производства низкоуглеродного водорода до 550 тыс. тонн в год, причем практически весь его объем планируется направлять на внутреннее потребление¹⁵.

Вероятная траектория развития мировой энергетики, разработанная Минэнерго России, включает три сценария: «Все как встарь» (далее — ВКВ), «Чистый ноль» (далее — ЧН), «Рациональный технологический выбор» (далее — РТВ). По оценкам исследователей инерционный сценарий ВКВ будет тормозить развитие экономики страны, декарбонизацию, приведет к росту выбросов парниковых газов. Согласно сценариям РТВ и ЧН российская экономика тратит на декарбонизацию примерно 2 или 3% ВВП. Оценка показала, что, если вкладывать 2% ВВП, используя эффективные и наименее дорогие способы снижения выбросов, реалистичными становятся темпы экономического роста в 3% ВВП и достижение к 2060 г. углеродной нейтральности. Для выполнения сценария ЧН потребуются значительные финансовые ресурсы, а потери темпов экономического роста могут достигать однопроцентного пункта, что делает данный вариант не эффективным для России¹⁶.

¹⁵ URL: https://rreda.ru/upload/iblock/c86/ck53fh9u065blilscovlumnq02gqvkcx/202408_RREDA_annual_RES_report.pdf.

¹⁶ РЭА Минэнерго России представило сценарии развития мировой энергетики до 2050 г. (2024) <https://rosenergo.gov.ru/press-center/news/rea-minenergo-rossii-predstavilo-stsenarii-razvitiya-mirovoy-energetiki-do-2050-goda>.

ВЫВОДЫ

Развитие модели низкоуглеродного развития экономики России, которая отвечает национальным интересам страны, обеспечивая технологический суверенитет и качество жизни, требует разработки приоритетов воздействия и системных изменений посредством применения взвешенного и конструктивного подхода к вопросам декарбонизации. В условиях санкционного давления необходимы разработка новых технологий, принятие цифровых решений, использование новых материалов и оборудования, расширяющих возможности компаний в применении возобновляемых источников энергии. Такой подход требует не только увеличения масштабов инвестиций в «зеленые» технологии, но и обеспечения их доступности и прозрачности для получения значимых результатов. Кроме того, климатическая политика страны должна быть основана на принципах справедливости и инклюзивности, гарантируя справедливое распределение ресурсов, признание исторической ответственности и участие различных заинтересованных сторон в процессе принятия решений. Российская Федерация выступает за недопустимость использования климатической повестки в качестве инструмента давления на страны с целью получения конкурентного преимущества в борьбе за мировые рынки энергоресурсов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Третьяк В.В. Инклюзивная «зеленая» экономика в контексте обеспечения экономической безопасности. *Ученые записки Международного банковского института*. 2020;31(1):124–135.
2. Рогатных Е.Б. Зеленая экономика и ее влияние на экономическое развитие в XXI веке. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2022;3(3):18–32. DOI: 10.24412/2072-8042-2022-3-18-32
3. Коданева С.И. От «коричневой экономики» — к «зеленой». Российский и зарубежный опыт. *Россия и современный мир*. 2020;106(1):46–66. DOI: 10.31249/rsm/2020.01.03
4. Прудникова А.А. «Зеленая экономика» как драйвер устойчивого развития. *Экономика и математические методы*. 2020; 56(2):32–39. DOI: 10.31857/S 042473880009220–1
5. Прудникова А.А. Зеленое финансирование для достижения целей устойчивого развития: современное состояние и перспективы. *Экономика. Налоги. Право*. 2023;16(3):16–23. DOI: 10.26794/1999–849X-2023-16-3-16-23
6. Гончаренко Л.И., Заворыкин А.А. Фискальные инструменты достижения целей устойчивого развития в ЭКГ координатах: опыт России и зарубежных государств. *Инновационное развитие экономики*. 2023;78(6):54–63.
7. Porfiriev B.N. Strategies for socioeconomic development with low greenhouse gas emissions: Scenarios and realities for Russia. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2022;92;3(3):230–238. DOI: 10.1134/s1019331622030030
8. Адвокатова А.С., Гончаренко Л.И., Заворыкин А.А. Российский опыт применения экологических платежей в контексте фискального регулирования вовлеченности бизнеса в процессы ESG. *Налоги и налогообложение*. 2024;(4):30–49.

REFERENCES

1. Tretyak V.V. Inclusive “green” economy in the context of ensuring economic security. *Uchenye zapiski Mezhdunarodnogo bankovskogo institute = Scientific notes of the International Banking Institute*. 2020;31(1):124–135. (In Russ.).
2. Rogatnykh E.B. Green economy and its impact on economic development in the 21st century. *Rossiiskij vneshneekonomicheskij vestnik = Russian Foreign Economic Bulletin*. 2022;(3):18–32. (In Russ.). DOI: 10.24412/2072-8042-2022-3-18-32
3. Kodaneva S.I. From the “brown economy” to the “green” one. Russian and foreign experience. *Rossiya i sovremennyy mir = Russia and the modern world*. 2020;106(1):46–66. (In Russ.). DOI: 10.31249rsm/2020.01.03
4. Prudnikova A.A. “Green Economy” as a driver of sustainable development. *Ekonomika i matematicheskie metody = Economics and Mathematical Methods*. 2020;56(2):32–39. (In Russ.). DOI: 10.31857/S 042473880009220
5. Prudnikova A.A. Green financing for achieving sustainable development goals: Current state and prospects. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2023;16(3):16–23. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-3-16-23
6. Goncharenko L.I., Zavorykin A.A. Fiscal instruments for achieving sustainable development goals in ECG coordinates: Experience of Russia and foreign countries. *Innovacionnoe razvitie ekonomiki = Innovative development of the economy*. 2023;78(6):54–63. (In Russ.).
7. Porfiriev B.N. Strategies for socioeconomic development with low greenhouse gas emissions: Scenarios and realities for Russia. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2022;92(3):230–238. DOI: 10.1134/s1019331622030030
8. Advokatova A.S., Goncharenko L.I., Zavorykin A.A. Russian experience of applying environmental payments in the context of fiscal regulation of business involvement in ESG processes. *Nalogi i nalogoblozhenie = Taxes and taxation*. 2024;(4):30–49. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Анна Анатольевна Прудникова — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры мировой экономики и международного бизнеса, Финансовый университет, Москва, Россия

Anna A. Prudnikova — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. of the Chair of World Economy and International Business, Financial University, Moscow, Russia

<http://orcid.org/0000-0002-5595-2303>

AAPrudnikova@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 07.01.2025; принята к публикации 11.03.2025.

The article was received 07.01.2025; accepted for publication 11.03.2025.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The author read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-138-147
УДК 336.228(045)
JEL H20, H29

Сущностные характеристики налогового комплаенса в рамках организации взаимодействия налоговых органов и налогоплательщиков

М.С. Ишина

Институт государственной службы и управления Президентской академии РАНХиГС, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Актуальность статьи обусловливается необходимостью исследования сущностных характеристик, становления и развития налогового комплаенса в рамках процесса совершенствования организации взаимодействия налоговых органов и налогоплательщиков для определения его соподчиненности и ролевой функции. *Предмет исследования* – налоговый комплаенс как элемент организации взаимодействия налоговых органов и налогоплательщиков. *Цель работы* – совершенствование организационных основ взаимодействия налоговых органов и налогоплательщиков. В статье выявлены факторы, которые оказывают негативное влияние на организацию взаимодействия налоговых органов и налогоплательщиков; исследована эволюция моделей организации взаимодействия; определены ключевые инструменты, присущие каждой модели взаимодействия налоговых органов и налогоплательщиков; рассмотрены и критически оценены подходы к понятию и термину «налоговый комплаенс» в российской и зарубежной практике; выявлены сущностные характеристики налогового комплаенса. *Сделаны выводы* о необходимости избавления от узкого, формального подхода к налоговому комплаенсу как функции управления налоговыми рисками.

Ключевые слова: модель взаимодействия; налоговое администрирование; налоговый комплаенс; поведение налогоплательщиков; риск-ориентированный подход; уклонение от уплаты налогов

Для цитирования: Ишина М.С. Сущностные характеристики налогового комплаенса в рамках организации взаимодействия налоговых органов и налогоплательщиков. *Экономика. Налоги. Право.* 2025;18(2):138-147. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-138-147

ORIGINAL PAPER

Essential Characteristics of Tax Compliance in the Framework of the Organization of Interaction between Tax Authorities and Taxpayers

M.S. Ishina

Institute of Public Administration and Management RANHiGS Presidential Academy, Moscow, Russia

ABSTRACT

The relevance of the article is determined by the need to study the essential characteristics, formation and development of tax compliance as part of the process of improving the organization of interaction between tax authorities and taxpayers in order to determine its subordination and role function. *The subject of the study* is tax compliance as an element of the organization of interaction between tax authorities and taxpayers. *The purpose of the work* is to improve the organizational foundations of interaction between tax authorities and taxpayers. The article identifies factors that have a negative impact on the organization of interaction between tax authorities and taxpayers; examines the evolution of models for the organization of interaction between tax authorities and taxpayers; identifies key tools inherent in each model of interaction between tax authorities and taxpayers; examines and critically evaluates approaches to the concept and term «tax compliance» in Russian and foreign practice; identifies essential characteristics of tax compliance as an element of the organization of interaction between tax authorities and taxpayers. *Conclusions are drawn* about the need to get rid of a narrow, formal approach to tax

compliance as a function of tax risk management and substantiate its role as a systemic element accumulating external and internal impulses of socio-economic development of society and inducing appropriate reactions from taxpayers.

Keywords: interaction model; tax administration; tax compliance; taxpayer behavior; risk-based approach; tax evasion

For citation: Ishina M.S. Essential characteristics of tax compliance in the framework of the organization of interaction between tax authorities and taxpayers. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(2):138-147. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-138-147

ВВЕДЕНИЕ

В процессе функционирования отечественной налоговой системы проявляются два противоположных обстоятельства. С одной стороны, совершенствование организации взаимодействия налоговых органов и налогоплательщиков, связанное с внедрением современных подходов к налогообложению и применением новейших цифровых технологий, продолжает сопровождаться несоблюдением отдельными юридическими и физическими лицами налогового законодательства и нередко проявлением отрицательного отношения к институту налогов. Но, с другой стороны, на современном этапе развития экономики одним из ключевых элементов организации эффективного взаимодействия налоговых органов и налогоплательщиков выступают налоговый комплаенс (от англ. *compliance* — контроль за соблюдением установленных требований и правил) и ориентированность на его внедрение как в деятельности налогоплательщиков, так и налоговых органов. Причем на настоящий момент однозначно не определено, что именно включает налоговый комплаенс: функцию по планированию, контролю и регулированию налоговых рисков или совокупность факторов, влияющих на принятие решения налогоплательщиков по соблюдению налогового законодательства.

Расщепление парадигмы восприятия налогов (хотя бы в явной или латентной форме) несет негативные последствия и является одним из обременяющих факторов развития совокупности установленных государством налогов и сборов, способствующих содержательной, структурной неустойчивости всей налоговой системы. Так, «...система, системность в общепринятом смысле, понимается как качественная характеристика уровня, прежде всего как степень упорядоченности какого-либо объекта, взаимосвязей, образующих его предметов, явлений, протекающих в нем процессов...» [1].

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Вопросам организации системы взаимодействия налоговых органов и налогоплательщиков в научной литературе уделяется достаточно большое

внимание. Авторы научных публикаций едины во мнении о необходимости улучшения работы в данном направлении не только с целью повышения качества налогового администрирования в процессе реализации фискальной функции налогов, но и усиления экономических позиций налогов в достижении социального консенсуса между налоговыми органами и населением при формировании налоговых доходов бюджетов бюджетной системы.

В частности, вышеуказанный тезис подтверждается в научных работах О.В. Мандрощенко [2]; А.С. Адвокатовой [3]; Т.А. Ефремовой, Н.А. Филипповой [4], А.Л. Анисимова [5]; М.К. Аристарховой, А.Ю. Шеиной [6] и ряда других ученых. При этом подчеркнем, что решение вопросов, связанных с усилением именно доверительного и активного сотрудничества налоговых органов и налогоплательщиков, должно осуществляться через глубинные сдвиги в понимании и восприятии экономическими субъектами назначения и сущности налогов.

Основополагающие документы, определяющие функционирование налоговой системы, не содержат прямых, четко сформулированных правил организации взаимодействия налогоплательщиков и налоговых органов, соответствующих комплексу методов их осуществления в согласовании с их функциональными характеристиками, которые находятся в латентном состоянии и в некоторой степени подразумеваются в содержательных положениях нормативных правовых документов, например в разделе 4 «Права и обязанности налогоплательщиков...» Налогового кодекса Российской Федерации (далее — НК РФ), в разделе 5 «Формы и методы налогового контроля» настоящего Кодекса.

ОСНОВНЫЕ БАЗОВЫЕ МОДЕЛИ ОРГАНИЗАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАЛОГОВЫХ ОРГАНОВ И НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКОВ И МЕТОДЫ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

В научных трудах отечественных и зарубежных авторов можно выделить три основные модели организации взаимодействия налоговых органов и нало-

гоплательщиков: «традиционную», «расширенного сотрудничества», «риск-ориентированную».

Первая модель взаимодействия налоговых органов и налогоплательщиков, исторически игравшая ранее главенствующую роль во взаимодействии субъектов налоговых правоотношений, опиралась на концепцию о рациональном человеке, мышление которого основывалось на логическом анализе, объективных оценках фактических данных, и строилось на основе применения метода «принуждения» к соблюдению законодательства и риске наказания за его несоблюдение. Такая модель основана на теории экономики преступления и наказания, возникновение которой традиционно связывают с именем лауреата Нобелевской премии 1992 г. Гэри С. Беккера [7], тогда как в отношении несоблюдения налогового законодательства эта модель впервые была применена М.Г. Аллингемом и А. Сандмо [8].

Рациональный индивид ими рассматривался как персон, максимизирующая ожидаемую полезность от «азартной игры по уклонению от уплаты налогов», взвешивающая выгоды от успешного мошенничества в сравнении с риском обнаружения и наказания (затраты-выгоды-риски). На основании указанной концепции субъекты, т.е. налогоплательщики, «оценивают ситуацию, включая вероятность быть пойманными за совершение какого-либо преступления, и принимают решение о том, стоит ли идти на преступление ...на основе рассчитанной выгоды

и убытков» [9]. S. Yitzhaki провел математические расчеты и смог вычислить, какую долю своего налогооблагаемого дохода декларируют налогоплательщики, не склонные к риску [10]. Таким образом, был обоснован вывод о том, что соблюдение налогового законодательства зависит от налоговых проверок (частоты, глубины и т.д.) и размера штрафных санкций. Но парадоксальным оказалось то, что выбранные показатели не в полной мере объясняли, почему часть налогоплательщиков исполняет обязанность по уплате налога на максимально возможном уровне, означая, что за рамками математического анализа остается спектр факторов иного неэкономического характера, который влияет на принятие налогоплательщиками соответствующего решения [11] (рис. 1).

На рис. 1 схематично представлена организация взаимодействия налоговых органов и налогоплательщиков в традиционной модели. Очевидно, что этот процесс развивается в рамках социально-экономической среды страны и является подвижным под воздействием присущих ей (среде) факторов, вызовов как внешнего, так и внутреннего порядка. При этом можно представить очень усредненно влияние социальных факторов на принятие решения налогоплательщиками по соблюдению налогового законодательства в виде соотношения между ними самими и экономическими импульсами воздействия (на рис. 1 изображено в виде закрашенной области в цепочке затраты-выгоды-риски), что означает: чем

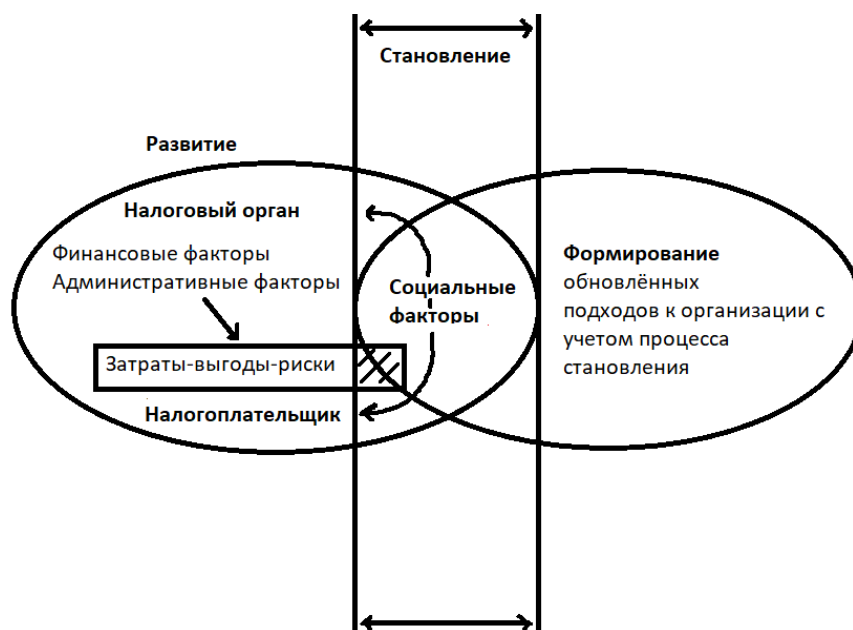

Рис. 1 / Fig. 1. Традиционная модель взаимодействия / Traditional model of interaction

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

более полно встроены в организацию взаимодействия социальные факторы, тем большее влияние они могут оказывать на принятие налогоплательщиками решения о соблюдении установленного порядка налогообложения, и наоборот.

При этом считается целесообразным рассмотрение процесса совершенствования организации взаимодействия через три последовательных стадии: *развитие* — процесс объективно обоснованных преобразований на основе выбранных «отправных точек» системы; *становление* — процесс постоянного самостоятельного движения на основе уже сложившейся системы к преобразованию в новое состояние под воздействием существующих и вновь создаваемых предпосылок многоуровневыми факторами воздействия; *формирование* — процесс упорядочивания результатов активного (осознанного) воздействия и пассивного влияния совокупности социально-экономических импульсов (как внешних, так и внутренних импульсов индивидуально-личностного характера) с последующим определением новых «отправных точек» системы.

Следует отметить, что доминирующей целью реализации «традиционной» модели является обеспечение поступления налоговых доходов в бюджеты бюджетной системы (отметим, что фискальная цель доминирует и в иных отечественных моделях организации взаимодействия). Но именно во время ее массового использования в мировой практике и в период формирования налоговой системы в Российской Федерации отмечалось самое большое отклонение от уплаты налогов. Результатом многочисленных последующих отечественных научных дискуссий и зарубежных исследований стал вывод о необходимости расширения факторов влияния на принятие налогоплательщиком решения, касающегося соблюдения или несоблюдения налогового законодательства, как минимум, на социальный аспект, в частности на такой его элемент, как налоговая культура или мораль.

Наиболее емким в научной среде считается подход к смысловому содержанию понятия «налоговая культура», примененный немецким ученым Б. Нерре как к совокупности всего комплекса формальных и неформальных институтов, взаимосвязанных с налоговой системой конкретной страны и сложившейся практикой ее осуществления, которые исторически присущи культуре данного общества, включая разнородные связи, обусловленные их постоянным взаимодействием [13].

Традиционный подход долгое время служил ориентиром в организации работы налоговых органов,

но «постепенно среди ученых и политиков складываются инновационные взгляды на государственное управление, основанные на смещении акцентов с принуждения на убеждение ... с «воздействия» на «взаимодействие» управляющих и управляемых» [12].

Профессор Стэнфордского университета Кеннет Джозеф Эрроу [14] одним из первых отдельно выделил организацию взаимодействия налогоплательщиков и налоговых органов как один из ключевых аспектов, влияющих на принятие налогоплательщиками решения о соблюдении налогового законодательства. «Подход “надзиратели и грабители”», скорее всего, породит недоверие... подход “сервис и клиент”, который характеризуется уважительным отношением к налогоплательщикам, вероятно, укрепит доверие и атмосферу сотрудничества, ведущих к добровольному соблюдению требований» [15]. В научной теории и практике получила развитие вторая модель «расширенное сотрудничество», которая в организации взаимодействия налоговых органов и налогоплательщиков первому отдает роль так называемого «сервисного участника», т.е. посредника и поставщика услуг налогоплательщикам, а основным методом определяет метод «побуждения» (рис. 2).

Как отмечает Е.И. Добролюбова, «в рамках модели сотрудничества основное внимание уделяется стимулированию добровольного соблюдения законодательства и объединению усилий контрольно-надзорных органов и подконтрольных субъектов» [16].

К методу «побуждения» можно отнести, в частности, осуществление значительной информационной поддержки, предоставление услуг по разъяснению применения норм налогового законодательства, качественное расширение цифровых сервисов взаимодействия налоговых органов и налогоплательщиков, а также инструмент налогового мониторинга и введенный с 1 января 2023 г. единый налоговый счет (далее — ЕНС).

Порядок реализации данной модели приведен в приказе ФНС России от 07.04.2023 № ЕД-7-19/232@ «Об утверждении миссии ФНС России и политики ФНС России в области качества на 2023–2026 годы»¹, где акцент как раз сделан на осуществлении политики в области повышения качества услуг налоговых органов как «сервисного участника». Но можно ли с уверенностью утверждать, что указанные изменения и усовершенствования имеют глубинный характер, если результатами, характеризующими успешное функ-

¹ URL: https://rulings.ru/acts/Prikaz-FNS-Rossii-ot-07.04.2023-N-ED-7-19_232.

ционирование модели «расширенного сотрудничества», выступают, так же как в рамках «традиционной» модели, объемы доначисленных налоговых доходов бюджетов бюджетной системы? Ведь если речь идет об эффективности внедрения такого подхода, его благоприятной характеристикой должна выступать как раз тенденция к снижению доначислений и росту добровольного и добросовестного поведения налогоплательщиков. Согласимся с тезисом А. О. Алехнович и Л. Л. Анучина: «Справедливо утверждение, что задача контроля и надзора состоит не в выявлении наибольшего числа нарушений, а в наиболее эффективном предотвращении вреда, и в этом интересы и бизнеса, и государства, и общества совпадают» [17].

Одной из важных технических причин этого негативного, на наш взгляд, обстоятельства выступает то, что налоговое законодательство не всегда четко сформулировано. При этом разъяснительные материалы разных ведомств (ФНС России и Минфина России) содержат иногда противоположные разъяснения. Как отметили в своем исследовании зарубежные коллеги: «законность — это разделительная линия между уклонением от уплаты налогов и уклоняющимися от уплаты налогов, на практике эта грань размыта» [15]. Очевидно, что подобная негативная тенденция не укрепляет атмосферу доверия между налогоплательщиками и налоговыми органами. При этом необходимо отметить, что двойственность, усложненность налогового законодательства создает предпосылки

для «творческого» подхода со стороны определенных категорий налогоплательщиков к уплате налогов, иными словами, к уклонению от налогообложения. Налогоплательщики используют множество лазеек в налоговом законодательстве посредством создания сложных «многоходовок», которые чрезвычайно трудно понять и оценить налоговым органам и часто невозможно однозначно квалифицировать и определить, легальны они или нет. По словам Дж. Брейтуэйта [18] «шведский стол правил порождает культуру игры в кошки-мышки при составлении юридических документов». При этом многочисленными экспериментами зарубежной теории и практики показано, что уровень добровольного соблюдения налогового законодательства ощутимо снижается из-за неудовлетворенности одних налогоплательщиков «асоциальным» поведением других.

Как отмечает А. В. Демин: «Фундаментальный тезис гибкого налогового администрирования заключается в том, что значительная часть налогоплательщиков будет соблюдать налоговые нормы даже в условиях минимального внешнего мониторинга при условии справедливого отношения к ним со стороны регулирующих органов» [12].

В зарубежных исследованиях неоднократно проводился лингвистический анализ налоговых законодательств разных стран с тем, чтобы выявить, насколько оно сложное для понимания среднестатистическим налогоплательщиком. Так, А. Льюис [19]

Рис. 2 / Fig. 2. Модель «Расширенное сотрудничество» / Extended Collaboration Model

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

заявил, что уровень образования, необходимый для понимания налогового законодательства, неоправданно высок. Например, британское налоговое законодательство требовало для его понимания на момент анализа тринадцати лет школьного образования, в то время как среднестатистический гражданин учился в школе девять лет, а австралийское — семнадцать лет. Таким образом, разработанных сервисных инструментов, на наш взгляд, недостаточно для достижения заявленной цели по переориентации налогоплательщиков с принуждения на побуждение к добровольному исполнению налоговых обязанностей. Организация взаимодействия налоговых органов и налогоплательщиков гораздо многослойнее, чем принято считать, и она должна учитывать, как минимум, содержательные характеристики сложившейся в обществе налоговой культуры, а как максимум, способствовать ее опережающему развитию.

Для того чтобы побудить налогоплательщиков к добровольному соблюдению налогового законодательства, необходимо не только создать для этого все технико-информационные предпосылки — доступные и понятные цифровые сервисы, максимально устранить двойственности толкования налоговых норм, но и следовать объективной тенденции, состоящей, *во-первых*, в поиске и создании новой основы для формирования правильно заряженной налоговой ментальности человека, которая, по нашему мнению, образует налоговую культуру, мораль общества; а *во-вторых*, в понимании побудительных мотивов человека. И второй тезис должен в определенной мере найти отражение в третьей «риск-ориентированной» модели или модели «налогового комплаенса».

РИСК-ОРИЕНТИРОВАННАЯ МОДЕЛЬ (МОДЕЛЬ «НАЛОГОВОГО КОМПЛАЕНСА»)

В глоссарии на сайте Организации экономического сотрудничества и развития (далее — ОЭСР) «налоговый комплаенс» трактуется как степень, в которой налогоплательщик соблюдает (или не соблюдает) налоговые правила своей страны, например декларируя доход, представляя декларацию и выплачивая причитающийся налог². Также в различных зарубежных научных исследованиях³ налоговый комплаенс рассматривается через призму факторов, мотивов, движущих поведением налогоплательщиков

при соблюдении требований налогового законодательства. Именно посредством исследования всего спектра факторов влияния на поведение налогоплательщиков разрабатываются и вносятся в законодательство соответствующие изменения, которые призваны качественно менять глубинную суть организации взаимодействия, а далее саму систему налогов. Так, зарубежные ученые [20] выделили следующие ключевые факторы налогового комплаенса:

- экономические — налоговые ставки и льготы; сдерживающие меры: вероятность проверки и размер санкций, а также стоимость соблюдения для налогоплательщика налогового законодательства, включающая внутренние и внешние затраты, а также психологические издержки, которыми выступает прошлый негативный опыт налогоплательщиков в выполнении своих налоговых обязательств;

- социально-психологические — восприятие справедливости, а именно: справедливости распределения, процедурной справедливости и справедливости наказания. В том числе в рамках данного фактора предлагается также рассматривать налоговую мораль, которую одни исследователи считают внутренней мотивацией человека к соблюдению налоговых обязательств под влиянием личной честности [21], тогда как другие ученые полагают, что налогоплательщики внутренне мотивированы уплачивать налоги, поскольку они полагают, что соблюдение налоговых обязательств — это правильное действие, причем один из исследователей [22] делает акцент на роль образования в повышении морального духа налогоплательщиков;

- институциональные. Согласно емкому тезису А. Аузана [23] «если вы нарушаете правило, к вам не приходят специально обученные люди, просто вам не подадут руки», т.е. имеет значение отношение общества в целом к несоблюдению налогового законодательства.

При этом в современной российской практике внедрения налогового комплаенса его сущность сведена в основном к риск-ориентированной системе управления обеспечением соответствия функционирования налогоплательщика действующему налоговому законодательству на добровольных началах.

Так, согласно В.Ю. Абрамову [24] «налоговый комплаенс — это специальная функция предприятия, осуществляющая организацию, планирование, контроль и регулирование налоговых рисков. При этом основной целью налогового комплаенса является обеспечение соответствия налоговых процедур в предприятии требованиям налогового законодательства».

² Глоссарий OECD: <https://web-archiver.oecd.org/2021-02-12/78005-glossaryoftaxterms.htm>.

³ URL: http://ec.europa.eu/taxation_customs/taxation/tax_cooperation/gen_overview/index_en.htm.

Также подобного подхода в различных вариациях придерживаются в работах [25; 26].

Вышеприведенный анализ сущностной характеристики понятия налогового комплаенса позволяет делать вывод о наличии противоречий в его отечественных и зарубежных трактовках. Зачастую имеет место не совсем явная замена сущностных характеристик этого понятия неким дубликатом более механического характера с акцентом на его финансово-экономико-административное наполнение, но с игнорированием именно человеческих, личностных факторов, мотивов поведения. Отечественное понимание налогового комплаенса тесно связано с трактовкой риск-ориентированной модели организации взаимодействия налоговых органов и налогоплательщиков (рис. 3).

Не углубляясь в историю вопроса, напомним, что в 2007 г. была разработана Концепция системы планирования выездных налоговых проверок, утвержденная приказом ФНС России от 30.05.2007 № ММ-3-06/333@, которая содержала 12 общедоступных критериев оценки рисков с тем, чтобы налогоплательщики и налоговые органы могли выстраивать свое взаимодействие более гибко и эффективно, а с 2015 г. Федеральным законом от 13.07.2015 № 246-ФЗ⁴ было закреплено применение риск-ориентированного подхода при организации государственного контроля.

ОСНОВНЫЕ МЕТОДЫ РИСК-ОРИЕНТИРОВАННОЙ МОДЕЛИ

Основой риск-ориентированной модели организации взаимодействия налоговых органов и налогоплательщиков является работа по предупреждению совершения правонарушений.

Под применением риск-ориентированной модели подразумеваются оценка налоговым инспектором во время проведения проверочного анализа всех точек риска налогоплательщика по установленным усредненным критериям и принятие решения на основании полученных данных и их распределения по уровням риска о включении или невключении налогоплательщика в план выездных налоговых проверок. Однако в вышеуказанном определении упускаются из виду два значительных обстоятельства.

⁴ Федеральный закон от 13.07.2015 N 246-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182622.

Концепция системы планирования выездных налоговых проверок включает 12 критериев оценки риска на основе показателей финансово-хозяйственной деятельности налогоплательщика. Но в рамках автоматизированных систем учета, на основании которых налоговый орган принимает решение, показателей значительно больше, чем в вышеприведенной Концепции. Поэтому необходима, по нашему мнению, опережающая системная работа по исследованию факторов влияния на поведение налогоплательщиков.

Многие отечественные ученые значительно суживают, на наш взгляд, сферу действия налогового комплаенса, связывая его исключительно с действием ст. 54.1 НК РФ, в которой нашли отражение только вопросы, впервые рассмотренные в постановлении Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды». Но отсутствие достаточной ясности для однозначного понимания применения ст. 54.1 НК РФ ведет к возникновению множества споров между налоговыми органами и налогоплательщиками, что обуславливает тенденцию к росту рисков при аналитическом рассмотрении деятельности того или иного налогоплательщика, а значит, негативно влияет на совершенствование взаимодействия налоговых органов и налогоплательщиков и на развитие взаимного доверия.

ВЫВОДЫ

Стремление в теории быть более открытым, а значит, доверительным в реализации взаимодействия налоговых органов и налогоплательщиков, приводит к усложнению налогового законодательства, что не способствует ни развитию доверия между налоговыми органами и налогоплательщиками, ни мотивации налогоплательщиков к соблюдению налогового законодательства.

При этом превалирующая часть документации, содержащей результаты функционирования налогов, построена на данных о динамике налоговых поступлений в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации, что является оправданным исходя из закрепленного за ФНС России функционала, но отражает лишь совокупную фискальную составляющую деятельности налоговых органов, но никак не весь объемный разнофакторный результат, который необходим для осмысления эффективности внедряемых изменений. Так, по словам руководителя ФНС России Д.В. Егорова: «Служба обеспечивает позитивную динамику налоговых поступлений, особенно в части

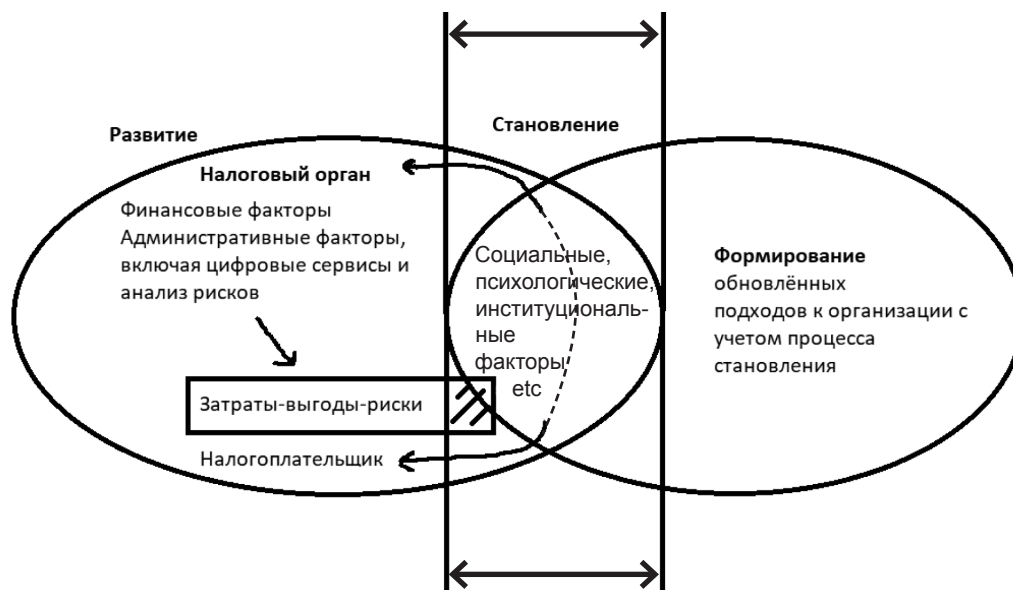

Рис. 3 / Fig. 3. Риск-ориентированная модель / Risk-based model

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

ненефтегазовых доходов...Плановые показатели бюджетов субъектов Российской Федерации превышены на 12%»⁵. Но фактически эти данные могут вводить в заблуждение, поскольку они не отражают, в рамках каких методов, какой модели организации взаимодействия налоговых органов и налогоплательщиков они получены.

Необходимо переосмысление организации взаимодействия налоговых органов и налогоплательщиков. Для этого целесообразна опережающая многосторонняя работа по созданию мотиваций воздействия на самые глубинные слои обществен-

ного восприятия процессов, которые составляют сущность налогового комплаенса и, как следствие, формируют налоговую культуру, мораль по соблюдению налогового законодательства.

В развитии этой идеи нет необходимости следовать западным лекалам содержания и технологии налогового комплаенса. Наоборот, целесообразно подвергать их конструктивной критической оценке как несоответствующим отечественным традициям, истории, культуре, наконец, системе общечеловеческих ценностей, где, в отличие от западного подхода, для которого в большей степени характерны технократическое мышление и понимание человека как экономического ресурса, человек рассматривается как личность.

⁵ URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/13878286/?ysclid=Iroi8fwsn6686881810.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зуев В.М., Воронова Т.А., Гретченко А.И., Кулапов М.Н., Калинина И.А. Разломы российского образования. *Открытое образование*. 2019;23(4):4–12.
2. Мандрощенко О.В. Повышение прозрачности во взаимодействии налогового органа с налогоплательщиками. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2021;17(3):485–499.
3. Адвокатова А.С. Взаимосвязь моделей поведения налогоплательщиков и налогового контроля. *Экономика. Налоги. Право*. 2017;10(5):148–157.
4. Ефремова Т.А., Филиппова Н.А. Партнерское взаимодействие налоговых органов и налогоплательщиков как необходимое условие повышения эффективности налогового администрирования. Совершенствование налогового администрирования. Материалы четвертой научно-практической конференции (Уфа, 06 декабря 2019 г.). Уфа: Уфимский государственный авиационный технический университет; 2019:77–82.
5. Анисимов А.Л. Взаимодействие налогоплательщиков и налоговых органов в контексте обеспечения баланса власти и доверия. *Modern economy success*. 2022;(5):191–195.
6. Аристархова М.К., Шеина А.Ю. Трансформация взаимодействия налогоплательщиков и налоговых органов в современных реалиях. Сборник трудов Международной научно-практической конференции

- «Цифровая трансформация социальных и экономических систем». М.: Московский университет имени С.Ю. Витте; 2021:91–100.
7. Becker G. Crime and punishment: An economic approach. *Journal of Political Economy*. 1968;76(2):169–217.
 8. Allingham M. G., Sandmo A. Income tax evasion: A theoretical analysis. *Journal of Public Economics*. 1972;1(3):323–338.
 9. Ричард Т. Новая поведенческая экономика. М.: издательство «Э»; 2017: 268.
 10. Yitzhaki S. A note on income tax evasion: A theoretical analysis. *Journal of Public Economics*. 1974;3(2):201–202.
 11. Brizi A., Giacomantonio M., Schumpe B.M. & Mannetti L. Intention to pay taxes or to avoid them: The impact of social value orientation. *Journal of Economic Psychology*. 2015;50:25.
 12. Демин А.В. Модель гибкого налогового администрирования и налоговый комплаенс. *Правоприменение*. 2022;6 (2):80–92.
 13. Nerré Birger Tax culture: A basic concept for tax politics economic analysis & policy. Vol. 38 no. 1, March 2008:155–157.
 14. Arrow K.J. The limits of organization. New York: Norton & co; 1974:23.
 15. Kirchler Erich The economic psychology of tax behaviour. Cambridge University Press; 21.06.2007.
 16. Добролюбова Е.И. Совершенствование контрольно-надзорной деятельности на основе оценки мотивации бизнеса к соблюдению требований регулирования. *Управленец*. 2021;12(2):63–73.
 17. Алехнович А.О., Анучин Л.Л. Оценка и корректировка правоприменительной практики контрольных и надзорных органов: индекс административного давления. *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2021;(1);7–29.
 18. Braithwaite John. Globalisation, redistribution and tax avoidance. *Public Policy Research*. 2005:85–87.
 19. Lewis A. The social psychology of taxation. *British Journal of Social Psychology*. 1982;21(2):151–158.
 20. Damith Gangodawilage, Wasanthi Madurapperuma, Chandana Aluthge. Tax compliance behaviour of entrepreneurs in the digital economy: A research synthesis. *GSJ*. 2022;10(2):1274–1304.
 21. McKerchar M.A., Bloomquist K., Pope J. Indicators of tax morale: An exploratory study. *eJournal of Tax Research*. 2013;11(1):5–22.
 22. Rodriguez-Justicia D., Theilen B. Education and tax morale. *Journal of Economic Psychology*. 2018;64:18–48.
 23. Аузан А. Экономика всего: как институты определяют нашу жизнь. М.: Манн, Иванов и Фербер; 2017. 191 с.
 24. Абрамов В.Ю. Руководство по применению комплаенс-контроля в различных сферах хозяйственной деятельности: практическое пособие. М.: Юстицинформ; 2020.
 25. Бросалина А.А. Комплаенс как инструмент управления правовыми рисками. *Актуальные проблемы государства и права*. 2022;21(1):7–18.
 26. Адвокатова А.С. Налоговый контроль в условиях модификации отношений налоговых органов и налогоплательщиков. Монография. М.: Русайнс; 2020. 190 с.

REFERENCES

1. Zuev V.M., Voronova T.A., Gretchenko A.I., Kulapov M.N., Kalinina I.A. Faults in russian education. *Otkrytoe obrazovanie = Open Education*. 2019;23(4):4–12. (In Russ.).
2. Mandroshchenko O.V. Increasing transparency in the interaction of the tax authority with taxpayers. *Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National interests: priorities and security*. 2021;17(3):485–499. (In Russ.).
3. Advokatova A.S. The relationship between taxpayer behavior models and tax control. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2017;10(5):148–157. (In Russ.).
4. Efremova T.A., Filippova N.A. Partnership between tax authorities and taxpayers as a necessary condition for improving the efficiency of tax administration. Improving tax administration. Materials of the fourth scientific and practical conference. Ufa: Ufa State Aviation Technical University; 2019:77–82. (In Russ.).
5. Anisimov A.L. Interaction of taxpayers and tax authorities in the context of ensuring a balance of power and trust. *Modern economy success*. 2022;(5):191–195. (In Russ.).
6. Aristarkhova M.K., Sheina A.Y. Transformation of interaction between taxpayers and tax authorities in modern realities. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference “Digital Transformation of Social and Economic Systems”. Moscow: Witte Moscow University; 2021:91–100. (In Russ.).

7. Becker G. Crime and punishment: An economic approach. *Journal of Political Economy*. 1968;76(2):169–217.
8. Allingham M.G., Sandmo A. Income tax evasion: a theoretical analysis. *Journal of Public Economics*. 1972;1(3):323–338.
9. Richard T. The New behavioral Economics. Moscow: Publishing house “E”; 2017: 268. 2017: 268. (In Russ.).
10. Yitzhaki S. A note on income tax evasion: a theoretical analysis. *Journal of Public Economics*. 1974;3(2):201–202.
11. Brizi A., Giacomantonio M., Schumpe B.M. & Mannetti L. Intention to pay taxes or to avoid them: the impact of social value orientation. *Journal of Economic Psychology*. 2015;50:25.
12. Demin A.V. Flexible tax administration model and tax compliance. *Pravoprimerenie = Law enforcement*. 2022;6(2):80–92. (In Russ.).
13. Nerré Birger. Tax culture: a basic concept for tax politics economic analysis & policy, vol. 38 no. 1, March 2008:155–157.
14. Arrow K.J. The limits of organization. New York: Norton & co; 1974:23.
15. Kirchler Erich The economic psychology of tax behaviour. Cambridge University Press; 21.06.2007.
16. Dobrolyubova E.I. Improving control and supervisory activities based on assessing business motivation to comply with regulatory requirements. *Upravlenec = The Manager*. 2021;12(2):63–73. (In Russ.).
17. Alekhovich A.O., Anuchin L.L. Assessment and correction of law enforcement practice of control and supervisory authorities: Index of administrative pressure. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya = Issues of state and municipal management*. 2021;(1);7–29. (In Russ.).
18. Braithwaite John. Globalisation, redistribution and tax avoidance. *Public Policy Research*. 2005:85–87.
19. Lewis A. The social psychology of taxation. *British Journal of Social Psychology*. 1982;21(2):151–158.
20. Damith Gangodawilage, Wasanthi Madurapperuma, Chandana Aluthge. Tax compliance behaviour of entrepreneurs in the digital economy: A research synthesis. *GSJ*. 2022;10(2):1274–1304.
21. McKerchar M.A., Bloomquist K., Pope J. Indicators of tax morale: An exploratory study. *eJournal of Tax Research*, 2013;11(1):5–22.
22. Rodriguez-Justicia D., Theilen B. Education and tax morale. *Journal of Economic Psychology*. 2018;64:18–48.
23. Auzan A. The economy of everything: how institutions determine our lives. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber; 2017. 191 p. (In Russ.).
24. Abramov V.Y. Guidelines for the application of compliance control in various spheres of economic activity: a practical guide. Moscow: Justicinform; 2020. (In Russ.).
25. Brosalina A.A. Compliance as a legal risk management tool. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Actual problems of the state and law*. 2022;21(1):7–18. (In Russ.).
26. Advokatova A.S. Tax control in the context of modification of relations between tax authorities and taxpayers. Monograph. Moscow: Rusajns; 2020. 190 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Марианна Станиславовна Ишина — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры государственного регулирования экономики, Институт государственной службы и управления Президентской академии РАНХиГС, Москва, Россия

Marianna S. Ishina — Cand. Sci (Econ.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. of the Department of State Regulation of Economics, IGSU RANEP, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0009-0007-3000-0588>

marianna.1706@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 14.01.2025; принята к публикации 12.03.2025.

The article was received 14.01.2025; accepted for publication 12.03.2025.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The author read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-148-161
336.225.3(045)
JEL H23, H25, H30

Реформирование налоговой системы для малого предпринимательства в России: анализ и перспективы развития специальных налоговых режимов

А.М. Садыков

Финансовый университет, Москва, Россия;

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования — специальные налоговые режимы как инструменты государственной поддержки малого предпринимательства в условиях нарастания экономических вызовов. *Цели работы* — определение параметров возможных моделей специальных налоговых режимов ввиду трудностей, осложняющих деятельность малого предпринимательства, которые ограничивают его потенциал в обеспечении устойчивого экономического роста. В статье рассматриваются особенности системы действующих специальных налоговых режимов (упрощенная система налогообложения, единый сельскохозяйственный налог, патентная система налогообложения, налог на профессиональный доход и автоматизированная упрощенная система налогообложения). В статье анализируются проблемы, с которыми сталкивается малое предпринимательство в Российской Федерации, а также изменения, вносимые в систему специальных налоговых режимов, включая реформу упрощенной системы налогообложения 2025 г. Отмечается, что данные изменения преимущественно отвечают интересам относительно крупных субъектов малого бизнеса и не учитывают потребности микропредприятий, обладающих меньшим потенциалом и ограниченными ресурсами. Особое внимание уделяется перспективам развития автоматизированной упрощенной системы налогообложения и формированию на ее основе основного режима налогообложения для малого бизнеса.

Предложена модель совершенствования специальных налоговых режимов на основе развития автоматизируемой упрощенной системы налогообложения, предусматривающая дифференцированные уровни ставок и критерии перехода на нее микропредприятий, а также интеграцию механизмов уплаты налога на добавленную стоимость в автоматическом режиме.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство; упрощенная система налогообложения; патентная система налогообложения; единый сельскохозяйственный налог; налог на профессиональный доход; автоматизированная упрощенная система налогообложения; специальный налоговый режим; единый налог на вмененный доход

Для цитирования: Садыков А.М. Реформирование налоговой системы для малого предпринимательства в России: анализ и перспективы развития специальных налоговых режимов. *Экономика. Налоги. Право.* 2025;18(2):148-161. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-148-161

ORIGINAL PAPER

Reforming the Tax System for Small Businesses in Russia: Analysis and Prospects for the Development of Special Tax Regimes

A.M. Sadykov

Financial University, Moscow, Russia;

ABSTRACT

The subject of the study is special tax regimes as instruments of state support for small businesses in the context of increasing economic challenges. *The purpose of the work* is to determine the parameters of new models of special tax regimes due to the difficulties that complicate the activities of small businesses, which limit their potential to ensure sustainable economic growth. The article examines the features of the system of existing special tax regimes (simplified

© Садыков А.М., 2025

taxation system, unified agricultural tax, patent taxation system, professional income tax and automated simplified taxation system). The article analyzes the problems faced by small businesses in the Russian Federation, as well as changes in the system of special tax regimes, including the reform of the simplified taxation system in 2025. It is noted that these changes primarily meet the interests of relatively large small businesses and do not take into account the needs of microenterprises with less potential for growth and limited resources. The prospects of abolishing outdated tax regimes are also being considered. Special attention is paid to the prospects for the development of an automated simplified taxation system and the formation of a basic taxation regime for small businesses based on it. *A model is proposed* for improving special tax regimes with the priority development of administrative regulations, including differentiated levels of rates and transition criteria for microenterprises, as well as the integration of value-added tax payment mechanisms in automatic mode.

Keywords: small and medium-sized enterprises; simplified taxation system; patent taxation system; unified agricultural tax; professional income tax; automated simplified taxation system; special tax regime; unified imputed income tax

For citation: Sadykov A.M. Reforming the tax system for small businesses in Russia: analysis and prospects for the development of special tax regimes. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(2):148-161. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-148-161

ВВЕДЕНИЕ

Современные вызовы и угрозы национальной безопасности России предопределяют целесообразность поиска новых эффективных путей и инструментов обеспечения устойчивого экономического роста России, в котором малое и среднее предпринимательство (далее — МСП) может играть ключевую роль. Несмотря на предпринимаемые Правительством РФ усилия по достижению оптимального соотношения между стимулирующей и фискальной ролями налогов для обеспечения стабильности формирования доходной части региональных бюджетов посредством применения специальных налоговых режимов, в частности упрощенной системы налогообложения (далее — УСН), так как малые и средние предприятия не получают до настоящего времени достаточной поддержки со стороны государства. Вследствие этого в условиях цифровизации налогового администрирования и стремления государства к оптимизации фискальных механизмов обеспечения макроэкономической стабилизации и поддержания положительных темпов экономического развития возникает необходимость в принятии дополнительных мер по упрощению и автоматизации специальных налоговых режимов, которые могут способствовать снижению административной нагрузки на субъекты хозяйственной деятельности и налоговые органы и повышению в конечном счете экономической активности МСП.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Вводимые с 2025 г. изменения в применение УСН, предполагающие предельный доход находящихся на этом режиме субъектов хозяйственной деятель-

ности равным 450 млн руб.; максимальное количество сотрудников в штате — 130 человек; остаточную стоимость основных средств — 200 млн руб.¹ без увеличения налоговой ставки, преимущественно ориентированы на удовлетворение интересов достаточно крупных субъектов хозяйственной деятельности. Что же касается микропредприятий, составляющих около 96%² всех субъектов МСП, среднесписочная численность каждого из которых не более 15 человек и доход не более 120 млн руб., то они фактически остались вне сферы действия налоговой реформы 2025 г.

При этом необходимо иметь в виду, что при применении УСН и других специальных налоговых режимов субъекты МСП фактически выполняют функцию государственной финансовой поддержки малого бизнеса вследствие снижения налоговых ставок и общей налоговой нагрузки на предпринимателей, позволяя последним высвобождать финансовые ресурсы, которые при применении общей системы налогообложения подлежали бы уплате в бюджет посредством налоговых отчислений, для содействия развитию НИОКР, созданию новых рабочих мест, решая тем самым проблемы занятости населения.

В настоящее время основными получателями налоговой поддержки являются относительно крупные малые предприятия. Например, согласно критериям,

¹ Федеральный закон от 12.07.2024 № 176-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации».

² Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства — получателей поддержки URL: <https://rmsp-pp.nalog.ru>.

действовавшим в 2022 г., 17% налогоплательщиков с доходами от 60 до 220 млн руб. обеспечивали 72% всех налоговых поступлений по УСН, что свидетельствует о том, что именно они получают в результате реформирования режима УСН наибольшие преимущества от сниженной налоговой нагрузки [1]. В то же время применяющие УСН предприятия с доходами до 60 млн руб. сталкиваются с более серьезными финансовыми, кадровыми и административными ограничениями, особенно в первые годы своей деятельности, неся равную и даже иногда большую налоговую нагрузку, чем предприятия с доходами от 60 до 220 млн руб., из-за отсутствия достаточных ресурсов для расширения производства с целью получения большей прибыли.

Можно отметить, что в системе специальных налоговых режимов предусмотрены такие инструменты поддержки для вновь создаваемых индивидуальных предприятий, как налоговые каникулы и пониженные налоговые ставки для отдельных категорий налогоплательщиков. Однако устанавливаемые региональными властями пониженные налоговые ставки распространяются на всех плательщиков вне зависимости от получаемых ими доходов, что приводит к одинаковой налоговой нагрузке на них без учета масштаба деятельности предпринимателей, применяющих УСН и/или патентную систему налогообложения (далее — ПСН).

Возможность установления дополнительных критериев (помимо вида деятельности, например уровня дохода) для дифференциации предприятий и выявления наиболее нуждающихся субъектов хозяйственной деятельности, как показывает анализ региональных критериев применения пониженных ставок, практически не используется. Таким образом, возникает риск того, что в отношении УСН при увеличении порогового значения дохода до 450 млн руб. региональные власти также могут распространять одни и те же налоговые ставки на всех предпринимателей, применяющих этот режим налогообложения, без необходимой внутренней дифференциации по доходу, особенно на фоне отмены существовавших до 1 января 2025 г. повышенных ставок по УСН в размере 8% при объекте налогообложения «доходы» и 20% при объекте налогообложения «доходы минус расходы» в случае, если прибыль превысит 199,35 млн руб. (но не более 265,6 млн руб.) или количество сотрудников будет свыше 100 чел.

В отношении устанавливаемых региональными органами власти налоговых каникул возникает иная проблема — их невостребованность. Из 665 463 вновь зарегистрированных индивидуальных предпринимателей в 2023 г. только около 22 тыс. воспользовались льготами в виде налоговых каникул по УСН или ПСН³, что может свидетельствовать либо о слишком высоких требованиях, предъявляемых к получению таких льгот, в части ограничения по видам деятельности (производственная, социальная, научная, бытовая и гостиничная), либо об их низкой эффективности. М.В. Пьянова также отмечает невостребованность инструмента налоговых каникул среди малого предпринимательства. По ее мнению, большинство российских предпринимателей в настоящее время ориентированы на быстрое получение дохода при приложении для этого минимальных усилий в рамках видов деятельности, подпадающих под налоговые каникулы [2].

Вместе с тем изменения, внесенные в порядок применения УСН, в совокупности с разрабатываемыми поправками в Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (далее — Закон № 209-ФЗ), предполагающие добавление в льготную категорию налогоплательщиков новых субъектов — получателей государственной поддержки, помимо микро-, малых и средних предприятий, имеющих годовой доход, не превышающий 10 млрд руб., свидетельствуют о том, что законодатель стремится к расширению круга получателей государственной поддержки вместо того, чтобы улучшать ее качество и востребованность с учетом специфических потребностей каждой отдельной группы предпринимателей.

В послании Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному собранию от 29 февраля 2024 г. была озвучена ключевая задача по модернизации налоговой системы Российской Федерации с горизонтом до 2030 г. в целях создания более справедливой системы распределения налогового бремени, в которой более высокие корпоративные и личные доходы будут облагаться большими по величине налогами.

С 2025 г. введена прогрессивная шкала налогообложения доходов физических лиц. Однако в отно-

³ По данным форм статистической налоговой отчетности 5-УСН, 1-Патент, а также по данным, полученным из единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства.

шении корпоративного налогообложения на данный момент не прослеживаются заметных тенденций к внедрению аналогичных изменений.

Кроме того, одним из недостатков модернизации налоговой системы в 2025 г., по нашему мнению, является ее чрезмерная перегруженность специальными налоговыми режимами, вызванная их множественностью и разнообразием. Схожего мнения по данному вопросу придерживается В.Г. Пансков [3]. Сосуществование УСН, единого сельскохозяйственного налога (далее — ЕСХН), ПСН, налога на профессиональный доход (далее — НПД) и автоматизированной упрощенной системы налогообложения (далее — АУСН) затрудняет налогоплательщику выбор наиболее подходящего для него налогового режима, переход с одного режима на другой или обеспечение раздельного учета доходов и расходов в случае совмещения двух специальных налоговых режимов (например, ПСН и УСН). Таким образом, существование всех пяти специальных налоговых режимов, которые в различной степени дублируют функции единого налога на вмененный доход (далее — ЕНВД), приводит к усложнению налоговой системы и возникновению избыточных элементов налогообложения.

О НЕОБХОДИМОСТИ ВНЕСЕНИЯ ИЗМЕНЕНИЙ В СПЕЦИАЛЬНЫЕ НАЛОГОВЫЕ РЕЖИМЫ

Эволюция современной совокупности специальных налоговых режимов показывает, что ее состав из пяти налоговых режимов был обусловлен реакцией государства на экономические кризисы и развитие цифровых технологий. Статистические данные свидетельствуют о том, что правки, внесенные ранее в систему специальных налоговых режимов, не приводили к существенному увеличению фискального вклада субъектов малого предпринимательства в развитие страны, за исключением роста, наблюдавшегося после отмены ЕНВД в 2021 г.

Отмена ЕНВД была обусловлена совокупностью значимых факторов экономического и административного характера. Прежде всего, отсутствие четких критериев доходности позволяло крупным предприятиям применять этот налоговый режим, что приводило к значительному снижению налоговой нагрузки на них. Кроме того, отмена ЕНВД стала закономерным результатом перехода налоговой администрации на качественно новый уровень оп-

ределения реальных доходов налогоплательщиков, обусловленный процессами цифровизации и внедрения современных технологий сбора и обработки данных. В таких условиях методология определения налоговой базы на основе вмененного дохода утратила свою эффективность.

Логично предположить, что актуальным является отмена другого специального налогового режима, а именно ПСН, основанной на том же принципе вмененного (потенциального) дохода, при текущих возможностях налогового администрирования и контроля.

При анализе целесообразности сохранения ЕСХН необходимо иметь в виду небольшое количество применяющих его предпринимателей и схожесть с УСН. На конец 2022 г. ЕСХН применяли лишь 86 127 предпринимателей, тогда как УСН — 4 268 152 субъектов хозяйствования⁴. С 2025 г. эти системы станут еще более схожими, поскольку предприниматели, находящиеся на УСН, аналогично предпринимателям, применяющим ЕСХН, будут являться плательщиками НДС, и логично было бы в перспективе ЕСХН упразднить ввиду возможности объединения этих предпринимателей в одну группу налогоплательщиков.

Однако главное отличие ЕСХН от УСН заключается в его узкой специализации и отсутствии ограничений по доходу: ЕСХН могут применять предприниматели любого уровня дохода при условии, что не менее 70% этого дохода приходится на сельскохозяйственную деятельность. Такие критерии позволяют целенаправленно поддерживать определенную группу предпринимателей. Организации и индивидуальные предприниматели, занимающиеся только переработкой сельскохозяйственной продукции, не имеют права применять ЕСХН. При рассмотрении вопроса отмены ЕСХН важно сопоставить риски для продовольственной безопасности страны, поскольку основные плательщики — крупные предприятия, и увеличение налоговой нагрузки на них может приводить к росту цен на продукты и снижению устойчивого развития сельскохозяйственного сектора. Учитывая социальную значимость и вклад ЕСХН в развитие сельских территорий, целесообразно будет, по нашему мнению, сохранить его в рамках отдельного специального налогового режима.

⁴ По данным форм статистической налоговой отчетности 5-УСН, 5-ЕСХН, а также по данным, полученным из единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства.

Одним из доводов в пользу сохранения НПД является то, что данный налоговый режим может служить начальным этапом деятельности для лиц, решивших заняться бизнесом. К тому же НПД в дальнейшем может быть интегрирован в АУСН, поскольку он также базируется на применении цифровых технологий.

Целесообразность сохранения и развития режима АУСН аргументируется тем, что он:

- повышает прозрачность налоговых операций и снижает риски возникновения ошибок у налогоплательщика при отражении хозяйственных операций;
- значительно снижает административную нагрузку и непроизводственные издержки, связанные с налоговым администрированием у налогоплательщиков (отсутствует необходимость в подаче налоговых деклараций и в проведении камеральных проверок налогоплательщика);
- позволяет автоматизировать процесс формирования налоговой базы и исчисления сумм налога;
- повышает эффективность налогового контроля за счет возможности создания автоматизированных риск-ориентированных маркеров (индикаторов) нарушения порядка применения АУСН благодаря получению актуальных данных о покупках, поступающих через устройства контрольно-кассовой техники, и информации от коммерческих банков о суммах операций.

РАЗВИТИЕ АУСН КАК ОСНОВНОГО СПЕЦИАЛЬНОГО НАЛОГОВОГО РЕЖИМА

Для целей модернизации и дальнейшего развития системы специальных налоговых режимов рационально использовать комбинацию двух «цифровых» режимов — АУСН и НПД, которые являются флагманскими проектами ФНС России. Вместе с тем также важно сохранить ЕСХН ввиду его высокой социальной значимости.

Необходимо уделять особое внимание расширению возможностей АУСН, предусматривая постепенное увеличение налоговой нагрузки и добавление объектов налогообложения по мере роста и укрупнения предприятия. Особый акцент должен делаться на максимальной поддержке предпринимателей на начальном этапе их деятельности.

На основе этих суждений была разработана модель такого режима, представленная в *табл. 1* в части определения критериев применения режима и в *табл. 2* в части его основных элементов.

Предлагаемая модель развития АУСН основана на субъектно-ориентированном подходе, учитывающем масштабы деятельности, отраслевые особенности и этапы развития предприятий [4]. Система категоризации предпринимателей, находящихся на АУСН, может использоваться в том числе для определения критериев МСП с целью упорядочения налоговой поддержки в зависимости не только от количественных показателей, но и от вида деятельности предприятия. В отличие от стратегии общего охвата, субъектно-ориентированный подход позволяет направлять ресурсы для поддержки в виды предпринимательской деятельности, где они принесут наибольший эффект. Кроме того, использование единых критериев для определения групп предпринимателей, нуждающихся в государственной поддержке, уменьшит путаницу среди них, так как текущие критерии МСП и индикаторы специальных налоговых режимов значительно различаются [5].

Предлагается также реализовать механизм перехода между уровнями АУСН, основанный на алгоритме плавной смены одного уровня с другим, что позволит предпринимателям по мере развития их предприятий не терять сразу преимущества, присущие текущему этапу развития, а сохранять их и подготавливаться к следующему этапу. Для достижения этой цели предлагается двухэтапная схема перехода, включающая переходный период и буферную зону.

Переходный период определяется как интервал времени, в течение которого налоговая ставка будет повышена, но налогоплательщик сохранит право на применение АУСН того же уровня, который использовался им до превышения установленных критериев.

Буферная зона предоставляет налогоплательщикам временной промежуток для адаптации своих бизнес-процессов к новым условиям налогообложения в случае превышения критериев переходного периода. Таким образом, налогоплательщики, попадающие в буферную зону, не смогут продолжать использовать тот же уровень АУСН и будут переводиться на следующий уровень по истечению периода нахождения в буферной зоне. При этом в случае перехода на следующий уровень предпринимателя будет ожидать не только повышение налоговых ставок, но и ввод новых элементов налога, характерных для общего режима налогообложения. Продолжительность буферной зоны составит три

Таблица 1 / Table 1

Предлагаемые критерии применения АУСН как основного специального налогового режима / The proposed criteria for the application of the automated simplified taxation system as the main special tax regime

Вид деятельности / Type of activity		Доход в год и среднесписочная численность сотрудников / Annual income and the average number of employees	
		Общий случай / The general case	Переходный период / The transition period
АУСН 3 уровня / ASTS 3rd level	Обрабатывающие, добывающие и производственные сферы, в том числе строительство	До 140 млн руб. и до 50 чел.	До 200 млн руб. и до 100 чел.
	Оптовая торговля	До 130 млн руб. и до 12 чел.	До 160 млн руб. и до 20 чел.
	Розничная торговля	До 120 млн руб. и до 15 чел.	До 150 млн руб. и до 30 чел.
	Сфера услуг	До 100 млн руб. и до 25 чел.	До 130 млн руб. и до 40 чел.
	Научная сфера	До 120 млн руб. и до 25 чел.	До 150 млн руб. и до 40 чел.
АУСН 2 уровня / ASTS 2nd level	Обрабатывающие, добывающие и производственные сферы, в том числе строительство	До 65 млн руб. и до 30 чел.	До 85 млн руб. и до 45 чел.
	Оптовая торговля	До 65 млн руб. и до 8 чел.	До 85 млн руб. и до 15 чел.
	Розничная торговля	До 60 млн руб. и до 10 чел.	До 70 млн руб. и до 15 чел.
	Сфера услуг	До 50 млн руб. и до 15 чел.	До 60 млн руб. и до 20 чел.
	Научная сфера	До 60 млн руб. и до 15 чел.	До 80 млн руб. и до 20 чел.
АУСН 1 уровня / ASTS 1st level	Обрабатывающие, добывающие и производственные сферы, в том числе строительство	До 35 млн руб. и до 10 чел.	До 40 млн руб. и до 20 чел.
	Оптовая торговля	До 35 млн руб. и до 5 чел.	До 40 млн руб. и до 7 чел.
	Розничная торговля	До 30 млн руб. и до 5 чел.	До 35 млн руб. и до 7 чел.
	Сфера услуг	До 25 млн руб. и до 7 чел.	До 30 млн руб. и до 10 чел.
	Научная сфера	До 30 млн руб. и до 7 чел.	До 35 млн руб. и до 10 чел.
НПД / PIT	Все, кроме некоторых видов деятельности	2,4 млн руб. Не может нанимать сотрудников	

Источник / Source: составлено автором на основе анализа открытых данных, размещенных на сайте URL: <https://www.nalog.gov.ru/opendata/> / compiled by the author based on the analysis of open data sets posted on the website URL: <https://www.nalog.gov.ru/opendata/>.

Примечание / Note: АУСН / Automated simplified taxation system – ASTS; НПД / Professional income tax – PIT.

месяца начиная с первого числа следующего месяца после превышения условий применения, присущих переходному периоду.

Схема перехода на АУСН будет являться линейной, и ее визуализация представлена на рисунке.

При предоставлении предпринимателям мер поддержки необходимо усиливать работу по недопу-

щению возможных злоупотреблений, например ограничения возможности для незаконной налоговой оптимизации посредством применения практики «дробления бизнеса»⁵. Прежде всего АУСН не должны

⁵ Simples Nacional. URL <https://www8.receita.fazenda.gov.br/simplesnacional>.

Таблица 2 / Table 2

Предлагаемые изменения АУСН / The proposed changes to the ASTS

Вид деятельности / Type of activity		Объект налогообложения и ставка налога / The object of taxation and the tax rate			Ограничения / Limitations
		Общий случай / The general case	Переходный период / The transition period	Буферная зона / Buffer zone	
АУСН 3 уровня / ASTS 3rd level	Обрабатывающие, добывающие и производственные сферы, в том числе строительство	6% для объекта «Доход» и 15% для объекта «Доход, уменьшенный на расход» или минимальный налог	8% для объекта «Доход» и 20% для объекта «Доход, уменьшенный на расход» или минимальный налог	8% для объекта «Доход», 20% для объекта «Доход, уменьшенный на расход»; НДС по общим ставкам. Страховые взносы отдельно	ИП и юридические лица. Нельзя иметь в долях юридическое лицо. Ограничения, прописанные в ч. 2 ст. 3 Федерального закона от 25.02.2022 № 17-ФЗ
	Оптовая торговля	1% с дохода; НДС по ставкам 0% и 3% без вычета или по общим ставкам. Страховые взносы отдельно	1% с дохода; НДС по ставкам 0% и 3% без вычета или по общим ставкам. Страховые взносы отдельно		
	Розничная торговля				
	Сфера услуг				
	Научная сфера				
АУСН 2 уровня / ASTS 2nd level	Обрабатывающие, добывающие и производственные сферы, в том числе строительство	4% для объекта «Доход» и 10% для объекта «Доход, уменьшенный на расход» или минимальный налог	5% для объекта «Доход» и 13% для объекта «Доход, уменьшенный на расход» или минимальный налог	5% для объекта «Доход» и 13% для объекта «Доход, уменьшенный на расход» или минимальный налог	
	Оптовая торговля	1% с дохода; Страховые взносы отдельно	1% с дохода; Страховые взносы отдельно	1% с дохода; НДС по ставкам 0% и 3% без вычета или по общим ставкам. Страховые взносы отдельно	
	Розничная торговля				
	Сфера услуг				
	Научная сфера				
АУСН 1 уровня / ASTS 1st level	Обрабатывающие, добывающие и производственные сферы, в том числе строительство	3% с дохода на страховые взносы	4% с дохода на страховые взносы	3% для объекта «Доход» и 8% для объекта «Доход, уменьшенный на расход» или минимальный налог 1% с дохода; Страховые взносы отдельно	Только впервые созданные ИП в течение 1 года с момента открытия. Ограничения, прописанные в ч. 2 ст. 3 Федерального закона от 25.02.2022 № 17-ФЗ
	Оптовая торговля				
	Розничная торговля				
	Сфера услуг				
	Научная сфера				
НПД / PIT	Все, кроме некоторых видов деятельности	Объект «Доход» 6% при расчетах с юридическими лицами, 4% с физическими лицами			Физические лица, в том числе ИП, кроме некоторых видов деятельности

Источник / Source: Составлено автором / compiled by the author.

Примечание / Note: АУСН / Automated simplified taxation system – ASTS; НПД / Professional income tax – PIT.

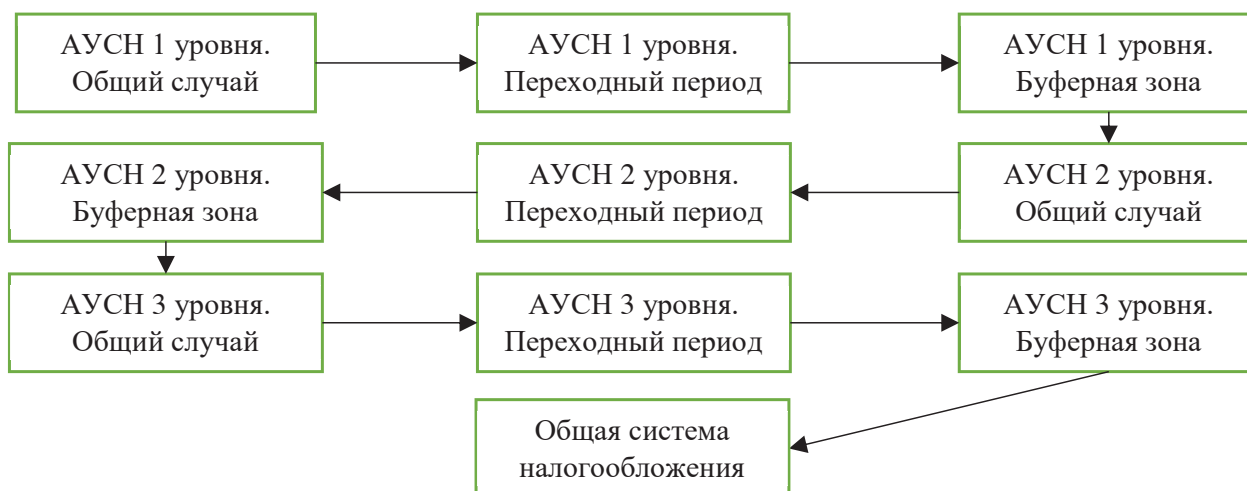

Рис. / Fig. Схема «бесшовного» перехода на АУСН /
The scheme of a “seamless” transition to an automated simplified taxation system

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

применять предприятия, акционерами которых являются юридические лица, поскольку крупные компании, обладая возможностью создавать дочерние предприятия со статусом микропредприятий, получают возможность снижения своих налоговых обязательств.

Применять АУСН первого уровня смогут только впервые зарегистрированные индивидуальные предприниматели в течение 12 месяцев с момента их открытия.

Целесообразно сохранить ограничения по видам деятельности, установленные в настоящее время в ч. 2 ст. 3 Федерального закона от 25.02.2022 № 17-ФЗ для всех уровней АУСН, а также зафиксировать общий критерий предельной остаточной стоимости основных средств для всех уровней АУСН, не превышающий 200 млн руб., как это сделано в реформе по УСН 2025 г..

Обзор предложенных налоговых ставок (табл. 2) следует начать с формулирования целевых установок для каждого из предложенных уровней АУСН.

Основной задачей АУСН первого уровня является создание благоприятных условий для новых предприятий. Для этого использован механизм налоговых каникул, т.е. ставки в размере 0%, позволяющий освобождать начинающих предпринимателей от необходимости уплачивать подоходный налог в начале предпринимательской деятельности независимо от их территориального расположения.

С целью упрощения исчисления и уплаты страховых взносов для предприятий, использующих

АУСН первого уровня (за исключением организаций, перешедших в буферную зону), предусмотрено включение страховых взносов непосредственно в ставку налога, как это реализовано в текущей версии АУСН. Однако важная особенность данного механизма заключается в том, что предприниматели компенсируют без участия сотрудников бюджетные потери, возникающие при применении льготной ставки для организаций с числом работников до пяти человек. Следовательно, увеличение числа сотрудников свыше этой нормы при сохранении единой ставки становится убыточным для бюджета. Поэтому механизм включения страховых взносов в ставку налога может быть необязательным для всей системы АУСН, а ограничиваться только начинающими предприятиями, т.е. исключительно в рамках применения налогоплательщиками, находящимися на АУСН первого уровня, у которых проблема неформальной занятости достаточно высока.

Вместе с тем для минимизации выпадающих доходов во внебюджетные фонды и сохранения упрощенного расчета единого налога для предпринимателей, применяющих АУСН первого уровня, предлагается повысить ставку страховых взносов. Таким образом, надбавка к базовой ставке АУСН для целей уплаты страховых взносов будет составлять 3%, а в переходный период — 4%, что связано с риском сокращения поступлений во внебюджетные фонды при превышении ограничения количества сотрудников в пять человек (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Расчет выпадающих доходов при АУСН в случае увеличения количества сотрудников / Calculation of the loss of income at the ASTS in case of an increase in the number of employees

Количество работников, чел. / Number of employees, people	Зарботная плата, тыс. руб. / Salary, thousand rubles	Доход, тыс. руб. / Income, thousand rubles	Расход, тыс. руб. / Consumption, thousand rubles	АУСН 2%, тыс. руб. / Tax 2%, thousand rubles	АУСН 6%, тыс. руб. / ASTS 6%, thousand rubles	УСН 6%, тыс. руб. (уменьшен на страховые взносы) / STS 6%, thousand rubles (reduced by insurance premiums)	Страховые на УСН, тыс. руб. / Insurance on the STS, thousand rubles	Потери внебюджетных фондов / Losses of extra-budgetary funds
0	0	40 000	24 000	800	2400	2178	442,8	357 158
1	600	40 000	24 000	800	2400	2132	535,2	264 728
2	1200	40 000	24 000	800	2400	2084	630,1	169 868
3	1800	40 000	24 000	800	2400	2037	724,9	75 008
4	2400	40 000	24 000	800	2400	1990	819,8	-19 852
5	3000	40 000	24 000	800	2400	1880	1038,6	-238 642
6	3600	40 000	24 000	800	2400	1 821	1157,6	-357 802

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Примечание / Note: АУСН / Automated simplified taxation system – ASTS; НПД / Professional income tax – PIT / Simplified taxation system – STS.

В свою очередь основной задачей АУСН второго и третьего уровней является поддержка уже развитых субъектов малого предпринимательства с равномерным увеличением налоговой нагрузки по мере их развития.

Для этих целей налоговые ставки, представленные в табл. 2 для АУСН второго и третьего уровня, проанализированы посредством моделирования оптимального налогообложения, что позволило определить равномерное распределение налоговой нагрузки при разных объектах налогообложения, включая «доход» (табл. 4) и «доход, уменьшенный на величину расхода» (табл. 5) в сравнении с классическим УСН на каждом уровне АУСН.

В рассматриваемой модели индивидуальный предприниматель относится к категории малого предпринимательства, что означает применение льготной ставки 15% к взносам по заработной плате свыше минимального размера оплаты труда, который на начало 2023 г. составлял 16,2 тыс. руб. При этом размер заработной платы на одного сотрудника

составляет около 50 тыс. руб. (средняя заработная плата по данным Сбербанка)⁶.

Таким образом, результаты моделирования, основанного на предложенной модели, подтвердили, что установленные налоговые ставки способствуют поэтапному увеличению налогового бремени в зависимости от роста экономических показателей предпринимателя и могут соответствовать концепции справедливого налогообложения, обозначенного Президентом Российской Федерации В.В. Путиным в Послании Федеральному Собранию.

Следует также отметить, что страховые взносы для АУСН второго и третьего уровня будут исчисляться и уплачиваться налогоплательщиком по общим правилам, т.е. не будут включаться в налоговую ставку, как это предусмотрено для АУСН первого уровня. При этом, учитывая, что все расчеты будут производиться в автоматическом режиме

⁶ Медианная зарплата в РФ. URL <https://sberindex.ru/ru/dashboards/median-wages>.

Таблица 4 / Table 4

Показатели деятельности предпринимателя в сравнении предложенной модели АУСН и классической УСН (объект «доходы») / Indicators of an entrepreneur's activity in comparison of the proposed ASTS model and the classical STS (income object)

Налоговый режим / Tax regime	Количество работников, чел. / Number of employees, people	Расход, тыс. руб. / Expense, thousand rubles	Доход, тыс. руб. / Income, thousand rubles	НДС, тыс. руб. / VAT, thousand rubles	АУСН, тыс. руб. / ASTS, thousand rubles	УСН 6%, тыс. руб. / STS, thousand rubles	Страховые взносы, всего тыс. руб. / Insurance premiums, total thousand rubles	Налоговая нагрузка АУСН / The tax burden of the ASTS	Налоговая нагрузка УСН 6% / Tax burden of STS 6%
АУСН 1 общий / ASTS 1 The general case	5	9000	30 000	н/д	900	1393	471,87	3,00	7,36
АУСН 1 переходный / ASTS 1 The transition period	7	10 500	35 000	н/д	1400	1573	661,59	4,00	7,51
АУСН 1 буферный / ASTS 1 Buffer zone	8	12 000	40 000	н/д	600	1800	756,45	4,50	7,50
АУСН 2 общий / ASTS 2 The general case	10	18 000	60 000	н/д	1605	2805	946,17	5,32	7,32
АУСН 2 переходный / ASTS 2 The transition period	15	21 000	70 000	н/д	2418	3118	1420,47	6,55	7,55
АУСН 2 буферный / ASTS 2 Buffer zone	20	30 000	100 000	3000	3531	4531	1894,77	6,47	7,47
АУСН 3 общий / ASTS 3 The general case	30	36 000	120 000	3600	5157	5157	2843,37	10,70	7,70
АУСН 3 переходный / ASTS 3 The transition period	35	45 000	150 000	4500	9570	6570	3317,67	12,62	7,62
АУСН 3 буферный / ASTS 3 Buffer zone	40	48 000	160 000	6240	10 083	6883	3791,97	13,60	7,70
ОСНО / TGSOT	45	100 000	200 000	7800	25 000	х	8100	20,45	

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Примечание / Note: АУСН / Automated simplified taxation system – ASTS; НДС / Professional income tax – PIT; ОСНО (общая система налогообложения) / The general system of taxation – TGSOT; УСН / Simplified taxation system – STS.

Таблица 5 / Table 5

Показатели деятельности предпринимателя в сравнении предложенной модели АУСН и классической УСН (объект «доходы, уменьшенные на расходы») / Entrepreneur's performance indicators in comparison of the proposed ASTS model and the classic STS (object "income reduced by expenses")

Налоговый режим / Tax regime	Количество работников, чел. / Number of employees, people	Расход, тыс. руб. / Expense, thousand rubles	Доход, тыс. руб. / Income, thousand rubles	НДС, тыс. руб. / VAT, thousand rubles	АУСН, тыс. руб. / ASTS, thousand rubles	УСН 15%, тыс. руб. / STS, thousand rubles	Страховые взносы, всего тыс. руб. / Insurance premiums, total thousand rubles	Налоговая нагрузка АУСН / The tax burden of the ASTS	Налоговая нагрузка УСН 15% / Tax burden of STS 15%
АУСН 1 общий / ASTS 1 The general case	8	27 000	30 000	н/д	900	328	472	3,00	3,81
АУСН 1 переходный / ASTS 1 The transition period	10	31 500	35 000	н/д	1400	367	662	4,00	4,06
АУСН 1 буферный / ASTS 1 Buffer zone	12	36 000	40 000	н/д	320	420	756	3,80	4,05
АУСН 2 общий / ASTS 2 The general case	15	54 000	60 000	н/д	600	662	946	3,65	3,75
АУСН 2 переходный / ASTS 2 The transition period	20	63 000	70 000	н/д	910	726	1420	4,39	4,13
АУСН 2 буферный / ASTS 2 Buffer zone	30	90 000	100 000	3000	1300	1059	1895	4,24	4,00
АУСН 3 общий / ASTS 3 The general case	50	108 000	120 000	3600	1800	1187	2843	7,91	4,39
АУСН 3 переходный / ASTS 3 The transition period	60	135 000	150 000	4500	3000	1521	3318	8,24	4,25
АУСН 3 буферный / ASTS 3 Buffer zone	70	144 000	160 000	6240	3200	1585	3792	9,30	4,39
ОСНО / TGSOT	100	180 000	200 000	7800	4000	х	8314	11,58	

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Примечание / Note: АУСН / Automated simplified taxation system – ASTS; НПД / Professional income tax – PIT; ОСНО (общая система налогообложения) / The general system of taxation – TGSOT; УСН / Simplified taxation system – STS.

на основе данных из личного кабинета налогоплательщика АУСН, возможно внедрение механизмов для автоматического расчета страховых взносов из сумм выплаченной заработной платы, а также автоматического вычета суммы страховых взносов из налога в случае возникновения соответствующего права у налогоплательщика.

Также в рамках предложенной модели развития АУСН необходимо реализовать алгоритм автоматического определения оптимального объекта налогообложения между «доходом» и «доходом, уменьшенным на расход», что обеспечит предпринимателям возможность адаптивного принятия решений по изменению или корректировке вида деятельности, максимизируя тем самым эффективность от налоговой поддержки.

Одновременно с этим предприниматели, относящиеся к АУСН третьего уровня, а также в буферной зоне АУСН второго уровня, будут являться обязательными плательщиками НДС. Им будет предоставлен выбор уплачивать НДС по сниженным налоговым ставкам, но без возможностей применения вычетов или уплачивать НДС по общим правилам с применением вычетов.

Для расчета сниженной налоговой ставки использовался метод определения средней эффективной ставки для всех видов деятельности с диапазоном доходов от 60 до 150 млн руб. Эта ставка была определена как соотношение суммы исчисленного НДС, подлежащего уплате в бюджет, к выручке от реализации, согласно данным бухгалтерской отчетности и отчету 1-НДС (табл. 6).

С точки зрения технической реализации интеграция раздела, касающегося учета НДС, в личный кабинет предпринимателя — плательщика АУСН представляется вполне осуществимой вследствие того, что вся информационная база данных содержится в единой автоматизированной информационной системе «Налог-3», которая включает функциональные модули как для учета контрольно-кассовой техники (АСК ККТ⁷ и ПП ОК — прикладная подсистема «Оперативный контроль»), так и для учета НДС [(АСК НДС-2) или прикладная подсистема НДС], а также общее досье налогоплательщика [6]. Учитывая, что операции, формирующие налоговую

⁷ АСК ККТ — автоматизированная система контроля контрольно-кассовой техники.

Таблица 6 / Table 6

Расчет эффективной налоговой ставки по НДС для предложенной модели АУСН / Calculation of the effective VAT tax rate for the proposed ACC model

Регион плательщика с доходами от 60 млн руб. до 150 млн руб. / The payer's region with incomes from 60 million rubles to 150 million rubles	Выручка от реализации по данным бухгалтерской отчетности (тыс. руб.) / Revenue from sales according to accounting statements (thousand rubles)	Сумма НДС, исчисленная к уплате в бюджет (тыс. руб.) / The amount of VAT calculated for payment to the budget (thousand rubles)	Эффективная ставка, % / Effective interest rate, %
Республика Татарстан / The Republic of Tatarstan	327 375 048	10 796 940	3,51
г. Москва / Moscow	38 738 468	1 492 310	4,17
Республика Дагестан / Republic of Dagestan	23 753 099	608 816	2,79
Российская Федерация / Russian Federation	1 234 768 214	40 744 367	3,62
Контрольная выборка по данным 1-НДС (при всех доходах) / Control sample based on data 1-VAT (for all incomes)	237 611 862 400	7 392 163 284	3,11

Источник / Source: Составлено автором на основе анализа наборов открытых данных, размещенных на сайте <https://www.nalog.gov.ru/opendata/> / compiled by the author based on the analysis of open data sets posted on the website <https://www.nalog.gov.ru/opendata/>.

базу, пополняют витрину данных личного кабинета АУСН посредством отображения расчетов со счетов в уполномоченных коммерческих банках, контрольно-кассовой техники, а также ручного ввода, можно предположить, что технически возможной является интеграция функциональных модулей для создания цепочек по НДС и его вычета, формирования электронных счетов-фактур в личном кабинете предпринимателя или их замены кассовым чеком.

Вместе с тем при таких расчетах между предпринимателями, находящимися на АУСН, становится также возможным переход на кассовый метод расчета НДС без необходимости формирования счетов-фактур в целом. В работе А. В. Шкрета и А. С. Гавердовского описывается механизм осуществления расчетов между предпринимателями с «созданием специальных счетов НДС, на которые переначисляется НДС по каждой сделке, в то время как основная сумма передается контрагенту» [7]. Такой механизм позволит преодолеть проблему налоговых разрывов [8; 9], поскольку сумма НДС будет отделяться автоматически в режиме реального времени в момент осуществления расчета между контрагентами, исключая не только формирование счетов-фактур, но и его отражения в налоговой декларации по НДС. Однако такое взаимодействие возможно только при безналичном расчете. В случае наличного расчета без счетов-фактур и деклараций по НДС не обой-

тись [10; 11]. Таким образом, налоговый период для безналичных расчетов между плательщиками АУСН по НДС предполагается равным одному месяцу без подачи налоговой декларации и выставления счетов-фактур, а для остальных случаев — кварталу и с подачей налоговой декларации и оформлением счетов-фактур.

ВЫВОДЫ

Предложенная модель развития АУСН позволяет решить сразу несколько фундаментальных проблем, а именно:

1) предоставление государственной поддержки микропредприятиям, дифференцированной не только по видам деятельности, но и по дополнительным подкатегориям в зависимости от этапа их развития;

2) унификация критериев по МСП и предложенных критериев по АУСН, что должно привести к большему пониманию со стороны предпринимателей того, какие меры поддержки им могут быть предоставлены;

3) замена пяти специальных налоговых режимов на два основных, таких как АУСН и НПД, а также ЕСХН для сельхозтоваропроизводителей, которая позволяет сократить временные затраты на выбор режима и ресурсы, затраченные на их администрирование.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Садыков А. М. О необходимости модернизации специальных налоговых режимов. *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2024;147(6):263–272.
2. Пьянова М. В. О необходимости реформирования налогообложения малого и среднего предпринимательства. *Налоги*. 2023;(1):2–9.
3. Пансков В. Г. О перестройке системы налогообложения малого предпринимательства. *Финансы*. 2022;(1):13–19.
4. Смирнов Д. А. Садыков А. М. Субъектно-ориентированный подход при налоговом регулировании малых и средних предприятий. *Инновационное развитие экономики*. 2023;76(4):187–192.
5. Садыков А. М. Использование субъектно-ориентированного подхода при оказании поддержки субъектам МСП. *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2024;143(2):76–84.
6. Муравлева Т. В. Цифровые тренды налогового контроля. *Вестник Российского университета кооперации*. 2022;49(3). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-trendy-nalogovogo-kontrolya>.
7. Шкрет А. В. Гавердовский А. С. Налоги: прошлое, настоящее и будущее. М.: Национальный Открытый Университет «ИНТУИТ»; 2024. 776 с.
8. Гончаренко Л. И. Оценка применения и возможности повышения результативности антисанкционных налоговых решений в поддержку бизнеса. *Экономика. Налоги. Право*. 2023;16(3):24–34.
9. Адвокатова А. С. Налоговый контроль в условиях модификации отношений налоговых органов и налогоплательщиков. Монография. М.: Русайнс; 2020. 190 с.
10. Гончаренко Л. И. Налоговые преференции в пространственном развитии страны: терминологический аспект исследования. *Финансы: теория и практика*. 2024;28(4):108–121.

11. Исследование альтернативных концепций налогового регулирования как фактора обеспечения новой индустриальной революции в России. Монография. Гончаренко Л. И., Вишневский В. П., Гурнак А. В., ред. М.: КноРус; 2023. 486 с.

REFERENCES

1. Sadykov A.M. On the need to modernize special tax regimes. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya = Economics and management: Problems, solutions*. 2024;147(6):263–272. (In Russ.).
2. Pyanova, M.V. On the need to reform taxation of small and medium-sized enterprises. *Nalogi = Taxes*. 2023;(1):2–9. (In Russ.).
3. Panskov, V.G. On the restructuring of the taxation system of small business. *Finansi = Finance*. 2022;(1):13–19. (In Russ.).
4. Smirnov D.A. Sadykov A.M. A subject-oriented approach to tax regulation of small and medium-sized enterprises. *Innovacionnoe razvitie ekonomiki = Innovative development of the economy*. 2023;76(4):187–192. (In Russ.).
5. Sadykov A.M. The use of a subject-oriented approach in providing support to SMEs. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya = Economics and management: Problems, solutions*. 2024;143(2):76–84. (In Russ.).
6. Muravleva T.V. Digital trends in tax control. *Vestnik Rossijskogo universiteta kooperacii = Bulletin of the Russian University of Cooperation*. 2022;49(3). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-trendy-nalogovogo-kontrolya>. (In Russ.).
7. Shkred A.V. Gaverdovsky A.S. Taxes: Past, present and future. Moscow: National Open University “INTUIT”; 2024. 776 p. (In Russ.).
8. Goncharenko L.I. Evaluation of the application and possibility of increasing the effectiveness of anti-sanction tax solutions in support of business. *Ekonomika. Nalogi. Pravo. = Economics, taxes & law*. 2023;16(3):24–34. (In Russ.).
9. Advokatova A.S. Tax control in the context of modification of relations between tax authorities and taxpayers. Monograph. Moscow: Rusajns; 2020. 190 p. (In Russ.).
10. Goncharenko L.I. Tax preferences in the spatial development of the country: The terminological aspect of the study. *Finansy: teorija i praktika = Finance: theory and practice*. 2024;28(4):108–121. (In Russ.).
11. Study of alternative concepts of tax regulation as a factor in ensuring the new industrial revolution in Russia. Monograph. Goncharenko L. I., Vishnevsky V. P., Gurnak A. V., eds. Moscow: KnoRus; 2023. 486 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Александр Маратович Садыков — консультант, Управление оперативного контроля ФНС России, Москва, Россия; аспирант, Финансовый университет, Москва, Россия

Aleksandr M. Sadykov — Consultant, Department of Operational Control of the Federal Tax Service of Russia, Moscow, Russia; postgraduate student, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0009-0002-5791-1801>

Cadco_S@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 13.01.2025; принята к публикации 25.03.2025.

The article was received 13.01.2025; accepted for publication 25.03.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-162-171
УДК 336.201(045)
JEL H21, H30

Возможности увеличения региональных доходов от транспортного налогообложения на примере зарубежных стран

Е.Н. Елисеева, А.А. Кузьмина

Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС», Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Актуальность исследования заключается в рассмотрении сущности и проблем, связанных с транспортным налогообложением, и определении роли налогового потенциала в формировании регионального бюджета в современных экономических условиях. Важность учета зарубежного опыта по транспортному налогообложению обусловлена возможностью снижения рисков и устранения пробелов в законодательстве при грамотном формировании финансовых и правовых предписаний стимулирующего и ограничивающего воздействия. *Предмет исследования* — налогообложение транспорта в зарубежных странах. *Цель работы* — установление возможности укрепления налогового потенциала региона на примере различных моделей увеличения доходов от транспортного налогообложения. В исследовании выявлены и проанализированы положительные и отрицательные тенденции в исчислении и уплате транспортного налога, проведена оценка состояния и возможности укрепления налогового потенциала региона на примере Калужской области, если следовать практике транспортного налогообложения зарубежных стран. В работе представлены различные модели налогообложения зарубежных стран с учетом мировой тенденции к экологизации транспорта. *Источниками информации* стали публикации российских и зарубежных ученых, касающиеся повышения эффективности использования методов определения налогового потенциала и применения транспортного налога, также представлен сравнительный анализ зарубежного опыта европейских стран в части установления ставок транспортного налогообложения и укрепления законодательной базы, направленного на повышение доходов бюджета и обеспечение экологической безопасности. В частности, особенностью транспортного налогообложения в зарубежной практике является включение транспортного налога в стоимость топлива в отличие от российской системы налогообложения, в которой налоговая база определяется исходя из мощности двигателя транспортного средства в лошадиных силах. *Сделан вывод* о том, что применение опыта зарубежных стран по транспортному налогообложению может быть полезным для повышения регионального дохода от транспортного налогообложения и улучшения экологичности транспортных средств.

Ключевые слова: региональная экономика; налогообложение; транспортное средство; налоговый потенциал; экология

Для цитирования: Елисеева Е.Н., Кузьмина А.А. Возможности увеличения региональных доходов от транспортного налогообложения на примере зарубежных стран. *Экономика. Налоги. Право.* 2025;18(2):162-171. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-162-171

ORIGINAL PAPER

The Possibilities of Increasing Regional Revenues from Transport Taxation Using the Example of Foreign Countries

E.N. Eliseeva, A.A. Kuzmina

National Research Technological University "MISIS", Moscow, Russia

ABSTRACT

The relevance of the research lies in considering the essence and problems related to transport taxation and determining the role of tax potential in shaping the regional budget in modern economic conditions. The importance of taking into account foreign experience in transport taxation is due to the possibility of reducing risks and eliminating gaps in legislation

© Елисеева Е.Н., Кузьмина А.А., 2025

with the proper formation of financial and legal regulations of stimulating and limiting effects. *The subject of the study* is taxation of transport in foreign countries. *The purpose of the work* is to establish the possibility of strengthening the tax potential of the region using the example of various approaches and models for increasing income from transport taxation. The study identified and analyzed positive and negative trends in the calculation and payment of transport taxes, assessed the state and possibilities of strengthening the tax potential of the region using the example of the Kaluga region, if we follow the practice of transport taxation in foreign countries. The paper presents various taxation models of foreign countries, taking into account the global trend towards greening transport. *The sources of information* were publications by Russian and foreign scientists in the field of improving the efficiency of using methods for determining tax potential, including through the use of a transport tax. The study presents a comparative analysis of the foreign experience of European countries in setting transport tax rates and strengthening the legislative framework aimed at increasing budget revenues and ensuring environmental safety. In particular, a feature of transport taxation in foreign practice is the inclusion of transport tax in the cost of fuel, in contrast to the Russian system, in which the tax base is determined based on the horsepower of the vehicle's engine. It is concluded that the application of the experience of foreign countries in transport taxation can be useful for increasing regional income from transport taxation and improving the environmental friendliness of vehicles.

Keywords: regional economy; taxation; vehicle; tax potential; ecology

For citation: Eliseeva E.N., Kuzmina A.A. The possibilities of increasing regional revenues from transport taxation using the example of foreign countries. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(2):162-171. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-162-171

ВВЕДЕНИЕ

Доходы региональных бюджетов состоят из налоговых и неналоговых доходов и безвозмездных поступлений для обеспечения социально-экономического развития региона.

Налоговые доходы субъектов Российской Федерации — это денежные средства, получаемые от взимания обязательных платежей, установленных в Налоговом кодексе Российской Федерации (далее — НК РФ)¹.

Существует множество видов налоговых доходов, которые позволяют изымать излишки ресурсов в различных сферах жизнедеятельности людей и обеспечивать равномерность распределения финансовых ресурсов в обществе.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ВОЗМОЖНОСТИ УКРЕПЛЕНИЯ НАЛОГОВОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА

Наиболее неустойчивая динамика изменения объема и темпов роста доходов в бюджетной системе за определенный период времени свойственна безвозмездным поступлениям на безвозвратной и безвозмездной основе в виде дотаций, субсидий, субвенций из других бюджетов бюджетной системы, а наиболее устойчивая — неналоговым доходам от государственной и муниципальной

собственности или от деятельности с ней, включая аренду и продажу имущества, административные платежи и штрафные санкции.

Современное состояние и возможности укрепления налогового потенциала исследованы в настоящей статье на примере налогового потенциала Калужской области, являющегося предельно возможной величиной налоговых доходов, которая может быть получена бюджетом данного субъекта Российской Федерации за определенный период времени посредством взимания обязательных платежей.

Существует множество методов определения налогового потенциала, каждый из которых служит для выравнивания уровня бюджетной обеспеченности региона. В 2021 г. бюджет Калужской области был профицитным. Его доходы ежегодно увеличивались.

Так, доходы бюджета Калужской области в 2021 г. были больше по сравнению с 2020 г. на 6,18%, а по сравнению с 2019 г. — на 20,61%. Доли, составляющие доходную часть бюджета, в среднем за период 2019–2021 гг. распределились следующим образом: 70,54% — налоговые доходы, 27,77% — неналоговые доходы от использования имущества, находящегося в государственной или муниципальной собственности, после уплаты налогов и сборов, за исключением имущества автономных учреждений, а также государственных и муниципальных предприятий.

Наибольшую долю в налоговых доходах бюджета Калужской области занимают доходы от налога на прибыль организаций, от налога на доходы физических лиц (далее — НДФЛ) и от акцизов. В среднем за период 2019–2021 гг. занимаемая ими доля в нало-

¹ Согласно ст. 56 НК РФ в бюджеты субъектов Российской Федерации подлежат зачислению налоговые доходы от следующих региональных налогов: налога на имущество организаций — по нормативу 100%; налога на игорный бизнес — по нормативу 100%; транспортного налога — по нормативу 100%.

говых доходах составляет 36,03; 32,23 и 20,99% соответственно. Их положительная динамика объясняется увеличением поступлений от прибыли организаций, величины фонда заработной платы, а также поступлений от акцизов на крепкий алкоголь и нефтепродукты.

На динамику неналоговых доходов значительное влияние оказывают доходы от использования государственного имущества и доходы от штрафов, санкций и возмещения ущерба. За период 2019–2021 гг. в среднем занимаемая ими доля в неналоговых доходах составляла 31,98 и 45,14% соответственно.

Наибольшую долю в составе безвозмездных поступлений составляют безвозмездные поступления от других бюджетов бюджетной системы Российской Федерации — 99,15% за период 2019–2021 гг.

Налоговый потенциал Калужской области укреплялся в течение 2019–2021 гг. Об этом свидетельствуют оценка индекса налогового потенциала Минфина России и рассчитанные показатели. Так, за период 2019–2021 гг. налоговый потенциал Калужской области, рассчитанный по фактическому методу на основе последовательного накопления данных о фактически произведенных издержках, увеличился на 13,26%, тогда как по методу репрезентативной налоговой системы, который базируется на прогнозировании потенциально возможных налоговых поступлений в бюджет региона при средних налоговых ставках по стране, соответствующих налоговым базам, — на 12,61%, а индекс налогового потенциала — на 0,003 п.п.

Налоговый потенциал Калужской области зависит от естественного прироста населения и выбросов загрязняющих веществ в атмосферу. По результатам рассмотрения систем транспортного налогообложения различных стран в качестве наиболее близкой к российской модели выбрана модель, используемая в Германии.

К мерам, которые могли бы приниматься в Калужской области по укреплению налогового потенциала региона и увеличению налоговых доходов бюджета, относится изменение ставок транспортного налога для грузового транспорта посредством установления трех видов налоговых ставок в зависимости от возраста транспортного средства, как это делается в Германии. В результате этого мероприятия налоговый потенциал Калужской области увеличился бы в 2022 г. на 2,78% по сравнению с базовыми значениями, в 2023 г. — на 2,94%, в 2024 г. — на 3,15%. Влияние изменения вида ставок, оказываемое на налоговые доходы бюджета Калужской области, могло принести

дополнительно 1,98 млрд руб. в 2022 г., в 2023 г. — 2,3 млрд руб., в 2024 г. — 2,69 млрд руб.

Профилактика роста задолженности хозяйствующими субъектами может осуществляться путем проведения индивидуальных работ с проблемными налогоплательщиками и рассмотрения их проблем на бюджетной комиссии.

Таким образом, для увеличения налоговых доходов бюджета Калужской области и укрепления налогового потенциала необходимо пересмотреть ставки транспортного налога и проводить профилактическую работу с налогоплательщиками по поводу соблюдения ими финансовой дисциплины².

Описанный выше путь увеличения налоговых доходов и укрепления налогового потенциала потребует от законодательных органов региона внесения изменений в закрепленные ныне ставки транспортного налога.

Рассмотрим системы транспортного налогообложения разных стран, чтобы проследить, какие страны используют ставки транспортного налогообложения для улучшения экологической обстановки, а какие — нет.

Практика европейских стран по внедрению новшеств в законодательство в части транспортных налогов показывает, что большинство из них использует градацию ставок, дифференцированную по объему выбросов CO₂: чем больше выбросов, тем выше ставка налога. Такая же ситуация наблюдается и в некоторых других странах³.

ЭКОЛОГИЗАЦИЯ ТРАНСПОРТНОГО НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

В США нет отдельного налога или сбора в зависимости от экологического класса транспортного средства или даты его выпуска из завода. Здесь владелец более экологичного транспортного средства может уменьшать выплачиваемый федеральный акциз на потребляемое топливо, но при покупке транспортных средств налог на их приобретение окажется выше для новых моделей, нежели для бывших в использовании. В качестве транспортного налога можно рассмотреть федеральный акцизный налог на дизельное топливо и газ. Средняя ставка по этому налогу, дифференцирующаяся по регионам в отношении дизельного топлива, составляет 24,4 цента за галлон, на газ — 18,4 цента за галлон.

² Калужская область в цифрах. URL: <https://pre.admoblkaluga.ru/sub/pravit/Finances>.

³ Игонина Л.Л. и др. Региональные и муниципальные финансы. Учебник и практикум для вузов. Л.Л. Игонина, ред. М.: Юрайт; 2022. 168 с.

Ставка налога на газовое топливо изменяется с 8,95 центов за галлон на Аляске до 57,6 центов за галлон в Пенсильвании. Ставка налога на бензин варьируется с 8,95 центов за галлон на Аляске до 74,1 цента за галлон в Пенсильвании [1]. Транспортные средства в Америке при покупке облагаются налогом с продаж. В Делавере, Монтане, Аляске, Орегоне и Нью Хэмпшире налог составляет 0%. Самая высокая ставка налога в Неваде — 8,25%. Средняя ставка налога по регионам США в 2022 г. составляла 4,99%.

МОДЕЛЬ ТРАНСПОРТНОГО НАЛОГА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВРЕДНОСТИ УРОВНЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

В европейских странах существует описанная выше градация по выбросам в атмосферу углекислого газа. Законодательство Германии содержит налог на двигатель, ставки которого дифференцируются в зависимости от года регистрации автомобиля — до 1 июня 2009 г. (рис. 1), до 1 января 2012 г., до 1 января 2014 г.; объема двигателя — до 95, 150, 200, 250, 300 м³ и более; его типа — газовый или бензиновый и, конечно, от выброса углекислого газа, измеряемого в граммах на километр [2]. Для моделей транспортных средств, выпущенных после 2014 г., ставка налога ниже, чем для транспортных средств, выпущенных до 2009 г.

Владельцы транспорта в Германии также обязаны доплачивать 2 евро за каждый грамм дополнительного выброса CO₂ при его несоответствии установленным нормативам.

Во Франции транспортный налог образуется из двух налогов: налога на транспортные средства за загрязнение окружающей среды и регионального налога. Ставка налога на загрязнение окружающей среды варьируется с 0 до 40 тыс. евро в зависимости от количества выделяемого углекислого газа. Она может быть сокращена на 40% при условии, что транспортное средство потребляет смесь Е 85, представляющую собой смесь спиртового топлива, состоящего из 85% денатурированного этанола и 15% бензина, и ее выбросы не превышают 250 г/км. Сокращенные ставки налога применяются к семьям, имеющим не менее трех детей. Распределение ставок налога представлено на рис. 2.

Ставки регионального налога устанавливаются региональными властями Франции. В 2021 г. они изменялись с 41 евро в Новой Аквитании до 51,2 евро в регионе Праванс-Альпы-Лазурный берег. С 2020 г. транспортные средства, работающие на водороде или электричестве, имеют полное или частичное право на освобождение от регионального налога. Два региона (Бретань и Центр-Валь-де-Луар) освобождены от уплаты этого налога в размере 50% частично, а остальные регионы — полностью.

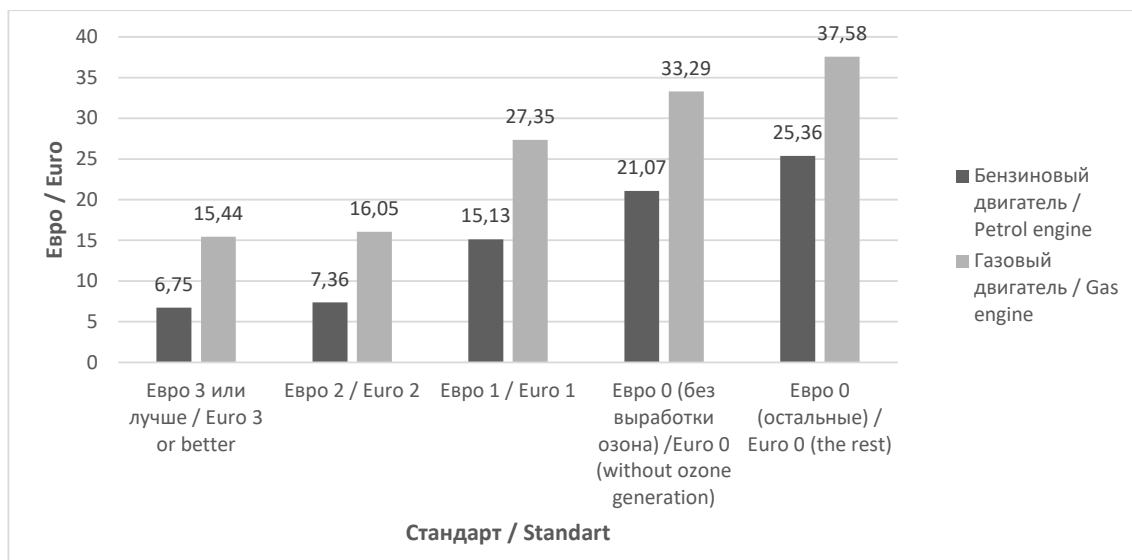

Рис. 1 / Fig. 1. Налоговые ставки в Германии для транспортных средств, зарегистрированных до 1 июня 2009 г., по экологической классификации, евро / Tax rates in Germany for vehicles registered before 01.06.2009 according to environmental classification, euro

Источник / Source: составлено авторами на основании данных [2] / compiled by the authors on the basis of data [2].

Налоговая база по региональному налогу рассчитывается как фискальная мощность по следующей формуле:

$$\Phi M = \frac{CO_2}{45} + \left(\frac{M}{40} \right)^{1,6}, \quad (1)$$

где ΦM — фискальная мощность, л.с.; CO_2 — выбросы углерода, г/км; M — мощность двигателя, л.с. [3].

С начала 2022 г. дополнительно взимается налог, рассчитываемый в зависимости от веса транспортного средства. Так, его владельцы должны будут доплачивать 10 евро за каждый дополнительный килограмм транспортного средства, превышающий 1800 кг.

Великобритания имеет законодательно закрепленный транспортный налог. Его необходимо уплачивать каждые шесть или 12 месяцев. Ставки налога в зависимости от типа двигателя и количества выбросов углекислого газа представлены на рис. 3. В случае, если транспортное средство стоит более 40 тыс. фунтов стерлингов, его владелец должен ежегодно дополнительно уплачивать 335 фунтов стерлингов.

Транспортное средство с нулевым уровнем выбросов освобождается от уплаты транспортного налога. От его уплаты освобождаются тоже владельцы неиспользуемых транспортных средств. Также

существует налог на розничную продажу грузового транспорта, ставка которого составляет 12% от стоимости транспортного средства [4].

В Японии для энергоэффективных транспортных средств, выделяющих небольшое количество загрязняющих веществ, зарегистрированных в 2005 или 2006 г., транспортный налог мог быть уменьшен на 25 или на 50% на один год. Дополнительные критерии для получения данных льгот владельцами транспортных средств устанавливаются Министерством земли, инфраструктуры и транспорта Японии.

В случае транспортных средств, потребляющих дизельное топливо, которые зарегистрированы 11 и более лет назад, или транспортных средств, потребляющих газ, которые достигли возраста 13 лет с момента их выпуска с завода в период 2001–2008 гг., сумма налога увеличивается на 10%.

В Дании для автомобилей с нулевыми выбросами, к которым относятся электромобили, предоставляются налоговые вычеты в размере 1300 датских крон. В 2023 г. вычет составлял 900 датских крон, в 2024–500 датских крон, в 2025 г. он сокращен до нуля. За выбросы углекислого газа владельцы частных автомобилей должны доплачивать следующие суммы: за выбросы углекислого газа от 0

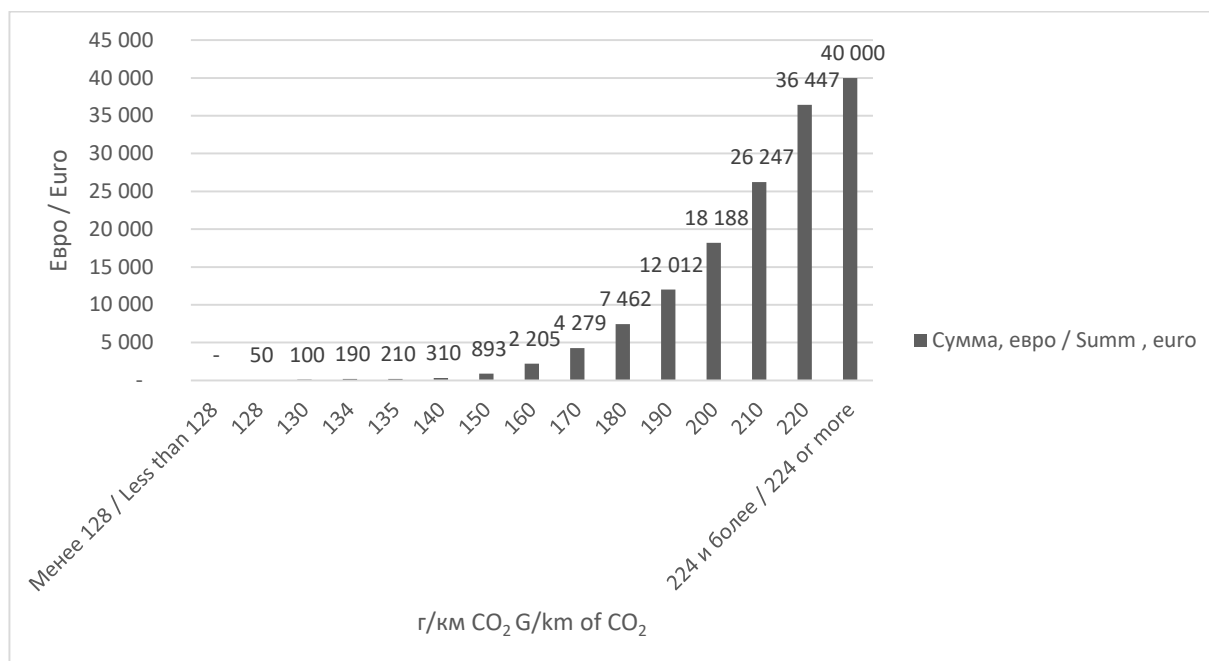

Рис. 2 / Fig. 2. Ставки налога на углеродные выбросы во Франции, евро / Carbon tax rates in France, euro

Источник / Source: составлено авторами на основании данных [3] / compiled by the authors on the basis of data [3].

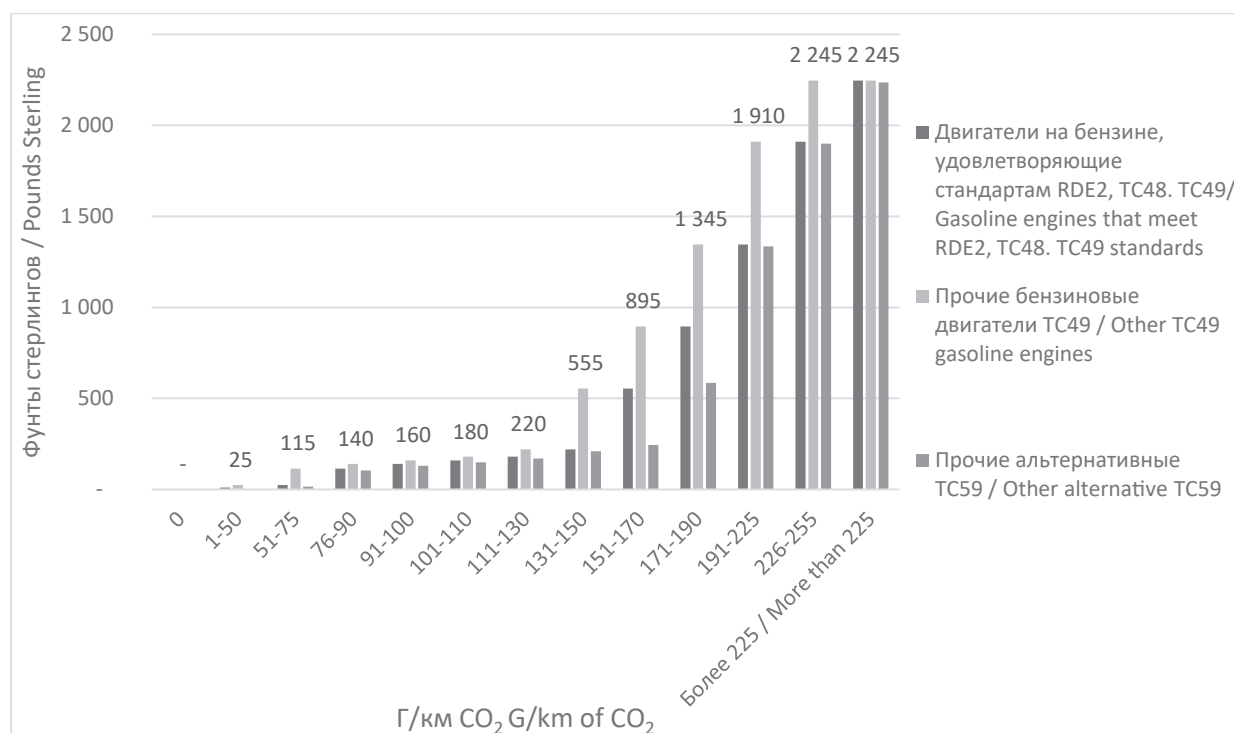

Рис. 3 / Fig. 3. Ставки налога на двигатели в Великобритании в 2022 г., фунты стерлингов / Tax rates on engines in the UK in 2022, pounds sterling

Источник / Source: составлено авторами на основании данных [4] / compiled by the authors on the basis of data [4].

до 121 г/км доплата будет составлять 253 датских кроны за грамм CO₂, за выбросы от 121 до 155 г/км — 506 датских крон за грамм CO₂, за выбросы более 155 г/км — 961 датскую крону за грамм CO₂.

Для владельцев автомобилей существует базовый вычет в размере 21 900 датских крон, который можно будет получить после расчета доплаты за выбросы углекислого газа. Для владельцев фургонов данный вычет составит 30 300 датских крон. Но при этом сумма вычета не может приводить к отрицательному налогу на регистрацию транспортного средства [5].

В Канаде на федеральном уровне в 2020 г. был введен налог на выбросы углекислого газа. Величина этого налога включается в стоимость топлива, причем она варьируется в зависимости от вида топлива. Доходы, получаемые от введенного налога, reinvestируются в экономику в виде поощрения различных организаций за выполняемые ими действия.

В 2020 г. налог на выбросы углекислого газа, включенный в стоимость бензина, составлял 4,42 долл., для пропана ставка составила 3,1 канадских доллара. Прогнозные ставки налога за использование природного газа представлены на рис. 4.

Представленные европейские и канадская модели налогообложения разграничивают автомобили по категориям соответствия уровню выброса углекислого газа, в то время как остальные модели не делают этого.

ТРАНСПОРТНОЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ТЕХНИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК АВТОМОБИЛЯ

Япония не имеет единого транспортного налога. Вместо него существуют налог на покупку автомобиля, ежегодный транспортный налог и налог на вес автомобиля. Последний из налогов требует проверки веса транспортного средства каждые два года. Ставка налога при приобретении транспортного средства для личного пользования составляет 5%, для предпринимательской деятельности — 3%. Рассмотрим ставки ежегодного транспортного налога на примере провинции Айти.

Сумма ежегодного транспортного налога рассчитывается исходя из вида транспортного средства и в случае грузовых машин классифицируется по грузоподъемности, вместимости и размерам — компактной или полной версии транспортного средства. Грузовым автотранспортом в Японии признаются

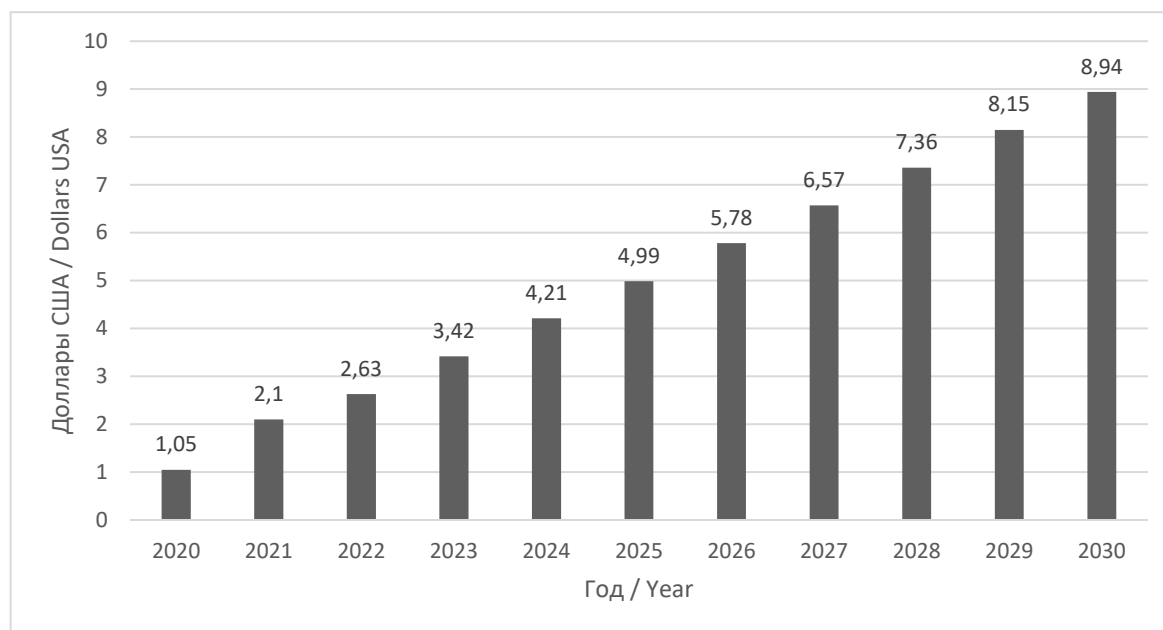

Рис. 4 / Fig. 4. Предельные значения налога на выбросы углекислого газа при потреблении природного газа в провинции Альберта в Канаде в 2020–2030 гг., долл. / Carbon dioxide tax limits for natural gas consumption in the province of Alberta in Canada in 2020–2030, dollars

Источник / Source: составлено авторами на основании данных [1] / compiled by the authors on the basis of data [1].

тракторы, автофургоны и фургоны с прицепом. На рис. 5 отображены суммы ежегодного транспортного налога, взимаемые с машин по их грузоподъемности в тоннах.

Суммы транспортного налога, уплачиваемые физическими лицами, владеющими тракторами, делятся на два вида: для компактных версий тракторов — 10 200 иен, для полных версий — 20 600 иен. Для лиц, использующих тракторы для ведения предпринимательской деятельности, также существуют две различные суммы налога: для компактных версий — 7500 иен, для полных версий — 15 100 иен [5]. Таким образом, суммы транспортного налога для физических лиц выше, чем у лиц, занимающихся предпринимательством.

Подобное деление налоговых сумм к уплате имеют автофургоны. Для физических лиц суммы составляют 5300 иен для компактных версий, 10 200 иен для полных версий с максимальной грузоподъемностью до 8 тонн, причем за каждую дополнительную тонну владелец автофургона должен будет доплачивать 5100 иен. Для юридических лиц суммы меньше: 3900 иен для компактных версий, 7500 иен для полных версий с максимальной грузоподъемностью до 8 тонн, причем за каждую дополнительную тонну владелец автофургона должен будет доплачивать 3800 иен.

Дания имеет несколько налогов на транспортные средства, в совокупности составляющих транспортное налогообложение [6]. К таким налогам относят налог на регистрацию транспортного средства, налог на вес автомобиля и доплату за выбросы углекислого газа. Ставки налога на вес транспортного средства проиллюстрированы на рис. 6. Они различаются по видам транспортных средств, которые группируют следующим образом: частные автомобили, мотоциклы, фургоны и грузовики до 4 тонн, грузовые автомобили свыше 4 тонн, автобусы, транспортные средства с нулевыми выбросами, автомобили с низким уровнем выбросов, дома на колесах. Рассмотрим ставки налога на регистрацию для грузовых автомобилей. Владельцы грузовых автомобилей свыше 4 тонн не имеют обязанности по уплате данного налога.

Владельцы фургонов и грузовиков до 4 тонн не уплачивают налог с первых 75 900 датских крон стоимости транспортного средства, а с суммы, превышающей обозначенную, налог рассчитывается как 50% оставшейся величины [7; 8]. В данной группе существует ограничение налога: для открытых фургонов и грузовиков массой от 3 до 4 тонн налог не может превышать 47 тыс. датских крон.

Австралия имеет налог на роскошные автомобили. Ставка налога на них составляет 33%. Налог

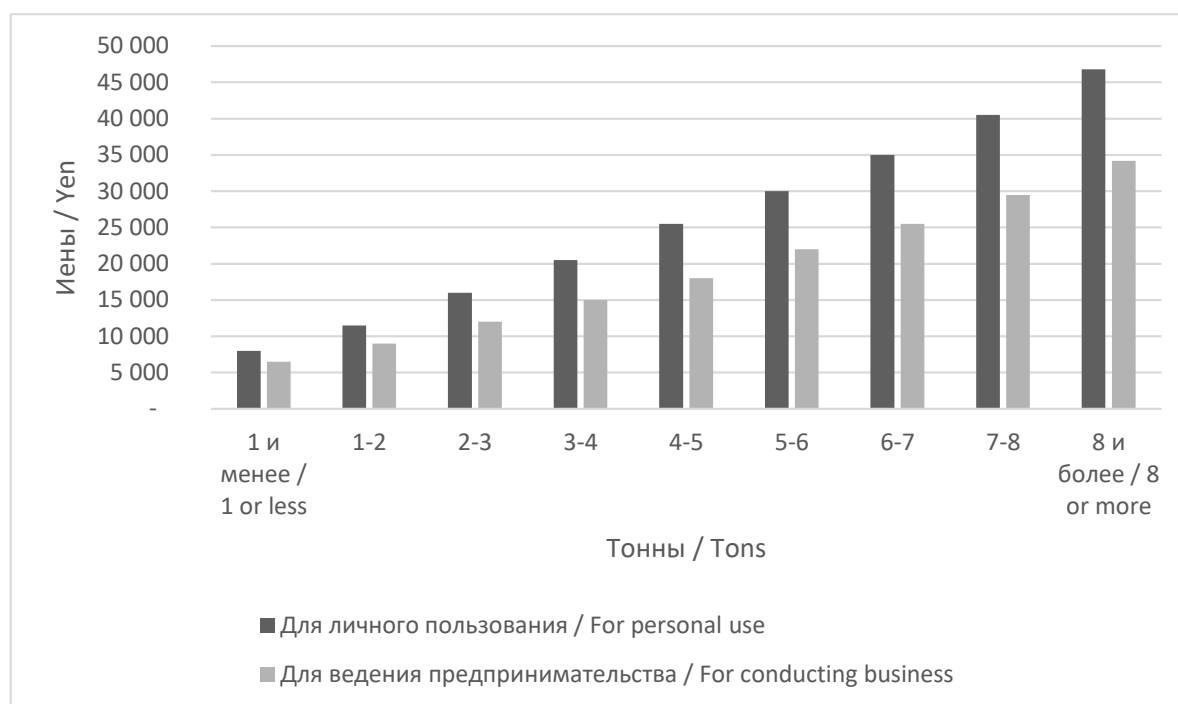

Рис. 5 / Fig. 5. Ставки транспортного налога в Японии, иены / Transport tax rates in Japan, yen

Источник / Source: составлено авторами на основании данных [5] / compiled by the authors on the basis of data [5].

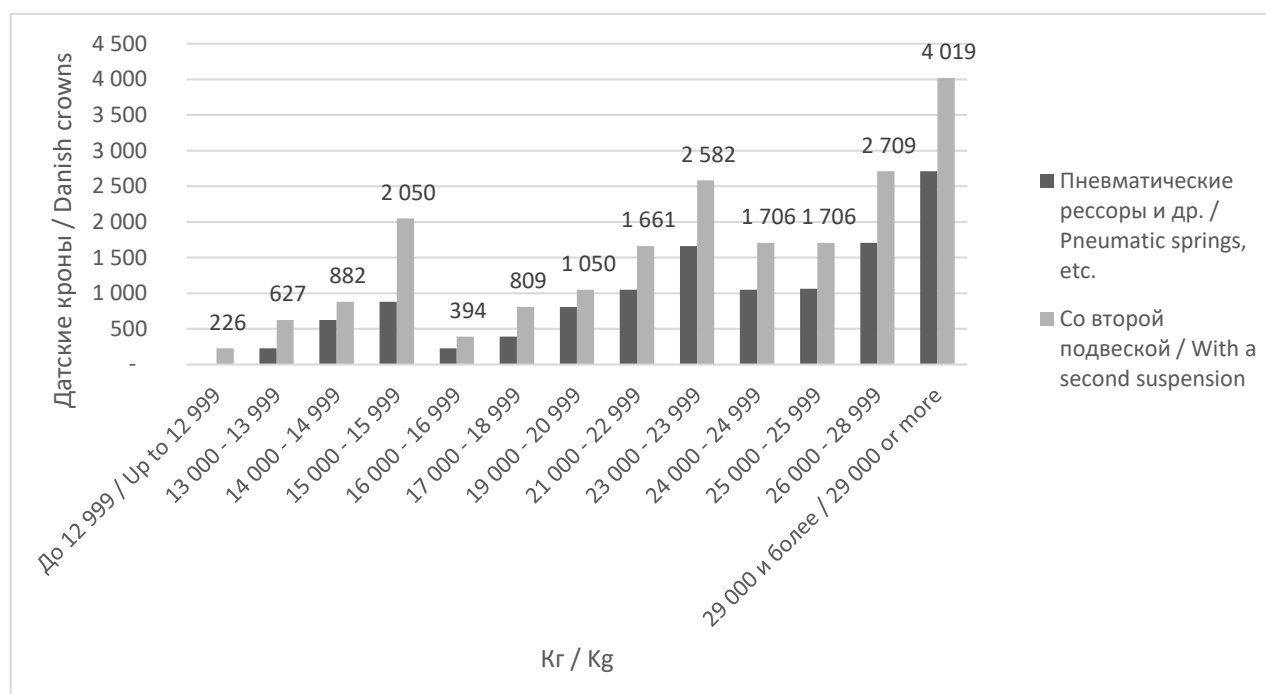

Рис. 6 / Fig. 6. Ставки налога на вес в Дании для грузового транспорта, датские кроны / Weight tax rates in Denmark for freight transport, Danish crowns

Источник / Source: составлено авторами на основании данных [6] / compiled by the authors on the basis of data [6].

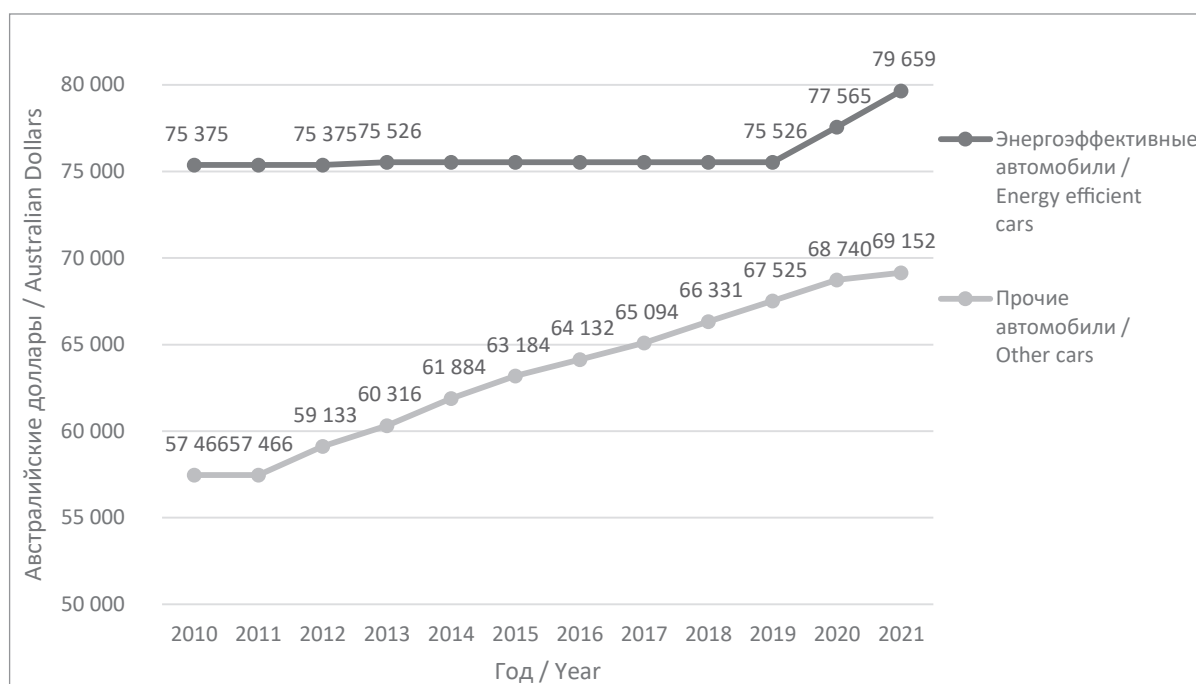

Рис. 7 / Fig. 7. Предельные значения налога на роскошные автомобили в Австралии, австралийские доллары / Limit values of the luxury car tax in Australia, Australian dollars

Источник / Source: составлено авторами на основании данных [1] / compiled by the authors on the basis of data [1].

уплачивается только с тех автомобилей, стоимость которых превышает предельную. В 2021 г. для энергоэффективных автомобилей налог уплачивался владельцами транспортных средств, стоимость которых превышала 79 659 австралийских долларов. Для владельцев всех прочих автомобилей пороговое значение составляло 69 152 австралийских доллара. Предельные значения налога на роскошные автомобили Австралии представлены на рис. 7.

Критический анализ зарубежного опыта исчисления транспортного налога свидетельствует о зависимости налога не только от технических характеристик, но и от экологической безопасности.

ВЫВОДЫ

Зарубежные страны преследуют различные цели, вводя транспортный налог на своей территории. В одной стране владельцы автомобилей платят за вредные выбросы, в другой — за возможность ездить на автомобиле. Особенностью транспортного налогообложения в зарубежной практике является включение налога в стоимость топлива, тогда как в России транспортный налог рассчитывается в отношении каждого транспортного средства по формуле: налоговая база (в отношении автомобиля определяется исходя из мощности двигателя в лошадиных силах) умножается на налоговую ставку [7].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Крайнова И. М. Транспортный налог 2022 г.: изменения и актуальные вопросы исчисления. *Актуальные проблемы и перспективы развития экономики: российский и зарубежный опыт*. 2022;40(2):11–14.
Krainova I. M. Transport tax 2022: Changes and topical issues of calculation. *Aktual'nye problemy i perspektivy razvitiya ekonomiki: rossijskij i zarubezhnyj опыт* = Current problems and prospects of economic development: Russian and foreign experience. 2022;40(2):11–14. (In Russ.).
2. Немыкина О. Е., Голубева А. А. Зарубежный опыт транспортного налогообложения. *Северо-Кавказский юридический вестник*. 2019;(3):130–131.
Nemykina O. E., Golubeva A. A. Foreign experience of transport taxation. *Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik* = North Caucasian Legal Bulletin. 2019;(3):130–131. (In Russ.).
3. Карпенко Е. О., Тычкина А. Д. Изменения в конструкции транспортного средства, влияющие на снижение суммы транспортного налога. XXXV международные плехановские чтения: сборник статей участников: в 4 т.

- М.: Издательство: Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (Москва); 2022:72–75.
Karpenko E.O., Tychkina A.D. Changes in the design of a vehicle affecting the reduction of the amount of transport tax. XXXV international Plekhanov readings: Collection of articles by participants: in 4 volumes. Moscow: Publishing house of Plekhanov Russian University of Economics. 2022:72–75. (In Russ.).
4. Салькина А.Р. Функционирование налоговой системы европейских и азиатских стран с позиции развития понятия налоговых агентов. *Экономика и предпринимательство*. 2022;138(1):216–220.
Salkina A.R. Functioning of the tax system of European and Asian countries from the perspective of the development of the concept of tax agents. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and entrepreneurship*. 2022;138(1):216–220. (In Russ.).
 5. Шелепова Н.В., Сергиенко А.С. Сравнительный анализ налогообложения транспортных средств в Российской Федерации и Японии. *Экономика, предпринимательство и право*. 2023;13(3):839–850.
Shelepova N.V., Sergienko A.S. Comparative analysis of vehicle taxation in the Russian Federation and Japan. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo. = Economics, entrepreneurship and law*. 2023;13(3):839–850. (In Russ.).
 6. Beregieen J. New danish vehicle taxes are still crazy complicated, 5.01.2021. URL: <https://cleantechnica.com/2021/01/05/the-new-danish-vehicle-taxes-are-still-crazy-complicated>.
 7. Черноусова К.С., Макеева И.А., Основина В.В. Налогообложение транспортных средств в России: проблемы и перспективы. *Синергия Наук*. 2018;22:403–408.
Chernousova K.S., Makeeva I.A., Osnovina V.V. Taxation of vehicles in Russia: Problems and prospects. *Sinergiya Nauk = Synergy of Sciences*. 2018;22:403–408. (In Russ.).
 8. Гончаренко Л.И., Адвокатова А.С., Заворыкин А.А. О формировании специфических налоговых инструментов в эпоху четвертой промышленной революции и их влиянии на экономический рост. *Инновационное развитие экономики*. 2023;73(1):46–54.
Goncharenko L.I., Advokatova A.S., Zavorykin A.A. On the formation of specific tax instruments in the era of the fourth industrial revolution and their impact on economic growth. *Innovacionnoe razvitie ekonomiki = Innovative development of the economy*. 2023;73(1):46–54. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Евгения Николаевна Елисеева — кандидат экономических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой экономики, Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС», Москва, Россия

Evgenia N. Eliseeva — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Acting Head of the Department of Economics, National Research Technological University “MISIS”, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-7985-3484>
evgeniyae@mail.ru

Александра Алексеевна Кузьмина — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС», Москва, Россия

Alexandra A. Kuzmina — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. of Department of Economics, National Research Technological University “MISIS”, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-1456-7732>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:
aakuzmina79@mail.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 16.01.2025; принята к публикации 22.03.2025.

The article was received 16.01.2025; accepted for publication 22.03.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-172-180
УДК 338.24(045)
JEL M14

Контроль корпоративной социальной ответственности как элемента публичной нефинансовой отчетности

А.В. Бугреева

Агентство инноваций Москвы, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Актуальность исследования обусловлена тем, что в настоящее время одним из трендов развития выступает внедрение принципов устойчивого развития в деятельность организаций и предприятий. Одной из составляющих концепции устойчивого развития является социальная ответственность бизнеса как перед внутренней средой организации в лице работников, так и перед внешней средой. Деятельность организации напрямую влияет на социально-экономическое развитие общества и окружающую среду, социальные аспекты и экономическое развитие. *Предмет исследования* — корпоративная отчетность российских организаций в области устойчивого развития в части их социальной ответственности. *Цель работы* — разработка предложений по совершенствованию корпоративной отчетности организаций в сфере устойчивого развития общества в разрезе социальной ответственности. В рамках исследования рассмотрены нормативно-правовая база корпоративной отчетности российских организаций, перечни показателей и официальные отчеты в области устойчивого развития. Была выявлена несопоставимость показателей социальной ответственности организаций за период 2022–2023 гг. В связи с этим был предложен к разработке и утверждению национальный стандарт корпоративной отчетности российских организаций. **Ключевые слова:** устойчивое развитие; социальная ответственность; корпоративная отчетность

Для цитирования: Бугреева А.В. Контроль корпоративной социальной ответственности как элемента публичной нефинансовой отчетности. *Экономика. Налоги. Право.* 2025;18(2):172-180. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-172-180

ORIGINAL PAPER

Control of Corporate Social Responsibility as an Element of Public Non-Financial Reporting

A.V. Bugreeva

Moscow Innovation Agency, Moscow, Russia

ABSTRACT

The relevance of the research is due to the fact that currently one of the development trends is the introduction of the principles of sustainable development in the activities of organizations and enterprises. One of the components of the concept of sustainable development is the social responsibility of business both to the internal environment of the organization, represented by employees, and to the external environment. The organization's activities directly affect the socio-economic development of society and the environment, social aspects and economic development. *The subject of the research* is corporate reporting of Russian organizations in the field of sustainable development in terms of their social responsibility. *The purpose of the work* is to develop proposals for improving corporate reporting of organizations in the field of sustainable development of society in the context of social responsibility. The study examines the regulatory framework for corporate reporting of Russian organizations, their lists of indicators and official reports in the field of sustainable development. The disparity in the indicators of social responsibility of organizations for the period 2022–2023 was revealed. In this regard, it was proposed to develop and approve a national standard for corporate reporting of Russian organizations. **Keywords:** sustainable development; social responsibility; corporate reporting

For citation: Bugreeva A.V. Control of corporate social responsibility as an element of public non-financial reporting. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law.* 2025;18(2):172-180. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-172-180

ВВЕДЕНИЕ

В условиях выполнения экологической повестки и общественного контроля за деятельностью организаций все более значимым направлением в их деятельности становится обеспечение корпоративной социальной ответственности (далее — КСО), представляющей собой в общем плане обязательство учитывать в реализуемой деятельности не только собственные интересы, но и потребности общества и окружающей среды.

В последние десятилетия эта тема приобрела особую актуальность, поскольку общество стало все больше осознавать влияние бизнеса на социальные, экономические и экологические аспекты его жизнедеятельности с учетом того, что социальная ответственность бизнеса способствует устойчивому развитию общества, подразумевая обеспечение баланса между его экономическими, экологическими и социальными потребностями.

Организации, учитывающие экологические и социальные последствия своей деятельности, способствуют снижению негативного воздействия на окружающую среду и улучшению качества жизни населения, что в свою очередь обеспечивает конкурентоспособность бизнеса. Однако для эффективной реализации мероприятий в рамках КСО бизнеса необходим соответствующий контроль над ним со стороны государства и общества, поскольку в условиях цифровизации и открытости информации общественное мнение имеет решающее значение для репутации субъектов экономических отношений.

СООТНОШЕНИЕ КСО И ПУБЛИЧНОЙ НЕФИНАНСОВОЙ ОТЧЕТНОСТИ

В современном мире КСО как саморегулируемая бизнес-стратегия, измеряющая влияние деятельности организации на общество и окружающую среду, и публичная нефинансовая отчетность, представляющая собой совокупность сведений и показателей, демонстрирующих цели, подходы и результаты деятельности организаций по всем существенным вопросам социальной ответственности, становятся неотъемлемыми компонентами стратегии управления и, будучи важными аспектами современного бизнеса, способствуют обеспечению устойчивого развития общества [1], отражая стремление субъектов экономических отношений не только к получению прибыли, но и к созданию ме-

ханизмов благоприятного влияния на общество и окружающую среду.

Взаимосвязь КСО и публичной нефинансовой отчетности позволяет организациям не только повышать прозрачность своей деятельности и обретать доверие у заинтересованных сторон, но и оценивать эффективность выдвигаемых ими социальных инициатив, которые должны интегрироваться в стратегию деятельности организаций по реализации основных аспектов КСО в виде обеспечения экологической устойчивости, этической практики, экономической ответственности при соблюдении трех основных принципов — устойчивости, подотчетности, прозрачности — и доводиться до сведения общественности в ходе своей деятельности.

Таким образом, согласно принципам КСО деятельность субъекта хозяйственной деятельности не ограничивается только получением прибыли, но и характеризуется стремлением к решению социальных, экологических и экономических проблем в рамках своих возможностей.

КСО подразумевает следующие виды ответственности:

- 1) экологическую — снижение негативного воздействия организации на окружающую среду, обеспечение рационального использования ресурсов и внедрения экологически чистых технологий;
- 2) социальную — поддержка местных сообществ, участие в благотворительных инициативах, соблюдение прав человека и создание безопасных условий труда для работников;
- 3) экономическую — этическое ведение бизнеса, прозрачность финансовых операций и соблюдение законодательства;
- 4) соблюдение этических стандартов — следование базовым этическим принципам: уважение прав и достоинств личности, честность, справедливость и уважительность в отношениях с клиентами, партнерами и сотрудниками.

КСО способствует повышению доверия со стороны потребителей, укреплению репутации организаций и созданию долгосрочной ценности как для бизнеса, так и для общества в целом.

Публичная нефинансовая отчетность — это информация о деятельности субъекта хозяйственной деятельности, которая доводится до сведения общественности и не связана напрямую с финансовыми показателями. Она может включать данные о социальной ответственности, экологических

инициативах, корпоративном управлении, соблюдении прав человека, условиях труда, влиянии на окружающую среду и других аспектах, касающихся обеспечения устойчивого развития общества.

Опубликование нефинансовой отчетности необходимо для достижения следующих целей:

1) обеспечение прозрачности и доверия между экономическими агентами и обществом ввиду того, что публичная нефинансовая отчетность помогает создавать доверие между организациями и заинтересованными сторонами (инвесторами, клиентами, сотрудниками, обществом); обеспечивать прозрачность деятельности организаций в решении вопросов социальной и экологической ответственности, способствуя формированию положительного имиджа объединения юридических или физических лиц для проведения совместной экономической (производственной, торговой, посреднической, финансовой, страховой) деятельности;

2) повышение социальной ответственности организации;

3) эффективное управление нефинансовыми рисками, например репутационными угрозами;

4) отражение в отчетности конкурентных преимуществ;

5) контроль за соблюдением нормативных требований к раскрытию нефинансовой информации;

6) обеспечение устойчивого развития организации исходя из того, что в состав публичной нефинансовой отчетности входит отчет об устойчивости развития, который демонстрирует, как субъект экономических отношений поддерживает глобальные инициативы по устойчивому развитию общества и помогает оценивать достижения в этой сфере [2].

Таким образом, публичная нефинансовая отчетность является важным инструментом оценки не только финансового состояния организации, но и его вклада в устойчивое развитие общества и защиту окружающей среды.

НОРМАТИВНАЯ ПРАВОВАЯ ОСНОВА ОТРАЖЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ В НЕФИНАНСОВОЙ ОТЧЕТНОСТИ

Распоряжением Правительства РФ от 05.05.2017 № 876-р утверждена Концепция развития публичной нефинансовой отчетности, к которой также относится отчет в части устойчивого развития (рис. 1).

Каждый этап реализации концепции развития публичной нефинансовой отчетности предполагает постепенное расширение перечня организаций, раскрывающих информацию об устойчивом развитии.

Банком России было выпущено информационное письмо от 12.07.2021 № ИН-06-28/49 «О рекомендациях по раскрытию публичными акционерными обществами нефинансовой информации, связанной с деятельностью таких обществ» (далее — Письмо № ИН-06-28/49).

Согласно данному документу в состав публичной нефинансовой отчетности входят сведения о стратегии (стратегии устойчивого развития) общества, о его корпоративном управлении, бизнес-модели, политиках и процедурах, результатах данных политик и процедур, основных рисках и возможностях, ключевых нефинансовых показателях эффективности, различных экологических, социальных аспектах деятельности и т. д.

Согласно Письму № ИН-06-28/49В информация, содержащаяся в нефинансовых отчетах, должна соответствовать принципам, представленным на рис. 2.

Особого внимания заслуживает принцип 5, согласно которому сопоставимость раскрываемой информации должна обеспечиваться не только в рамках деятельности одного общества, но и отчетностью разных экономических агентов [3].

Минэкономразвития России были разработаны и приняты в соответствии с приказом от 01.11.2023

Рис. 1 / Fig. 1. Этапы реализации концепции развития публичной нефинансовой отчетности / Stages of implementation of the concept of development of public non-financial reporting

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

	<i>Принцип 1</i> Объективное, сбалансированное и простое для восприятия представление информации		<i>Принцип 4</i> Ориентация при раскрытии нефинансовой информации на заинтересованных лиц
	<i>Принцип 2</i> Необходимый и достаточный объем раскрываемой информации		<i>Принцип 5</i> Последовательность и сопоставимость раскрываемой информации
	<i>Принцип 3</i> Ориентация раскрытия нефинансовой информации на будущее и стратегические цели		

Рис. 2 / Fig. 2. Принципы раскрытия информации в нефинансовой отчетности /
Principles of information disclosure in non-financial reporting

Источник / Source: составлено автором на основании Письма № ИН-06–28/49 / compiled by the author on the basis of Letter No. ИН–06–28/49.

№ 764 Методические рекомендации по подготовке и раскрытию информации об устойчивом развитии организаций, в рамках которых был предложен перечень показателей, отражающих результаты деятельности экономических агентов в области устойчивого развития, подразделенных на четыре группы:

- экономические;
- экологические;
- социальные;
- управленческие.

К экономическим показателям относятся 12 параметров, характеризующих основные итоги финансовой деятельности организации.

Экологических показателей в концепции всего 11, и они отражают объем потребления субъектом хозяйственной деятельности энергии и водных ресурсов, а также объем производимых отходов, т.е. уровень воздействия на окружающую среду.

Социальные показатели демонстрируют деятельность организации в части регулирования кадровых вопросов, а именно расходов на оплату труда, обучение и повышение квалификации работников, проведение различного рода мероприятий. Также в 11 показателей социальной сферы включены параметры, характеризующие

текучесть кадров и уровень производственного травматизма.

Управленческие показатели отражают степень вовлеченности организации в обеспечение устойчивого развития, уровень коррумпированности руководящего состава, долю женщин в руководстве организации и т.д.

При этом данный перечень показателей все еще остается рекомендованным, но необязательным для отчетности. Подобная ситуация не позволяет обеспечивать сопоставимость отчетности в части социальной ответственности между организациями [4].

АНАЛИЗ ОТЧЕТНОСТИ ПО СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ОТЧЕТАХ ПО УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ

Нефинансовые отчеты, в том числе в части отчетов об устойчивом развитии, публикуются как на официальных сайтах организаций, так и на сайте Российского союза промышленников и предпринимателей (далее — РСПП).

Одним из основных принципов составления корпоративной отчетности является ее сопоставимость как внутри самого субъекта хозяйствен-

Социальные показатели / Social indicators

№	Показатель / Indicator	Единица измерения / Unit of measurement	ПАО «Северсталь» / PJSC Severstal		Норникель / Norilsk Nickel		ПАО НЛМК / NLMK PJSC	
			2022	2023	2022	2023	2022	2023
Социальные показатели								
1	Расходы на оплату труда / Labor costs	млн руб.	67154	66777	224512	234869	–	52 000
2	Среднесписочная численность работников / Average number of employees	чел.	49836	46 113	78 400	80 600	44700	44 400,00
3	Средняя заработная плата / Average salary	тыс. руб.	109,30	117,3	182,50	184,10	95	100
4	Расходы на мероприятия по охране труда / Expenses for labor protection measures	млрд руб.	3,80	4,10	21,60	17,50	–	4,4
5	Расходы на организацию и проведение социальных, физкультурно-оздоровительных, медицинских мероприятий для работников и членов их семей / Expenses for organizing and conducting social, physical education, and medical events for employees and their family members	млн руб.	302,00	485	15 254	16 442	–	6 800,00
6	Численность пострадавших при несчастных случаях на производстве с утратой трудоспособности на 1 рабочий день и более и со смертельным исходом / The number of victims of industrial accidents with disability for 1 working day or more and with fatal outcome	чел.,%	230,00	172	71,00	83,00	98	90,00
	в том числе со смертельным исходом / including fatal accidents	–	1,00	0,00	4,00	5,00	–	–
7	Расходы на обучение работников / Employee training costs	млн руб.	–	274,0	1 447,00	1 277,00	–	944,4

Окончание таблицы / Table (continued)

№	Показатель / Indicator	Единица измерения / Unit of measurement	ПАО «Северсталь» / PJSC Severstal		Норникель / Norilsk Nickel		ПАО НЛМК / NLMK PJSC	
			2022	2023	2022	2023	2022	2023
Социальные показатели								
8	Среднее количество часов обучения в год на одного работника по группам занятий / Average number of hours of training per year per employee by class group	ед.	—	38,00	85,00	88,00	—	63,6
9	Доля работников, охваченных коллективным договором, в среднесписочной численности работников / The share of employees covered by the collective agreement in the average number of employees	%	—	81,60	94,40	94,00	100	100
10	Коэффициент текучести кадров / Staff turnover rate	%	5,60	5,70	10,50	11,40	—	—
11	Расходы на участие в поддержке социальных программ, не направленных на работников и членов их семей, всего / Expenses for participation in support of social programs not aimed at employees and their family members, total	млрд руб.	3,00	3,90	34,30	27,30	1,51	0,71

Источник / Source: составлено автором на основе: отчета в области устойчивого развития НЛМК 2023 год; отчета в области устойчивого развития Норникель 2023 год; отчета в области устойчивого развития ПАО «Северсталь» 2023 год / compiled by the author NLMK's Sustainability Report 2023. URL: <https://rspp.ru/upload/uf/7a9/bt08a800g8w9buueyr0mhyvae1094qlk/NLMK-Otchet-ob-ustoychivom-razviti-2023.pdf>; Norilsk Nickel Sustainability Report 2023. URL: https://rspp.ru/upload/uf/4e0/oyuye089924us2pnvs1fx2w4pbue0s7w/nn_cso_2023_rus_compressed.pdf; report on the sustainable development of PJSC Severstal 2023. URL: https://rspp.ru/upload/uf/11d/8lvjs930mnfk0sb7hvlkw86xph24fspu/Severstal_Sustainability_Report_2023.pdf.

ной деятельности, так и в рамках рассмотрения нескольких организаций [5–7]. Для анализа были выбраны крупные компании металлургической отрасли России (см. таблицу): ПАО «Северсталь», Норникель и Новолипецкий металлургический комбинат (далее — НЛМК). У всех этих компаний имеется конкурентная позиция, т.е. их конкурентное положение зависит от того, как ценность пре-

доставляемых продуктов и услуг соотносится с ценностью сопоставимых продуктов и услуг на рынках привлекательных отраслей.

Из 11 показателей социальной сферы 2023 г. сопоставимы 10 показателей трех компаний. Из показателей 2022 г. несопоставимы всего четыре показателя, что не позволяет оценивать динамику изменения показателей компаний.

Безусловно, наблюдается положительная динамика в части увеличения количества сопоставимых показателей, однако на данный момент все еще невозможно проведение качественного конкурентного анализа уровня социальной ответственности.

Несопоставимость корпоративной отчетности в сфере устойчивого развития значительно затрудняет проведение конкурентного анализа и вызывает ряд негативных последствий¹:

- невозможность точного определения конкурентных позиций (использование различных наборов показателей для раскрытия информации, что не позволяет провести прямое сравнение эффективности деятельности организаций в области социальной ответственности);

- искажение информации о рыночной ситуации (разнородные данные в отчетах создают ложное представление об усилиях организаций в сфере устойчивого развития, что может приводить к неверным результатам при анализе конкурентной среды и затруднять прогнозирование рыночных тенденций);

- сложность для инвесторов (инвесторы не могут оценивать риски, партнеры сталкиваются со сложностями при выборе надежных и устойчивых бизнес-партнеров, что снижает эффективность сотрудничества);

- запутанность в конкурентных стратегиях (из-за невозможности проведения качественного конкурентного анализа. В результате организация может столкнуться с трудностями в формировании стратегии развития).

Так, отчетность выбранных компаний в сфере социальной ответственности на данном этапе не позволяет проводить качественный конкурентный анализ и сравнивать результаты их деятельности за временной период.

МЕРЫ ПО ОТРАЖЕНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ОТЧЕТАХ ПО УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ

Из анализа нормативной правовой базы формирования корпоративной отчетности в сфере устойчивого развития можно сделать вывод о том, что на данный момент для российских

организаций отсутствует нормативный документ, обязующий формировать и публиковать перечень показателей, характеризующих их деятельность в области устойчивого развития.

Методические рекомендации Минэкономразвития России только формируют перечень рекомендуемых, но не обязательных для исполнения показателей для опубликования. При этом организации могут отмечать в отчетности их достижение в общих чертах, не отражая в числовом выражении, что также препятствует сопоставимости отчетности и проведению конкурентного анализа.

Безусловно, это не позволяет сопоставлять в полной мере деятельность организаций в сфере социальной ответственности.

В связи с этим главным направлением совершенствования корпоративной отчетности является закрепление в нормативных документах перечня показателей для обнародования в составе отчетности, что будет способствовать синхронизации отчетности организаций с международными стандартами для экспорта российской продукции на мировые рынки.

Целесообразно разработать национальный стандарт с закрепленным набором показателей, которые целесообразно сформировать на основе методических рекомендаций Минэкономразвития России в целях предотвращения перегруженности нормативной базы.

Функцию разработки национального стандарта о корпоративной отчетности в области устойчивого развития можно также возложить на Минэкономразвития России совместно с заинтересованными органами государственной власти.

Введение национального стандарта по корпоративной отчетности в сфере устойчивого развития (в том числе социальной ответственности) может существенно повысить эффективность управления устойчивым развитием в организациях и на уровне экономики в целом.

Помимо преимуществ введения стандартного перечня показателей для развития всей бизнес-среды, предложенная мера окажет положительное влияние на способность организаций привлекать инвесторов. Интерес последних к субъектам хозяйственной деятельности, раскрывающим в своей отчетности сведения о деятельности в области устойчивого развития, увеличивается.

Согласно данным опроса среди инвесторов из разных стран (Россия, США, Япония и т.д.) 78%

¹ Как корпоративная отчетность может восполнить пробел в доверии к ESG? URL: https://www.ey.com/ru_kz/insights/assurance/how-can-corporate-reporting-bridge-the-esg-trust-gap.

опрошенных считают отчетность в области устойчивого развития необходимым условием для выбора объекта инвестирования, 87% респондентов полагают, что организации зачастую прибегают к «зеленому пиару», когда акцент в продвижении делается на успехах организации в сфере защиты экологии, не раскрывая конкретные показатели в отчетности, а лишь описывая деятельность в общих чертах.

В соответствии с другим опросом инвесторов, проведенным в Казахстане, с каждым годом становится все больше инвесторов, учитывающих результаты деятельности организаций в сфере нефинансовой отчетности и устойчивого развития².

Национальный стандарт является необходимым условием для приведения корпоративной отчетности организаций в сфере устойчивого развития к единому образцу, что позволит обеспечивать сопоставимость данных как за разные периоды в рамках одной организации, так и между несколькими организациями.

Таким образом, введение национального стандарта по корпоративной отчетности в области устойчивого развития может приводить к значительным положительным изменениям как в отдельных организациях, так и на уровне экономики в целом.

² Пробел в исполнении ESG: что инвесторы думают об усилиях компаний по обеспечению устойчивого развития URL: <https://www.pwc.com/kz/ru/publications/global-investor-survey-2022.html>

ВЫВОДЫ

Устойчивое развитие организаций в парадигме современного общества имеет важное значение не только для них самих, но и является одним из государственных приоритетов.

Организации, демонстрирующие высокие стандарты устойчивого развития и уровень социальной ответственности, могут рассчитывать на более выгодные условия финансирования и доступа к капиталу.

В связи с этим на протяжении нескольких лет ведется работа по формированию системы подготовки и опубликования отчетности в сфере устойчивого развития. Однако на данный момент отчетность даже крупных компаний не может быть сопоставима на 100%.

Проблема несопоставимости отчетности публичных организаций в сфере социальной ответственности является серьезным вызовом для бизнеса и общества в целом.

На данный момент нет закрепленного обязательного для опубликования перечня показателей, характеризующих деятельность субъектов хозяйственной деятельности в сфере устойчивого развития.

Создание обязательного перечня показателей и национального стандарта для отчетов об устойчивом развитии играет ключевую роль в обеспечении современного подхода к устойчивому становлению общества. Это способствует повышению прозрачности, эффективности и ответственности организаций перед обществом, что в конечном счете положительно влияет на их долгосрочную устойчивость.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бугреева А. В. К вопросу о проблеме интеграции показателей устойчивого развития в систему стратегического государственного управления. В: Современные инновационные технологии и проблемы устойчивого развития в условиях цифровой экономики. Минск: ООО «Колорград»; 2023:394–396.
2. Доан Т. Л. Корпоративная отчетность как инструмент стратегической коммуникации к устойчивому развитию бизнеса. М.: Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова; 2021:14–18.
3. Кузьменко О. В., Чернышов Д. С., Задорожная К. Н. Конкурентный анализ как элемент стратегического управления. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2019;89(11–1).
4. Панкрухина А. М. Корпоративная социальная (нефинансовая) отчетность: теория и практика. *Хроноэкономика*. 2021;30(2):57–62.
5. Черский Б. В. Развитие корпоративной отчетности в России и за рубежом. В: Бухгалтерский учет, анализ, аудит и статистика: информационные инструменты достижения целей устойчивого развития экономики. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию Учетно-экономического факультета. Ростов-на-Дону: АзовПринт; 2023:93–96.
6. Булыга Р. П., Домбровская Е. Н., Малиновская Н. В. и др. Корпоративная отчетность ; под общ. ред. Р. П. Булыги. М.: Кнорус; 2024. 384 с.

7. Корпоративная отчетность: проблемы и перспективы. Монография. Малиновская Н. В., ред. М.: КноРус; 2021. 182 с.

REFERENCES

1. Bugreeva A. V. On the issue of the problem of integrating indicators of sustainable development into the system of strategic public administration. In: Modern innovative technologies and problems of sustainable development in the digital economy. Minsk: LLC "Kolorgrad"; 2023:394–396. (In Russ.).
2. Doan T. L. Corporate reporting as a strategic communication tool for sustainable business development. Moscow: Plekhanov Russian University of Economics; 2021:14–18. (In Russ.).
3. Kuzmenko O. V., Chernyshov D. S., Zadorozhnaya K. N. Competitive analysis as an element of strategic management. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal = International Scientific Research Journal*. 2019;89(11–1). (In Russ.).
4. Pankrukhina A. M. Corporate social (non-financial) reporting: Theory and practice. *Hronoehkonomika = Chronoeconomics*. 2021;30(2):57–62. (In Russ.).
5. Chersky B. V. Development of corporate reporting in Russia and abroad. In: Accounting, analysis, audit and statistics: Information tools for achieving the goals of sustainable economic development. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 70th anniversary of the Faculty of Accounting and Economics. Rostov-on-Don: AzovPrint; 2023:93–96. (In Russ.).
6. Bulyga R. P., Dombrovskaya E. N., Malinovskaya N. V. and others. Corporate reporting ; under the general editorship of R. P. Bulyga. Moscow: Knorus; 2024. 384 p. (In Russ.).
7. Corporate reporting: problems and prospects. The monograph. Malinovskaya N. V., ed. Moscow: KnoRus; 2021. 182 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Анастасия Викторовна Бугреева — координатор проекта, Агентство инноваций Москвы, Москва, Россия
Anastasia V. Bugreeva — Project Coordinator, Moscow Innovation Agency, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0009-0007-8130-9788>
an.bugreeva@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 11.01.2025; принята к публикации 14.03.2025.
The article was received 11.01.2025; accepted for publication 14.03.2025.
Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.
The author read and approved the final version of the manuscript.